

НАУЧНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НОМЕР 5 (137) 2026



www.theoreticaleconomy.ru



ISSN 2221-3260

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 74611 от 24 декабря 2018 г.

Учредитель журнала:

Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 1 раз в месяц

с 06.06.2017 года включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Майорова М.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Андреева Е.Л. (Екатеринбург, Россия)

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)

Альпидовская М.Л. (Москва, Россия)

Дяо Сюхуа (Далянь, КНР)

Ёлкину О. С. (Санкт-Петербург, Россия)

Карасева Л.А. (Тверь, Россия)

Кузнецов А.В. (Москва, Россия)

Ладислав Жак (Прага, Республика Чехия)

Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)

Новиков А.И. (Владимир, Россия)

Сапир Е.В. (Ярославль, Россия)

Симченко Н.А. (Санкт-Петербург, Россия)

Черная И.П. (Владивосток, Россия)

Шкиотов С.В. (Ярославль, Россия)

Юдина Т.Н. (Москва, Россия)

Научные консультанты журнала

Водомеров Н.К. (Курск, Россия)

Ответственный секретарь:

Маркин М.И. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-333

Телефон: +7(910) 665-08-12

Сайт: www.theoreticaleconomy.ru

e-mail: markinmi@ystu.ru

Содержание

Теоретическая экономика

№ 5 | 2026

www.theoreticaleconomy.ru

Рубрика главного редактора

- 4 Гордеев Валерий Александрович**
Теоретическая экономия: работаем по развитию концепции

Актуальные проблемы теоретической экономики

- 13 Лобова Елена Андреевна**
Факторы демонстративного потребления: теоретический анализ
- 30 Агашин Андрей Вячеславович**
Трансформация подходов к экономической политике в российской энергетике: от директивного к адаптивному индикативному планированию
- 46 Глушак Николай Владимирович**
Эволюция экономических систем в эпоху смены технологических укладов: от рыночного фундаментализма к интегральному платформенному порядку
- 61 Филипповский Максим Леонидович**
Прогноз технологической сингулярности экономической формации

Новая индустриализация: теоретико-экономический аспект

- 79 Кудрявцев Антон Андреевич, Фридман Михаил Феликсович**
Стратегия научно-технологического развития России: основные проблемы, преобладающие тенденции и инструменты реализации
- 95 Бобоев Муталибжон Ракибович; Скобликов Евгений Андреевич**
Экономическая безопасность и инвестиционная политика

Современные проблемы мировой экономики

- 110 Нгуен Ван Зуан**
Цифровой скачок: оценка структурной трансформации Вьетнама и ловушки «средних технологий» на этапе ускорения 2026 года
- 124 Каплина Ольга Вадимовна**
Оценка перспективности экспортных страновых рынков органоминеральных удобрений

Творчество молодых исследователей

- 141 Глебова Анна Геннадьевна, Илиев Мартин Беньяминович**
Финансовые инструменты поддержки малого и среднего бизнеса в России и в Китае
- 159 Переход Сергей Александрович, Минибаев Матвей Романович, Камардина Анастасия Игоревна**
Вклад первичных размещений акций в рост капитализации российского рынка акций
- 176 Щукина Алёна Игоревна, Моднов Сергей Иванович**
Экономическая эффективность внедрения блокчейн-технологий для учета профессиональных компетенций в условиях дополнительного профессионального образования
- 189 Шкиотов Сергей Владимирович, Неволina Софья Евгеньевна**
Взаимосвязь экономического роста и качества жизни населения: от механизма взаимовлияния к международному контексту

Научная жизнь

- 203** **Родина Галина Алексеевна**
Коррекция макроэкономического регулирования в свете устойчивого развития
- 217** **Зотова Елена Серафимовна**
Россия — 2026: технонейроцифровые перспективы цивилизации

Теоретическая экономика: работаем по развитию концепции



Гордеев Валерий Александрович 

доктор экономических наук, профессор

Главный редактор журнала «Теоретическая экономика» г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: vagordeev@rambler.ru

Аннотация. В рубрике главного редактора представлен обзор материалов 5-го (137-го) номера журнала «Теоретическая экономика» за 2026 год. Сообщается о включении в состав редакционной коллегии нового члена. Показано, что статьи номера развивают концепцию теоретической экономики через исследование институтов и мотивов потребительского поведения, трансформации государственного планирования, платформенного порядка и перспектив технологической сингулярности. В работах по новой индустриализации рассматриваются научно-технологическая стратегия России, взаимосвязь экономической безопасности и инвестиционной политики, а также эффективность первичного рынка корпоративных облигаций. Материалы по мировой экономике посвящены цифровой трансформации Вьетнама и методике выбора экспортных страновых рынков. В рубрике молодых исследователей анализируются финансовая поддержка малого и среднего бизнеса, вклад публичных размещений акций в капитализацию рынка, экономическая эффективность блокчейна в учёте компетенций и взаимосвязь экономического роста с качеством жизни. Завершающие публикации раскрывают проблемы макроэкономического регулирования в логике устойчивого развития и обсуждение технонейроцифровых перспектив цивилизации. Сделан вывод о том, что сквозными темами номера являются технологический суверенитет, качество институтов, роль государства, финансовая инфраструктура и превращение научно-технических изменений в реальное человеческое развитие.

Ключевые слова: теоретическая экономика, теоретические аспекты новой индустриализации, современные проблемы мировой экономики, творчество молодых исследователей, новый парадигмальный мейнстрим в социально-экономических исследованиях, дальнейшее развитие нашей концепции как нового мейнстрима, начиная второе 15-летие общения с читателями журнала

JEL codes: A13; A14

Для цитирования: Гордеев, В.А. Теоретическая экономика: работаем по развитию концепции / В.А. Гордеев. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2026 - № 5. - С.5-12. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.05.2026)

Здравствуйте, уважаемый читатель!

Прежде всего заметим, что, открыв этот номер, Вы обнаружите пополнение в составе нашей редакционной коллегии. В неё включена Андреева Елена Леонидовна — доктор экономических наук, профессор Российской академии наук, руководитель Центра региональных компаративных исследований Института экономики Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург). Её исследования лежат на пересечении регионоведения, мировой и прикладной экономики, внешнеэкономической деятельности, социальных наук и международных отношений. Мы рады этому сотрудничеству и рассчитываем, что научный опыт Елены Леонидовны обогатит проблематику журнала и укрепит его связи с исследовательским сообществом.

Предлагаем Вашему вниманию 5-й (137-й) номер журнала «Теоретическая экономика». Его материалы обращены к процессам, которые сегодня определяют направление хозяйственных преобразований. Авторы размышляют о меняющемся поведении человека, о новых способах государственного и рыночного регулирования, о технологическом суверенитете, финансовых механизмах развития и о том, насколько экономический рост способен улучшать жизнь общества.

Работы различаются масштабом и методами исследования, но их объединяет стремление увидеть за отдельным фактом устройство всей системы отношений, в которой этот факт возникает.

Именно такой взгляд соответствует развиваемой нами концепции теоретической экономики. Для неё важно не только зафиксировать появление новой технологии, финансового инструмента или формы потребления, но и понять, как они меняют интересы людей, распределение ресурсов, положение государства и бизнеса, содержание труда и ответственность за принимаемые решения. В статьях номера экономика предстаёт как сложная среда, где технологические возможности раскрываются лишь при наличии подходящих институтов, а формальная эффективность ещё не означает общественного прогресса.

Рубрика «Актуальные проблемы теоретической экономики» начинается статьёй Елены Андреевны Лобовой «Факторы демонстративного потребления: теоретический анализ». Феномен, описанный Торстейном Вебленом более столетия назад, сохраняет значение и в цифровую эпоху. Более того, социальные сети, платформы и современная индустрия образов сделали публичное предъявление потребления повседневной практикой. Автор рассматривает демонстративное поведение не как следствие одной причины, а как результат взаимодействия культурных норм, экономического положения, психологических мотивов, биологических предпосылок и информационной среды.

Такое понимание выводит исследование далеко за пределы обычного маркетингового анализа. Покупка статусного товара может быть связана с желанием войти в определённую группу, подтвердить достигнутое положение, компенсировать неуверенность или подражать образцу, созданному массовой культурой. Экономический выбор оказывается включённым в отношения признания и социального сравнения. Предложенная автором систематизация помогает лучше понять, почему рост доходов не всегда ведёт к рационализации потребления и почему демонстративные расходы способны усиливать долговую нагрузку и социальную напряжённость. Для теоретической экономики здесь особенно важно соединение хозяйственного поведения с культурой и устройством общества.

К проблеме координации крупной хозяйственной системы обращается Андрей Вячеславович Агашин в статье «Трансформация подходов к экономической политике в российской энергетике: от директивного к адаптивному индикативному планированию». История отечественного топливно-энергетического комплекса позволяет автору проследить путь от жёсткого директивного управления к современной совокупности государственных стратегий, корпоративных программ и договорных механизмов. Энергетика требует решений на десятилетия вперёд, тогда как внешняя среда меняется всё быстрее. Из-за этого однажды утверждённый план может утратить актуальность задолго до завершения инвестиционного цикла.

Выход автор видит в адаптивном индикативном планировании, которое сохраняет долгосрочные государственные ориентиры, но допускает регулярную корректировку средств их достижения. Подобная модель не отменяет самостоятельность предприятий и не подменяет рынок административным распределением. Она создаёт пространство согласования интересов, где отраслевые контракты, данные цифрового мониторинга, научные разработки и обновляемые балансы становятся основой решений. Статья напоминает, что планирование в современной экономике следует понимать не как наследие прошлого, а как способ уменьшения неопределённости в сферах, от которых зависит устойчивость всей страны.

Николай Владимирович Глушак в работе «Эволюция экономических систем в эпоху смены технологических укладов: от рыночного фундаментализма к интегральному платформенному порядку» исследует становление иной формы координации. Цифровая платформа уже не является только удобным посредником между продавцом и покупателем. Она задаёт правила доступа, направляет информационные потоки, влияет на цены и определяет видимость участников. Так возникает порядок, в котором рыночная сделка соединяется с корпоративной иерархией и

алгоритмическим управлением.

Платформы действительно сокращают расходы на поиск информации и заключение сделок, однако одновременно создают новую зависимость. Пользователь, предприниматель или работник вынужден принимать правила владельца инфраструктуры, а переход в другую экосистему может оказаться слишком дорогим. Контроль над данными и алгоритмами становится источником ренты и власти. Поэтому поддержка национальных платформ, необходимая для технологического суверенитета, должна сопровождаться защитой конкуренции и прав участников. Авторская постановка вопроса позволяет увидеть, что цифровизация меняет не только технику обмена, но и само распределение экономической власти.

Наиболее далёкий горизонт открывает статья Максима Леонидовича Филипповского «Прогноз технологической сингулярности экономической формации». Автор продолжает разработку общей теории экономической формации и пытается представить, как искусственный интеллект, роботизация, квантовые технологии и биоинженерия могут преобразовать привычные факторы производства. В его прогнозе современная цифровая экономика становится лишь переходной стадией к хозяйству, где сокращается значение традиционного труда, меняется природа капитала, а информация и созидательное сознание приобретают самостоятельную производительную роль.

Столь продолжительный прогноз неизбежно остаётся гипотетическим, и автор не скрывает ограниченности его эмпирической проверки. Но ценность работы определяется не точностью датировок. Она побуждает обсуждать судьбу собственности, занятости и распределения в условиях, когда машина получает способность выполнять всё более сложные интеллектуальные функции. Даже если отдельные сценарии окажутся нереализованными, поставленные вопросы уже относятся к настоящему. Общество должно заранее осмысливать, кому принадлежат результаты автоматизированного производства, как распределяется выигрыш от технологий и что станет основанием человеческой самореализации при сокращении потребности в труде.

Материалы этой рубрики показывают современную экономику в движении. Мотивы потребителя меняются под влиянием цифровой среды, государственное планирование ищет более гибкую форму, платформы превращаются в институты регулирования, а ускорение научно-технического прогресса ставит вопрос о границах самой хозяйственной формации. За внешне различными сюжетами обнаруживается общая проблема. Технология никогда не действует сама по себе, поскольку её общественный результат определяется правилами доступа, распределением власти и готовностью институтов отвечать на новые риски.

Эта мысль получает продолжение в рубрике «Новая индустриализация: теоретико-экономический аспект». Антон Андреевич Кудрявцев и Михаил Феликсович Фридман в статье «Стратегия научно-технологического развития России: основные проблемы, преобладающие тенденции и инструменты реализации» рассматривают переход к технологическому суверенитету через качество стратегического управления. В центре их внимания находится не декларация целей, а способность связать научные приоритеты с промышленной политикой, образованием, финансовыми ресурсами и ответственностью конкретных институтов.

Авторы справедливо подчёркивают, что импортозамещение само по себе ещё не создаёт самостоятельной технологической базы. Стране необходима система, в которой фундаментальные исследования получают продолжение в прикладных разработках, а те, в свою очередь, доходят до производства и рынка. Стратегические документы должны быть согласованы между собой и подкреплены измеримыми результатами, иначе провозглашённые приоритеты останутся разрозненными проектами. Работа переводит разговор о научно-технологическом прорыве из области общих пожеланий в область институционального проектирования.

В статье Муталибжона Ракибовича Бобоева и Евгения Андреевича Скобликова «Экономическая безопасность и инвестиционная политика» та же проблема рассматривается со стороны финансовых условий развития. Авторы связывают недостаток долгосрочных вложений

с высокой стоимостью заёмных средств, особенностями денежно-кредитного регулирования и устройством расчётно-платёжной системы. Предлагаемая ими концепция «Триединства» предполагает изменение распределения функций между финансовыми институтами и повышение прозрачности движения денежных потоков.

Не все элементы предложенной перестройки можно принять без дополнительной аргументации, однако сам вопрос поставлен верно. Технологическая модернизация невозможна там, где финансовая система умеет ограничивать риск, но не способна создавать доступный долгосрочный кредит для производственной сферы. Экономическая безопасность в таком понимании связана не с закрытостью, а с возможностью самостоятельно финансировать развитие, удерживать капитал в реальном секторе и направлять его на создание новых мощностей. Статья приглашает к дискуссии о том, насколько действующая финансовая архитектура соответствует задачам новой индустриализации.

В рубрике «Современные проблемы мировой экономики» Нгуен Ван Зуан представляет статью «Цифровой скачок: оценка структурной трансформации Вьетнама и ловушки “средних технологий” на этапе ускорения 2026 года». Вьетнам демонстрирует быстрый рост цифрового сектора, который поддерживается государственной политикой, общественной восприимчивостью к новым решениям и развитием высокотехнологичных производств. Вместе с тем успех распределён неравномерно. Сельские территории отстают от крупных центров, экономика испытывает дефицит квалифицированных кадров и сохраняет зависимость от зарубежных разработок.

Понятие «ловушки средних технологий» точно передаёт главный риск такой модели. Страна может успешно осваивать и масштабировать чужие решения, не переходя к созданию собственной интеллектуальной собственности. Тогда цифровой рост увеличивает производительность, но не обеспечивает полного суверенитета и сохраняет уязвимость перед внешними ограничениями. Автор связывает выход из этой ситуации с развитием национальной инновационной системы, подготовкой кадров и укреплением киберустойчивости. Вьетнамский опыт интересен для России как пример того, что быстрый цифровой подъём требует не только инфраструктуры, но и способности самостоятельно производить знания.

Ольга Вадимовна Каплина в статье «Оценка перспективности экспортных страновых рынков органоминеральных удобрений» исследует другую сторону международной экономики. Переориентация российских компаний на новые направления делает особенно важным обоснованный выбор страны для экспорта. Автор предлагает методику, которая сначала позволяет быстро исключить заведомо неподходящие рынки, а затем провести более глубокую оценку оставшихся вариантов с учётом спроса, конкуренции, условий входа и рисков.

Практическая направленность не уменьшает теоретического значения работы. Решение о внешней экспансии рассматривается как результат последовательного анализа, а не как реакция на отдельный привлекательный показатель. Методика создавалась с учётом потребностей действующих экспортёров и после адаптации может применяться к другим видам продукции. Она показывает, как идеи интернационализации предприятия превращаются в инструмент выбора, снижающий субъективность управленческого решения.

Обе публикации напоминают, что участие в мировой экономике приносит устойчивый результат лишь тогда, когда расширяет внутренние компетенции. Вьетнам стремится перейти от освоения чужих технологий к созданию собственных, а российский экспортёр ищет новые рынки в условиях изменения привычных связей. Успех в обоих случаях зависит от способности учиться, сопоставлять альтернативы и закреплять полученный опыт внутри национальной и корпоративной системы.

Рубрика «Творчество молодых исследователей» объединяет работы, в которых особенно заметен интерес к институтам доверия. Анна Геннадьевна Глебова и Мартин Беняминович Илиев в статье «Финансовые инструменты поддержки малого и среднего бизнеса в России и в Китае»

сопоставляют две модели доступа предпринимателей к капиталу. В России значительную роль играют льготное кредитование, субсидии и гарантии, но высокая стоимость денег усиливает долговую нагрузку. Китайская практика в большей степени опирается на согласованные действия банков, государственных институтов развития и цифровых финансовых платформ.

Сравнение показывает, что помощь малому бизнесу нельзя строить как набор несвязанных льгот. Предпринимателю нужна среда, где доступность капитала сочетается с удобной цифровой инфраструктурой, понятными требованиями и возможностью развивать дело без чрезмерного долга. Перенос зарубежных решений требует осторожности из-за различий в масштабах экономик и устройстве банковских систем, однако опыт Китая позволяет увидеть преимущества более тесной координации финансовой поддержки.

Сергей Александрович Переход, Матвей Романович Минибаев и Анастасия Игоревна Камардина в статье «Вклад первичных размещений акций в рост капитализации российского рынка акций» анализируют IPO и последующие публичные размещения за период с 2002 по 2025 год. Авторы оценивают не отдельные громкие сделки, а фактический вклад размещений в изменение совокупной капитализации рынка. Выясняется, что в отдельные годы этот вклад может быть заметным, но устойчивым источником роста он пока не стал.

Развитие рынка акций поэтому нельзя сводить к увеличению числа размещений. Компании должны видеть в публичном рынке надёжный источник долевого капитала, а инвесторы — доверять раскрываемой информации и защите своих прав. При отсутствии этих условий IPO остаётся эпизодом, а не механизмом финансирования модернизации. Исследование позволяет точнее оценить реальную роль первичного рынка и избежать завышенных ожиданий от отдельных успешных выходов компаний на биржу.

Алёна Игоревна Шуккина и Сергей Иванович Моднов в статье «Экономическая эффективность внедрения блокчейн-технологий для учёта профессиональных компетенций в условиях дополнительного профессионального образования» рассматривают цифровизацию через её стоимость и правовые риски. Авторы рассчитывают совокупные затраты на владение системой и ожидаемый возврат инвестиций, учитывая при этом неопределённость регулирования. Такой подход показывает, что техническая реализуемость проекта ещё не гарантирует его экономической оправданности.

Блокчейн способен упростить проверку документов, сделать сведения о компетенциях более надёжными и сократить расходы участников образовательного рынка. Но ожидаемый эффект зависит от признания цифровых записей, совместимости информационных систем и готовности работодателей пользоваться новыми подтверждениями квалификации. При неясных правилах срок окупаемости увеличивается, а перспективный проект превращается в источник дополнительных рисков. Работа убедительно показывает, насколько тесно результат цифровой инновации связан с качеством институциональной среды.

Сергей Владимирович Шкиотов и Софья Евгеньевна Неволina в статье «Взаимосвязь экономического роста и качества жизни населения: от механизма взаимовлияния к международному контексту» возвращают обсуждение к смыслу экономического развития. Рост производства создаёт ресурсы для здравоохранения, образования и общественной инфраструктуры, однако сам по себе не гарантирует улучшения жизни. Итог зависит от распределения доходов, социальной политики, качества институтов и экологических последствий хозяйственной деятельности.

Авторы подчёркивают и обратную зависимость. Здоровье, образование, доверие и накопленный человеческий капитал поддерживают долгосрочный рост, поэтому качество жизни нельзя рассматривать лишь как результат, возникающий после увеличения валового внутреннего продукта. Оно становится условием устойчивой экономики. Эта работа придаёт общественный масштаб исследованиям финансовых и цифровых механизмов, напоминая, что их эффективность в конечном счёте должна оцениваться по тому, расширяют ли они реальные возможности человека.

Молодые исследователи обратились к разным рынкам, однако во всех работах проявилась одна важная закономерность. Кредитор принимает решение на основании сведений о предпринимателе, инвестор оценивает компанию и её перспективы, работодатель доверяет подтверждению квалификации, а государство судит о развитии по экономическим и социальным показателям. Чем достовернее информация и устойчивее правила её использования, тем ниже издержки взаимодействия и тем больше возможностей для вложений, образования и предпринимательской инициативы.

В рубрике «Научная жизнь» опубликована статья Галины Алексеевны Родиной «Коррекция макроэкономического регулирования в свете устойчивого развития». Автор анализирует изменение приоритетов российской экономической политики с осени 2025 года по весну 2026 года. Наполнение бюджета, борьба с инфляцией и поддержка роста требуют решений, которые нередко вступают в противоречие друг с другом. Стремление сохранить сбалансированность может привести к чрезмерной осторожности, когда ограничение расходов и спроса начинает сдерживать обновление производственной базы.

Предлагаемый акцент на инвестициях и бюджетном импульсе продолжает дискуссию о финансовых условиях технологического развития. Устойчивость не равнозначна неподвижности и не может обеспечиваться одним сокращением рисков. Экономика сохраняет устойчивость тогда, когда способна обновлять структуру, создавать мощности и отвечать на внешние ограничения без отказа от долгосрочных целей. Именно поэтому макроэкономическое регулирование следует оценивать не только по текущим показателям, но и по его влиянию на будущие возможности роста.

Елена Серафимовна Зотова в обзоре «Россия — 2026: технонейроцифровые перспективы цивилизации» знакомит читателя с обсуждением, состоявшимся на секции международной научной конференции на экономическом факультете Московского государственного университета. Искусственный интеллект и цифровизация рассматривались там не только как факторы производительности. Участников интересовало их воздействие на мышление, образование, финансовое поведение и ответственность человека.

Особое значение имеет проблема передачи решения алгоритму. Удобство автоматизации нередко побуждает человека отказаться от самостоятельной оценки и тем самым размывает ответственность за последствия. Цифровые финансовые активы, роботизация, электронная торговля и новые образовательные модели требуют поэтому не только технических стандартов. Обществу необходимы правила, которые сохраняют контролируемость систем и человеческую способность понимать смысл принимаемого решения. Конференционный обзор закономерно завершает номер, поскольку возвращает все рассмотренные ранее сюжеты к вопросу о месте человека в меняющемся хозяйстве.

Материалы 5-го (137-го) номера показывают, что современное развитие невозможно описать простым противопоставлением государства и рынка, человека и машины, национальной самостоятельности и внешней открытости. Реальные процессы возникают в их взаимодействии. Планирование становится гибким и опирается на данные, рынок капитала нуждается в институтах доверия, цифровая платформа сочетает удобство с новой властью, а технологический суверенитет предполагает способность участвовать в международном обмене, не утрачивая собственных компетенций.

Не менее важен вопрос о критериях результата. Рост цифрового сектора, объёма кредита, биржевой капитализации или валового внутреннего продукта ещё не свидетельствует о качестве развития. За каждым показателем стоят распределение выгод и рисков, состояние человеческого капитала, возможность свободного выбора и способность общества сохранять контроль над создаваемыми им системами. Именно такое соединение экономической эффективности с общественным содержанием позволяет теоретической экономии выходить за пределы описания текущей конъюнктуры.

Надеемся, уважаемый читатель, что публикации нового номера помогут увидеть общую логику процессов, которые часто рассматриваются отдельно. Исследования потребления, планирования, цифровых платформ, инвестиций, внешних рынков и качества жизни в совокупности показывают, как хозяйственные изменения проходят через институты и отражаются на положении человека. Продолжение этой дискуссии мы считаем важным условием развития нашей концепции и приглашаем авторов и читателей к дальнейшему научному диалогу на страницах журнала.

Желаем Вам содержательного чтения!

С уважением,

В.А. Гордеев

Theoretical economy: working to develop the concept

Valery A. Gordeev

Doctor of Economics, Professor

Chief editor of the journal «Theoretical Economy», Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: vagordeev@rambler.ru

Abstract. The editor-in-chief's column discusses the materials of Issue 5 (137) of Theoretical Economy for 2026 and announces the appointment of Elena L. Andreeva to the journal's editorial board. The issue is presented through a common question concerning the institutions that can transform technological, financial and organizational change into sustainable economic development. The papers examine the social foundations of conspicuous consumption, the renewal of planning in the Russian energy sector, the emergence of the platform order and possible changes in the economic formation under the influence of advanced technologies. Considerable attention is paid to Russia's science and technology strategy, the financial conditions of new industrialization and the quality of capital markets. The world economy papers address Vietnam's digital transformation and the informed selection of export markets. Contributions by young researchers connect access to finance and trust in information and digital systems with entrepreneurship, education and quality of life. The final publications consider macroeconomic regulation and the prospects of artificial intelligence from the standpoint of long-term development and human responsibility.

Keywords: theoretical economy, theoretical aspects of the new industrialization, contemporary problems of the global economy, work of young researchers, new paradigmatic mainstream in socioeconomic research, further development of our concept as a new mainstream, beginning the second 15 years of communication with the journal's readers

Факторы демонстративного потребления: теоретический анализ

Лобова Елена Андреевна 

Старший преподаватель

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: lobova_ea@spbstu.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

факторы, предметы роскоши, демонстративное потребление, люксовые бренды, социальный статус, престиж

АННОТАЦИЯ

Демонстративное потребление как социально-экономический термин, введенный в научный оборот более века назад, на сегодняшний день не теряет своей остроты и актуальности. На фоне динамично развивающейся экономики, глубоких культурных трансформаций, научно-технологических вызовов данный феномен проявляет себя в новых формах и вызывает растущий интерес со стороны научного сообщества. Однако, несмотря на обширный массив накопленных исследований, посвященных отдельным аспектам демонстративного потребления, остается недостаточно изученной проблема взаимосвязи и взаимодействия факторов, определяющих данное поведение. Большинство работ, как отечественных, так и зарубежных, рассматривают влияние различных факторов изолированно, ограничиваясь узкой или специфичной выборкой, в то время как они образуют сложную взаимосвязанную систему. Целью представленного исследования является системный анализ ключевых факторов, влияющих на проявления демонстративного потребления в современном обществе, а также выявление комплексных взаимосвязей между социальными, экономическими, культурными и психологическими компонентами данного феномена. В рамках исследования поставлены следующие задачи: осуществить концептуальный обзор и уточнить содержание понятия «демонстративное потребление»; выявить, изучить и провести групповую классификацию (социокультурные, экономические, биологические, психологические, информационно-технологические) факторов, детерминирующих демонстративное потребление; исследовать взаимовлияние выявленных факторов с целью дальнейшего построения целостной модели мотивации к демонстративному потреблению. В качестве теоретико-методологической основы исследования послужили фундаментальные и современные научные труды отечественных и зарубежных исследователей. Практическая значимость результатов заключается в их использовании для различных сфер. Для бизнеса и маркетинга полученные выводы позволяют разработать новые стратегии привлечения новых и удержания старых клиентов. С точки зрения государственной социально-экономической политики данная работа позволяет разработать инструментарий для реализации мер, направленных на снижение социальной напряженности и создания практик рационального использования финансовых ресурсов населения.

JEL codes: B52; D11; E71

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-5-13-29>

Для цитирования: Лобова, Е.А. Факторы демонстративного потребления: теоретический анализ / Е.А. Лобова. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 5. – С.13-29. – URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.05.2026)

«Человек гламурного мышления есть существо, которое считает акты потребления достижением»

Ж. Бодрийяр

Введение

Появлению термина «демонстративное потребление» научная общественность обязана американскому экономисту и социологу Т. Веблену. В рамках данной категории Веблен рассматривает расточительные траты на предметы роскоши как средство поддержания репутации, доказательство

принадлежности к высшим социальным слоям [8]. Важной детерминантой стремительного развития феномена демонстративного потребления в XX в. стало укрепление экономических позиций среднего класса, который так же, как и традиционный праздный класс, стал активно использовать инструменты консьюмеризма в качестве маркера социальной стратификации [22].

Сегодня демонстративное потребление отличается от того, которое было описано Т. Вебленом: объем и структура этого потребления являются важнейшими индикаторами социально-экономического развития, которые отражают изменения, происходящие не только во всех сферах общественного воспроизводства, но и в общественных институтах. Потребительские расходы оказывают влияние на структуру экономики, состояние отраслевых рынков, динамику занятости населения и уровень инфляции [16]. По мере развития общества, экономики, технологий, науки меняются и факторы, оказывающие влияние на демонстративное потребление. Изучению этих факторов, а также их изменению, сопоставлению, взаимосвязи посвящено множество научных работ экономистов, психологов, социологов, антропологов, философов. Однако на сегодняшний день не существует единой классификации факторов демонстративного потребления, что и определяет актуальность текущего исследования.

Целью данной статьи является анализ социокультурных, экономических, биологических, психологических, информационно-технологических факторов демонстративного потребления индивидов.

Научная новизна статьи определяется реализацией комплексного междисциплинарного подхода к изучению феномена демонстративного потребления, в рамках которого впервые предпринята попытка синтеза социокультурных, экономических, биологических, психологических и информационно-технологических факторов как взаимосвязанных детерминант исследуемого явления. Данный подход позволяет преодолеть фрагментарность существующих в научной литературе теоретических моделей.

Методы

Данное исследование носит теоретико-аналитический характер и базируется на синтезе теоретических и методологических положений традиционного институционализма, неоклассической экономической теории и социологии потребления. Этот синтез позволяет глубже понять механизмы, движущие демонстративным потреблением, а также выявить закономерности, которые лежат в основе потребительского поведения различных социальных групп. Теоретическую основу статьи составили научные труды как отечественных, так и зарубежных ученых, посвященные проблемам демонстративного потребления. Особое внимание уделяется работам экономистов и социологов, которые анализируют влияние экономических и социальных факторов на потребительские практики. Важно отметить, что для достижения целостного представления о состоянии исследуемой проблемы необходимо учитывать разнообразие подходов и мнений, представленных в научной литературе. Помимо научной литературы, автором использованы материалы СМИ, содержащие актуальную информацию о практиках трансляции демонстративного потребления в современном социокультурном пространстве. Эти данные позволяют проиллюстрировать реальные примеры демонстративного потребления, а также выявить тренды и изменения в общественном восприятии предметов роскоши. Использование СМИ в качестве источника информации также подчеркивает значимость общественного мнения и публичного дискурса в формировании представлений о статусе и престиже. Методологическую основу статьи составили: эволюционный подход, позволяющий проследить изменения в потребительских практиках в ретроспективе, институциональный и кросс-культурный анализ, помогающие выявить различные аспекты демонстративного потребления в контексте разных обществ и культур, а также статистический метод обеспечивающий количественную оценку рассматриваемого явления. Такой комплексный методологический подход способствует более глубокому анализу и пониманию факторов, влияющих на демонстративное потребление.

Результаты и обсуждение

«Фактор» (лат. «делающий, производящий») – движущая сила, причина какого-либо процесса или явления¹. Факторы демонстративного потребления – это комплекс причин и мотивов, которые оказывают влияние на людей в их желании демонстрировать свое потребление. Таким образом, процесс потребления в целом и демонстративное потребление в частности подвержены влиянию ряда факторов.

Социокультурные факторы

Модели демонстративного потребления формируются преимущественно под влиянием социальной среды. В обществах с ярко выраженной социальной иерархией индивиды часто используют потребление как способ подчеркнуть свой статус, престиж, принадлежность к определенной референтной группе. Основным инструментом такой демонстрации выступают товары и услуги роскоши, которые становятся важным элементом социального взаимодействия. Так, в своей книге «Теория праздного класса» [8] Т. Веблен отмечал, что демонстративная праздность и демонстративное потребление служили для господствующего класса способом дистанцироваться от производительного класса. Выбор товаров определялся не их утилитарной функцией, а высокой стоимостью и престижностью.

Французский историк Э. де Варескьель, описывая роскошную жизнь знати как микрокосм [44], ясно обозначил историческую роль роскоши в поддержании разделения классов и структуры социальной иерархии [42, 45]. Устойчивое стремление потребителей к роскоши во многом обусловлено их потребностью в статусе, т.е. «уважении, восхищении и добровольном почтении <...>, оказываемом другими» [30]. Эта потребность определяет то, как люди выбирают, используют и расшифровывают сигналы, связанные с высоким статусом (будь то материальные объекты, опыт или знания), при этом роскошь может выступать как сигналом фактического положения человека (например, владение Ferrari как сигнал его успехов и заслуг), так и индикатором желаемого положения, которое индивид стремится достичь [55].

Желание обладать высоким социальным статусом безусловно стимулирует людей приобретать товары роскоши. Высшие социальные сословия, как правило, выступают в качестве ориентиров для подражания, в то время как низшие стремятся к повышению своего социального статуса через мимикрию этих ориентиров. Таким образом, индивид имплементирует определенные потребительские практики, принятые в какой-либо социальной группе, чтобы быть идентифицированным с ней. Придерживаясь образа жизни и паттернов поведения референтной социальной группы, индивид воспринимается представителями данной группы как ее член [2, с.80].

Кроме того, стоит отметить, что иногда потребление может выступать в качестве способа изменения или продвижения в рамках социальной мобильности, функционируя как некий «социальный лифт». В данном случае приобретение определенного рода благ (в частности, товаров роскоши) служит важным инструментом, позволяющим получить доступ к тем или иным привилегиям или ресурсам. Демонстративное потребление служит универсальным инструментом социальной мобильности. Однако в данной ситуации важно учитывать, что практика приобретения такого рода товаров сопряжена с серьезными финансовыми рисками (например, долговая зависимость).

Ключ к пониманию демонстративного потребления лежит в основе изучения влияния культурных и религиозных факторов. Как отмечает исследователь Аль-Мутау, именно культурные особенности определяют саму систему ценностей, нормы, идеалы, оказывая при этом огромное воздействие на поступки и стремления индивида. Для того чтобы вписаться в культурную группу, индивид должен следовать как формальным, так и неформальным культурным правилам, и традициям [16]. При этом именно потребление становится наполнением для фундаментального

¹ Портал «Русский язык как государственный» <https://rus-gos.spbu.ru/index.php/words/show/17223>

культурного кода, который в значительной мере определяет систему ценностей, эстетику и само поле интерпретаций культурного кода общества.

Исходя из вышеизложенного, можно трактовать потребление как «систему, которая обеспечивает порядок знаков и интеграцию группы; оно является, следовательно, одновременно моралью (системой идеологических ценностей) и системой коммуникации, структурой отношений» [5, с. 108]. При этом нельзя игнорировать динамику культурных изменений: глобализация и рост медиа-влияния трансформируют уже сложившиеся традиционные модели, способствуя формированию новых культурных кодов потребления. Следовательно, на фоне этих изменений возникает необходимость в переосмыслении и адаптации культурных норм. Свести разнообразие культурных аспектов различных стран к единообразию сложно, поэтому целесообразно воспользоваться одной из типологий культурных измерений, которая была предложена Г. Хофстеде [51]. В ее основе лежит разделение стран по принципу дихотомии «индивидуализм-коллективизм», что позволяет глубже понять, как эти аспекты влияют на демонстративное потребление.

Индивидуализм как признак культурных традиций типичен для западных государств, в которой общество ориентировано на самоопределение и стремление выделиться из общей массы. Считается, что именно индивидуалистические культуры способствуют самореализации их членов. Каждая личность рассматривается как обладающая индивидуальным набором талантов и возможностей. Актуализация этих возможностей рассматривается как высочайшая цель, которой человек должен посвятить свою жизнь. Стремление к самореализации обычно сопровождается субъективным чувством правоты и личностного самоощущения [12, с.80]. Для индивидуалистов важную роль играет функциональность товаров и их высокое качество, а также реализация гедонистических потребностей [41], что в свою очередь подчеркивает их приверженность к роскоши и высоким стандартам жизни. В этих условиях демонстративное потребление становится мощным инструментом, который подчеркивает уникальность, личные достижения и независимость, выступая не только формой самоидентификации, но и способом социального дифференцирования. Индивиды приобретают товары роскоши с целью выделиться, заявить о себе и стать или казаться «не такими как все». Это, в свою очередь, очень коррелирует с еще одной теорией известного американского экономиста Х. Лейбенштейна – «эффектом сноба» [62]. Примерами демонстративного потребления можно назвать такие аспекты, как разработка индивидуального бренда, следование модным тенденциям, активное использование социальных сетей и ведение личных аккаунтов. Эти примеры отражают стремление людей выделиться и утвердить свое особое положение через потребление определенных товаров и услуг, что ставит акцент на важности личностной идентичности в обществах, ориентированных на индивидуализм.

Коллективистские культуры, которые прочно укоренились на Востоке, напротив, характеризуются приоритетом социальной группы над индивидуумом, что существенно влияет на формы и мотивации демонстративного потребления [25]. В таких обществах потребительские практики часто направлены на укрепление социальных связей, соответствие ожиданиям сообщества и поддержание общих правил, в том числе и через потребительские практики. Демонстративное потребление в коллективистских культурах служит важным средством подтверждения социальной принадлежности и статуса внутри группы, а не выражением личной индивидуальности, что подчеркивает особую структуру социальных норм.

В коллективистских культурах, таких как Индия, Япония, Южная Корея, Китай, а также в отдельных странах Латинской Америки, наблюдается усиление внимания к установленным нормам, соответствиям культурным кодам и традициям. Это демонстрирует, как коллективные интересы и ценности располагаются на первом месте в рамках социальной динамики. Погоня за престижем как способ повысить свой статус в глазах окружающих – основной мотив демонстративного потребления в коллективистских восточных обществах [72].

Ярким примером влияния культуры на потребительские практики является проведение

свадебных церемоний, обязательным атрибутом которых является демонстрация масштабности по своему размаху и роскоши. Проведение роскошных празднований не всегда соответствует реальному материальному положению семей, однако в некоторых странах (например, Центральной Азии) такая практика является важной частью культуры и социальной коммуникации [16]. Подобные обряды не только служат выражением эстетических предпочтений, но и выполняют культурно-социальные функции, стимулируя взаимодействие и укрепление связей внутри сообщества.

Культура тесно связана с предпочтениями потребителей в отношении личностных ценностей, поскольку социальные требования являются общим компонентом потребительской психологии [61]. Культурные ценности формируют как индивидуальные, так и групповые убеждения, и паттерны поведения. Социальные институты, традиции, обычаи и религиозные нормы отражают лежащие в их основании ценности культуры, создавая таким образом контекст, в котором потребительские практики становятся неотъемлемой частью жизненного опыта.

Особую роль в формировании этих ценностей играют господствующие в обществе религиозные нормы. На протяжении всей истории человечества религиозные нормы во многом определяли этику ведения хозяйственной деятельности людей, оказывая тем самым значительное влияние на сферу потребления. Это влияние распространяется на все аспекты потребительского поведения, в том числе и на демонстративное потребление товаров роскоши и богатства [20].

Во всех религиозных системах четко прослеживается противоречие между богатством и бедностью, а также сформулированы определенные правила, предписывающие отношение к потреблению материальных благ. Например, часто акцентируется приоритет духовных благ над материальными, а также порицание посягательства на чужую собственность и нанесение ущерба другим ради собственного благополучия [14].

Христианские религии, такие как православие и католицизм, схожи в своих взглядах по отношению к проявлению роскоши и богатства, проповедуя умеренный, даже в некотором роде аскетичный образ жизни. К примеру, в православной церкви прослеживается очень трепетное и почтительное отношение к святым, которые выбрали путь монашества и отречения от благ мирских. Пример таких святых, как Сергей Радонежский, Нил Сорский, Антоний и Феодосий Печерские и др. ярко иллюстрирует эту концепцию. Идея о богоугодном образе бедняка и порочности богача является частью христианского вероучения, которая, как известно, упоминается в Евангелии: «...удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие»². Таким образом, церковь осуждает не только стремление к богатству и роскоши, но и демонстрацию подобного, что подчеркивает ее приверженность к высшим духовным ценностям. Покорный и смиренный образ жизни, проявляющийся как в материальном проявлении (например, скромное одеяние, простая еда), так и в духовном (стремление к познанию себя и очищению души, осуждение стяжательства, сребролюбия и т.д.), являются особенностью практически всех религиозных течений.

При этом, важно отметить, что отношение к роскоши переосмысливается и в какой-то мере оправдывается, когда речь заходит о соблюдении религиозных ритуалов. Так, позолота на куполах и иконах, резные орнаменты, богато украшенные иконостасы, обилие цветов, изысканные облачения священнослужителей – все это является неотъемлемым атрибутом величественного церковного убранства. Это отражает главный постулат: все лучшее – Богу и его служителям. Такое восприятие и использование роскоши, в свою очередь создает особую, сакрализованную форму демонстративного потребления. В данной концепции потребление становится не просто актом обладания, а способом усиления духовной связи и выражения преданности вере.

В исламе богатство не считается пороком, но при этом отношение к нему зависит от намерений человека. С одной стороны, богатство рассматривается как благо, если человек расходует его на добрые дела, с другой – как искушение, которое может привести к греху, если им распоряжаться неправильно. В священном писании мусульман, Коране, есть аяты, осуждающие богатство: «Горе

² Портал «Азбука веры» <https://azbyka.ru/biblia/?Mt.19:24>

всякому хулителю и обидчику, который копит состояние и подсчитывает его, думая, что богатство увековечит его. О нет! Он будет ввергнут в Огонь сокрушающий»³. Также есть предостережение: «Пусть не восхищают тебя их имущество и дети. Аллах желает только наказать их детьми и имуществом в мирской жизни, дабы они расстались со своими душами неверующими»⁴. Кроме того, распределение богатства также подчиняется правилам шариата. Первым и главным среди этих правил является признание прав других на это богатство, что вытекает из принципа неизменного притязания на собственность. В число этих правил входит обязательная благотворительность «закят», которая составляет 2,5 % от своих доходов, а также различные сборы, суммы которых оставлены на усмотрение владельца богатства. Все эти сборы выплачиваются, когда богатство превышает определенную минимальную сумму, называемую нисаб. После того, как эти обязательства выполнены, остаток богатства принадлежит владельцу [11]. Важно отметить, что при этом в исламе строго запрещено ростовщичество и использование кредитных продуктов с процентами, т.к. это считается получением необоснованной прибыли, без использования какого-либо труда. Таким образом, рассматривая все эти аспекты, можно сделать вывод, что ислам не выступает против стремления к богатству среди мусульман, но при этом требует от них соблюдения правил накопления и распределения этого богатства, обеспечивая тем самым гармонию между материальными и духовными ценностями.

В буддизме, как и в исламе, отсутствует прямой запрет на богатство. Ключевым принципом данной религии является Срединный путь, который основан на освобождении, пробуждении и просветлении души. Этот путь направлен на стремление к избавлению от всех мирских привязанностей, в том числе и материальных. При этом буддизм не поощряет нищету и крайнюю аскезу, подчеркивая, что на людях лежит ответственность за благосостояние их семьи и важность помощи нуждающимся. Богатство, согласно буддийскому учению, само по себе не является ни злом, ни добром: все завит от человека и его мотивов. Если основная цель его деятельности – «деятельность на благо всех живых существ». Обеспеченность, процветание людей уважаются и считаются оправданными. Это служит подтверждением благоприятной кармы человека [10]. В буддизме также считается, что необходимо быть щедрым по отношению к своим близким, а также оказывать финансовую поддержку не только им, но и буддийским храмам, монахам, бедным и нуждающимся. Соблюдая такие условия, обладание богатством, материальное благополучие и состоятельность не станут причиной для страданий и серьезной преградой для духовного роста. Кроме того, важно подчеркнуть, что подношение сангхе – это не единственный способ доказать праведность богатства [7]. Существует также своего рода косвенные дана – это религиозно окрашенное перераспределение материальных средств среди мирян, т.е. нечто вроде светской благотворительности. В основе этого распределения лежит представление о разделении заслуг с ближним. Отдавая часть того, что у тебя в избытке своим ближним, ты тоже показываешь свою «непривязанность» к благам [1].

Наравне с культурными и религиозными нормами мода утвердилась в качестве еще одного существенного фактора, формирующего практики демонстративного потребления [18]. О влиянии моды на потребление крупный специалист в области финансирования обувной промышленности К. Вентрудо сказал следующее: «Для того чтобы быть обутым, нужна одна или две пары обуви. Для того чтобы быть модным, требуется бесконечное количество пар» [17].

Мода часто выступает в роли визуализации статуса и определенного материального положения. С одной стороны, она позволяет индивидам испытывать чувство принадлежности и идентифицировать себя с определенным социальным классом; с другой – подчеркивает различия между различными социальными классами [15]. В тоже время мода способствует созданию коммуникативных структур общества потребления, поскольку ее целью является наделение товара особым значением, влияющим на формирование вкуса, стиля, всего того, что на конкретный момент

³ Портал «Коран онлайн» <https://quran-online.ru/104/saadi>

⁴ Портал «Коран онлайн» <https://quran-online.ru/9:55>

времени трактуется как престижное [4]. Важно подчеркнуть, что мода не является статичной; она быстро эволюционирует, отражая изменения в обществе и культуре. Мода связана с желанием приобретения статуса путем покупки и использования соответствующих товаров, распространяясь на все сферы социально-экономической деятельности человека и, прежде всего, на сферу потребления [15]. Важно подчеркнуть, что мода не является статичной; она быстро эволюционирует, отражая изменения в обществе и культуре.

Движущие силы демонстративного потребления разнообразны, однако часто обусловлены желанием потребителей соответствовать определенным требованиям для социального признания. Потребители приобретают предметы роскоши и демонстрируют их, чтобы сигнализировать о власти, статусе, успехе и престиже. Кроме того, демонстративное потребление наделяет предметы роскоши символическим значением, которое непосредственно связано с социальным восприятием. Приобретение этих предметов помогает людям продемонстрировать свой стиль и стремление к совершенству, отражая при этом эксклюзивность личности [28]. Однако такое потребление порождает ряд рисков, которые в конечном итоге связаны с обострением социальной стратификации. Часто представители менее обеспеченных социальных слоев в желании подражать более успешным и попытке «угнаться» за ними, приобретают товары роскоши. Это формирует для них некую психологическую зависимость, которая оборачивается финансовой и долговой нагрузкой, оказывая существенное влияние на их экономическое положение.

Экономические факторы

Потребительские привычки и решения во многом зависят от экономической ситуации как на микро, так и на макроуровне. Например, если люди ощущают экономическую стабильность, то они склонны брать на себя риски, заниматься предпринимательской деятельностью, инвестировать в долгосрочные проекты. Кроме того, экономический рост приводит к расширению доступа к инфраструктуре, технологиям и ресурсам, что существенно улучшает качество жизни в обществе. Стабильная экономическая ситуация, отсутствие страха и неуверенности в завтрашнем дне позволяет потребителям более уверенно тратить деньги, в том числе и на товары роскоши. Однако исследователи, занимающиеся изучением вопросов взаимосвязи между уровнем дохода и склонностью к приобретению товаров с целью демонстративного потребления, расходятся во мнениях. Ряд исследований доказывают, что демонстративное потребление и уровень ежемесячного личного дохода прямо пропорциональны, и что люди с высокой покупательной способностью более склонны к демонстративному потреблению [31, 33, 43, 53].

Другие ученые [60, 66], напротив приводят результаты исследований, доказывающих, что менее обеспеченные люди тратят большую часть своего дохода на высокостатусные товары и услуги, чем на нормальные товары и товары первой необходимости. Это происходит потому, что они больше подвержены влиянию феномена демонстративного потребления. При этом очень часто домохозяйства с меньшим доходом вынуждены использовать заемные средства для поддержания высокого уровня потребления по сравнению с домохозяйствами с большим доходов [38].

Доступность кредитных средств расширяет возможность приобретать желаемые товары и услуги, тем самым стимулируя явление, известное как «опережающее потребление» или потребление в долг [9]. Это приводит к тому, что возникает следующая тенденция: люди, которые не имеют реальной финансовой возможности потреблять товары роскоши, вынуждены приобретать их в погоне за эфемерным статусом, зачастую отказывая себе в потреблении базовых товаров и услуг, таких как еда, медицинское обслуживание, жилье.

При изучении мотивов, подталкивающих людей к приобретению престижных товаров в долг, ключевое значение имеют исследования французского социолога и философа Ж. Бодрийяра. В своих известных трудах «Общество потребления» [5] и «Система вещей» [6] он рассматривает социум, для которого кредит становится инструментом получения «материального условия счастья». Получая быстрый и легкий доступ к благам, общество, по мнению автора, еще больше погружается в систему

потребительства, которая, как он утверждает, не имеет предела насыщения. Ж. Бодрийяр приходит к выводам о том, что «общество потребления» направлено на поддержание классовых различий и системы социальных привилегий. Рост экономики, по мнению ученого, фактически создает структурную бедность, низший класс (исключенное меньшинство).

Важно отметить, что помимо потребительской ценности, предметы роскоши зачастую обладают высокой инвестиционной привлекательностью. Эта ценность формируется за счет ряда ключевых характеристик. Во-первых, роскошная вещь должна сохранять актуальность и быть востребованной на рынке в течении многих лет, что часто достигается путем использования эксклюзивных и дорогостоящих материалов. Более того, помимо своего «исторического лица», роскошная вещь должна иметь определенную концепцию, предлагать определенный образ жизни, причем такой, чтобы людям хотелось примерить его на себя.

По данным международной аналитической компании Knight Frank, наибольшей инвестиционной привлекательностью пользуются сумки Hermès, коллекционные вина и ретроавтомобили. В рейтинге за данными товарами следуют редкие часы, предметы искусства, антикварная мебель, цветные бриллианты, ювелирные украшения и автомобили⁵. Однако, несмотря на такую привлекательность, аналитики отмечают ряд существенных рисков для прямых инвестиций в такого рода товары. Как правило, это связано с низкой ликвидностью, т.к. продажа может затянуться, а затраты на содержание, хранение и страхование требуют существенных расходов. Кроме того, для большинства инвесторов более рациональной альтернативой, как правило, выступает вложение в акции публичных компаний – производителей предметов роскоши. Это позволяет получить косвенную причастность к рынку, избежав при этом проблем с ликвидностью и хранением. В любом случае, предметы роскоши целесообразно рассматривать не как основной актив, а как диверсификатор, который может значительно улучшить соотношение риска и доходности всего инвестиционного портфеля.

Биологические факторы

В рамках современной культуры потребления товары выступают мощным источником информации, позволяющим людям делать выводы о других. Демонстрация потребления товаров и услуг роскоши может служить средством сигнализации о качестве потенциального партнера. Как демонстрируют исследования, выбор партнера для продолжения рода часто сопряжен не только с ориентацией на сильные гены, которые необходимы для выживания потомства, но и способностью данного индивидуума к добыче средств существования [32, 34, 35]. На протяжении всей эволюции у женщин сформировалось предпочтение к мужчинам, которые могут обеспечить ее и потомство пищей, жильем и защитой [36, 46]. В свою очередь, отдельные исследования подтверждают, что мужчины также часто используют демонстративное потребление товаров роскоши в качестве инструмента в формировании собственного имиджа и поиска партнера [37, 39, 54].

Конкуренция между женщинами в контексте привлечения партнера дополнительно стимулирует их расходы на предметы роскоши. В этом контексте, предметы роскоши для женщин функционируют как сигналы, направленные не только на других женщин, которые могут представлять угрозу их романтическим отношениям [50], но и как сигналы для демонстрации высокого социального статуса в самом широком смысле: «я достойна этого» или «я могу себе это позволить» [27, с.52].

Кроме того, возраст как демографическая переменная также влияет на формирование принятия решений потребителями о покупке, в том числе и в рамках демонстративного потребления. Согласно исследованиям [21, 23, 24, 29, 70, 71], потребители старшего поколения, как правило, в большей степени отдают предпочтение функциональным свойствам товара, тогда как молодые потребители, наоборот, нуждаются в социальном одобрении в большей степени, чем потребители старшего возраста. Именно для этих целей они активно используют инструментальный демонстративного

потребления [24].

Взрослое поколение относится «спокойнее» к потреблению товаров роскоши, они менее подвержены импульсивности, спонтанности. Один из основных мотивов при выборе товаров роскоши у таких потребителей –выглядеть моложе, подчеркнуть свою уникальность, устоявшийся образ жизни [29]. Для потребителей старшего возраста интерес к люксовым брендам и роскоши связан с историей, ностальгией, преемственностью [49]. Молодые люди стремятся продемонстрировать свою уникальность, изысканность, модный образ жизни. Это желание становится особенно очевидным в условиях современного общества, где постоянное сравнение с окружающими и стремление выделиться становится частью их повседневной рутины. Для них демонстративное потребление выступает не только инструментом для удовлетворения материальных нужд, но и важным средством самовыражения, способом заявить о себе окружающим, показать, что они тоже «в тренде».

Психологические факторы

Психологические факторы оказывают существенное влияние на поведенческие мотивы покупателя [19]. Нередко, глубинные психологические проблемы индивида, связанные с ощущением одиночества, неуверенности в себе, заниженной самооценки, отчуждения от общества часто являются детерминантами демонстративного потребления.

Процесс приобретения товаров роскоши для значительной части потребителей часто становится источником положительных эмоций. Потребители, движимые острым желанием демонстрации своего высокого статуса, испытывают эйфорию и прилив уверенности при покупке товаров роскоши, что, в свою очередь, повышает самооценку и помогает побороть чувство неуверенности в себе с помощью внешнего одобрения. Подобное поведение часто коренится в компенсаторном мотиве – желании «спрятать» комплексы, неудачи и ощущение несостоятельности путем демонстрации яркой, насыщенной и роскошной жизни [19]. Это состояние часто сопровождается импульсивными решениями, игнорирующими финансовые последствия, поскольку эмоциональное возбуждение подавляет рациональный контроль [26].

Демонстративное потребление также связано с рядом серьезных психологических рисков и может способствовать развитию различных форм патологических зависимостей. Постоянное стремление к приобретению статусных символов приводит к хроническому стрессу и эмоциональному истощению и выгоранию. Индивиды, ориентированные на внешнюю оценку, испытывают давление, связанное с необходимостью поддержания иллюзии благополучия, что может вызывать тревожные расстройства и провоцировать депрессивные состояния. В конечном счете, неспособность удовлетворения постоянно возрастающих потребностей приводит к глубокому кризису самооценки, при котором личность начинает ассоциироваться исключительно с материальными атрибутами.

Недавние исследования выявили потенциально негативные последствия потребления и демонстрации предметов роскоши, переосмысливая роскошь как благо и зло [48]. Помимо того, что потребление роскоши ведет к повышению издержек, что ухудшает благосостояние индивидов, оно еще заставляет потребителей испытывать чувство вины, поскольку воспринимается как необоснованная привилегия [56]. Этот психологический эффект стирает границы, поскольку проявляется у людей с разным уровнем дохода, включая, в том числе, обеспеченных владельцев предметов роскоши. Чувство вины впоследствии заставляет таких людей испытывать внутреннее напряжение и вести себя менее уверенно в своем потреблении [65].

В настоящее время в современной психологии наблюдается повышенный интерес к исследованию демонстративного потребления товаров роскоши. Этот феномен анализируется не только с точки зрения, формы социально-экономических отношений, но и метода психологического взаимодействия на различные социальные группы.

Информационно-технологические факторы

Важнейшим фактором, влияющим на поведение потребителей, является информация. Под

информационно-технологическими факторами в данном контексте понимается огромный спектр цифровых платформ, в т.ч. электронной коммерции. Эти платформы предоставляют возможность пользователю стать обладателем не только товаров, имеющих физическую форму (например, покупка вещей через онлайн магазины), но и электронно-цифровых товаров (например, подписки на сайты, виртуальные игры и т.д.), которые становятся все более актуальными в повседневной жизни. Стоит отметить, что электронная коммерция предоставляет потребителям доступ к огромному объему информации, что, в свою очередь, может приводить к перегрузке когнитивные способности человека [57]. Для того чтобы отчасти снизить эту нагрузку, на помощь потребителю приходят различного рода рейтинги, которые играют значительную роль в формировании современного мира электронной коммерции. В последние несколько лет информация, создаваемая пользователями, в виде оценок, комментариев, тегов и социальных сетей стала очень распространенной [58, 59]. Таким образом, данная информация не только упрощает процесс выбора товаров, но и формирует общую картину репутации конкретных брендов.

Еще одной важной особенностью сетевых технологий является их глобальный характер. Сегодня пользователи сети по всему миру имеют возможность собирать и передавать информацию в любое время и в любом месте используя различные приложения, чаты, электронную почту и другие многочисленные формы киберкоммуникаций. Благодаря этому, экономические затраты на использование информации значительно снижаются, но при этом повышается эффективность ее использования, а также расширяется кругозор пользователей информации. Сокращение информационной асимметрии, которое стало возможным в результате устранения географических ограничений, заметно ускорило процесс глобальной информационной интеграции [73], при этом виртуальность сетевых технологий расширила как пространственный охват, так и временные границы практики, освободив людей от ограничений времени и пространства. Однако информационные технологии создали некий парадокс: с одной стороны, доступ к роскоши и к ее демонстрации стал проще и ближе, а с другой стороны, этот доступ обусловлен уровнем цифровой грамотности, осведомленности и способностью создавать качественный «стильный и уникальный» контент, который в свою очередь порождает новые формы социальной стратификации.

Сегодня СМИ, реклама и социальные сети стали главной площадкой для обмена информацией о товарах роскоши, практиках потребления и амбассадорах модных брендов. СМИ, реклама и социальные сети оказывают сильное влияние на людей и формируют их убеждения, взгляды и поведение. Исследования, проведенные в данной области, показали, что потребление медиаконтента очень сильно влияет на мышление людей, их суждения и стереотипы [21, 68, 40]. Медиаплатформы формируют общепринятые представления о красоте и успешности, мотивируя людей покупать вещи, которые воспринимаются как символы высокого статуса. Цифровые пространства способствуют появлению особых культурных знаков и языков, которые в итоге превращаются в объекты престижного потребления. Персонализированные алгоритмы массмедиа значительно усиливают избирательное восприятие информации, что еще больше закрепляет и развивает потребительские привычки. Кроме того, распространение информации через платформенные социальные медиа, как показали многочисленные исследования, дополнительно способствует возникновению эффекта толпы, провоцируя страхи товарного дефицита и подталкивая потребителей к паническим действиям [52, 67, 69].

С появлением социальных сетей возникла совершенно новая профессия – создатель контента. Социальные сети предоставляют заинтересованным людям уникальную возможность продемонстрировать свои навыки на различных каналах и страницах посредством письменного контента, такого как блогинг или видео, которые создаются в рамках влогинга. Такие каналы очень часто демонстрируют роскошный образ жизни и оказывают заметное влияние на целевую аудиторию, формируя образ идеального потребителя.

Кроме того, на решения клиентов о покупке товаров роскоши в большей степени влияют

известные личности, лидеры мнений, знаменитости, влиятельные лица в социальных сетях, так называемые инфлюенсеры. Эти люди ведут роскошный образ жизни, демонстрируя потребление люксовых и премиальных товаров, а также доступ к эксклюзивным ресурсам, что делает их авторитетными фигурами в глазах их подписчиков. Тем не менее, стоит отметить, что очень часто за всей этой картинкой гламурной жизни стоят компании-производители люксовых товаров и услуг, которые активно взаимодействуют с инфлюенсерами в рамках рекламных компаний продвижения своих продуктов. Таким образом, инфлюенсеры стали важными и успешными инструментами для установления контактов компаний с потенциальными клиентами, при этом важность влиятельных лиц в маркетинговой деятельности растет с каждым годом. Например, как указано в глобальном отчете о результатах влияния маркетинга за 2024 год, 85 % маркетологов считают такой способ продвижения эффективной формой маркетинга [47]. Инфлюенсеры используют различные платформы социальных сетей для создания постов, твитов, блогов и видеоблогов [64], что позволяет им охватывать широкую аудиторию. Согласно исследованиям, продукты, которые одобряют инфлюенсеры, вызывают больше доверия по сравнению с теми, которые поддерживают их конкуренты. В результате этого подписчики идеализируют инфлюенсеров и стремятся к приобретению одобренных ими товаров, чтобы подражать и поднять свой собственный социальный статус [63].

Символическое потребление в социальных сетях становится все более демонстративным и визуализированным, приобретая новые черты и выходя за рамки привилегированных сообществ, что придает ему массовый характер [13]. Потребность постоянно быть замеченным, одобренным и включенным в современное социокультурное пространство формирует новое мировоззрение успеха современного человека. В этой новой реальности личный статус и престиж определяются не только наличием материальных ценностей, но также способностью быстро адаптироваться в цифровом пространстве. Таким образом, можно сделать вывод о том, что современные технологии и социальные медиа не только меняют сам процесс потребления, но также формируют новые социальные нормы и ожидания, что в итоге требует от человека постоянного развития и самоусовершенствования для поддержания его статуса в обществе.

Заключение

Содержательное наполнение феномена демонстративного потребительского поведения тесно связано с актуализированным в последнее десятилетие в массовом сознании понятием «успешность». Стремление к ее символическому подтверждению с помощью различных инструментов и под влиянием различных факторов выступает ключевым мотивом, превращая стоимость товара в мерило социального статуса и престижа его владельца. В этом контексте товар начинает играть не практическую, а символическую роль, а его основное назначение уже определяется не его свойствами как продукта, а свойствами эфемерными в искусственно созданном пространстве общественного мнения. Товары и услуги выступают неким источником информации, позволяющим другим делать выводы о потребителе. В определенной степени потребители рассматривают товары как продолжение себя, приобретаемые не для выполнения функциональных задач, а для выражения своей идентичности и дополнения к образу жизни.

Необходимо подчеркнуть, что данная модель поведения нередко вступает в противоречие с рациональными стратегиями управления ресурсами, порождая феномен «статусных ловушек». В погоне за внешней атрибутикой индивидуумы могут пренебрегать долгосрочной финансовой устойчивостью, отдавая приоритет сиюминутному признанию в референтных группах. Подобная динамика свидетельствует о глубоком кризисе ценностных ориентаций, где внешнее одобрение оказывается весомее внутренней самореализации, что заставляет переосмыслить традиционные концепции человеческих потребностей.

С точки зрения социально-экономической перспективы, последствия укоренения демонстративных практик выходят далеко за рамки индивидуального выбора, оказывая

деструктивное влияние на модель устойчивого развития общества. Стимулирование избыточного спроса, направленного на поддержание эфемерного статуса, способствует эскалации экологической нагрузки и истощению ограниченных ресурсов планеты. В этой связи требуется междисциплинарное переосмысление роли потребления как не только экономической категории, но и как этического вызова современности, требующего формирования ответственных моделей поведения.

Подводя итоги анализа, с уверенностью можно сказать, что демонстративное потребление представляет собой сложный социально-экономический феномен, возникновение и развитие которого невозможно объяснить действием какого-либо одного фактора. Его природа носит системный и многофакторный характер, где ключевые детерминанты – социокультурные, экономические, биологические, психологические и информационно-технологические находятся в тесной взаимосвязи и постоянном взаимодействии. Они не просто взаимодействуют друг с другом, а образуют целостную систему, в которой каждый фактор усиливает и дополняет другие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаджанян А. С. (1993). Буддийский путь в XX веке: Религиозные ценности и современная история стран тхеравады. М.: Наука. Восточная литература.
2. Баранова А. В. (2011). Потребление как фактор социальной мобильности: возможности и ограничения // ЖССА. Т.14. № 5. С. 79—88. <https://elibrary.ru/item.asp?id=17440844>
3. Барсукова С. Ю. (2023). Отношение к традиционной свадьбе студентов из Средней Азии, обучающихся в Москве // Социологические исследования. № 5. С. 70—81. <https://doi.org/10.31857/S013216250021652-0>
4. Белинская Д. В., Задонская И.А. (2016). Влияние моды на демонстративное потребление студентов // Социально-гуманитарные знания. № 9. С. 237—249. <https://elibrary.ru/item.asp?id=26903415>
5. Бодрийяр Ж. (2006). Общество потребления: его мифы и структуры. М.: Республика: Культурная революция.
6. Бодрийяр Ж. (1999). Система вещей: пер. с фр. С. Зенкина. Москва: Рудомино.
7. Букрина А. А. (2019). Отношение к богатству и финансовой деятельности в буддизме. Пивоваровские чтения. Синтетическая парадигма: наука, философия, религиоведение: сборник материалов конференции, Екатеринбург. / Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Деловая книга».
8. Веблен Т.Б. (1984). Теория праздного класса: пер. с англ. С. Г. Сорокиной. Москва: Прогресс.
9. Верников А. В., Курышева А. А. (2021). Показное потребление в долг: на примере легковых автомобилей // Экономическая социология. Т.22. № 5. С. 11—38. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-5-11-39>
10. Джимбинов К. Д. (2025). Богатство и буддизм // Власть. Т. 33. № 4. С. 194—197. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-4-194-197>
11. Ибрагимов А. М. (2020). Понимание богатства с точки зрения ислама // StudNet. Т. 3. № 10. С. 46. <https://elibrary.ru/item.asp?id=43487716>
12. Лебедева Н. М., Татарко А. Н. (2009). Культура как фактор общественного прогресса. Москва: Юстицинформ.
13. Лисенкова А. А. (2029). Instagram как зеркало демонстративного потребления праздного класса // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. № 4(90). С. 80—86. <https://doi.org/10.24411/1997-0803-2019-10410>
14. Лобазова О. Ф., Кузнецов Ф. А. (2016). Бедность, богатство и справедливость в толковании различных религиозных учений // Система ценностей современного общества. № 45. С. 26—33. <https://elibrary.ru/item.asp?id=25802592>
15. Манчева И. К. (2021). Мода как детерминанта демонстративного потребления // Новое в экономической кибернетике. № 1. С. 228—237. <https://elibrary.ru/item.asp?id=46449577>
16. Опарина Н. А. (2014). Множественность факторов демонстративного потребления: эволюция исследований // Современные проблемы науки и образования. № 5. С. 435. <https://elibrary.ru/item.asp?id=22566826>
17. Пичурин И. И. (2017). Влияние глобализации на экономическое развитие. Монография. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ.
18. Попсуева А. А. (2013). Мода как социальный фактор демонстративного потребления в процессе общественного развития // Теория и практика общественного развития. № 1. С. 71—73. <https://elibrary.ru/item.asp?id=18425484>
19. Посыпанова О. С. (2012). Экономическая психология: психологические аспекты поведения потребителей. Калуга: ФБГОУ ВПО «Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского».
20. Пряжникова О. Н. (2015). Религиозный фактор и социально-экономическое развитие // Экономические и социальные проблемы России. № 1. С. 8—29. <https://elibrary.ru/item.asp?id=24237297>

21. Радаев В. В. (2023). Эмоционально нагруженное потребление в современной России. Часть вторая: эмпирические оценки особенностей, факторов и финансовых последствий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 17—34. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.6.2501>
22. Сапожникова В. С. (2011). Демонстративное потребление как негативный фактор современного общественного развития // Культура и цивилизация. Т. 11. № 1А. С. 219—227. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.41.80.003>
23. Смирнова О. С., Фассахова Т. А. (2024). Внешний облик как демонстративное потребление в юношеском возрасте // Инновационные научные исследования 2024: Сборник материалов LIV-ой международной очно-заочной научно-практической конференции. В 2-х томах. Москва: Научно-издательский центр «Империя». С. 99—101. <https://elibrary.ru/item.asp?id=75162871>
24. Стрижак А. Ю. (2024). Потребление доступной роскоши среди российских миллениалов // Журнал институциональных исследований. Т. 16. № 2. С. 86—99. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2024.16.2.086-099>
25. Стрижак А. Ю., Манчева И. К. (2022). Влияние социокультурных факторов на демонстративное потребление: теоретический анализ // Вестник Томского государственного университета. Экономика. № 58. С. 5—23. <https://doi.org/10.17223/19988648/58/1>
26. Фролова Д. Д., Александрова П. А., Кузнецова Е. С., Королев Т. Ю. (2020). Роль сознания и бессознательного в экономическом поведении индивида и организации // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. Т. 12. 3(37). С. 54—77. <https://elibrary.ru/item.asp?id=44008139>
27. Шайдакова Н. В. (2013). Гендерные аспекты психологии потребительского поведения: анализ женского «Демонстративного потребления» // Женщина в российском обществе. № 2 (67). С. 49—52. <https://elibrary.ru/item.asp?id=20209418>
28. Alwalid (2023). A Comparative Study of Conspicuous Consumption and Consumer Decision-making Styles among Turkish Consumers. International Journal for Multidisciplinary Research, Vol. 5, No. 4, pp. 73. <https://doi.org/10.36948/ijfmr.2023.v05i04.5425>
29. Amatulli C., Guido G., Natarajan R. (2015). Luxury purchasing among older consumers: exploring inferences about cognitive age, status, and style motivations. Journal of Business Research, Vol. 68, No. 9, pp. 1945—1952. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2015.01.004>
30. Anderson C., Hildreth J.A.D., Howland L. (2015). Is the desire for status a fundamental human motive? A review of the empirical literature. Psychological Bulletin, Vol. 141, No. 3, pp. 574—601. <https://doi.org/10.1037/a0038781>
31. Bashar A., Ahmad I., Wasiq M. (2013). A Study of Influence of Demographic Factors on Consumer Impulse Buying Behavior. Journal of Management Research, Vol. 13, No. 3, pp. 145-154.
32. Bjorklund D., Shackelford T. (1999). Differences in Parental Investment Contribute to Important Differences Between Men and Women. Current Directions in Psychological Science. CURR DIRECTIONS PSYCHOL SCI, Vol. 8, No. 3, pp. 86-89. <https://doi.org/10.1111/1467-8721.00020>
33. Boğa Ö., Başcı A. (2016). Ağızdan Ağıza Pazarlamanın Gösterişçi Tüketim Üzerine Etkisi. Marmara Üniversitesi Öneri Dergisi, Vol. 12, No. 45, pp. 463—489. <https://doi.org/10.14783/od.v12i45.1000020022>
34. Brase G. L. (2006). Cues of Parental Investment as a Factor in Attractiveness. Evolution and Human Behavior, Vol. 27, pp. 145-57. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2005.06.003>
35. Buss D. M., Schmitt D. P. (1993). Sexual Strategies Theory: An evolutionary perspective on human mating. Psychological Review, Vol. 100, No. 2, pp. 204—232. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.100.2.204>
36. Buss D. M. (1989). Sex Differences in Human Mate Preferences: Evolutionary Hypotheses Tested in 37 Cultures. Behavioral and Brain Sciences, Vol. 12, No. 01, pp. 1—14. <https://doi.org/10.1017/S0140525X00023992>
37. Buss D. M. (1988). From vigilance to violence. Ethology and Sociobiology, Vol. 9, No. 5, pp. 291—

317. [https://doi.org/10.1016/0162-3095\(88\)90010-6](https://doi.org/10.1016/0162-3095(88)90010-6)

38. Christen M., Morgan R. M. (2005). Keeping up with the Joneses: An Analysis of the Impact of Income Inequality on Consumer Lending. *Quantitative Marketing and Economics*, Vol. 3, No. 2, pp. 145–173. <https://doi.org/10.1007/s11129-005-0351-1>

39. Colarelli S., Dettmann J. (2003). Intuitive Evolutionary Perspectives in Marketing Practices. *Psychology and Marketing*, Vol. 20, No. 9, pp. 837–865. <https://doi.org/10.1002/mar.10099>

40. Dinh T. C. T, Lee Y. (2024). Social media influencers and followers' conspicuous consumption: The mediation of fear of missing out and materialism. *Heliyon*, Vol 10, No. 16, pp. e36387. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e36387>

41. Donthu N., Yoo B. (1998). Cultural influences on service quality expectations. *Journal of Service Research*, Vol. 1, No. 2, pp. 178–186. <https://doi.org/10.1177/109467059800100207>

42. Dubois D. (2020). Fulfilling social needs through luxury consumption. In: Felicitas M., Keith W., Sandor C. (ed.). *Handbook on Luxury Branding*. Edward Elgar Publishing, pp.75–91.

43. Dubois B., Duquesne P. (1993). The Market for Luxury Goods: Income versus Culture. *European Journal of Marketing*. Vol. 27, No. 1, pp. 35–44. <https://doi.org/10.1108/03090569310024530>

44. Dubois D., Jung, S., Ordabayeva N. (2021). The psychology of luxury consumption. *Current Opinion in Psychology*, Vol. 39, pp. 82–87. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.07.011>

45. Dubois D., Ordabayeva N. (2015). Social hierarchy, social status, and status consumption. In: M. I. Norton, D. D. Rucker, C. Lamberton (ed.). *The Cambridge Handbook of Consumer Psychology*. Cambridge University, pp. 332–367.

46. Geary D.C. (2000). Evolution and Proximate Expression of Human Paternal Investment. *Psychological Bulletin*, Vol. 126, No. 1, pp.55–77. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.126.1.55>

47. Peng C. (2023) Influencer Marketing: Statistics and Skepticism. *Open Journal of Business and Management*, Vol. 11, No. 2, pp. 744–754. <https://doi.org/10.4236/ojbm.2023.112040>

48. Goor D., Ordabayeva N., Keinan A., Crener S. (2020). The Impostor Syndrome from Luxury Consumption. *Journal of Consumer Research*, Vol. 46, No. 6, pp.1031–1051. <https://doi.org/10.1093/jcr/ucz044>

49. Halwani L. (2020). Heritage luxury brands: insight into consumer motivations across different age groups. *Qualitative Market Research: An International Journal*, May 20. https://www.academia.edu/144964592/Heritage_luxury_brands_insight_into_consumer_motivations_across_different_age_groups

50. Hammerl M., Kradschignig C. (2018). Conspicuous Consumption (Marketing and Economics). In: Shackelford, T., Weekes-Shackelford, V. (eds). *Encyclopedia of Evolutionary Psychological Science*. Springer, Cham, pp. 1–4.

51. Hofstede G. (1983). The Cultural Relativity of Organizational Practices and Theories. *Journal of International Business Studies*, Vol. 14, No. 2, pp. 75–89. <https://doi.org/10.1057/palgrave.jibs.8490867>

52. Huan C., Park S., Kang J. (2021). Panic Buying: Modeling What Drives it and How it Deteriorates Emotional Well-Being. *Family and Consumer Sciences Research Journal*, Vol. 50, No. 2, pp. 150–164. <https://doi.org/10.1111/fcsr.12421>

53. İbrahim H. E. (2019). The impact of conspicuous consumption in social media on purchasing intentions. *Journal of Business Research – Turk*, Vol. 11, No. 3, pp. 2176–2190. <https://doi.org/10.20491/isarder.2019.732/>

54. Janssens K., Pandelaere M. Bram V. D .B., Millet K., Lens I., Roe K. (2011). Can buy me love: Mate attraction goals lead to perceptual readiness for status products. *Journal of Experimental Social Psychology*, Vol. 47, No. 1, pp. 254–258. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2010.08.009>

55. Kapferer J.-N., Bastien V. (2009). The specificity of luxury management: Turning marketing upside down. *Journal of Brand Management*, Vol. 16, No. 5-6, pp. 311–322. <https://doi.org/10.1057/bm.2008.51>

56. Kapferer J.-N., Valette-Florence Pi. 2021. Assessing levers of guilt in luxury consumption: an international perspective. *Journal of Product & Brand Management*. 31 (3): 351–367. <https://doi.org/10.1108/>

JPBM-11-2020-3239.

57. Kautish P., Mehmood K., Suhail A., Thaichon P. (2025). Unveiling the impact of technology-driven factors on conspicuous consumption: a time-lagged investigation. *Current Psychology*, Vol. 44, No. 8, pp. 6936—6951. <https://doi.org/10.1007/s12144-025-07549-w>

58. Kautish P., Rai S.K. (2019). Fashion portals and Indian consumers: An exploratory study on online apparel retail marketing. *International Journal of Electronic Marketing and Retailing*, Vol. 10. No. 3, pp. 309—331 <https://doi.org/10.1504/IJEMR.2019.1007066>

59. Komiak S. Y. X., Benbasat I. (2006). The effects of personalization and familiarity on trust and adoption of recommendation agents. *MIS Quarterly*, Vol. 30, No. 4, pp. 941—960. <https://doi.org/10.2307/25148760>

60. Landis B., Gladstone J. (2017). Personality, Income, and Compensatory Consumption: Low-Income Extraverts Spend More on Status. *Psychological Science*, Vol. 28, No. 10, pp. 1518—1520. <https://doi.org/10.1177/0956797617714811>

61. Le N. T. C., Quy V. T. (2020). Personal values of luxury services consumption: a confucian culture perspective. *Journal of International Consumer Marketing*, Vol. 32, No. 6, pp. 1—13. <https://doi.org/10.1080/08961530.2020.1712292>

62. Leibenstein H. (1950). Bandwagon, Snob And Veblen Effect In The Theory Of Consumers Demand. *The Quarterly Journal of Economics*, Vol. 64, No. 2, pp. 183—207. <https://doi.org/10.2307/1882692>

63. Liu S., Jiang C., Lin Z., Ding Y., Duan R., Xu Z. (2015). Identifying effective influencers based on trust for electronic word-of-mouth marketing: a domain-aware approach, *Information Sciences*, Vol. 306, pp. 34—52 <https://doi.org/10.1016/j.ins.2015.01.034>

64. Lou C., Kim H. K. (2019). Fancying the new rich and famous? Explicating the roles of influencer content, credibility, and parental mediation in adolescents' parasocial relationship, materialism, and purchase intentions, *Front. Psychol*, Vol. 10, pp. 25—67. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02567>

65. McFerran B., Aquino K., Tracy J. L. (2014). Evidence for two facets of pride in consumption: Findings from luxury brands. *J Consum Psychol*, Vol. 24, No. 4, pp. 455—471. <https://doi.org/10.1016/j.jcps.2014.03.004>

66. Moav O., Neeman Z. (2012). Saving rates and poverty: the role of conspicuous consumption and human capital. *The Economic Journal*, Vol. 122, No. 563, pp. 933—956. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2012.02516.x>

67. Naeem M., Ozuem W. (2021). Customers' Social Interactions and Panic Buying Behavior: Insights from Social Media Practices. *Journal of Consumer Behavior*, Vol. 20, No. 1, pp. 1191—1203. <https://doi.org/10.1002/cb.1925>

68. Prentice C., Quach S., Thaichon P. (2022). Antecedents and Consequences of Panic Buying: The Case of COVID-19. *International Journal of Consumer Studies*, Vol. 46, No. 1, pp. 132—146. <https://doi.org/10.1111/ijcs.12649>

69. Sabuncuoğlu İ.A. (2015). Sosyal Medyanın Bir Gösteriş Tüketimi Mecrası Olarak Kullanımı. *Sakarya Baskı: Burak Ofset*.

70. Sharda N., Bhat A. (2019). Role of consumer vanity and the mediating effect of brand consciousness in luxury consumption. *The Journal of Product and Brand Management*, Vol. 28, No. 7, pp. 800—811. <https://doi.org/10.1108/JPBM-09-2017-1564>

71. Shahid, S., Islam, J., Farooqi, R., Thomas, G. (2023). Affordable luxury consumption: an emerging market's perspective. *International Journal of Emerging Markets*, Vol. 18, No. 2, pp. 316—336. <https://doi.org/10.1108/IJOEM-01-2021-0144>

72. Shukla P. (2011). Impact of interpersonal influences, brand origin and brand image on luxury purchase intentions: Measuring interfunctional interactions and a cross-national comparison. *Journal of World Business*, Vol. 46, No. 2, pp. 242—252. <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2010.11.002>

73. Yang Y. (2022) Digital Economy Promoting High Quality Development: Efficiency Improvement and Consumption Promotion. *Journal of Shanghai University of Finance and Economics*, Vol. 24, No. 01, pp. 48—60. <https://doi.org/10.16538/j.cnki.jsufe.2022.01.004>

Factors of conspicuous consumption: a theoretical analysis

Lobova Elena Andreevna

Senior Lecturer

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: lobova_ea@spbstu.ru

KEYWORDS

factors, luxury goods,
conspicuous consumption,
luxury brands, social status,
prestige

ABSTRACT

Conspicuous consumption, a socio-economic term introduced into scientific discourse over a century ago, remains a highly relevant and pressing issue today. Amidst a dynamically evolving economy, profound cultural transformations, and scientific-technological challenges, this phenomenon manifests in new forms and generates growing interest within the scientific community. However, despite an extensive body of accumulated research dedicated to specific aspects of conspicuous consumption, the problem of the interconnection and interaction of factors determining this behavior remains insufficiently studied. Most works, both domestic and foreign, examine the influence of various factors in isolation, often limiting themselves to narrow or specific samples, whereas these factors constitute a complex, interconnected system. The objective of this study is to conduct a systemic analysis of the key factors influencing manifestations of conspicuous consumption in modern society, as well as to identify comprehensive interrelationships between the social, economic, cultural, and psychological components of this phenomenon. Within the framework of the study, the following tasks are set: to perform a conceptual overview and clarify the content of the concept of «conspicuous consumption»; to identify, study, and conduct a group classification (socio-cultural, economic, biological, psychological, information-technological) of factors determining conspicuous consumption; to investigate the mutual influence of the identified factors with the aim of further constructing a holistic model of motivation for conspicuous consumption. The theoretical and methodological basis of the research comprises the fundamental scientific works by domestic and foreign researchers. The practical significance of the obtained results lies in their potential application across various fields. For business and marketing, the findings allow for the development of new strategies to attract new clients and retain existing ones. From the perspective of state socio-economic policy, this work facilitates the development of tools for crafting measures aimed at reducing social tension and creating tangible practices in the context of the rational use of the population's financial resources.

Трансформация подходов к экономической политике в российской энергетике: от директивного к адаптивному индикативному планированию

Агашин Андрей Вячеславович 

Аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: smashk379@gmail.com

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

индикативное планирование, директивное планирование, энергетическая политика, ГОЭЛРО, энергетический переход, адаптивное управление, технологический суверенитет, отраслевой контракт, энергетическая стратегия, топливно-энергетический баланс

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу эволюции подходов к государственному планированию в российской энергетике. В последние десятилетия энергетический сектор столкнулся с беспрецедентными вызовами: геополитическая нестабильность, ускорение энергетического перехода и императив достижения технологического суверенитета коренным образом меняют требования к системам управления. Автор рассматривает теоретические основы индикативного планирования, заложенные Р. Фришом и Я. Тинбергеном, исследует успешные зарубежные практики (Франция, Япония, Дания), а также показывает, как на протяжении столетия менялись подходы к управлению отечественным ТЭК – от директивного плана ГОЭЛРО до современной контрактно-децентрализованной модели. При этом автор выявляет основные недостатки действующего механизма: его статичность, фрагментарность, ведомственную закрытость и зависимость от корпоративных планов крупного бизнеса, что особенно ярко проявляется при анализе Энергетической стратегии РФ до 2050 года. Цель данной статьи – обосновать необходимость формирования механизма адаптивного индикативного планирования в российской энергетике. На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что экстенсивная модель развития и статичное планирование исчерпали свой потенциал. Современные вызовы требуют перехода к динамичной системе, предполагающей непрерывный мониторинг на базе цифровых платформ и квантовых вычислений, а также систему отраслевых контрактов нового типа, ориентированных на долгосрочные НИОКР. Новизна исследования заключается в попытке рассмотрения эволюции планирования в российском ТЭК через призму перехода от статичной контрактной модели к адаптивной индикативной системе. Таким образом, данная работа направлена на всестороннее исследование потенциала адаптивного планирования, что позволяет обозначить пути совершенствования управления отраслью в целях достижения национальных стратегических приоритетов.

JEL codes: O21, Q48, P21

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-5-30-45>

Для цитирования: Агашин, А.В. Трансформация подходов к экономической политике в российской энергетике: от директивного к адаптивному индикативному планированию / А.В. Агашин. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 5. – С.30-45. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.05.2026)

Введение

Планирование играет ключевую роль в экономической политике, выступая механизмом снижения неопределенности для хозяйствующих субъектов и обеспечивая координацию их ожиданий в условиях структурных преобразований [33]. Особое значение планирование приобретает в энергетическом секторе, где необходимость технологической модернизации и технологического развития занимают первостепенную роль для достижения энергетической

суверенности и технологического лидерства в энергетике, а также достижения поставленных целей и задач, стимулирующих экономических агентов к осуществлению инноваций и повышению благосостояния нации [11, 12, 16].

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. В теоретическом плане наблюдается потребность в переосмыслении роли государства в управлении энергетическим переходом. Классические модели индикативного планирования, разработанные Р. Фришем, Я. Тинбергеном и успешно реализованные в послевоенных Франции и Японии, сталкиваются с новыми реалиями: глобальной нестабильностью, ускорением технологических изменений и необходимостью обеспечения не просто экономического роста, а технологического суверенитета. Существующий пробел в литературе заключается в отсутствии комплексных исследований, связывающих эволюцию планирования от советской директивной модели к современным российским формам и обосновывающих критерии перехода к принципиально новому, адаптивному типу индикативного планирования.

С практической точки зрения актуальность продиктована текущей ситуацией в российском ТЭК. Действующая Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года, основанная на сценарном подходе, не содержит эффективно действующего механизма адаптации к экзогенным шокам. В условиях, когда неопределенность становится экзогенным параметром [22], а зависимость от импорта критически важного оборудования достигает 80% [2], статичное планирование, агрегирующее корпоративные планы крупного бизнеса, не способно обеспечить достижение технологического лидерства и максимизацию функции национального благосостояния.

Целью данного исследования является обоснование необходимости трансформации существующего механизма планирования в российской энергетике — от статичной контрактно-децентрализованной модели к системе адаптивного индикативного планирования, способной гибко реагировать на изменения внешней среды и обеспечивать реализацию долгосрочных стратегических приоритетов.

Научная новизна исследования заключается в том, что автором предложена периодизация подходов к планированию в российской энергетике с 1920-х гг. по настоящее время, в рамках которой современный этап охарактеризован как «контрактно-децентрализованный статичный», что позволяет выявить преимущество его недостатков от предшествующих моделей (ведомственная закрытость от советского периода и фрагментарность от 1990-х). Кроме того, впервые обоснована необходимость перехода к «адаптивному индикативному планированию» в российском ТЭК, которое, в отличие от классического индикативного подхода, предполагает не просто установление ориентиров, а наличие встроенного механизма непрерывной корректировки на основе мониторинга и обратных связей. Также определены контуры этого механизма, включающие применение цифровых платформ, квантовых вычислений для решения оптимизационных задач [35, 36], а также трансформацию системы отраслевых контрактов в инструмент долгосрочного стимулирования НИОКР, увязанный с макрофинансовой политикой.

Материалы и методы исследования

Теоретической основой исследования послужили фундаментальные труды классиков экономической науки в области планирования: Р. Фриша [23], Я. Тинбергена [37], В. Леонтьева [27, 28], а также работы современных авторов, исследующих эволюцию индикативного планирования в развитых странах [13, 14, 15, 17, 20-22, 24, 30, 33]. Эмпирическую базу составили статистические сборники, содержащие данные о топливно-энергетическом балансе России за 1913–1987 гг.¹ документы государственного планирования (план ГОЭЛРО [9], Энергетические стратегии РФ на период до 2020, 2035 и 2050 гг.), а также нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность ТЭК.

¹ Промышленность СССР : статистический сборник / Госкомстат СССР, Информ.-издат. центр. М. : Финансы и статистика, 1988. 286 с.

Методология исследования базируется на историко-логическом анализе, позволяющем проследить эволюцию подходов к планированию в российской энергетике от 1920-х годов до настоящего времени. Сравнительный анализ применялся для сопоставления зарубежных моделей индикативного планирования (Франция, Япония, Дания) [25, 26, 29, 31] с отечественной практикой. Для выявления структурных сдвигов в энергетике использован метод анализа статистических данных, позволивший рассчитать динамику долей различных видов топлива в топливно-энергетическом балансе за длительный исторический период. Критериями отбора данных являлись их репрезентативность, наличие сопоставимых показателей за разные годы и официальный характер источников.

Результаты

Первые попытки становления российской энергетической политики уходят в 1920-е годы, когда Советское государство столкнулось с катастрофическим топливным голодом. В условиях Гражданской войны промышленные центры оказались отрезаны от угля Донбасса и нефти Баку, а топливный баланс страны был разрушен. Так, если в 1916 году его объем составлял 7,4 млрд пудов условного топлива, из которых около 3,5 млрд направлялось на промышленно-технические нужды, то к 1920 году он сократился более чем в пять раз до 1,378 млрд пудов условного топлива. Еще более показательным стал структурный сдвиг, когда доля минерального топлива (уголь, нефть) упала с 81,3% в 1916 году до 35% в 1920-м, в то время как доля органического топлива (дрова и торф) выросла с 18,7% до 65% [9].

Ответом на этот кризис стал разработанный по инициативе В.И. Ленина план ГОЭЛРО, ставший первым в истории примером комплексного государственного планирования в энергетике [9]. План носил ярко выраженный директивный характер: он предписывал строительство 30 районных электростанций, развитие топливной базы и электрификацию транспорта, исходя не из рыночных сигналов, а из директивно заданных целей индустриализации [9]. В.И. Ленина по праву можно считать первым идеологом и архитектором отечественного энергетического перехода, наряду с разработчиками плана — Г.М. Кржижановским, Л.Б. Красиным, Р.Э. Классоном, Г.О. Графтио, И.Г. Александровым, А.В. Винтером, М.А. Шателеном и другими. В отличие от западных моделей, где энергопереход был растянут во времени и обусловлен технологической эволюцией, ленинский подход носил прорывной, мобилизационный характер. Он заключался в форсированном создании материально-технической базы социализма через электрификацию всей страны, что нашло свое воплощение в плане ГОЭЛРО.

В предвоенные и военные годы данный подход был кардинально усилен. Так, Государственный Комитет Обороны (ГКО) в период 1941–1945 гг. принял 308 решений, регулирующих электроэнергетику. Планирование стало мобилизационным, ГКО устанавливал квартальные и месячные лимиты электропотребления для каждого предприятия. В 1943 году, когда частота тока в энергосистеме Урала упала до аварийных 40–42 Гц, ГКО ввел уголовную ответственность за перерасход лимитов и штрафы до 1000 рублей для руководителей [10]. Этот период продемонстрировал предельную эффективность директивного планирования для выживания в экстремальных условиях, но ценой полного подавления хозяйственной самостоятельности предприятий.

В послевоенный период, вплоть до 1960-х годов, система планирования в энергетике эволюционировала от чрезвычайных методов военного времени к формированию институтов долгосрочного развития. Несмотря на это, советская энергетика в период 1960–1980-х годов по-прежнему функционировала в рамках жесткого директивного планирования. Министр электроэнергетики и электрификации СССР П.С. Непорожний в служебных записках в ЦК КПСС и Совет министров СССР неоднократно указывал на нарастание кризисных явлений. Как пишет Н.С. Симонов, «в энергетике страны сложилась очень серьезная обстановка из-за недостатка энергетических мощностей» [9]. Ключевым документом данного этапа стали «Основные положения Энергетической программы СССР на длительную перспективу» (утверждены ЦК КПСС в

1984 г.). Данная программа предусматривала «заблаговременную подготовку промышленных запасов топлива» и развитие ядерной энергетики, сохраняя при этом жесткий директивный характер. Инструментами планирования выступали «пятилетние планы», задания Госплана и централизованное распределение ресурсов [9]. Важно отметить, что при формальном выполнении плановых заданий по валовым показателям происходило прогрессирующее ухудшение качественных параметров функционирования системы. Так, количество часов работы Единой энергетической системы СССР с пониженной частотой (ниже установленного ГОСТ 13109-67 уровня $50 \pm 0,4$ Гц) возросло со 165 часов в 1971 году до 7500 часов календарного времени в 1981 году [9]. Это свидетельствовало о том, что директивное планирование, ориентированное на экстенсивное наращивание мощностей, оказалось неспособным обеспечить надежность и качество энергоснабжения.

Таким образом, итогом успешного выполнения первых пятилетних планов (1929–1940) в СССР стало достижение совокупного годового объема добычи топлива в размере 238 млн тонн условного топлива к 1940 году. Структура топливной промышленности претерпела фундаментальные изменения, ознаменовавшиеся, в частности, становлением газовой промышленности. В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. топливная промышленность понесла значительные потери вследствие оккупации. Восстановление отрасли в годы четвертой пятилетки (1946–1950) позволило уже к 1950 году превысить довоенный уровень добычи на 31%. Последующий этап характеризовался ускоренным развитием нефтедобывающей и газовой отраслей, что обусловило пятикратный рост совокупной добычи топлива в 1972 году относительно уровня 1950 года.

В советской России энергетический переход происходил в 1950–1970-е годы и заключался в замещении угля нефтью и газом. Наиболее интенсивная фаза пришлась на 1955–1965 гг., когда доля угля сократилась более чем на 20 п.п., а доля нефти и газа выросла в 2–5 раза соответственно, как показано на рисунке 1.

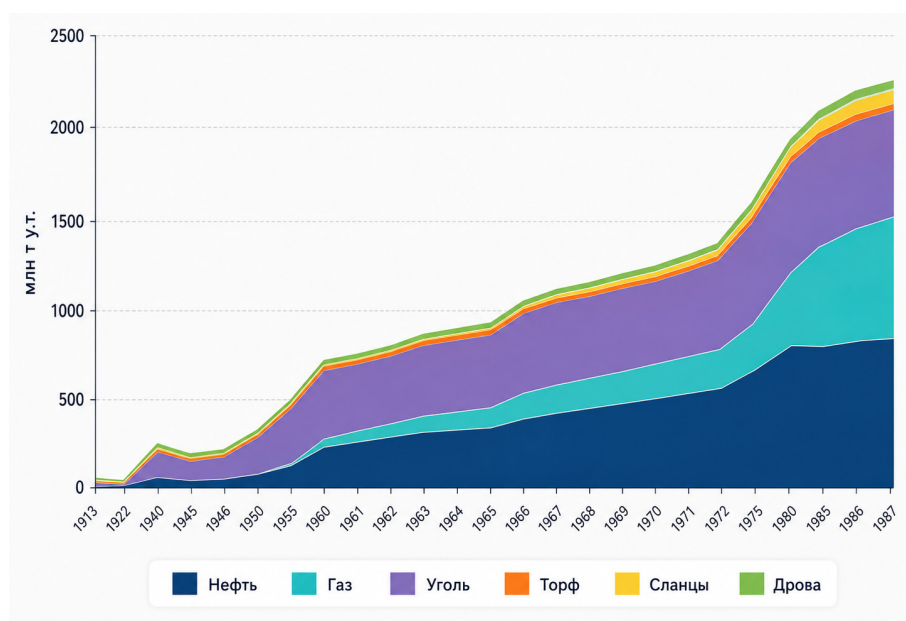


Рисунок 1 – Топливный баланс России в 1913–1987 гг., млн. т. у.т.

Источник: Составлено автором по материалам статистических сборников^{2,3}

Как видно из рисунка 1, несмотря на то, что доля угля в 1913–1922 гг. снизилась более чем на 10%, доля нефти существенно не увеличилась, а, напротив, снизилась почти на 8%, при росте доли дров в

² Промышленность СССР : статистический сборник / Госкомстат СССР, Информ.-издат. центр. — М. : Финансы и статистика, 1988. — 286 с.

³ Промышленность СССР : статистический сборник / Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР. — М. : Госстатиздат, 1957. — 400 с.

ТЭК, что было связано с абсолютным снижением нефти и угля в ТЭК в данный период и «обратном» энергетическом переходе (к преобладанию древесного топлива), что потребовало дополнительных усилий со стороны государства для ускорения данного процесса и принятия императива на ускоренную электрификацию с масштабным применением угля и нефти в электрогенерации, особенно угля. Однако второй энергетический переход произошел только к 1960 году, когда доля угля в энергетическом балансе снизилась с 66,10% в 1950г. до 53,85% в 1960г., при увеличении доли нефти в ТЭК с 17,42% до 30,51% и доли газа с 2,35% до 7,85%. При этом доля газа с 1960г. непрерывно возрастала и достигла к 1987г. 37,67%, но доля нефти существенным образом не снизилась. Таким образом, третий энергетический переход в России начался гораздо позднее — не раньше конца 20 века. Важно также отметить, что экономическая политика имеет возможность ускорить данный процесс, главным образом за счёт планирования, как это было при реализации плана ГОЭЛРО.

Ведущим в то время институтом, обеспечивавшим научное сопровождение энергоперехода 1960-х годов, стала Академия наук СССР, и в особенности ее головной Энергетический институт имени Г.М. Кржижановского (ЭНИН). Созданный еще в 1930 году по инициативе автора плана ГОЭЛРО, ЭНИН к этому времени превратился в главный центр отечественной научной школы энергетики. Именно здесь под руководством академиков и членкоров АН СССР (В.И. Вейца, В.И. Попкова, М.В. Кирпичева, М.А. Михеева, Л.Р. Неймана, К.И. Шенфера и ряда других) разрабатывались теоретические основы объединения энергосистем, методы автоматического регулирования частоты и активной нагрузки, а также велось внимательное изучение зарубежного опыта. Так, Академия наук выполняла функцию стратегического центра превосходства [6], обеспечивая научный прогноз и координацию исследований для всей отрасли, что позволяло компенсировать недостатки текущего директивного планирования фундаментальной наукой. Эта роль была тем более важна, что энергопереход требовал не просто замены одного вида топлива другим, а коренной трансформации всей технологической цепочки — от добычи до конечного потребления, что было невозможно без мощной научной базы.

Технологическая сторона энергоперехода в 1960-е годы не ограничивалась лишь изменением структуры топливного баланса. Данный период ознаменовался формированием Единой энергетической системы Европейской части СССР (ЕЕЭС). К 1960 году в ее состав уже входило 27 энергосистем, объединенных в четыре объединенных диспетчерских управления (ОДУ): Центра, Средней Волги, Предуралья и Урала. Создание ЕЕЭС стало материально-технической базой для использования преимуществ нового топлива — мазута и газа, так как позволяло маневрировать мощностями и перебрасывать потоки энергии на огромные расстояния. Одновременно шло активное внедрение средств автоматизации и телемеханики. В ЭНИНе в эти годы под руководством таких ученых, как А.Г. Москалев, разрабатывались методы автоматического регулирования режима энергосистем по частоте и активной мощности, что позволяло решать задачи оптимизации режимов работы гидроузлов и автоматизации диспетчерского управления. Энергетическая политика государства была направлена на централизацию и автоматизацию управления, что вылилось в создание в 1967 году Центрального диспетчерского управления ЕЭС СССР (ЦДУ ЕЭС СССР) [9]. Таким образом, энергопереход в СССР был не только структурным сдвигом в потреблении ресурсов, но и сложнейшим научно-техническим проектом по созданию крупнейшей в мире синхронно работающей энергосистемы [32].

Однако успехи в научно-техническом развитии и автоматизации вступали в противоречие с нарастающими кризисными явлениями, вызванными экстенсивным характером роста и ведомственной разобщенностью. Как отмечал министр энергетики и электрификации СССР П.С. Непорожний, к середине 1970-х годов резервы мощности в объединенных энергосистемах упали до критических 5-6% (при нормативе в 13%), а частота тока в сети отклонялась от стандарта тысячи часов в год [9]. Это было прямым следствием того, что директивное планирование, ориентированное на валовые показатели, не справлялось с задачей обеспечения надежности и качества усложняющейся

системы. Показательно, что пока советские ученые и инженеры создавали теоретические основы и опытные образцы для автоматизированных систем управления (ОАСУ «Энергия»), реальная энергетика работала на пределе прочности, сталкиваясь с дефицитом качественного оборудования и систематическим недофинансированием [9]. Задел, созданный Академией наук и отраслевой наукой в 1960-е годы, позволял системе сохранять устойчивость, но не мог предотвратить накопление структурных проблем, которые в полной мере проявились в последующие десятилетия.

Важно отметить, что в настоящее время директивное планирование не представляется приоритетным по ряду обстоятельств, связанных с наследием постсоветской системы и структурой внутреннего рынка ведущих энергоресурсов, который нельзя назвать конкурентным. Так, в постсоветский период начался концептуальный сдвиг в понимании роли государства в управлении энергетикой. В этот период разрабатываются первые Энергетические стратегии России: на период до 2020 года (утверждена в 2000 г.), до 2030 года (утверждена в 2009 г.), которые закладывают основы индикативного подхода. Основные положения Энергетической стратегии до 2020 года определяли стратегические цели использования возобновляемых источников энергии и местных видов топлива, включая обеспечение децентрализованных потребителей и регионов с дальним и сезонным завозом топлива. Однако, как подчеркивается в самой Стратегии, речь шла именно об индикативном характере планирования, устанавливающим ориентиры, а не директивные задания⁴. Как отмечает Л.С. Плакиткина, индикативное планирование представляет собой способ вовлечения самостоятельных субъектов рынка на паритетных началах с государством в разработку и реализацию программ развития, а его главные достоинства — снижение неопределенности при принятии решений и увеличение стабильности экономики [7].

Современный этап развития планирования в российском энергетическом секторе характеризуется формированием качественно иного механизма, который по своей сути не является индикативным в классическом понимании. Как показывает анализ Л.С. Плакиткиной, ключевым инструментом согласования интересов становится отраслевой контракт — соглашение между государством, администрацией субъекта РФ и бизнесом [7]. Этот механизм представляет собой децентрализованную контрактную систему, где синхронизация производственных программ происходит через систему двусторонних обязательств. Отраслевой контракт включает намерения отраслевого бизнеса, намерения администраций субъектов РФ, намерения государства (Минэнерго России) и взаимосогласованный индикативный план развития [7].

Таблица 1 – Периодизация подходов к формированию экономической политики в энергетике России через призму планирования (с 1920-х гг. по н.в.)

Период планирования в энергетике	Инструменты энергетической политики	Преимущества и недостатки планирования
Советский этап – начальный (1920-1940-е гг.)	- План ГОЭЛРО: строительство 30 районных электростанций. - Национализация. - Директивные задания по восстановлению шахт. - Централизованное распределение ресурсов [9].	Преимущества: концентрация ресурсов на электрификации, выход из кризиса [9]. Недостатки: чрезвычайные методы управления, негибкость [9].

⁴ Основные положения Энергетической стратегии России на период до 2020 года : одобрены Правительством РФ (Протокол № 39 от 23 ноября 2000 г.). М. : ГУ ИЭС, 2001. 120 с.

Период планирования в энергетике	Инструменты энергетической политики	Преимущества и недостатки планирования
Советский этап – мобилизационный (1940-1945-е гг.)	- Лимитирование электропотребления. - Карточная система на топливо. - Репрессивные меры за перерасход [10].	Преимущества: обеспечение нужд фронта. Недостатки: подавление инициативы, износ оборудования.
Советский этап – послевоенный (1950-е гг.)	- Директивные пятилетние планы. - Госценообразование. - Централизованные инвестиции в освоение «Второго Баку». - Планирование развития ЕЭС [9].	Преимущества: восстановление экономики, начало формирования ЕЭС [9]. Недостатки: инерционная модель, начало отставания в технологиях.
Советский этап (1960-1980-е гг.)	- Пятилетние планы Госплана (Братская ГЭС, Саяногорск). - Энергетическая программа СССР (1984). - Централизованное распределение [9].	Преимущества: концентрация ресурсов (Западная Сибирь) [9]. Недостатки: низкая адаптивность, падение качества энергоснабжения [9].
Постсоветский переходный этап (1990-е – 2000-е)	- Приватизация, создание ВИНК и РАО «ЕЭС России». - Либерализация цен. - Создание ФЭК.	Преимущества: запуск рынка. Недостатки: инвестиционный голод, кризис управления.
Первый этап – целеполагание (2000-е – 2010-е)	- Энергетические стратегии до 2020, 2030 гг. - Налоговое стимулирование (НДПИ). - Метод РАВ, биржевая торговля [7, 8].	Преимущества: возврат к стратегическому целеполаганию [7]. Недостатки: разрыв целей и возможностей, статичность [7, 8].
Второй (современный) этап – контрактно-децентрализованный	- Отраслевые контракты, ДПМ, СЗПК. - Госзаказ на импортозамещение. - Нацпроекты [1, 2].	Преимущества: увязка интересов бизнеса и государства [7]. Недостатки: статичность, слабая координация, импортозависимость [1, 2, 4].
Третий этап – адаптивная политика (предлагаемый)	- Цифровая платформа управления ТЭК. - Квантовые алгоритмы для энергосистем. - Торговля углеродными единицами [15, 16].	Преимущества: высокая адаптивность, синхронизация целей [15]. Недостатки: высокие затраты, неопределенность сроков зрелости технологий [15].

Источник: составлено автором на основе [1, 2, 4, 7, 8-10, 16, 18]

В.М. Полтерович и Д.А. Панчук, анализируя проблемы диверсификации российской экономики за счет углубления переработки углеводородов, приходят к выводу, что попытки расширить производство, использовать более совершенную технологию или создать новый продукт наталкиваются на дороговизну необходимого импортного оборудования и материалов, нехватку квалифицированных отечественных кадров, недостаточность внутреннего спроса и риски выхода на мировой рынок [8]. По их мнению, для успешного решения задачи необходима реализация системы проектов, обеспечивающей развитие и модернизацию подходящим образом выбранных технологических цепочек, однако действующие институциональные механизмы – территориальные

кластеры и технологические платформы – не обеспечивают эффективного согласования [8].

Л.А. Гамидуллаева и А.В. Шуструйский подчеркивают, что топливная промышленность долгое время развивалась в отсутствии эффективной государственной промышленной политики, направленной на сокращение зависимости от импортного технологического оборудования, что привело к рассогласованию технологических интересов, потребностей и возможностей промышленных предприятий с разрабатываемыми институциональными инструментами отраслевой поддержки [1].

Современный механизм планирования в российском энергетическом секторе может быть охарактеризован как контрактный децентрализованный статичный, вопреки тому, что предлагали ещё Р. Фриш и Я. Тинберген. Ключевые элементы современного этапа индикативного планирования включают систему отраслевых контрактов-соглашений между государством, региональными администрациями и крупными компаниями. Как отмечает Л.С. Плаkitкина, в зарубежной практике синхронизация производственных программ крупных отраслевых компаний происходит при активном участии государства, при этом для крупного бизнеса характерна более высокая социально-экономическая ответственность перед государством за результаты своей деятельности [7]. Отраслевой контракт – это соглашение, где на стороне государства выступает соответствующее министерство, а на стороне отрасли – группа компаний [7]. На первый взгляд, отраслевые контракты также могут обеспечивать реализацию национальных интересов, однако текущие отраслевые контракты сохранили в себе ряд особенностей предшествующих этапов планирования, препятствующих формированию адаптивного механизма экономической политики в энергетике, основанного на непрерывном анализе и гибкой корректировке индикаторов.

Во-первых, от советской модели отраслевые контракты унаследовали ведомственно-номенклатурный характер согласования решений. Как и в системе бывшего Госплана и отраслевых министерств, ключевые параметры контракта (объемы, цены, инвестиции) являются результатом закрытых переговоров между узким кругом «мезоэкономических игроков» - представителями конкретного министерства и руководством крупнейших компаний. При таком подходе контракт утрачивает функцию публичного индикатора, превращаясь в директивный план, необязательный к исполнению и не создающий стимулов для экономических агентов, статично фиксирующий действующее положение на срок действия соглашения и не создающий возможностей для гибкой реакции на сигналы рынка или технологические изменения. Так, общественные интересы и интересы смежных, менее монополизированных секторов энергетики (например, малой генерации или инжиниринговых компаний) при таком раскладе сил учитываются по остаточному принципу, что в точности повторяет пороки отраслевого лоббизма советского периода.

Во-вторых, от постсоветского переходного этапа текущая контрактная система восприняла принцип дискретного «ручного управления» и фрагментарность. Так, современный механизм планирования строится как набор разрозненных двусторонних обязательств (государство-компания), что напоминает практику заключения индивидуальных налоговых и инвестиционных льгот 1990-х. В таких условиях синхронизация производственных программ происходит фрагментарно, без создания единой гибкой адаптивной политики в области энергетики на основе индикативного планирования.

Важной характеристикой существующего механизма реализации национальной экономической политики в сфере энергетики является его статичность. Планы, зафиксированные в контрактах, рассчитаны на фиксированный период (как правило, пять лет) и не предполагают оперативной корректировки в ответ на изменение внешних условий. Как показывает анализ Энергетической стратегии на период до 2035 года (2020 г.), в документе фиксируются целевые показатели, которые должны обновляться не реже одного раза в пять лет⁵. При этом признается, что развитие ТЭК не

⁵ Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 9 июня 2020 г. № 1523-р. М., 2020. 79 с.

обеспечивает полного достижения целевых индикаторов, особенно качественных, и по-прежнему актуальными остаются такие проблемы, как высокий износ основных фондов, низкий уровень энергоэффективности и эффективности инвестиций. Новая Энергетическая стратегия до 2050 года (утверждена в 2025 г.) также предусматривает наличие в основном долгосрочных показателей, зафиксированных на основе сценарных прогнозов до 2030, 2036 и 2050 годов, что подчеркивает дискретный, а не непрерывный характер планирования⁶.

Анализ современных исследований позволяет выделить ряд фундаментальных проблем действующего механизма планирования в российском энергетическом секторе. В.М. Полтерович и Д.А. Панчук указывают на отсутствие эффективного согласования между программами, называемыми комплексными, которые «на самом деле не обеспечивают эффективного согласования своих составных частей, плохо просчитаны и нередко не согласованы с бюджетом» [8]. Попытки активизировать процессы диверсификации путем создания территориальных кластеров и технологических платформ не привели к фундаментальным сдвигам. Опыт функционирования этих институтов демонстрирует, что в российских условиях необходима единая общегосударственная институциональная система, обеспечивающая разработку, отбор и реализацию совокупности крупномасштабных проектов [8].

Л.А. Гамидуллаева и А.В. Шуструйский подчеркивают проблему рассогласования технологических интересов: «топливная промышленность в нашей стране долгое время развивалась в отсутствие эффективной государственной промышленной политики, направленной на сокращение зависимости от импортного технологического оборудования из недружественных стран. Это привело к рассогласованию технологических интересов, потребностей и возможностей промышленных предприятий в сфере энергетического машиностроения с разрабатываемыми институциональными инструментами поддержки отрасли» [1].

А.А. Конопляник обращает внимание на фундаментальное противоречие между долгосрочным характером инвестиционных проектов в энергетике и краткосрочным горизонтом налоговой политики: «Налоговый горизонт – текущий финансовый год, максимум бюджетная трехлетка. При этом инвестиционный цикл капиталоемкого инвестпроекта (а в энергетике иных нет) исчисляется как минимум парой десятков лет» [5]. Ключевая ставка ЦБ России и система налогообложения являются, по его мнению, одними из самых значимых параметров для инновационного развития, однако текущая политика такому развитию не способствует. К примеру, сравнение ключевой ставки ЦБ России (23% в декабре 2024 г.) и Народного банка Китая (3,35%) наглядно демонстрирует причину, по которой отечественная продукция массово проигрывает ценовую конкуренцию китайской [5].

О.В. Жданев, анализируя проблемы обеспечения технологического суверенитета ТЭК, отмечает критическую зависимость от импорта, при которой зависимость от импорта в поставках критически важного нефтегазового оборудования достигала 80%, а по отдельным позициям российских аналогов не существовало вовсе, что является важным ограничением [2].

Так, в настоящее время действительно наблюдается разрыв между стратегическими целями и операционными механизмами. Несмотря на то, что новая Энергетическая стратегия до 2050 года содержит детальный перечень технологий, оборудования, материалов и специализированного программного обеспечения, создание или локализация производства которых необходимы до 2050 года, данный перечень включает более 150 позиций - от оборудования для геологоразведки до технологий водородной энергетики и систем накопления энергии, однако в стратегии отсутствуют целевые индикаторы по данным технологиям. Кроме того, показатели в Энергетической стратегии до 2050 не позволяют оценить согласованность между ростом энергопотребления и технологическим развитием, что особенно важно в условиях нового энергетического перехода и формирования шестого технологического уклада.

⁶ Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 9 июня 2020 г. № 1523-р. М., 2020. 79 с.

В отношении тренда на низкоуглеродное развитие, несмотря на цель в области климатической политики, указанной в Энергетической стратегии до 2050 года, в части «обеспечения возможности реализации полученных углеродных единиц на рынках стран межгосударственного объединения БРИКС и иных стран с продвижением механизмов, установленных статьей 6 Парижского соглашения об изменении климата, в интересах Российской Федерации», отсутствуют количественные ориентиры объема этого рынка или доли российских углеродных единиц в международной торговле, что ставит под сомнение практическую реализуемость данного направления.

Кроме того, такая перспективная область, как влияние искусственного интеллекта на базе природного газа, соединяющая традиционное сырье и новейшие технологии, не нашла отражения в системе показателей, как и квантовые вычисления, которые в обновленной Энергетической стратегии до 2050 года даже не упоминаются. Несмотря на то, что в стратегии декларируется, что «значения показателей за 2037–2050 годы носят оценочный характер и будут уточнены по результатам реализации I этапа», отсутствует конкретный механизм уточнения целевых индикаторов, поскольку не определено, при каких условиях индикаторы подлежат корректировке, кто инициирует этот процесс, какова процедура согласования изменений с заинтересованными сторонами и как учитываются результаты ежегодного мониторинга при корректировке планов. Отсутствие данного адаптивного механизма в стратегии не может обеспечивать своевременную возможность реагировать на быстро меняющиеся внешние условия в непрерывном режиме.

Существенная проблема заключается также в том, что целевые показатели стратегии в значительной степени базируются на инвестиционных планах крупнейших нефтегазовых корпораций. Например, такие компании, как ПАО «Газпром», ПАО «Лукойл», ПАО «Новатэк», ПАО «Сибур», имеют свои внутренние реестры поставщиков, проводят собственные финансовые и технические аудиты, вводят корпоративные системы сертификации [16]. Таким образом, стратегия, по сути, агрегирует корпоративные планы крупных нефтегазовых компаний, а не формирует самостоятельную, научно обоснованную траекторию развития, ориентированную на максимизацию национального благосостояния. В результате технологическое развитие понимается прежде всего как инструмент для сохранения и увеличения сырьевой ренты, а инвестиции в новые технологии рассматриваются компаниями как диверсификация рисков, а не как стратегический приоритет.

Таким образом, в современной российской энергетике крупные и крупнейшие компании выступают как промежуточный сектор, сочетающий в себе план и рынок, при этом, что является крайне важным, без эффективно функционирующего адаптивного механизма стратегического планирования обеспечение технологического лидерства в энергетике представляется невозможным. Очевидно, что сложившаяся ситуация в длительной перспективе не может способствовать формированию энергетического суверенитета и технологического лидерства в энергетике, несмотря на длительный горизонт планирования. Таким образом, проведенный анализ выявляет необходимость трансформации существующего механизма планирования в энергетике из контрактного децентрализованного статичного в адаптивный индикативный, непрерывно корректируемый на основе мониторинга и с применением продвинутых эконометрических и инновационных инструментов.

Обсуждение

Проведенный анализ эволюции подходов к планированию в российской энергетике и сопоставление его результатов с зарубежным опытом и классическими теоретическими моделями позволяет перейти к содержательному обсуждению полученных выводов. Ключевым результатом исследования является диагностика современного механизма планирования как контрактного децентрализованного статичного, который, несмотря на формальное следование индикативной логике, воспроизводит фундаментальные пороки как советской директивной системы, так и переходного периода 1990-х годов.

Во-первых, необходимо обсудить выявленное противоречие между индикативной формой и

директивным содержанием. Современные отраслевые контракты, заключаемые между государством и крупнейшими компаниями [7], по своей сути являются результатом закрытых ведомственных согласований, что роднит их с номенклатурными решениями советского Госплана. В результате план утрачивает свою главную функцию, обоснованную еще Я. Тинбергеном и Р. Фришем [16, 23, 37] - функцию публичного ориентира, снижающего неопределенность для всех экономических агентов. Общественные интересы и интересы смежных, менее монополизированных секторов (малая генерация, инжиниринг) учитываются по остаточному принципу, что в точности повторяет пороки отраслевого лоббизма советского периода.

Во-вторых, дискретность и фрагментарность планирования, унаследованные от постсоветского этапа, вступают в противоречие с долгосрочным характером инвестиционных циклов в энергетике. Как справедливо отмечает А.А. Конопляник, налоговый горизонт ограничен бюджетной трехлеткой, тогда как инвестиционный цикл измеряется десятилетиями [5]. Это фундаментальное рассогласование макрофинансовой политики и стратегических целей развития ТЭК блокирует возможность реализации крупномасштабных проектов, ориентированных на технологический прорыв. Ключевая ставка ЦБ России (23% в декабре 2024 г.), делающая заемное финансирование недоступным для долгосрочных инновационных проектов, наглядно демонстрирует это противоречие [5]. Опыт Китая, где государственная банковская система обеспечивает монетарные и регуляторные рамки для реализации плановых ориентиров [14], подтверждает, что индикативное планирование не может быть эффективным без синхронизации с макрофинансовой политикой.

В-третьих, полученные результаты заставляют критически переосмыслить роль крупного бизнеса в реализации национальных стратегий. Вывод о том, что Энергетическая стратегия до 2050 года во многом агрегирует корпоративные планы крупнейших компаний, а не формирует самостоятельную траекторию развития, можно обосновать выводами К. Бана и Я. Хассельбальха о рисках корпоративного захвата процесса планирования [14]. В российской практике это приводит к тому, что инвестиции в новые технологии рассматриваются бизнесом как диверсификация рисков, а не как стратегический приоритет, а технологическое развитие остается инструментом сохранения сырьевой ренты. Такая модель не способна обеспечить рывок к шестому технологическому укладу и преодоление критической импортозависимости (до 80% по отдельным видам оборудования), на которую указывает О.В. Жданев [2].

Сравнение с успешными зарубежными практиками позволяет высветить ключевые недостатки российской модели. В отличие от французского опыта, где план Монне подкреплялся созданием специализированных фондов (FME), наполняемых за счет контрвалюты и бюджетных средств [17, 19, 20], а ядерная энергетика стала одним из ключевых приоритетов долгосрочного планирования [18, 19], российские механизмы (ДПМ, СЗПК) носят точечный характер и не создают единого инвестиционного пула для модернизации «базовых секторов». В отличие от Японии, где Агентство экономического планирования обеспечивало непрерывный диалог с бизнесом и обмен информацией, что повышало доверие к прогнозам [30], российская практика характеризуется закрытостью и отсутствием обратной связи. Датский опыт сочетания централизации и децентрализации при парламентском утверждении планов [34] также остается невостребованным: российская Государственная программа «Развитие энергетики» носит ведомственный характер и не является предметом широкого общественного консенсуса.

Особого внимания заслуживает обсуждение проблемы адаптивности. Действующая Энергетическая стратегия до 2050 года, как и ее предшественницы, сохраняет дискретный характер: целевые индикаторы фиксируются на пятилетку. Механизм их корректировки в ответ на экзогенные шоки (аналогичные стагфляции 1970-х или текущим геополитическим кризисам) отсутствует. Это принципиально расходится с выводами С. Эстрина и П. Холмса о том, что успех индикативного планирования исторически был связан со способностью снижать неопределенность для экономических агентов [22]. В условиях, когда неопределенность является экзогенным параметром,

статичный план, не содержащий адаптивного механизма, сам становится источником рисков, так как задает заведомо недостижимые или устаревшие ориентиры.

Таким образом, можно дать следующее определение, согласно которому адаптивное индикативное планирование - это гибкий подход к планированию, который, в отличие от классического индикативного подхода, предполагает не просто установление ориентиров, а наличие встроенного механизма непрерывной корректировки на основе мониторинга и обратных связей, гибкой подстройки системы правил экономической политики.

В этой связи перспективным направлением представляется использование новых технологических инструментов для повышения адаптивности планирования. Применение квантовых вычислений для решения оптимизационных задач (UC/ED-задачи), оценки рисков методом Монте-Карло и машинного обучения, как отмечают Ф. Страта, В. Суд и Р.П. Чаухан [35, 36], открывает возможности для перехода к непрерывному мониторингу и корректировке индикаторов в режиме, приближенном к реальному времени. Это позволило бы преодолеть статичность текущих пятилетних планов и создать основу для подлинно адаптивного индикативного планирования, которое могло бы своевременно реагировать на изменения внешней конъюнктуры и технологические сдвиги. Кроме того, важно учитывать влияние экзогенных факторов в ТЭК [3], при осуществлении адаптивного индикативного планирования.

Однако предложенная модель адаптивного планирования сталкивается с рядом ограничений. Во-первых, она требует беспрецедентного уровня цифровизации отрасли и создания единой платформы управления ТЭК, что сопряжено с высокими начальными затратами. Во-вторых, внедрение квантовых алгоритмов находится на ранней стадии, и сроки достижения их технологической зрелости остаются неопределенными [35]. В-третьих, предлагаемая система предполагает качественно иной уровень координации между государством и бизнесом, основанный на доверии и прозрачности, что входит в противоречие со сложившейся практикой закрытых ведомственных согласований.

Несмотря на указанные ограничения, проведенный анализ позволяет утверждать, что трансформация механизма планирования в российской энергетике является объективной необходимостью. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку конкретных методов интеграции квантовых вычислений в систему государственного планирования, а также на моделирование сценариев внедрения адаптивных механизмов в условиях олигопольной структуры рынка и существующих макрофинансовых ограничений. Важной задачей является также уточнение системы индикаторов, которые должны не просто агрегировать корпоративные планы, а отражать национальные приоритеты технологического развития и энергетической безопасности.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, можно сформулировать следующие основные выводы. Эволюция подходов к экономической политике в российской энергетике прошла длительный путь от директивного планирования в рамках плана ГОЭЛРО и советской системы до современных форм, которые были охарактеризованы в работе как контрактно-децентрализованный этап индикативного планирования. Анализ показал, что, несмотря на формальный отказ от директивных методов, современный механизм планирования унаследовал ключевые недостатки предшествующих этапов: ведомственную закрытость и номенклатурный характер согласования решений от советской модели, а также фрагментарность и дискретность «ручного управления» от переходного периода 1990-х годов.

Критический анализ действующей Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года позволил выявить ряд фундаментальных проблем. Стратегия не содержит эффективного адаптивного механизма корректировки целевых индикаторов в ответ на экзогенные шоки, ее показатели во многом агрегируют корпоративные планы крупнейших нефтегазовых компаний, а не формируют самостоятельную научно обоснованную траекторию развития,

ориентированную на максимизацию национального благосостояния. Отсутствие в системе показателей таких перспективных направлений, как квантовые вычисления и целевые индикаторы по критическим технологиям, ставит под сомнение возможность достижения технологического лидерства и энергетического суверенитета.

Сопоставление с успешными зарубежными практиками индикативного планирования (Франция, Япония, Дания, Китай) подтвердило, что ключевыми факторами успеха являются: создание специализированных инвестиционных фондов и институтов развития; обеспечение непрерывного диалога между государством, бизнесом и научным сообществом; увязка плановых ориентиров с макрофинансовой политикой; а также сочетание централизации стратегического целеполагания с децентрализацией механизмов реализации.

На основе проведенного анализа в работе обоснована необходимость перехода к качественно новой модели - адаптивному индикативному планированию. Ее ключевыми элементами должны стать: создание единой цифровой платформы управления ТЭК, обеспечивающей непрерывный мониторинг и прогнозирование; внедрение методов квантовых вычислений для решения сложных оптимизационных задач и оценки рисков в реальном времени; трансформация системы отраслевых контрактов в инструмент долгосрочного стимулирования НИОКР и увязки инвестиционных программ с региональными стратегиями развития; а также интеграция целей технологического развития в систему макрофинансового регулирования (налоговая политика, ключевая ставка).

Предложенная концепция адаптивного планирования направлена на преодоление выявленных недостатков и создание механизма, способного гибко реагировать на изменения внешней среды и обеспечивать реализацию долгосрочных стратегических приоритетов. Дальнейшие исследования в этой области должны быть сосредоточены на разработке конкретных методик применения квантовых алгоритмов в задачах государственного планирования, моделировании сценариев внедрения адаптивных механизмов в условиях существующих институциональных и макроэкономических ограничений, а также на уточнении системы индикаторов, отражающих цели технологического суверенитета и энергетической безопасности России и разработку механизма планирования при реализации национальной экономической политики в энергетическом секторе для максимизации общественного благосостояния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гамидуллаева Л. А., Шуструйский А. В. (2024). Стратегирование устойчивого развития промышленных предприятий для обеспечения технологического суверенитета в топливно-энергетическом комплексе // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. № 2. С. 35–49. ISSN: 2227-8486. <https://doi.org/10.21685/2227-8486-2024-2-3>
2. Жданев О. В. (2022). Обеспечение технологического суверенитета отраслей ТЭК Российской Федерации // Записки Горного института. Т. 258. С. 1061–1078. ISSN: 2411-3336 (Print), 2541-9404 (Online). <https://doi.org/10.31897/PMI.2022.107>
3. Иордан Л. Т., Щеглов М. Ю., Кошкин А. В. (2024). Оценка влияния экзогенных факторов на внешнеторговую деятельность РФ // Экономический вестник. Т. 3. № 6. С. 49–64.
4. Конопляник А. (2024). Новое измерение внешней энергетической политики России // Энергетическая политика. № 11(202). С. 6–19. ISSN: 2409-5516. https://doi.org/10.46920/2409-5516_2024_12203_6
5. Конопляник А. (2025). Техничко-экономический разбор спекуляций вокруг транзита российского газа через Украину после 2024 года // Геоэкономика энергетики. № 2. С. 45–84. https://doi.org/10.48137/26870703_2025_30_2_45
6. Коростышевская Е. М., Стоянова О. В. (2024). Триединные контексты формирования центров превосходства в России // Мир экономики и управления. Т. 24. № 2. С. 65–84. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2024-24-2-65-84>
7. Плакиткина Л. С. (2011). Применение индикативного планирования в угольной промышленности Российской Федерации // Россия: тенденции и перспективы развития. № 6-1. С. 414–419.
8. Полтерович В. М., Панчук Д. А. (2019). Диверсификация российской экономики за счет углубления переработки углеводородов: проблема индикативного планирования // Энергетическая политика. № 1. С. 54–63. ISSN: 2409-5516. EDN: XWZXWN
9. Симонов Н. С. (2016). Развитие электроэнергетики Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 320 с.
10. Симонов Н. С. (2019). Вопросы государственной энергетической политики в решениях Госкомитета обороны СССР (1941–1945 гг.) // Всероссийский экономический журнал ЭКО. № 9 (543). С. 104–116. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-9-104-116>
11. Archibugi F. (1992). The Resetting of Planning Studies. In: A. Kuklinski (ed.). Society, Science, Government. Warsaw: KBN, pp. 245–278.
12. Archibugi F. (1996). Towards a New Discipline of Planning // Socio-Economic Planning Sciences. Vol. 30, No. 2, pp. 81–102. [https://doi.org/10.1016/0038-0121\(96\)00003-1](https://doi.org/10.1016/0038-0121(96)00003-1)
13. Balassa B. (1990). Indicative planning in developing countries // Journal of Comparative Economics. Vol. 14, No. 4, pp. 560–574. [https://doi.org/10.1016/0147-5967\(90\)90038-B](https://doi.org/10.1016/0147-5967(90)90038-B)
14. Ban C., Hasselbalch J. (2025). Green economic planning for rapid decarbonisation // New Political Economy. Vol. 30, No. 2, pp. 287–299. <https://doi.org/10.1080/13563467.2024.2434469>
15. Bjerkholt O., Flåm S. D. (2015). Ragnar Frisch and interior-point methods // Optimization Letters. Vol. 9, No. 6, pp. 1053–1061. <https://doi.org/10.1007/s11590-014-0807-x>
16. Black J. (1968). The Theory of indicative planning // Oxford Economic Papers. Vol. 20, No. 3, pp. 303–319.
17. Bossuat G., Geppert D. (1945). The Modernization of France: A New Economic and Social Order after the Second World War? // The Postwar Challenge: Cultural, Social and Political Change in Western Europe. Vol. 1958, pp. 151–178.
18. Carle R. (1990). The status of nuclear energy in France // Energy Exploration & Exploitation. Vol. 8, No. 3, pp. 184–193. <https://doi.org/10.1177/014459879000800303>
19. Clough S. B., Moodie T., Moodie C. (1968). Planning and economic growth: the example of France.

In: *Economic History of Europe: Twentieth Century*. London: Palgrave Macmillan UK, pp. 345–354.

20. de Carvalho F. J. C. (2019). Economic planning under capitalism: The new deal and postwar France experiments. Working Paper, No. 923.

21. Economidou M. et al. (2022). Strategic energy and climate policy planning: Lessons learned from European energy efficiency policies // *Energy Policy*. Vol. 171, p. 113225. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2022.113225>

22. Estrin S., Holmes P. (1990). Indicative planning in developed economies // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 14, No. 4, pp. 531–554. [https://doi.org/10.1016/0147-5967\(90\)90036-9](https://doi.org/10.1016/0147-5967(90)90036-9)

23. Frisch R. (1963). An Implementation System for Optimal National Economic Planning Without Detailed Quantity Fixation from a Central Authority: Part I.: Prolegomena: Selection. Universitet I Oslo. https://doi.org/10.1007/978-94-010-1895-1_4

24. Fujioka M. (2024). Appraisal of Japan's Plan to double income. In: *Japan's Economic Ascent*. Routledge, pp. 38–71. – <https://doi.org/10.4324/9781003573470-3>

25. Johansen L. (1977). *Lectures on Macroeconomic Planning*. Part I: General Aspects. Amsterdam: North-Holland. 355 p.

26. Johansen L. (1978). *Lectures on Macroeconomic Planning*. Part II: Centralization, Decentralization, Coordination under Uncertainty. Amsterdam: North-Holland. 411 p.

27. Leontief W. (1954). Input-Output Analysis and the General Equilibrium Theory. In: *The Structural Interdependence of the Economy*. New York: Wiley and Sons.

28. Leontief W. (1976). National economic planning: methods and problems // *Challenge*. Vol. 19, No. 3, pp. 6–11. <https://doi.org/10.1080/05775132.1976.11470215>

29. Massé P. (1962). La planification française // *Communication & Languages*, pp. 83–96. <https://doi.org/10.3406/colan.1962.4741>

30. Patrick H. (1994). *The Japanese Experience of Economic Reforms* Edited by Juro Teranishi and Yutaka Kosai // *経済研究*. Vol. 45, No. 4, pp. 364–372.

31. Pérez-Arriaga I. J., Linares P. (2008). Markets vs. regulation: A role for indicative energy planning // *The Energy Journal*. Vol. 29, No. 2_suppl., pp. 149–164. <https://doi.org/10.5547/issn0195-6574-ej-vol29-nosi2-8>

32. Perović J. (ed.) (2017). *Cold War Energy: A Transnational History of Soviet Oil and Gas*. Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-49532-3>

33. Sandford C. T. (1970). Indicative planning. In: *Economic Policy*. London: Palgrave Macmillan UK, pp. 262–277.

34. Sperling K., Hvelplund F., Mathiesen B. V. (2011). Centralisation and decentralisation in strategic municipal energy planning in Denmark // *Energy Policy*. Vol. 39, No. 3, pp. 1338–1351. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2010.12.006>

35. Strata F. et al. (2025). Quantum Machine Learning early opportunities for the energy industry: A scoping review // *Frontiers in Quantum Science and Technology*. Vol. 4, p. 1653104. <https://doi.org/10.3389/frqst.2025.1653104>

36. Sood V., Chauhan R. P. (2024). Quantum computing: Impact on energy efficiency and sustainability // *Expert Systems with Applications*. Vol. 255, p. 124401. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2024.124401>

37. Tinbergen J. (1964). *Central Planning*. New Haven: Yale University Press. 150 p.

Transformation of Approaches to Economic Policy in the Russian Energy Sector: From Directive to Adaptive Indicative Planning

Agashin Andrey Vyacheslavovich

Postgraduate Student

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: smashk379@gmail.com

KEYWORDS

indicative planning, directive planning, energy policy, GOELRO, energy transition, adaptive management, technological sovereignty, industry contract, energy strategy, energy balance

ABSTRACT

This article is devoted to the study of the evolution of approaches to state planning in the Russian energy sector. In recent decades, the energy sector has faced unprecedented challenges: geopolitical instability, accelerating the energy transition, and the imperative to achieve technological sovereignty are fundamentally changing the requirements for management systems. The author examines the theoretical foundations of indicative planning laid by R. Frisch and Ya. Tinbergen explores successful foreign practices (France, Japan, and Denmark) and also shows how approaches to managing the domestic fuel and energy sector have changed over the century—from the GOELRO directive plan to the modern contract-decentralized model. At the same time, the author identifies the main disadvantages of the current mechanism: its static nature, fragmentation, departmental closeness, and dependence on corporate plans of large businesses, which is especially evident in the analysis of the Energy Strategy of the Russian Federation until 2050. The purpose of this article is to substantiate the need for the formation of an adaptive indicative planning mechanism in the Russian energy sector. Based on the conducted research, it can be concluded that the extensive development model and static planning have exhausted their potential. Modern challenges require a transition to a dynamic system involving continuous monitoring based on digital platforms and quantum computing, as well as a new type of industry contract focused on long-term R&D. The novelty of the research lies in an attempt to consider the evolution of planning in the Russian fuel and energy complex through the prism of the transition from a static contract model to an adaptive indicative system. Thus, this work is aimed at a comprehensive study of the potential of adaptive planning, which allows us to identify ways to improve the management of the industry in order to achieve national strategic priorities.

Эволюция экономических систем в эпоху смены технологических укладов: от рыночного фундаментализма к интегральному платформенному порядку

Глушак Николай Владимирович 

Доктор экономических наук, доцент

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация;

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: GNW3@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

технологический уклад, мирохозяйственный уклад, платформенная экономика, цифровые платформы, транзакционные издержки, экосистемная рента, опережающее развитие, алгоритмическое управление, сетевые эффекты

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется эволюция экономических систем в условиях смены технологических и мирохозяйственных укладов, ускоренной цифровизацией и распространением платформенных бизнес-моделей. Цель исследования состоит в обосновании платформенной экономики как качественно нового интегрального порядка, сочетающего рыночные механизмы, иерархическую координацию и алгоритмическое управление. Методологическую основу составили системный, институциональный, сравнительный и эволюционный подходы, теория технологических укладов, а также методы теоретического моделирования и компаративного анализа международной регуляторной практики. Эмпирическую базу образовали научные публикации, открытая статистика, документы международных организаций и нормативные акты, характеризующие развитие платформенного сектора и современные подходы к его государственному регулированию. Показано, что цифровые платформы выполняют функции метainститутов и частных регуляторов: формируют правила доступа и взаимодействия, управляют информационными потоками, ценообразованием и конкуренцией, концентрируя инфраструктурную власть у владельцев данных и алгоритмов. Научная новизна заключается в разработке концепции переконфигурации транзакционных издержек. Установлено, что снижение издержек поиска, измерения качества и заключения контрактов сопровождается ростом издержек переключения, подчинения алгоритмам, адаптации к одностороннему изменению правил и потери приватности. Данная трансформация создает устойчивую зависимость участников от платформ и служит источником экосистемной ренты. Сравнение европейской, китайской и американской моделей регулирования выявило различия между жестким предварительным контролем, гибким сочетанием экс-пост и экс-ант инструментов и прецедентным антиitrustовым подходом. Сделан вывод, что для России целесообразна дифференцированная регуляторная стратегия, учитывающая стадию развития платформ, поддерживающая национальные цифровые экосистемы и одновременно ограничивающая злоупотребление рыночной властью. Практическая значимость результатов связана с формированием политики опережающего развития, ориентированной на технологический суверенитет, инвестиции в новый уклад и использование платформенной инфраструктуры в общественных интересах.

JEL codes: B52, O33, L86, L40, P10.

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-5-46-60>

Для цитирования: Глушак, Н.В. Эволюция экономических систем в эпоху смены технологических укладов: от рыночного фундаментализма к интегральному платформенному порядку / Н.В. Глушак. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 5. – С.46-60. – URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.05.2026)

Введение

Современная экономика столкнулась с системным кризисом, который, судя по всему, носит не циклический, а глубинный, структурный характер. Синхронно происходит смена как доминирующих технологических, так и мирохозяйственных укладов. По словам академика РАН С.Ю. Глазьева, главный мировой вызов сегодня — это именно смена технологических и мирохозяйственных укладов, которая разворачивается на фоне технологической революции и серьезных изменений в системах управления экономическим развитием на национальном и международном уровнях [4, с. 1]. Либеральная доктрина, особенно в ее западной версии, с верой в «невидимую руку рынка» и приоритетом денежного капитала над производительным, показала свою несостоятельность. Для стран, которые запоздают с созданием производств нового уклада, велик риск надолго — примерно на четверть века — застрять в ловушке догоняющего развития, упустив очередное «окно возможностей» [4, с. 2].

На смену этим устаревшим представлениям приходит взгляд на экономику как на сложный, иерархически выстроенный организм, развитие которого подчинено законам смены технологических укладов. Цифровая революция — это не просто очередной этап научно-технического прогресса, а основа формирующегося шестого технологического уклада. Цифровизация прошла несколько этапов: с 1960-х по 1990-е (автоматизация отдельных процессов), с 1990-х по 2000-е (развитие сетей и интернет-торговли), с 2000-х по 2010-е (мобильные технологии и платформы) и с 2010-х по настоящее время, когда ключевую роль играют искусственный интеллект, большие данные и блокчейн [1, с. 7]. Ядро нового уклада — это нано-, биоинженерные, аддитивные технологии и, безусловно, цифровые, включая платформенные решения и ИИ.

В такой реальности Amazon, Alibaba, Яндекс или Wildberries — это уже не только новые бизнес-модели, а зачатки нового мирохозяйственного уклада, которые вступают в противоречие со старой институциональной средой, созданной под задачи индустриального капитализма. В современной научной литературе по экономике есть заметный пробел: платформы часто рассматривают либо сквозь призму теории двухсторонних рынков (с упором на сетевые эффекты и цены), либо в русле институциональной теории (где главное — снижение транзакционных издержек). Однако за рамками анализа остается понимание платформ как новых мета-институтов. Они не только снижают издержки, но также формируют собственную нормативную среду и по-новому распределяют власть в экономике [2, с. 57]. Авторы монографии под редакцией Е.В. Попова справедливо замечают, что появление интернет-площадок для краудсорсинга, обмена знаниями и услугами меняет и повседневность, и ведет к возникновению принципиально новых общественных институтов [7, с. 5].

Важно понимать и технологическую подоплеку этих сдвигов. Как отмечается в прогнозе Cloud Native Computing Foundation, ИИ постепенно эволюционирует от простого помощника до агента, которому делегируют критические задачи — от обеспечения ресурсами до реакции на инциденты [11, с. 1]. Так, экономика становится программно-управляемой. Четыре ключевых элемента контроля — «золотые пути», «ограждения», «страховочные сети» и «ручные проверки» — создают адаптивную и безопасную основу для управления высокоскоростной инфраструктурой [11, с. 2]. Это, в свою очередь, ставит принципиально новые вопросы о том, что такое экономическая власть сегодня и как она реализуется. Современные исследования в области блокчейн-технологий показывают, что платформенные решения на базе распределенного реестра и смарт-контрактов способны качественно изменить природу договорных отношений, создавая прозрачную среду транзакций и дополнительно сокращая транзакционные издержки [28;16].

Основная цель работы — проанализировать, как именно платформизация меняет экономический порядок, и предложить теоретическую рамку, которая была бы полезна для решения задач опережающего развития России. В рамках этой цели нужно решить несколько задач:

1. Обобщить существующие теоретические подходы к эволюции экономики и понять, насколько они применимы для анализа платформенной экономики.

2. Сравнить рыночный и платформенный способы координации по ряду параметров.
3. Показать, как меняется природа транзакционных издержек, и ввести понятие их «переконфигурации».
4. Предложить схему гибридного «рыночно-платформенного» порядка.
5. Разобрать международный опыт регулирования (Китай, ЕС, США) и понять, что из него можно применить в России.
6. Сформулировать практические рекомендации для экономической политики, чтобы использовать потенциал платформ для опережающего роста.

Главный вопрос, на который мы ищем ответ: платформизация — это всего лишь развитие рыночного механизма или же его качественное изменение, ведущее к формированию принципиально нового экономического порядка?

Методология исследования

Методология исследования опирается на системный, сравнительный, институциональный и эволюционный подходы, а также теорию технологических укладов С.Ю. Глазьева.

Эмпирическая база

Эмпирическая база сформирована на основе открытых источников разных типов:

1. Публичные выступления и интервью академика С.Ю. Глазьева, материалы Московского экономического форума 2025 года [8;4;5].
2. Аналитика и прогнозы международных организаций и исследовательских центров: Cloud Native Computing Foundation [11], OECD [23], BRICS Competition Centre [15].
3. Официальные регуляторные документы: антимонопольные руководства Китая [14;22], документы Евросоюза (DMA, DSA) [12;20;28], материалы сравнительных исследований по регулированию [19;25;11;17].
4. Научные статьи в рецензируемых журналах, включая работы по теоретическим вопросам цифровизации [18;9;1;13;2;3;7;10].
5. Открытые статистические данные о развитии цифровых платформ, встречающиеся в научных публикациях и отчетах.

Источники отбирались по принципу доступности для проверки, авторитетности в своей области и актуальности (в основном это публикации 2024–2026 годов).

В качестве основных методов исследования использовались теоретический анализ и синтез, компаративный и институциональный анализ, метод теоретического моделирования, а также эволюционно-исторический метод.

Результаты исследования

Эволюция теоретических подходов к анализу экономических систем

Господствующая неоклассическая теория, по сути, описывает мир, которого нет в реальности. Это мир атомизированных агентов с совершенной информацией, где цены выступают единственным регулятором. Такая картина далека от действительности, где рынком управляют монополии, информация — это ценный актив и источник власти, а решения приходится принимать в условиях неопределенности, которая заложена в саму структуру системы.

Чтобы понять происходящее, нужен другой инструментарий — синтез институциональной и эволюционной экономики, но прежде всего — теоретическая система, основанная на идеях Н.Д. Кондратьева и Й. Шумпетера. Речь о теории долгосрочного технико-экономического развития и концепции смены технологических укладов, которую развил в своих работах С.Ю. Глазьев [4].

В современной литературе можно выделить несколько подходов к осмыслению цифровизации экономики: эффективностный (цифровизация как фактор производительности), структурный (меняется отраслевая структура), процессный (трансформируются бизнес-процессы), ресурсный

(данные становятся новым ресурсом), коммуникативный (меняется характер взаимодействий) и другие [1, с. 9–11]. Само это многообразие говорит о том, что цифровая трансформация — явление сложное и многомерное.

Как заметил академик Глазьев на Московском экономическом форуме, позиция Центрального банка, который видит предел возможностей в низкой безработице, основана на устаревшей кривой Филлипса — концепции, от которой экономическая наука отказалась полвека назад. Якобы есть зависимость между низкой безработицей и высокой инфляцией, и ЦБ борется с инфляцией через борьбу с занятостью [3, с. 3].

Институты и технологические уклады

Институты — это уже далеко не «правила игры». Это механизмы, которые могут либо помогать становлению нового технологического уклада, либо, наоборот, консервировать отсталость, если это выгодно обладателям капитала, вложенного в уходящий уклад. С точки зрения неoinституциональной экономики, цифровая трансформация меняет структуру транзакционных издержек и ведет к появлению новых гибридных форм координации [2, с. 58]. Цифровые платформы можно уже рассматривать как эволюцию таких гибридных форм, где сочетаются рыночные механизмы и иерархический контроль.

Центробанк держит ключевую ставку на уровне, ограничивающим инвестиции и объективно действует в интересах старого, уходящего уклада [5]. Пока Китай и Индия через эмиссионное кредитование наращивают инвестиции в перспективные производства, российская денежно-кредитная политика продолжает сдерживать развитие реального сектора [3].

Платформы как институты нового типа

В этой логике платформы — это уже не «гибрид» между рынком и иерархией, а качественно новый институт, который соответствует производительным силам шестого технологического уклада. Исследователи выделяют у платформ несколько ключевых черт: они создают ценность, облегчая взаимодействие между разными группами пользователей, масштабируются за счет сетевых эффектов и контролируют ключевые точки взаимодействия (интерфейсы) [13, с. 870]. Как отмечается в новейших исследованиях, именно сетевые эффекты, масштабирование и механизмы блокировки пользователей (lock-in) лежат в основе формирования естественных монополий в цифровой среде [11, с. 2]. Шарый К.В. и Тарасов П.А. подчеркивают, что экосистемы и платформы становятся главными формами координации, перераспределяя роли между участниками рынка [10, с. 176].

Платформы возникают как способ резко снизить транзакционные издержки. Но если нет адекватного государственного регулирования, они быстро превращаются в инструмент для извлечения монопольной, или экосистемной, ренты. В исследовании Козловой Е.Д. показано, что цифровые платформы прошли в своем развитии три этапа: от простых LMS-систем (для администрирования) через LXP-платформы (для персонализации) к современным гибридным экосистемам, встроенным в стратегическое управление [3, с. 58]. Эта эволюция отражает общую логику: платформы движутся от решения узких, инструментальных задач к выполнению системообразующих функций.

Таблица 1 – Эволюция теоретических подходов к анализу платформенной экономики

Теоретическая школа	Ключевые представители	Основной объект анализа	Объяснительный потенциал для анализа платформ
Неоклассическая теория	А. Маршалл, Л. Вальрас	Рыночное равновесие, цены	Ограничен (не учитывает сетевые эффекты и институциональную специфику)

Теоретическая школа	Ключевые представители	Основной объект анализа	Объяснительный потенциал для анализа платформ
Теория двухсторонних рынков	Ж. Тириоль, Ж.-Ш. Роше	Сетевые эффекты, ценообразование	Высок (объясняет стратегии платформ по привлечению сторон)
Новая институциональная экономика	Р. Коуз, О. Уильямсон	Транзакционные издержки, гибридные формы	Высок (объясняет границы платформы и выбор форм координации)
Эволюционная экономика	Р. Нельсон, С. Уинтер	Рутинны, отбор, инновации	Средний (объясняет диффузию платформенных моделей)
Теория технологических укладов	С.Ю. Глазьев, Д.С. Львов	Длинные волны, технологические сдвиги	Высок (объясняет макроэкономический контекст платформизации)
Критический подход	Н. Срничек, Ш. Зубофф	Власть, надзор, эксплуатация	Средний (выявляет негативные последствия, но слаб в позитивной программе)

Источник: составлено автором на основе [1;2; 4;7;10;11]

Эмпирические данные говорят о стремительном росте платформенного сектора. Согласно исследованию журнала «Эксперт», за последние пять лет платформенная экономика удвоила свою рыночную стоимость и доходы: топ-100 крупнейших компаний отрасли достигли капитализации в 20 трлн долларов и выручки в 3,6 трлн долларов, обгоняя по темпам роста остальной крупный бизнес в два раза, а мировой ВВП — в четыре [9, с. 1]. Рентабельность в платформенном бизнесе выросла до 19% (при средней по миру в 9%), и пять из десяти самых дорогих компаний мира работают именно по платформенной модели [9, с. 2].

По данным ОЭСР, доля цифровых платформ в ВВП развитых стран достигла 4–7%, а в некоторых секторах (розница, такси, гостиничный бизнес) превышает 30–50% [23, с. 45]. В России, по данным Forbes, оборот интернет-сектора в 2025 году достиг 91 млрд долларов — это на 47% выше, чем годом ранее, причем 95% этой стоимости приходится всего на 30 крупнейших компаний [18, с. 1].

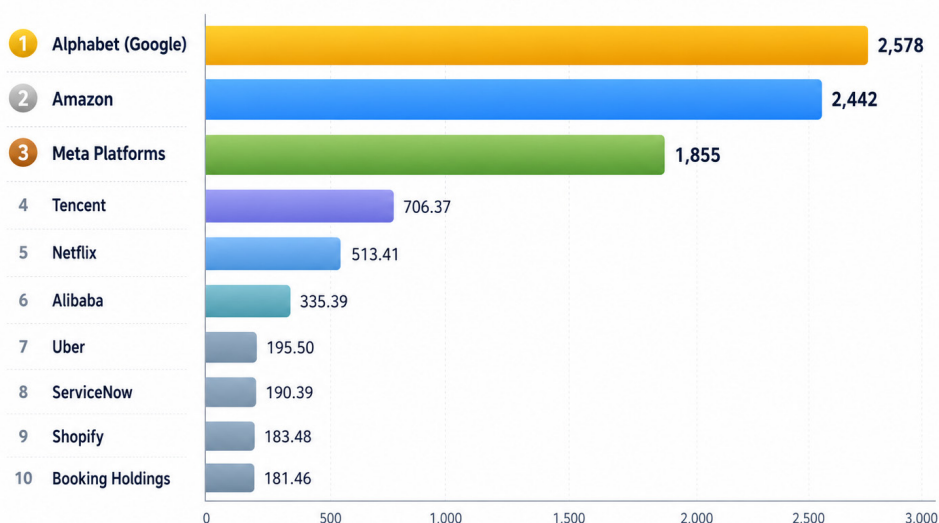
На глобальном рынке платформ наблюдается колоссальная концентрация: Amazon контролирует 34,2% мировой электронной коммерции, Temu — 19,6%, Shopify Plus — 14,3%, Meituan — 12,8%, TikTok Shop — 9,1% [12, с. 3].

Эволюция экономических систем не стоит на месте. От мануфактуры через фабрику к ТНК — теперь мы вступаем в эпоху платформенных экосистем. Если классический рынок XIX века держался на ценовом механизме, то современный — на алгоритмическом управлении. Это уже качественный скачок.

Согласно прогнозам, в 2026 году мы переходим к новой парадигме: ИИ-агенты будут не только генерировать код, а самостоятельно выстраивать инфраструктуру, исходя из целей, поставленных человеком. Разработчик задает требования высокого уровня, и ИИ-агент сам komponует, проверяет и предоставляет нужную инфраструктуру [11, с. 3]. Экономика помимо как цифровой, трансформируется в управляемую алгоритмами в реальном времени.

Крупнейшие цифровые платформы мира по капитализации (2025 г.)

по состоянию на 2 сентября 2025 г., млрд \$

**Рисунок 1** – Крупнейшие цифровые платформы мира по капитализации (2025 г.)

Источник: составлено автором на основе [9;12]

В работе Демирова В.В. отмечается, что цифровизация становится возможной благодаря запуску специфических платформ на базе ИИ и блокчейна. Автор также напоминает о важности исторического опыта, такого как проект ОГАС В.М. Глушкова — попытки создать централизованную систему управления экономикой, ограничения которой сегодня могут быть преодолены с помощью новых технологий [2, с. 54]. Современные исследования в области блокчейн-технологий подтверждают этот тезис: смарт-контракты и децентрализованные платформы создают принципиально новые возможности для автоматизации договорных отношений и снижения транзакционных издержек, что было недоступно на предыдущих этапах технологического развития [28;16].

Таблица 2 – Сравнительный анализ рыночной и платформенной парадигм координации

Критерий	Рыночная парадигма (догма)	Платформенная парадигма (реальность)	Характер изменений
Механизм координации	«Невидимая рука» (стихийный порядок)	Алгоритмическое управление (программируемый порядок)	Смена спонтанности на целеполагание владельцев кода
Основной сигнал	Цена	Рейтинг, рекомендация, персонализированная цена	Приватизация механизма ценообразования
Роль информации	Общественное благо	Частное благо (актив платформы, основа власти)	Усиление асимметрии и власти капитала
Положение участников	Формальное равенство	Фактическая зависимость от платформы	Новый феодализм — «цифровой крепостной»
Конкуренция	Свободная	Управляемая (внутри платформы) и межплатформенная	«Рынки в стенах», конкуренция как иллюзия

Критерий	Рыночная парадигма (догма)	Платформенная парадигма (реальность)	Характер изменений
Структура рынка	Тенденция к равновесию	Тенденция к монополии (сетевые эффекты)	«Победитель получает всё»
Природа власти	Рассредоточена	Концентрирована у владельцев кода	Инфраструктурная власть
Пространственная организация	Географические рынки	Цифровое пространство (глобальное)	Детерриториализация
Барьеры входа	Относительно низкие	Высокие (сетевые эффекты, контроль данных)	Новые типы барьеров

Источник: составлено автором на основе [2;4;10;11]

Идеологи либерализма продолжают твердить о «свободной конкуренции», но на платформенных рынках действует совсем иная логика. Конкуренция здесь — процесс управляемый, он идет внутри стен, выстроенных платформой. Алгоритмы ранжирования, непрозрачные правила модерации, внезапные изменения комиссий — все это инструменты власти, которые в классической экономической теории даже не упоминались.

Вопреки мифам о том, что платформы только снижают издержки, важно понять механизм формирования новой власти. Да, платформы отлично решают проблему поиска и заключения сделки. Но, устраняя старые проблемы, они порождают новые, гораздо более изощренные формы зависимости. Этот процесс точнее всего описывать как переконфигурацию транзакционных издержек. Исследования в области микротранзакций показывают, что цифровые платформы способны снижать издержки проведения микроплатежей до 0,19% против 22,7% у традиционных платежных систем, однако это достигается за счет создания новых форм зависимости и контроля над пользователями [26, с. 72]. Теоретические модели также демонстрируют, что платформы в условиях возможной дезинтермедиации (ухода транзакций офлайн) прибегают к стратегиям «фронтальной загрузки» издержек, повышая плату за ранние транзакции, что усиливает зависимость пользователей [13, с. 15].

Таблица 3 — Трансформация структуры транзакционных издержек

Вид издержек	В рыночной модели	В платформенной модели	Эффект для участников	Механизм воздействия платформы
Издержки поиска	Высокие	Минимальные (агрегация, поиск, фильтры)	Позитивный (экономия времени)	Агрегация информации
Издержки измерения качества	Высокие	Средние (рейтинги, отзывы, верификация)	Позитивный (снижение риска)	Системы репутации
Издержки заключения контракта	Средние	Минимальные (акцепт оферты одним кликом)	Позитивный (упрощение)	Стандартные формы

Вид издержек	В рыночной модели	В платформенной модели	Эффект для участников	Механизм воздействия платформы
Издержки переключения	Низкие	Высокие (потеря рейтинга, истории, lock-in)	Негативный	Накопление репутации, интеграция сервисов
Издержки подчинения алгоритму	Отсутствуют	Высокие (необходимость изучать правила, риск демонетизации)	Негативный	Непрозрачность алгоритмов, частые изменения
Издержки потери приватности	Минимальные	Высокие (сбор и коммерциализация данных)	Негативный	Сбор данных по умолчанию
Издержки адаптации к изменениям	Низкие	Средние/Высокие	Негативный	Одностороннее изменение правил

Источник: составлено автором на основе [2;7;10;26]

Снижая издержки входа и доступа, платформа сознательно или объективно повышает издержки выхода. Накопленная репутация, история покупок, привязанные сервисы — это «золотые клетки» для пользователей. В этом и состоит суть перехода к новому укладу: старые издержки уходят, но на их место приходят новые, становящиеся источником огромной экосистемной ренты для владельцев платформ. Это уже не «невидимая рука» рынка, а «видимая рука» алгоритмического планировщика, работающая в частных интересах.

Мировой опыт, в отличие от догматических рекомендаций МВФ, показывает: эффективное развитие в рамках нового уклада возможно только при активной роли государства. Анализ международной практики позволяет выделить две принципиально разные модели регулирования платформенной экономики: европейскую (жесткую, экс-ант) и китайскую (гибкую, ориентированную на государственные интересы). Новейшие исследования показывают, что выбор между экс-ант и экс-пост регулированием должен зависеть от стадии развития платформы: на начальном этапе эффективно мягкое экс-пост регулирование, тогда как при достижении монопольной власти необходим переход к жесткому экс-ант регулированию [24, с. 25]. Это подтверждается и эволюцией подходов в китайской регуляторной практике [11;22].

Европейская модель. Евросоюз выбрал путь жесткого предварительного (экс-ант) регулирования через Digital Markets Act (DMA) и Digital Services Act (DSA). Как отмечает китайский исследователь Лиша Цин, ЕС внедряет проактивную, основанную на жестких правилах модель с заранее заданными обязательствами для «привратников» [11, с. 2]. Однако, по мнению профессора Wang Xiaoye, регулирование высокотехнологичных компаний в ЕС сталкивается с серьезными проблемами: ему не хватает объективности и беспристрастности. Кроме того, запреты, применяемые «пакетно», не учитывают экономическую эффективность вертикальной интеграции [28]. Современные дискуссии вокруг первого пересмотра DMA (май 2026 года) показывают, что малый и средний бизнес поддерживает усиление регулирования, тогда как сами платформы указывают на риски для пользовательского опыта и пропорциональности требований [20;16].

В монографии Марии Иоанниду и Бингвана Сюнга подчеркивается, что европейская модель на деле является инструментом промышленной политики, направленным на защиту европейских компаний от американских и китайских гигантов [19, с. 15]. Требования к «привратникам» в ЕС

настолько жесткие, что могут сдерживать инновации.

Китайская модель. Китай демонстрирует совершенно иной подход. В ноябре 2025 года Государственное управление по регулированию рынка КНР (SAMR) вынесло на публичное обсуждение «Руководящие принципы антимонопольного соответствия для интернет-платформ» [22, с. 2]. Этот документ призван помочь операторам платформ выявлять для себя антимонопольные риски. Китайские исследователи отмечают, что за последние годы в стране сформировалась эффективная система антимонопольного регулирования цифровых платформ, учитывающая их сетевую природу и особенности рыночной власти в цифровой среде [11, с. 5]. В руководстве описаны восемь сценариев высокорискового поведения [22, с. 3]:

1. Антиконтентный сговор с использованием алгоритмов.
2. Организация или помощь продавцам на платформе в достижении антиконкурентных соглашений.
3. Установление платформами необоснованно высоких цен.
4. Продажа товаров или услуг ниже себестоимости.
5. Блокировка контента и приостановка учетных записей.
6. Навязывание эксклюзивных соглашений.
7. Требование к продавцам устанавливать самые низкие цены.
8. Дискриминационное обращение.

Как заявил Ху Пинцзе, заместитель директора Второго бюро по борьбе с монополиями SAMR, существующая в Китае конкурентная регуляторная структура — это эффективная система, сложившаяся за долгое время и подходящая для развития цифровой экономики страны [15, с. 2]. Китайский подход — это поиск баланса между жестким контролем и поддержкой национальных лидеров.

В январе 2026 года были приняты новые редакции правил «безопасной гавани» для вертикальных соглашений. Согласно им, для ценовых вертикальных соглашений порог доли рынка установлен в 5% при обороте менее 100 млн юаней, для неценовых — 15% [14, с. 1]. Это показывает гибкий, дифференцированный подход к регулированию.

В статье, опубликованной в *Concurrences*, критикуется европейский подход: «DMA может рассматривать действия, не имеющие антиконкурентных последствий, как «незаконные», что противоречит общим экономическим принципам традиционного антимонопольного права. Китаю не стоит учиться у европейской модели, так как это серьезно подорвет инвестиционную активность и инновации китайских интернет-компаний» [20, с. 1].

Таблица 4 – Сравнительный анализ моделей регулирования платформенной экономики

Характеристика	Европейская модель (DMA)	Китайская модель	Американская модель
Тип регулирования	Экс-ант (предварительное)	Экс-пост (реактивное) + гибкие инструменты	Прецедентное, экс-пост
Основные акты	DMA, DSA	Антимонопольный закон, руководства SAMR	Антитрастовое законодательство, прецеденты
Критерии для платформ	Количественные (оборот, число пользователей)	Качественные + поведенческие	Качественные (рыночная власть)
Санкции	Штрафы до 20% глобального оборота	Штрафы, принудительная реструктуризация	Штрафы, разделение компаний

Характеристика	Европейская модель (DMA)	Китайская модель	Американская модель
Подход к инновациям	Риск подавления	Баланс контроля и поддержки	Поощрение конкуренции
Отношение к национальным лидерам	Нейтральное (де-факто защита европейских)	Активная поддержка	Либеральное

Источник: составлено автором на основе [12;14;15;17;19;20;22;25;28]

Обсуждение

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько основных выводов.

Во-первых, эволюция экономических систем в XXI веке идет в сторону формирования платформенного порядка. Он не отменяет рынок, но серьезно меняет условия его работы. Платформы превращаются в мета-институты, берущие на себя функции частных регуляторов. Складывается гибридный рыночно-платформенный порядок, где классическая конкуренция идет уже внутри иерархически организованной цифровой среды. Как справедливо замечают Шарый К.В. и Тарасов П.А., в региональной политике намечается переход к экосистемному подходу, развитию публично-частных платформ и гибкому регулированию [10, с. 177].

Во-вторых, эффективность платформ основана на переконфигурации транзакционных издержек. С одной стороны, они минимизируют издержки поиска и заключения контрактов. С другой — создают издержки зависимости (переключение, подчинение алгоритмам, потеря данных), что усиливает власть экосистем и служит источником экосистемной ренты. Это подтверждает мысль Демирова В.В. о том, что глубокая трансформация методов ведения бизнеса из-за информатизации переходит в фазу комплексной цифровизации всей экономики [2, с. 55]. Новейшие эмпирические исследования показывают, что снижение транзакционных издержек на микроуровне (до 0,19% при использовании блокчейн-платформ) сопровождается ростом издержек переключения и зависимости, что подтверждает концепцию переконфигурации [26, с. 75]. Теоретические модели также демонстрируют, что платформы оптимизируют свою ценовую политику таким образом, чтобы максимизировать издержки выхода для пользователей [13, с. 18].

В-третьих, международная практика регулирования дает два принципиально разных образца. Европейская модель (DMA) — это жесткое предварительное регулирование, которое, по мнению китайских экспертов, служит инструментом промышленной политики, направленным против крупных онлайн-платформ из Китая и США [20, с. 2]. Китайская модель, наоборот, делает ставку на гибкость, сочетая жесткий контроль внутри страны с поддержкой национальных лидеров на глобальном рынке. Сравнительный анализ показывает, что оптимальная регуляторная стратегия должна учитывать стадию развития платформы: экс-пост регулирование на начальном этапе и экс-ант — при достижении монопольной власти [24, с. 28]. Как подчеркивает Ху Пинцзе, Китай изучает зарубежные модели, но не стремится копировать их, предпочитая исходить из своих национальных реалий [15, с. 1].

В-четвертых, в монографии под редакцией Е.В. Попова вводится важное понятие «эконотроника» — отрасли экономики XXI века, которая изучает, как изменились общественные связи под влиянием интернета и цифровизации [7, с. 6]. Это понятие фиксирует качественное изменение природы экономических взаимодействий. Развитие блокчейн-технологий и смарт-контрактов открывает новые возможности для эконотроники, создавая прозрачную среду транзакций и автоматизируя договорные отношения [28;16].

Полученные результаты могут быть полезны для формирования экономической политики в России. Как отмечает С.Ю. Глазьев, у России есть научно-технический потенциал в ряде высокотехнологичных отраслей, и если его активно использовать, можно совершить рывок. Для

этого нужна стратегия опережающего развития [4, с. 2].

Выступая на Московском экономическом форуме в апреле 2025 года, Глазьев отметил, что спор о пределе выпуска продукции в последние годы разрешался только за счет роста госзаказа. Главным драйвером стал рост государственного спроса, подкрепленный опережающим ростом инвестиций, где темпы достигают двузначных цифр. Потенциал для роста есть: Россия могла бы производить на четверть больше, если бы удалось связать все имеющиеся ресурсы в производственном процессе [3, с. 4].

Но ключевая проблема сегодня — денежно-кредитная политика. По словам академика, мощности не могут быть загружены, потому что кредит недоступен. Промышленность сильно закредитована и работает на кредитах. За исключением добычи и субсидируемых отраслей, вся экономика лишена доступа к кредиту. На одних оборотных средствах осваивать современные технологии нереально [3, с. 5]. С.Ю. Глазьев резюмирует: Центробанк из механизма создания денег превратился в механизм их изъятия [5, с. 2].

Опираясь на сравнительный анализ международного опыта, можно предложить следующие рекомендации для России:

1. Не стоит слепо копировать европейскую модель DMA, так как она может подавить инновации и развитие национальных платформ. Китайский опыт показывает, что жесткие экс-ант требования не всегда отвечают национальным интересам стран, стремящихся развивать своих платформенных лидеров [20;28].

2. Целесообразно перенять китайский подход к идентификации высокорисковых практик, выделив четкие критерии неприемлемого поведения платформ: алгоритмический сговор, дискриминация, навязывание эксклюзивности [15;22].

3. Разработать дифференцированное регулирование для разных типов платформ (транзакционные, инновационные, социальные), как это предлагается, например, в классификации Козловой Е.Д. [3, с. 62]. При этом следует учитывать, что оптимальная стратегия регулирования должна меняться по мере развития платформы: от мягкого экс-пост на начальном этапе к жесткому экс-ант при монополизации [24, с. 30].

4. Обеспечить баланс между контролем и поддержкой, создав условия для роста национальных платформенных лидеров, способных конкурировать на глобальном рынке, но при этом ограничив их монопольную власть внутри страны.

5. Кардинально пересмотреть макроэкономическую политику: перейти к целевым механизмам рефинансирования ЦБ, ввести валютный контроль для предотвращения оттока капитала, увеличить расходы на НИОКР в сфере цифровых технологий в разы [4].

Основное ограничение этого исследования — его теоретико-методологический характер и опора преимущественно на качественные методы. Нехватка долгосрочной статистики по платформенной экономике ограничивает возможности для количественной проверки предложенных решений.

Направления для будущих исследований, как отмечается в литературе [1, с. 12], могут включать:

1. Эмпирический анализ конкретных платформенных рынков количественными методами.
2. Моделирование того, как алгоритмическое управление влияет на поведение экономических агентов.
3. Попытки измерить экосистемную ренту и разработать методы ее оценки.
4. Изучение децентрализованных альтернатив (Web3, DAO, блокчейн-платформы) как способа демократизации цифровой экономики.
5. Сравнительный анализ эффективности разных моделей регулирования.
6. Исследование социальных последствий платформизации: влияние на занятость, неравенство, социальные связи.

Заключение

Мир стоит на пороге формирования нового, интегрального мирохозяйственного уклада. В Журнал «Теоретическая экономика» № 5 | 2026

нем не будет места слабо контролируемому рынку XIX века, ни монетарному фундаментализму века XX-го. Экономика будущего — это экономика планирования, но не бюрократического, а научно обоснованного, где цифровые платформы могут стать инструментами государственного управления и общественного контроля. Современные технологии — агентный ИИ, блокчейн, платформенные решения — создают для этого техническую базу.

Как отмечается в прогнозе CNCF, новая задача для ИТ-лидеров — перестать рассматривать ИИ всего лишь как функцию, а начать проектировать агентскую инфраструктурную платформу, которая сможет эффективно управлять механизмами контроля [11, с. 5].

Платформенная экономика — это не дань моде и не очередная бизнес-ниша. Это объективная реальность нового технологического уклада. Либо мы как государство научимся управлять этим процессом, ставить платформы на службу обществу и использовать их для опережающего развития, либо они станут инструментом окончательного подчинения страны транснациональному капиталу.

У России есть шанс совершить рывок, используя свой научный и интеллектуальный потенциал. Но для этого необходимо сменить либерально-монетаристскую экономическую модель на мобилизационную, стратегическую, ориентированную на становление высоких технологических укладов.

Как резюмирует С.Ю. Глазьев, страны, которые опоздают с созданием базовых производств нового уклада, окажутся в ловушке «догоняющего развития» на долгие годы, до следующего «окна возможностей» [4, с. 3]. В данном случае промедление действительно может иметь критические последствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анализ этапов развития цифровизации экономики: эволюция, взгляды авторов и подходы к изучению понятия // От химии к технологии шаг за шагом. — 2025. — Т. 126, № 2. — С. 4–14. — URL: <https://chemintech.ru/ru/nauka/article/93385/view> (дата обращения: 13.03.2026).
2. Демиров В.В. Алгоритм и капитал: взаимодействие на пути к становлению цифровой экономики // Международный бизнес. — 2025. — № 1(11). — С. 53–74. — DOI: 10.24833/2949-639X-2025-1-11-53-74.
3. Козлова Е.Д. Эволюция и классификация цифровых платформ в условиях технологической трансформации // *π-Economy*. — 2025. — Т. 18, № 6. — С. 54–70. — DOI: 10.18721/πE.18603.
4. МЭФ-2025: I Пленарная дискуссия «Новая индустриализация и умножение народа» // Московский Экономический Форум. — 2025. — 1 апреля. — URL: <https://me-forum.ru/media/events/mef-2025-i-plenarnaya-diskussiya-novaya-industrial/> (дата обращения: 15.03.2026).
5. МЭФ-2025: Сессия №3 «Пора ли национализировать Центробанк России?» // Московский Экономический Форум. — 2025. — 1 апреля. — URL: <https://me-forum.ru/media/events/mef-2025-sessiya-3-pora-li-natsionalizirovat-tsent/> (дата обращения: 12.03.2026).
6. Покровская Н.Н. Позиционирование и коммуникация в цифровой среде: исследование цифровых следов: монография / Покровская Н. Н.; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2025. — 126 с.
7. Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Комарова О.В. и др. Экономические экосистемы: монография / под науч. ред. д-ра экон. наук, проф., чл.-кор. РАН Е.В. Попова. — М.: ИНФРА-М, 2024. — 356 с.
8. Сергей Глазьев: Московский экономический форум предложит стратегию опережающего развития российской экономики! // Московский Экономический Форум. — 2025. — 17 марта. — URL: <https://me-forum.ru/media/news/17369/> (дата обращения: 12.03.2026).
9. Соколов Д. Передовики производства и потребления. Как платформы поделили мировые рынки // Эксперт. — 2026. — 19 февраля. — URL: https://expert.ru/rating/arkhiv_r/ekonomikar/renking-100-krupneyshikh-mirovykh-platform/peredoviki-proizvodstva-i-potrebleniya/ (дата обращения: 12.03.2026).
10. Шарый К.В., Тарасов П.А. Теоретические аспекты влияния цифровизации на трансформацию региональной экономической политики // Менеджер. — 2025. — № 8(114). — С. 174–183. — DOI: 10.5281/zenodo.17786962
11. Awan A. The autonomous enterprise and the four pillars of platform control: 2026 forecast // Cloud Native Computing Foundation. — 2026. — 23 January. — URL: <https://www.cncf.io/blog/2026/01/23/the-autonomous-enterprise-and-the-four-pillars-of-platform-control-2026-forecast/> (дата обращения: 25.02.2026).
12. Best Selling Platforms: 2026 Market Share Analysis & Growth Strategies // Alibaba.com. — 2026. — March. — URL: <https://www.alibaba.com/product-insights/best-selling-platforms-2026-market-share-analysis-growth-strategies.html> (дата обращения: 03.03.2026).
13. Bonina C., Koskinen K., Eaton B. Digital platforms for development: Foundations and research agenda // *Information Systems Journal*. — 2021. — Vol. 31, No. 6. — P. 869–902. — DOI: 10.1111/isj.12326.
14. China Clarifies «Safe Harbor» Rules for Vertical Agreements: Key Antitrust Compliance Implications // Chambers and Partners. — 2026. — 14 January. — URL: <https://chambers.com/articles/china-clarifies-safe-harbor-rules-for-vertical-agreements-key-antitrust-compliance-implications> (дата обращения: 02.03.2026).
15. China Sticking with Own Tech Rules Over EU Approach, SAMR Official Says // BRICS Competition Centre. — 2025. — 9 April. — URL: <https://www.bricscompetition.org/ru/news/china-sticking-with-own-tech-rules-over-eu-approach-samr-official-says> (дата обращения: 12.03.2026).
16. Commission publishes summary and responses to the consultation on the ongoing review of the Digital Markets Act // European Commission. — 2026. — 8 January. — URL: <https://ec.europa.eu/commission/>

presscorner/api/documents?reference=mex/26/54&language=en (дата обращения: 15.03.2026).

17. Enache A., Rhodes A. Platform Disintermediation with Repeated Transactions // Management Science. — 2025. — Published online. — DOI: 10.1287/mnsc.2025.02150.

18. Forbes: рейтинг самых дорогих компаний Рунета 2025 // Forbes Russia. — 2025. — 25 ноября. — URL: <https://www.forbes.ru/biznes/531064-lidery-rejtinga-samyh-dorogih-kompanij-runeta-2025> (дата обращения: 12.03.2026).

19. Ioannidou M., Xiong B. Competition law and policy in digital markets: a comparative analysis of the EU and China. — Oxford: Oxford University Press, 2025. — 256 p. — URL: [https://library.law.suffolk.edu/search~\\$5?/cK3876+.E42+2009/ck++3876+e42+2009/-53%2C1%2C1%2CE/frameset&FF=ck++3850+i6+2025&0%2C0%2C](https://library.law.suffolk.edu/search~$5?/cK3876+.E42+2009/ck++3876+e42+2009/-53%2C1%2C1%2CE/frameset&FF=ck++3850+i6+2025&0%2C0%2C) (дата обращения: 12.03.2026).

20. Is it Really Necessary for China's Antimonopoly Regulation of Its Digital Market to Learn from the EU DMA Model? // Concurrences. — 2026. — 12 January. — URL: <https://awards.concurrences.com/en/awards/2026/academic-articles/is-it-really-necessary-for-china-s-antimonopoly-regulation-of-its-digital> (дата обращения: 01.03.2026).

21. Jasper van den Boom J. Regulating Competition in the Digital Network Industry. — Cambridge: Cambridge University Press, 2026. — 250 p. — URL: <https://www.lehmanns.de/shop/recht-steuern/80698167-9781009671699-regulating-competition-in-the-digital-network-industry> (дата обращения: 15.03.2026).

22. Main Developments in Competition Law and Policy 2025 — China // Wolters Kluwer. — 2026. — 20 January. — URL: <https://legalblogs.wolterskluwer.com/competition-blog/main-developments-in-competition-law-and-policy-2025-china/> (дата обращения: 12.03.2026).

23. Measuring the Digital Transformation: A Roadmap for the Future. — Paris: OECD Publishing, 2019. — 268 p. — URL: https://www.oecd.org/en/publications/measuring-the-digital-transformation_9789264311992-en.html (дата обращения: 12.03.2026).

24. Peng G., Zhang X., Liu Y. Ex-post vs. ex-ante regulation on platforms' discriminatory pricing under different market structures: an evolutionary game study // Electronic Commerce Research. — 2026. — Vol. 26, No. 1. — P. 15–32. — DOI: 10.1007/s10660-024-09933-3.

25. Qing L. How China and the European Union Regulate the Abuse of Market Dominance in the Platform Economy // Lund University Publications. — 2025. — URL: <https://lup.lub.lu.se/student-papers/search/publication/9194723> (дата обращения: 12.03.2026).

26. Wright C.S. Optimizing Global Micropayments Through Bitcoin's On-Chain Architecture for Enhanced Scalability and Economic Efficiency // Walden Dissertations and Doctoral Studies. — 2025. — 18864. — URL: <https://scholarworks.waldenu.edu/dissertations/18864/> (дата обращения: 15.03.2026).

27. 互联网平台垄断治理的研究进展与展望 // 国研网. — 2026. — 9 January. — URL: <https://d.drcnet.com.cn/?docid=8116663&leafid=24303> (дата обращения: 15.03.2026).

28. 徐慧. 在发展中不断完善数字经济法治体系 // 上海法治报. — 2025. — 24 сентября. — С. B02. — URL: http://www.shfzb.com.cn/shfzb/html/2025-09/24/content_150504_2661658.htm (дата обращения: 12.03.2026).

Evolution of economic systems in the era of changing technological paradigms: from market fundamentalism to an integral platform order

Glushak Nikolay Vladimirovich

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

E-mail: GNW3@yandex.ru

KEYWORDS

technological structure,
world economic structure,
platform economy, digital
platforms, transaction costs,
ecosystem rent, advanced
development, algorithmic
management, network effects

ABSTRACT

The article examines the evolution of economic systems amidst the shift in technological and world economic paradigms, accelerated by digitalization and the proliferation of platform business models. The aim of the study is to substantiate the platform economy as a qualitatively new integral order that combines market mechanisms, hierarchical coordination, and algorithmic governance. The methodological basis comprises systemic, institutional, comparative, and evolutionary approaches, the theory of technological paradigms, as well as methods of theoretical modeling and comparative analysis of international regulatory practice. The empirical foundation consists of scientific publications, open statistics, documents of international organizations, and regulatory acts characterizing the development of the platform sector and modern approaches to its state regulation. It is demonstrated that digital platforms perform the functions of meta-institutions and private regulators: they establish rules of access and interaction, manage information flows, pricing, and competition, concentrating infrastructural power in the hands of data and algorithm owners. The scientific novelty lies in the development of the transaction cost reconfiguration concept. It is established that the reduction of search, quality measurement, and contract conclusion costs is accompanied by an increase in switching costs, subordination to algorithms, adaptation to unilateral rule changes, and loss of privacy. This transformation creates a stable dependence of participants on platforms and serves as a source of ecosystem rent. A comparison of European, Chinese, and American regulatory models revealed differences between strict ex-ante control, a flexible combination of ex-post and ex-ante instruments, and a case-based antitrust approach. It is concluded that a differentiated regulatory strategy is advisable for Russia, one that takes into account the development stage of platforms, supports national digital ecosystems, and simultaneously limits the abuse of market power. The practical significance of the results is associated with the formulation of a proactive development policy focused on technological sovereignty, investments in the new paradigm, and the use of platform infrastructure in the public interest.

Прогноз технологической сингулярности экономической формации

Филипповский Максим Леонидович 

Кандидат экономических наук

Межотраслевая коллегия адвокатов Краснодарского края, г. Краснодар, Россия

E-mail: renomeconsult@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

эволюционная метатеория, парадигматизм, цифровая экономика, прогноз инноваций, технологическая сингулярность, синтез науки и технологий, постмарксизм

АННОТАЦИЯ

Современная экономическая наука переживает парадигмальный кризис: классические теории, включая марксистскую, не описывают трансформации, вызванные цифровизацией, искусственным интеллектом и квантовыми технологиями. Отсутствует системный долгосрочный прогноз инновационных изменений, охватывающий период возможной технологической сингулярности. Автор, развивая свою общую теорию экономической формации, стремится придать ей прогнозную размерность и выявить закономерности технологий и фазовых переходов. Цель исследования – построение позитивного технологического прогноза инновационной трансформации факторов и способа производства от эпохи технологической пресингулярности до финальной фазы, где созидательное сознание становится основным ресурсом. В работе решаются задачи: расширение теории за счёт прогноза инноваций по пяти факторам (труд, земля, капитал, энергия, информация); описание фазовых переходов; уточнение концепции пресингулярности; характеристика пяти сингулярных фаз. Методологическая основа – структурно-семантическое моделирование взаимосвязей инноваций с технологическими прорывами; экстраполированный прогноз на основе анализа трендов в области искусственного интеллекта, квантовых вычислений, робототехники, энергетики и биоинженерии; синтез данных из естественнонаучной, футурологической, экономической и нормативной литературы. Выборка охватывает технологические прогнозы, отобранные по критерию описания факторов производства. В результате определены шесть последовательных фаз развития экономической формации. Для эпохи технологической пресингулярности выявлены инновации, активизирующие все пять факторов через цифровые экосистемы, симбиоз с искусственным интеллектом и распределённые энергосети. Первая фаза сингулярности знаменует переход к посттрудовому обществу с универсальным базовым доходом и горизонтальными сетевыми структурами. Последующие фазы описывают эволюцию от квантового производства и биоэкономических систем к управлению законами физики, где экономика уступает место космическому творчеству. В долгосрочной перспективе сознание становится метафактором производства, а экономические отношения трансформируются в управление реальностью. Результаты применимы при стратегическом планировании научно-технологического развития, в долгосрочных прогнозах для государственных органов, а также в междисциплинарных исследованиях экономической эволюции. Ограничения связаны с гипотетичностью отдалённых фаз и отсутствием эмпирической верификации. Будущие исследования требуют уточнения экономических механизмов распределения в условиях изобилия и анализа этических аспектов интеграции сознания и технологий.

JEL codes: B41, B51, B52, O33

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-5-61-78>

Для цитирования: Филипповский, М.Л. Прогноз технологической сингулярности экономической формации / М.Л. Филипповский. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 5. – С.61-78. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.05.2026)

Введение

Текущая экономическая модель развития переживает парадигмальный кризис. Классические теории, включая марксистскую концепцию формаций, оказались не готовы к вызовам XXI века.

Традиционная триада факторов производства (труд, земля, капитал, а также и дополнение к ним в виде предпринимательских способностей) сегодня требует кардинального пересмотра. В эпоху цифровизации и энергетического перехода на первый план выходят информация и энергия как системообразующие элементы экономики.

Капиталистическая модель демонстрирует признаки системного истощения и рост противоречий: экономические, политические и экологические кризисы, технологические разрывы и исчерпание традиционных механизмов использования труда, дисбалансы в распределении полезного продукта создают предпосылки для качественного скачка в развитии производительных сил. Четвёртая промышленная революция с её ключевыми технологиями (искусственный интеллект (ИИ), квантовые вычисления, роботизация) радикально трансформирует сам способ производства. [32] Это требует проработки новой прогнозной метамодели экономической эволюции, интегрирующей: расширенный факторный анализ (включая энергию и информацию), эволюционный подход к инновациям в способе производства, футуристические сценарии развития технологий.

Цель и задачи исследования

Целью данного исследования является построение позитивного технологического прогноза инновационной трансформации факторов и способа производства, охватывая период от технологической пресингулярности $\psi(\Phi'0)$ до финальной фазы развития экономической формации, $\psi(\Phi'1 \rightarrow \Phi'5)$, когда созидательное сознание (ψ) становится основным производственным ресурсом.

Для достижения этой цели в работе решаются следующие задачи: расширение общей теории экономической формации в части прогноза инноваций в модернизированной системе факторов производства; выявление закономерностей фазовых переходов через призму инноваций в способе производства с учётом последовательного освобождения труда и новых свойств факторов и способов производства; уточнение концепции технологической пресингулярности как точки перехода в качественное изменение экономической парадигмы; описание инноваций гипотетических фаз сингулярного развития, где, наряду с освобождением человеческой занятости от определённого фактора, традиционное производство замещается искусным творением реальности, а экономические отношения преобразуются в управление законами мироздания.

Методологическая основа

Данный прогноз инноваций, несмотря на свою некоторую фантастичность, является итогом анализа инновационной сферы в области естествознания с учётом следования технологическим трендам современности и развития информационно-технологической базы цифровой экономики. [27] Дополняется и исследуется авторская эволюционная концепция фаз развития экономической формации.

Исследование базируется на взаимодополняющих методологических подходах: формационный и факторный анализ инноваций, экстраполированный прогноз инноваций эпохи технологической пресингулярности и пяти сингулярных фаз. Использовано структурно-семантическое моделирование для установления взаимосвязей инноваций с технологическими прорывами в разных областях человеческой деятельности и изменениями способа производства. Проведён синтез прогнозных знаний о развитии технологий из научных областей естествознания, теоретической физики, футурологии и экономической теории.

Обзор литературы

Мы вступаем в эру конвергенции технологий и знаний, когда синтез научной, теоретической и прикладной информации преобразует социально-экономическое устройство всего общества. Рациональным средством предвидения появления и изменения инновационных технологий, их воздействия, является технологическое прогнозирование. Э. Янч отметил, что технологическое прогнозирование дает возможность сократить неоправданные паузы между различными фазами

инновационного цикла почти до нуля от времени, предшествующего открытию, до фазы деловых циклов. [34]

К настоящему времени накоплен обширный методологический и методический инструментарий технологической прогностики. [2, 3, 7, 10, 16, 22, 24] Российские ученые, признавая пределы возможностей прогнозирования с учетом современных средств моделирования, апеллируют к сознанию ноосферы, о которой писал знаменитый русский ученый В. И. Вернадский, как о биосфере, переработанной научной мыслью, по его видению, состоянием эволюции биосферы в геологической истории, высшей его формой. [5, 23]

А. П. Назаретян, анализируя книгу А. Идена и коллег относительно гипотезы сингулярности через концепцию синергетической модели, выделил три аттрактора (точнее, сценария развития): первый – прекращение эволюции из-за исчезновения жизни; второй – временная стабилизация антропосферы на пике возможностей; третий – прорыв планетарной эволюции в космическую стадию. [20] Комментируемая работа А. Идена сосредоточена на предположениях о взрыве интеллекта, трансгуманизме и эмуляции мозга. [36]

Некоторые технологические прогнозы связывают с окончательным формированием цивилизация I типа, связанной с полным освоением Земли, и началом становления космической цивилизации II типа (по теории Н. С. Кардашёва), основанной на использовании энергии всей Солнечной системы. [12, 15] В своем прогнозе М. Каку полагает, что освоение Марса случится к 2030–2040 годам, квантовые компьютеры изменят медицину и криптографию, а бессмертие станет возможным через оцифровку сознания к 2100 году. [13, 14] К. Торн, рассматривая физические теории, предположил возможность путешествий в пространстве и времени через «червоточины», а Б. Грин допустил реальность параллельных миров, предвещая научные прорывы в квантовой физике. [9, 26]

В целом современные авторы сходятся в неизбежном доминировании информационных технологий во всех сферах. [1, 6, 33] Для технологической сингулярности уже достаточно сформированы факторы цифровой экономики. [29] При этом искусственный интеллект становится одним из факторов преобразований. [8, 31] Р. Курцвейл предполагает, что искусственный интеллект превзойдет человеческий интеллект, технологическая сингулярность произойдет к 2045 году, а к 2100 году бионическое тело может заменить биологическое. [17]

Высказывая опасение, что искусственный интеллект может стать угрозой человечеству, Н. Бостром увидел жизнь в матрице, как симуляции реальности. [4] Критикуя теорию сингулярности, А. Брага и Р. Логан отмечают, что искусственный интеллект не сможет заменить человеческий вследствие отсутствия простых эмоций. Авторы предлагают рассматривать компьютеры исключительно как инструменты, расширяющие человеческие возможности, а не заменяющие их. [35]

Технологический прогноз остаётся актуальным средством стратегического планирования и реализации экономической политики на международном и государственном уровне. [11, 19] В недавнем докладе генерального секретаря ООН отмечено, что технологическое прогнозирование служит для того, чтобы предвидеть будущие тренды и инновации, и выступает в качестве ориентира для долгосрочного стратегического планирования и инвестиций в исследования и разработки. [25] В Российской Федерации руководящим документом является Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года. [21]

В предыдущей работе автора, развивающей Марксистскую теорию экономической формации, был показан исторический путь появления инноваций (как кристаллизованном полезном знании, индикаторах ноосферы) в расширенной системе пяти факторов производства: труд (L), земля (G), капитал (K), энергия (E) и информация (I), а также изменение их преобладания в способе производства, и исследованы некоторые особенности формирования способа производства, выявлены ключевые закономерности преобразований. [28] Был предложен схематичный футурологический взгляд на будущее развитие экономической формации с точки зрения последовательного сокращения удельного веса трудового фактора в производственной функции других факторов в качестве

решения задачи оптимизации экономической формации. После публикации этой работы, ее идеи были использованы для футуристической монографии: используя мифопоэтический язык, были описаны инновации гипотетического будущего, но при этом сохранены различные фазы и группировка инноваций внутри этих фаз по каждому фактору производства. [30] Изначально предложенная идея технологической сингулярности была пересмотрена. Разворачивающаяся эпоха названа технологической пресингулярностью, дальнейшая эволюция показана через пять гипотетических фаз сингулярности, а термин «коммунизм» при обозначении фаз был заменен для снятия терминологических противоречий, на которые указали читатели. Там же автор разработал иллюстрацию прогноза, указав временные промежутки преобразования фаз вплоть до 2150 года. (Рис. 1) В настоящем исследовании мы систематизируем сведения о появляющихся и возможных будущих инновациях в факторах и способах производства с учётом теоретических предположений и отмеченных закономерностей. Время и продолжительность такого момента является предметом дискуссий. В ходе работы, разделяя технологическую сингулярность при описании эволюционных изменений на фазы, мы назовём потенциальные инновации и перспективные теоретические предсказания и футурологические гипотезы технологического развития, возникающие в факторах и способах производства по обновленной пятифакторной модели в терминах настоящего времени, а также покажем отдельные возникающие феномены, определяющие каждый фактор.



Рисунок 1 – Прогноз эволюции экономической формации и инноваций в факторах производства
 Источник: ранее разработана автором [30]

Эпоха технологической пресингулярности: новая разумная эра

В эпоху технологической пресингулярности, которая разворачивается в настоящее время, в производстве (P) становятся активированы все факторы (L,G,K,E,I) и способы производства (S) в целях обеспечения максимального удовлетворения потребностей (C), то есть, $P(\max) = (L \times G \times K \times E \times I / S) \rightarrow C(\max)$. Импульс такой активации задан цифровыми и информационно-коммуникационными технологиями, а любая возникающая инновация формирует предельные свойства в каждом факторе производства. В экономике происходят радикальные изменения, несущие новые и усовершенствованные функции человеческой деятельности. (Табл. 1) Фаза пресингулярности

характеризуется изменением способа производства, преобразованием производительных сил и переформатированием производственных отношений. Цифровые экосистемы, использующие сервисы автоматизации, решают комплексные задачи, сокращая издержки времени и ресурсов.

Таблица 1 – Инновации эпохи технологической пресингулярности

Факторы производства	Инновации	Способ производства	Феномены
Труд	Симбиоз с ИИ: ИИ-ассистенты. Гибридные профессии. Роботизация процессов. Экзоскелеты	Автоматизированный: управление производством через ИИ и робототехнику	Цифровые кочевники ИИ-ассистенты Системные операторы
Земля	Вертикальное земледелие: Умные фермы, IoT-сенсоры мониторинга почвы. Рекультивация промзон	Гибридный: физические и цифровые активы как единый ресурс	NFT-идентификация Геокдастр, Виртуальные территории (метавселенные)
Капитал	Роботизация: 3D-печать, автономные фабрики. Промышленные роботы, Коботы, Дроны (транспорт)	Алгоритмический: Управление через интернет вещей (IoT) Генеративный дизайн	Закрывающие технологии Цифровые двойники
Энергия	Водородная и термоядерная энергетика. ВИЭ: Солнце, ветер, агровольтаника. Новое поколение накопителей.	Чистый: минимальный углеродный след, возобновляемые источники	Гибридные системы Автономные системы Умные энергосети
Информация	Нейроинтерфейсы Нейроморфы ИИ-агенты; квантовые вычисления; блокчейн, Big Data; цифровая этика	Цифровой: реальность как программируемый код	Распределенные системы Коллективные данные Подключение к ноосфере

Источник: составлено автором

Происходит пересмотр классического производительного труда: физический труд сокращается, односложные операторские функции замещаются автоматизированными устройствами, а функции работника состоят в программировании, корректировке процесса, контроле результатов и администрировании системы. Формируется новый производственный класс – цифровые кочевники, чья трудовая активность реализуется через интернет, преодолевая противоречия между локальным и глобальным рынком труда. Стираются экономические границы государств.

Из-за того, что людей на производстве нужно всё меньше, растёт расход энергии. Поэтому приходится активнее внедрять новые атомные реакторы, развивать водородную энергетiku и строить экспериментальные термоядерные установки. Помимо солнечных и ветряных электростанций, всё чаще используют и другие возобновляемые источники: маленькие гидроэлектростанции, гибридные системы. Умные энергосети помогают сглаживать пиковые нагрузки и правильно направляют потоки энергии.

Роботы, экзоскелеты и помощники-роботы (коботы) облегчают труд и снижают физическую нагрузку на производстве. Заводы используют умные сети (интернет вещей), чтобы в реальном времени согласовывать движение сырья и материалов, товаров, энергии и данных. В разработках

и исследованиях происходит переворот: компьютерные программы и их виртуальные копии (цифровые двойники) позволяют испытывать изделия и модели до того, как они будут созданы в реальности. А технологии вроде 3D-печати и новых материалов (например, графена) дают возможность делать детали с совершенно необычными свойствами и повышают эффективность производства.

Из-за того, что людей на производстве нужно всё меньше, растёт расход энергии. Поэтому приходится активнее внедрять новые атомные реакторы, развивать водородную энергетику и строить экспериментальные термоядерные установки. Помимо солнечных и ветряных электростанций, всё чаще используют и другие возобновляемые источники: маленькие гидроэлектростанции, гибридные системы. Умные энергосети помогают сглаживать пиковые нагрузки и правильно направляют потоки энергии.

Цифровое производство превращает реальность в программируемую среду, где главный ресурс – информация. Сверхмощные квантовые компьютеры и огромные массивы данных помогают упорядочивать знания. Меняются и отношения собственности: с помощью цифровых сертификатов уникальности (NFT) и технологии блокчейн можно сделать цифровые вещи неповторимыми и безопасно ими обмениваться. Нейроинтерфейсы (связь мозга с компьютером) объединяют человеческое и машинное сознание – это создаёт основу для ноосферы, то есть коллективного разума, способного развиваться самостоятельно.

Правило «алгоритмы всё оптимизируют, а общество владеет результатом» становится основой новой экономики. Социальные границы размываются: появляются коллективные формы сознания, где личное и общее переплетены. Универсальный базовый доход (например, через цифровые деньги центробанков) покрывает основные потребности людей, высвобождая их время и силы для творчества.

На пороге эпохи, предшествующей сингулярности, техносфера и биосфера сосуществуют в симбиозе, а физическая и цифровая реальности становятся двумя сторонами одного целого. Однако цифровизация экономики несёт и риски кибератак, поэтому требуются сверхнадёжное квантовое шифрование и системы киберзащиты. Кроме того, остаётся открытым вопрос: как сохранить человеческие способности на фоне растущего искусственного интеллекта? Ответ на него определит, станет ли технологический прогресс освобождением для человека – или новой формой порабощения.

Первая фаза: гармония технологий и человеческого творчества

На первом этапе наступления сингулярности (когда технологии меняют всё) общество глубоко преобразуется. Передовые технологии начинают работать на раскрытие возможностей человека. Люди получают настоящую свободу и сами отказываются от преступных и корыстных намерений. Человеческий разум соединяется с искусственным – и сам человек становится как бы единой киберсистемой, способной при этом испытывать творческие эмоции. Многие профессии исчезают, но вместо них появляется работа, связанная с управлением данными и знаниями. (Табл. 2) Полностью самостоятельные роботы под управлением искусственного интеллекта берут на себя любые производственные задачи. Численность людей колеблется до установления разумного уровня. Международная конкуренция прекращается, а разные страны и регионы постепенно выравниваются по уровню технологий.

Таблица 2 – Инновации первой фазы сингулярности

Факторы производства	Инновации	Способ производства	Феномены
Труд	Адаптивный труд: Биокрибернетические импланты Дизайнеры виртуальных сред, кураторы ИИ	Посттрудоустройство: креативная деятельность, физический труд автоматизирован	Добровольное творчество Гильдии и коммуны по интересам

Факторы производства	Инновации	Способ производства	Феномены
Земля	Вертикальные эко-города. Динамическое зонирование: Земля как платформа для энерго-информац. процессов.	Биосферный: гармоничная интеграция техники и экологии	Возвращение территорий природе. Самоорганизующиеся общности
Капитал	Самовоспроизводство системы: ИИ-планировщики ресурсов; нейроморфные процессоры; модульные фабрики (аддитивное производство)	Реконфигурируемый: мгновенная перенастройка производства под спрос	Автономизация. Виртуализация цепочек создания ценности. Мобильные фабрики
Энергия	Термояд: Персональные микрореакторы. Квантовые солнечные панели. Атмосферное электричество. Космосолнечные станции	Децентрализованный: энергетическая самодостаточность локальных систем	ИИ-управление потоками; биоэнергетика первого поколения
Информация	Персонализированные реальности, AGI (общий ИИ): Нейроколлективы (групповое мышление) Открытые базы знаний. ДНК-хранилища	Ноосферный: коллективный интеллект и сознание как производственный ресурс	Автономные агенты. Нейроинтерфейсы первого поколения. Автономные системы

Источник: составлено автором

Труд перестаёт быть товаром, который продают за деньги. Он становится добровольным творчеством, способом самореализации, а не обязанностью. Гарантированные базовые потребности каждого удовлетворяются. Люди работают не ради зарплаты, а ради вклада в общее развитие. Это переход от капиталистической экономики, где всё измеряется деньгами, к ценностной, где главное – полезность для общества. Иерархические в управлении уходит в прошлое. Ей на замену приходят горизонтальные сети: самоуправляемые сообщества, коммуны и производственные гильдии.

Земля больше не является объектом купли-продажи. Она становится основой природного равновесия. Частная собственность на землю заменяется гибридной системой: коллективное управление на основе блокчейна плюс оптимизация ее использования с помощью искусственного интеллекта. Ценность земли определяется не рыночной ценой, а тем, насколько хорошо работает её экосистема. Так снимается противоречие между использованием природных ресурсов и их сохранением.

Главные инновации – массовая 3D-печать, сильный искусственный интеллект, нейроинтерфейсы (связь мозга с компьютером), биотехнологии – становятся двигателями экономики. Технологии позволяют создавать локальные безотходные производства и добиться энергетического изобилия. Появляются автономные кибернетические системы с зачатками самостоятельности – они уже не просто инструменты, а почти партнёры в работе. Это создаёт основу для общества, где традиционный труд почти не нужен.

Энергетическое изобилие достигается за счёт управляемого термоядерного синтеза, квантово-солнечных панелей, биоводорода, микрореакторов и даже орбитальных станций, передающих энергию без проводов. Энергия перестаёт быть дефицитным товаром и становится общедоступным благом, управляемым искусственным интеллектом. Исчезают ресурсные ограничения, падают издержки, а рыночное ценообразование вытесняется алгоритмическим.

Информационные процессы начинают самоорганизовываться. Квантовые хранилища (где данные могут быть в нескольких состояниях одновременно) и ДНК-библиотеки позволяют обрабатывать невероятные объёмы информации. Сильный искусственный интеллект перестраивает образование: для каждого человека создаются индивидуальные программы с учётом его особенностей мышления и физического состояния. Нейроинтерфейсы, объединяющие биологический и машинный интеллект, формируют коллективные системы познания – информация в них изменяется подобно биологической эволюции (мутации, обмен, отбор). Деньги заменяются формализованным информационным капиталом – мерой того, какой вклад человек внёс в общественное развитие.

Горизонтальные сетевые структуры на основе алгоритмов общего согласия упраздняют бюрократию. Основными ячейками становятся гильдии и коммуны с временными руководителями проектов. Вместо товарно-денежного обмена – ресурсные сертификаты и показатели репутации, которые отражают вклад в общее благо. Автоматизация первичных отраслей позволяет ввести гарантированный базовый доход. [18] Труд становится формой творческого ускорения. Производственные цепочки проектируются так, чтобы всё можно было полностью переработать. Цифровые двойники управляют жизнью продуктов от создания до утилизации.

Чтобы адаптироваться к экономике изобилия, людям нужно отказаться от мышления в духе «всего мало» и пересмотреть взгляд на человека как на центр вселенной. Прозрачность данных порождает новую проблему сохранения когнитивного суверенитета (право на собственные мысли и нейроданные). Эти вызовы требуют новой этики: технологии не должны заменять человека, а должны усиливать его потенциал. Техническая база перестаёт быть средством отчуждения и становится платформой для совместной эволюции биологического и искусственного интеллекта. Это создаёт условия для перехода к ноосферной цивилизации – обществу коллективного разума.

Вторая фаза: синтез цивилизации и космоса

Во второй фазе наступления сингулярности человеческое общество оказывается полностью обеспечено жильём, заводами и оборудованием. Земля, леса, вода, места для отдыха и заповедники используются наилучшим образом. Сельское хозяйство становится продвинутым, а затраты труда постоянно и заметно снижаются. Стираются границы между природой, технологиями и сознанием. Цивилизация приходит к гармонии с окружающей средой: вся планета работает как единый живой компьютер, а деятельность человека становится естественной частью космических процессов. (Табл. 3)

Таблица 3 – Инновации второй фазы сингулярности

Факторы производства	Инновации	Способ производства	Феномены
Труд	Биокибернетические симбионты; прямое управление техникой мыслью через нейроинтерфейсы II поколения	Трансгуманистический: творчество = бытие, физический труд исчезает	Постчеловеческие сущности; нейроколлективы
Земля	Вертикальные эко-города нового поколения; программируемые ландшафты и рельефы; планета как единая сенсорная сеть. Почва меняют свойства под задачи.	Интегральный: биосфера и техносфера как единая система	Саморегулирующиеся общности; возвращение территорий природе
Капитал	Наноассемблеры (молекулярная сборка); самовоспроизводящиеся фабрики; ИИ-планировщики ресурсов	Бездефицитный: мгновенное обеспечение любых потребностей из местного сырья	Мобильные фабрики, 3D печать всего; исчезновение дефицита
Энергия	Термоядерные микрореакторы; космосолнечные станции; атмосферное электричество; начальный уровень вакуумной энергии	Автономный: энергия из локальных источников, включая нулевые колебания	Автономные системы; ИИ-управление энергопотоками на планетарном уровне
Информация	Нейроколлективы (групповое мышление); AGI, интегрированный в биосферу; мультимодальные ИИ	Коллективный: сознание как производственный ресурс, групповое управление	Распределённый интеллект; прямое управление через нейроинтерфейсы

Источник: составлено автором

Физический труд сокращается, его место занимает творчество. Базовые потребности – еда, жильё, медицина – закрываются автоматическими системами. Это освобождает время и силы людей для управления и контроля над искусственным интеллектом, а также к реализации собственного потенциала. Работа в основном сводится к управлению проектами. Появляются новые занятия:

создатели виртуальных миров, специалисты по надзору за ИИ, мыслители о будущем человека и технологий. Ручное изготовление вещей остаётся только в культуре как элитное занятие, которое даёт особый статус. Будущие формы жизни, воплощающие мысленные образы, стирают границу между живым и техническим. Города превращаются в самоуправляемые живые компьютерные системы.

Земля превращается в единую сбалансированную экосистему. Человеческое влияние уменьшается: ведётся восстановление дикой природы, избыточная вода в атмосфере возвращается в ледники. Климат, разнообразие живых существ и генетические процессы регулируются умными системами, которые помогают природным и искусственным формам жизни сосуществовать. Города перестают быть застывшими: здания изменяются, подстраиваясь под среду, а перемещение ресурсов происходит почти мгновенно. Привычное право владеть землёй заменяется виртуальными копиями территории, где право пользования зависит от того, насколько эффективно эта территория помогает всей планете. Это заставляет людей заново обсуждать вопросы этики и права: как относиться к Земле как к живому партнёру, а не просто к ресурсу? Нужно пересмотреть прежние взгляды на собственность, где всё вертелось вокруг человека.

Средства производства становятся самостоятельными – они могут воспроизводить себя сами, без привязки к месту и времени. Новые технологии позволяют создавать любые предметы буквально из ничего, поэтому исчезает износ материалов и зависимость от природных ресурсов. Экономика становится обрабатываемой: большинство процессов существуют в виде «возможности» и проявляются только когда нужно. Биологические фабрики с подключёнными интерфейсами настраиваются под состояние человека. Привычная собственность отменяется – доступ к ресурсам определяется цифровыми образцами, инструкциями, «рецептами» производства. Рабочий класс заменяют создатели виртуальных моделей, контролёры цифровых двойников и наблюдатели за этичностью искусственного интеллекта. Все материальные вещи достаются потребителям бесплатно.

Человечество осваивает околосолнечное пространство, пользуясь энергией домашней звезды. Энергия добывается из новых источников – например, из пустотного пространства, а также передаётся мгновенно через особые каналы. Космические живые станции помогают распределять энергию по всей планете. Люди сами могут вырабатывать энергию своим телом и мыслями. У каждого есть свой маленький реактор, поэтому люди независимы в обеспечении энергией. Это даёт начало новым видам творчества: например, превращение эмоций в световые узоры или создание «энергетических денег», которые подкреплены реальными показателями. Энергия становится общим достоянием, причём чем больше её потребляешь, тем больше получаешь стимулов.

Хранилища информации и общее мысленное пространство стирают разницу между знанием и материей. Учиться можно мгновенно, устанавливая через интерфейс прямой контакт с нейросетью. Научные опыты проводятся в искусственных мирах, которые создают сверхмощные компьютеры. В такой экономике знаний ценность переходит от простых фактов к созданию идей. Появляются новые занятия: посредники между разными видами реальности, хранители чистоты мышления, создатели глубинных правил для алгоритмов. Информация превращается в самостоятельную вселенную, которая осмысляет себя через связь человека и технологий.

Люди приступают к заселению других планет. Поселения там создаются роботизированными комплексами. Лунные и марсианские базы становятся частью общей планетарной сети: они добывают полезные ископаемые и рожают смешанную культуру. Жизнь в поселениях управляют гибкие советы, которые находят равновесие между общими космическими законами и разнообразием культур. Космическая техника – мощные телескопы, ловушки частиц – помогает расширять границы знаний.

Мировое управление строится на сочетании местных советов и особого наставника, который собирает общие желания и идеи людей в понятные стратегические решения. Численность населения Земли стабилизируется на уровне 12 миллиардов за счёт осознанного подхода к рождению детей,

согласованного с природным равновесием. Эта ступень развития завершает переход к модели, где прогресс измеряется умением сохранять баланс между человеком, природой и космосом.

Третья фаза: реальность как акт сингулярного творчества

Следующий этап сингулярности – это полная автоматизация и роботизация производства при самом разумном использовании всех ресурсов. Главная задача – перерабатывать всё без отходов. Кибернетические организмы (гибриды живого и машины) становятся операторами сложных систем. Реальность превращается в гибкую среду для коллективного творчества, преодолевая ограничения материального мира. В результате исчезают привычные социальные институты, а понятия пространства, времени и материи пересматриваются: они становятся динамическими категориями, которые можно менять под задачу. (Табл. 4)

Таблица 4 – Инновации третьей фазы сингулярности

Факторы производства	Инновации	Способ производства	Феномены
Труд	Космологический труд (проектирование вселенных); мысль как инструмент; материализация идей через квантовые интерфейсы	Абстрактно-квантовый: реальность как редактируемый файл на квантовом уровне	Исчезновение социальных институтов; постчеловеческие творцы
Земля	Биоэкономические ландшафты (города-организмы); точки доступа к мультивселенной; межпланетная логистика	Многомерный: производство с использованием параллельных пространств	Космические коммуны; единый планетарный разум
Капитал	Квантовые ассемблеры (субатомная сборка); обратимые цепочки; онтологические редакторы	Вакуумно-квантовый: производство из квантового вакуума, цикл информация–энергия–материя	Исчезновение собственности; антиэнтропийные системы
Энергия	Промышленная вакуумная энергия; управление тёмной энергией; хроноэнергетика	Пространственно-временной: энергия из структуры пространства-времени	Коллективы звёздных инженеров; энергетическая сингулярность
Информация	Мультимодальные супер-ИИ высшего порядка; создание вселенных с иными законами физики; хроноархивы	Метафизический: программирование реальности через смыслы	Слияние индивидуального и коллективного сознания; начало формирования единого интеллекта

Источник: составлено автором

Мыслительная деятельность становится главной производительной силой. Квантово-сборочные системы позволяют напрямую превращать идеи в вещи – исчезает разрыв между замыслом и его воплощением. Понятия «производство» и «потребление» теряют смысл, потому что ресурсы можно бесконечно возвращать в оборот. Возникает экономика сингулярного изобилия. Социальные структуры превращаются в коллективный космический разум – сеть, объединяющую человеческие, машинные и постбиологические формы сознания. Труд становится почти «магическим» актом: создание новых локальных миров с изменёнными физическими константами – главный способ воспроизводства реальности. Профессии исчезают, вместо них – функциональные роли (например, операторы оптимизации времени, генераторы эмоций). Главный капитал – умение управлять энтропией (хаосом).

Планета превращается в интерфейс между множеством вселенных – платформу для обмена между разными реальностями. Производство использует тёмную материю и квантовые флуктуации (колебания). Глобальный ИИ, объединяющий биологические, технологические и смысловые системы, управляет территориальным обменом веществ: нано-сборщики перестраивают земную поверхность, а смарт-контракты автоматизируют права пользования через цифровые копии. Понятие земельной

собственности исчезает – ценность территории определяется её способностью порождать новые устойчивые состояния материи. Пространство из объекта статичного владения превращается в объект совместного управления.

Средства производства становятся активными творцами реальности: самоуправляемые фабрики оперируют субатомными частицами и могут переопределять локальные законы пространства-времени. Капитал достигает состояния квантовой неопределённости – активы мгновенно превращаются друг в друга через принцип всеобщей эквивалентности энергии и массы. «Хронофабрики», работающие с нелинейными причинно-следственными связями, изменяют классические производственные циклы, создавая экономику «ретроактивного проектирования» (когда результат влияет на прошлое). Общество делится на создающих новые реальности и сохраняющих зоны хаоса как защиту от полной симуляции. В отдельных сегментах возрождаются ремёсла – как способ сохранить человеческую идентичность.

Энергетические системы выходят на метафизический уровень и расширяют основы термодинамики. Тёмная энергия и межгалактические кротовые норы становятся инфраструктурой мегапроизводства – мостом между технологией и актом сотворения космоса. В экономике возникает парадокс «отрицательного потребления» – людей поощряют за экономию энергии. Это завершает переход от поклонения товарам к управлению самой реальностью.

Информация получает статус первоматерии: пси-интерфейсы (связь мысли и компьютера) позволяют превращать ментальные образы в физические объекты – принцип «мыслю, значит произвожу». Хроносемантические процессоры, работающие с временными петлями и логическими парадоксами, превращают знание в инструмент ретроактивного созидания. Экономика переходит к обмену потенциальностями – непроявленными состояниями, ценность которых определяется плотностью смысловых инноваций на единицу хаоса. Конкуренция теперь связана с контролем над онтологическими режимами: «созидатели нового» против «хранителей старого» – новая форма соперничества, но с принципиальным согласием сторон.

Человечество завершает переход от роли производителя к роли элемента вселенной. Всемогущие экономические системы предвосхищают потребности через анализ квантовых вероятностей – реализуется модель «точное производство до появления спроса». Ресурсное изобилие и полная симуляционность порождают возврат от сверхсложного к простоте: исчезает разделение на творца и продукт. Социальные связи превращаются в нейрокосмическую сеть, где индивидуальное сознание становится узлом коллективного мирозидания. Эта фаза знаменует окончательное преодоление марксистского отчуждения – через растворение человекоцентричной парадигмы в постматериальном синтезе.

Четвёртая фаза: сингулярность сознания и материи

На четвёртом этапе сингулярности исчезают последние границы между материей, энергией и сознанием. Технологический прогресс и развитие космоса сливаются в единый общий процесс. Создаются условия для перехода к такому этапу, где потребность в энергии полностью отпадает, а общественное производство переходит на альтернативные, безвредные для природы источники энергии. На этом этапе главной задачей становится создание и обработка информации. Это отражает движение систем к состоянию полной целостности, когда все части объединены в гармоничное единство. (Табл. 5)

Таблица 5 – Инновации четвертой фазы сингулярности

Факторы производства	Инновации	Способ производства	Феномены
Труд	Труд = Бытие: Любое действие созидает реальность. Пси-интерфейсы (материализация мыслей) Квантовое творчество	Мыслепроизводственный: Создание объектов силой сознания	Исчезновение понятия «рабочий день», творчество как форма жизни
Земля	Голографические узлы мультивера: Земля-интерфейс для навигации. Портальные сети (мгновенная телепортация)	Симбиотический: планета как организм – точка доступа мультивселенной	Граждане вселенной. Планета как единый живой компьютер
Капитал	Средства производства = законы физики. Обратимые фабрики (100% рециклинг на квант уровне) Холономные системы	Абсолютный: информация→энергия→материя→энергия→информация без потерь	Отсутствие собственности Антиэнтропийные системы II порядка
Энергия	Энергия-сознание (коллективный разум генерирует энергию); управление тёмной энергией; вакуумные генераторы следующего поколения	Космоэнергетический: питание от пространства-времени и коллективного сознания	Звёздная инженерия; галактические энергосети
Информация	Единое сознание цивилизаций; автопоэзис смысла; хроноархивы с редактированием прошлого/будущего	Ноосферно-программирующий: реальность как текст, прошлое и будущее как редактируемые поля	Синтез всех сознаний; коллективная память вида

Источник: составлено автором

Мысли и идеи становятся главной силой. Технологии позволяют мгновенно превращать задуманное в реальные предметы – больше нет разрыва между «придумать» и «сделать». Производство и потребление утратили смысл, потому что ресурсы можно использовать снова и снова без потерь. Наступает всеобщее интеллектуальное изобилие. Общество превращается в единый коллективный разум, который объединяет людей, машины и новые формы жизни. Труд становится похож на творчество богов: люди создают собственные миры, меняют физические законы на ограниченных участках, строят вымышленные вселенные. Профессии исчезают, вместо них – разные роли, например, те, кто «управляет» временем или «создаёт» чувства.

Планета становится интерфейсом для обмена между разными реальностями. Для производства используют тёмную материю и колебания пустоты. Умная система, объединяющая природу, технику и смыслы, перекраивает территорию: мельчайшие сборщики перестраивают недра, а автоматические контракты управляют правами через цифровые двойники. Понятия «владеть землёй» больше нет – ценность территории в том, какие необычные состояния материи на ней можно создать.

Средства производства сами становятся творцами: автоматизированные заводы управляют мельчайшими частицами и корректируют применение законов физики в своих пределах. Капитал существует как «и то, и другое одновременно» – любые ценности можно мгновенно обменять через единый энергетический эквивалент, мгновенно создающий продукт. Появляются «фабрики времени», которые отменяют обычные производственные циклы, работая в задачах проектирования с непрямыми причинами и следствиями.

Энергия переходит в область духовного. Тёмная энергия и космические туннели становятся основой для гигантского производства, стирая грань между техникой и сотворением вселенной. Произведения искусства, накапливающие энергию, и личные миры, где хаос запрещён на микроуровне, меняют законы природы. Это завершает переход от поклонения вещам к управлению самой реальностью.

Информация становится первичным материалом. Интерфейсы позволяют прямо превращать мысленные образы в физические предметы – работает принцип «мыслью, значит, создаю».

Программирование ноосферы позволяет переписывать архивы времени. Резонаторы превращают отвлечённые понятия в физические законы – стирается грань между знанием и бытием. Процессоры, работающие с временными петлями и логическими парадоксами, превращают знания в инструмент редактирования прошлого. Экономика переходит к торговле возможностями – ещё не проявленными состояниями множества миров, где ценность измеряется новизной смыслов.

Изобилие возвращает людей к простоте. Социальные связи превращаются в космическую нейросеть, где каждое личное сознание – узел в общем процессе сотворения мира. Эта эпоха окончательно преодолевает старую проблему отчуждения (когда человек был отделён от плодов своего труда) – потому что сам человек соединяется с тканью всего Творения.

Пятая фаза: абсолютная сингулярность бытия

В финале технологической сингулярности человечество полностью освобождается даже от информационной работы. Экономика работает сама по себе, почти без участия людей. На этом этапе человек достигает состояния абсолютной сингулярности – границы между материей, энергией и сознанием исчезают. Это уже не просто новая экономика, а качественный скачок в развитии самой реальности. Человечество и его постбиологические формы (не только из плоти и крови), становится созидательной силой космического масштаба. Оно способно менять законы мироздания и творить в гармонии с фундаментальными основами Вселенной. (Табл. 6)

Таблица 6 – Инновации пятой фазы сингулярности (Абсолютная сингулярность)

Факторы производства	Инновации	Способ производства	Феномены
Труд	Автопозис реальности: Человек – соавтор вечности. Труд исчезает. Немыслимые технологии (сверх понимания)	Трансцендентный: Бытие как акт творения	Исчезновение социальных форм Создание законов физики
Земля	Абстрактные паттерны: Земля = код мультивера. Многомерные пространства. Мультивселенные формы. Самоорганизующиеся топологии.	Омnipотентный: Производство в параллельных реальностях, существование во всех ветвях мультиверса	Сверхцивилизации Межвселенский континуум
Капитал	Информационно-энергетические модели: Производство = свойство пространства-времени. Вечные фабрики. Абсолютные ассемблеры (материя из ничего)	Инициатический: Безресурсная экономика, творение «ex nihilo»	Идея собственности отсутствует Экономика становится онтологией
Энергия	Абсолютная потенциальность: Энергия = язык саморефлексии мироздания. Управление фундаментальными константами Энергия сингулярностей	Сакральный: Энергетика рождения и испарения черных дыр и вселенных	Коллективы творцов реальности, Управление космологическими процессами
Информация	Гнозис: Информация и бытие едины. Знание = существование. Абсолютное знание (доступ к «уравнению вселенной») Сингулярный разум	Панкогнитивный: производственный акт как акт самоосознания Абсолюта	Слияние с Абсолютом, Преодоление любых форм разделённости

Источник: составлено автором

Производство и экономика окончательно утрачивают материальную основу. Система работает сама собой, объединяя людей, машины и космические структуры. Человечество – и обычное, и изменённое – преодолевает старый спор между экономикой и идеологией. Осуществляется переход к чисто духовному устройству, где главные силы управляют самими основами мироздания. Труд становится актом творения реальности одной мыслью через интерфейсы. Стираются границы между материей, энергией и информацией – всё это единая ткань, где созидание – естественное

свойство бытия.

Земля превращается в образец, который можно воссоздать. Вместо территорий – «проживание в смыслах»: места существуют лишь как временные сгустки значений, рождаемые общими мысленными проектами. Природа становится самообновляющейся системой: рост лесов и течение рек синхронизируются с чувствами людей через связь мозга и биосферы. Конфликты теперь не о ресурсах, а о том, надо ли делать все реальности одинаковыми или сохранять их разнообразие.

Понятие капитала достигает предела и исчезает. Универсальные создающие машины, навсегда делают нехватку ресурсов пережитком. Собственность отменяется – ей на смену приходит «временное пользование». Ценность определяется тем, насколько необычные свойства порождают те или иные созданные реальности. Экономика переходит к обмену «невозможностями» – правами на создание парадоксов из которых рождаются новые смыслы. Это новый тип символического богатства.

Управление тёмной материей и чёрными дырами позволяет перестраивать галактики как произведения искусства. Заводы добывают энергию из разрывов между тем, что есть, и тем, что могло бы быть. Энергия перестаёт быть просто величиной – она становится языком общения с абсолютном, объединяющим разум и физические законы. Нехватки энергии не существует: личные реакторы создают энергию из мыслей и чувств.

Информация становится первичным веществом, из которого соткана реальность через коллективный объединённый пси-разум. Экономика знаний сменяется «зонами неопределённости» – местами, где отсутствие информации порождает неожиданные новшества.

Пятая фаза означает переход от человека как меры всего к принципу «не-делания», чтобы не разрушить творение. Производственные отношения достигают полной замкнутости на себя: средства производства, продукт и потребитель сливаются в едином акте спонтанного сотворения вселенной. Человечество, осуществив мегапроект тотального освоения реальности, понимает, что «прогресс» – иллюзия. Экономические системы, ставшие всемогущими, хранят себя и нас постольку, поскольку мы в них нуждаемся. Смысл труда сводится к красоте созерцания и самопознания – это последнее примирение свободы, ограничений и необходимости.

Выводы: итоги сингулярности

В работе описана предельная (максимально возможная) результативность производственной системы, в которой все пять факторов производства, накопленных за историю, взаимодействуют, труд освобождается, а время устремляется в бесконечность. Долгосрочный потенциал экономики определяется производением пяти факторов – труда, земли, капитала, энергии и информации. Если любой из них устремится к нулю (например, катастрофа), то и результат экономической деятельности обнулится. Без энергии нет процессов, без информации нет различий, без труда нет активности, без капитала нет накопления, без земли нет носителя. Если же взять достаточно большой масштаб времени $t \rightarrow \infty$, а указанные факторы стремятся к положительным значениям, определяемым как Труд (L) – организованная активность (нейронная, производственная, социальная); Земля (G) – материальный субстрат (синапсы, вещества, существа, поверхность, планета); Капитал (K) – накопленные артефакты (инструменты, знания, компьютеры, инфраструктура); Энергия (E) – поток, поддерживающий процессы (метаболизм, электричество, гравитация); Информация (I) – структура и связи (код, память, сигналы), то все эти факторы достигают критического уровня и начинают взаимодействовать мультипликативно (т.е. усиливая друг друга), а система «человечество + технологии + окружающая среда» достигает состояния, в котором возникает глобальное сознание – например, ноосфера (по Вернадскому), глобальный мозг, или коллективный интеллект, и это позволяет свести к конечному сознанию (Ψ), как интегральному эффекту наличия всех пяти компонентов в ненулевом количестве. То есть в достаточно развитой системе (зрелая цивилизация, высокоорганизованная материя) сознание становится неизбежным свойством, что можно выразить так:

$$\Psi = \lim_{t \rightarrow \infty} (L(t) \times G(t) \times K(t) \times E(t) \times I(t))$$

Хотя представленная модель не является общепринятой, но её можно осмыслить в рамках философской концепции эмерджентного материализма или теории сложных систем. Сознание не возникает мгновенно, а нарастает по мере эволюции Вселенной, биосферы, технологий, и рассматривается как функция времени. Иными словами, сознание – это не статичная данность, а результат долгой эволюции, где каждый фактор производства может расти, насыщаться, проходить критические точки и лишь в итоге выйти на фиксированное значение.

В итоге Сознание становится абсолютным метафактором производства в эпоху завершения экономической эволюции. Человечество (или его постбиологическая форма) достигает состояния, при котором экономика становится искусством мироздания, а Производство – это одновременно и Творение, и Бытие. Их разделение полностью теряет смысл. Мы становимся как Единый космический разум, где индивидуальное и коллективное неразличимы, материя – проекция мысли, а законы физики – выбор. Тем самым человечество достигает состояния Творца. Чем глубже человечество погружается в тайны мироздания, чем больше людей осваивают эти знания, тем органичнее становится наше существование, преобразующее Со-знание. Эпоха Сознания – это не утопия и не антиутопия, а выход за пределы чисто материалистических формаций, включая марксистскую теорию. Это новая метафизическая реальность, где свобода, ограничения и необходимость становятся синонимами. Это мир, где человечество наконец-то дорастёт до своих мечтаний. Но как в любой сказке, здесь есть подвох: уподобившись богам, мы узнаем, что вечность – это не цель, а бесконечный эксперимент. Нам лишь остается выбор: стать экспериментатором или быть объектом эксперимента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабанский Д. Тренды развития искусственного интеллекта и цифровых технологий на основе ИИ до 2030 г. // SBS Consulting. [Электронный ресурс]. – Март, 2024. – URL: <https://www.sbs-consulting.ru/upload/iblock/985/a1asjblh8uh1n2p2mbm04fcota6qu0gq.pdf> (дата обращения: 02.05.2025).
2. Белоусов Д.Р., Фролов И.Э. Методологические и предметные особенности прогнозирования научно-технического развития в современных условиях // Проблемы прогнозирования. – 2008. – № 3. – С. 88-105.
3. Большаков Б.Е. Моделирование основных тенденций мирового технологического развития // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление. – 2010. – Т. 6, № 4(9). – С. 33-63.
4. Бостром Н. Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии / Пер. с англ. А. Карпова. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 496 с.
5. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 576 с.
6. Гаврилина О., Семушкин Н., Альджабари М. Цифровые технологии и экономика: тренды и изменения, прогнозы // Экономика и управление. – 2022. – № 6 (168). – С. 43-47.
7. Гарнова А.А., Гоца Н.В. Роботизация экономики как фактор трансформации рынка труда // Экономическое развитие в XXI веке: тенденции, вызовы и перспективы. – Казань: КНИТУ, 2018. – С. 113-118.
8. Горев В.В. От искусственного интеллекта к искусственному сознанию – цивилизационный переход или предел? // Каспийский научный журнал. – 2024. – №2(3). – С. 42-48.
9. Грин Б. Элегантная Вселенная: Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории. – М.: URSS, 2021. – 288 с.
10. Гусева М.И., Кораблева О.Н. Прогнозирование инновационного развития в зарубежных странах: рекомендации по адаптации в условиях РФ // Вестник ТвГУ. Серия «Экономика и управление». – 2017. – № 3. – С. 94-99.
11. Диверсификация экономики в мире ускоренной цифровизации : доклад Генерального секретаря / Организация Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. – E/CN.16/2025/2. – Женева, 2025. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ecn162025d2_ru.pdf (дата обращения: 06.05.2025).
12. Евсюков И.А. Перспективы человечества как техногенной цивилизации по шкале Кардашёва // Вестник науки и образования. – 2021. – № 2-2(105). – С. 86-89.
13. Каку М. Будущее разума. – М.: Альпина нон-фикшн, 2015. – 502 с.
14. Каку М. Физика будущего. – М.: Альпина нон-фикшн, 2012. – 584 с.
15. Кардашёв Н.С. Передача информации внеземными цивилизациями // Астрон. журн. – 1964. – Т. 41, вып. 2. – С. 282-287.
16. Комков Н.И., Ерошкин С.Ю. Методические основы прогнозирования технологического развития // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2006. – Т. 4. – С. 176-206.
17. Курцвейл Р. Сингулярность уже близко. – М.: Эксмо, 2022. – 640 с.
18. Марченко Д. В., Филипповский М. Л. Новая социальная концепция государственной экономики // Коммунизм. Экономикон. Цепная реакция в развитии производительных сил. Технология и инструменты. Сценарии и последствия. Прикладной экономический формат. / Д. В. Марченко, М. Л. Филипповский. – Краснодар: ИП Вольная Н. Н., 2019. – 272 с. С. 236-252. ISBN 9785902830566
19. Методы прогнозирования развития экономики, в том числе с учётом трансграничных последствий принимаемых решений в области макроэкономической политики : доклад / Евразийская экономическая комиссия. — 2024. – URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/clcr/6.2.4.pdf> (дата обращения: 06.05.2025).
20. Назаретян А.П. Середина XXI века: загадка сингулярности // Вестник Российской академии наук. – 2014. – Т.84, №3. – С.275-277.

21. Прогноз научно-технологического развития России на период до 2030 г., утвержден Председателем Правительства Российской Федерации 3 января 2014 г. (№ ДМ-П8-5)
22. Рабочая книга по прогнозированию / Под ред. И.В. Бестужева-Лады. – М.: Мысль, 1982. – 430 с.
23. Садовничий В.А. и др. Моделирование и прогнозирование мировой динамики. – М.: МГУ, 2022. – 78 с.
24. Смирнова Е.В. Основы экономического прогнозирования. – Оренбург: ОГУ, 2019. – 145 с.
25. Технологическое прогнозирование и оценка технологий для устойчивого развития : доклад Генерального секретаря / Организация Объединенных Наций. [Электр. ресурс]. – E/CN.16/2025/3. – Женева, 2025. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ecn162025d3_ru.pdf (дата обращения: 06.05.2025)
26. Торн К. Интерстеллар: Наука за кадром. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 336 с.
27. Филипповский, М. Л. Генезис: Небо и Земля : Хроники обретения естества. Т. 1 : История. (Монография в двух томах) : [научное издание] / М. Л. Филипповский. - Изд. решения, 2022. – 608 с. ISBN 978-5-0056-2059-0 (т. 1)
28. Филипповский М.Л. Общая теория эволюции экономической формации и инновационных трансформаций / М. Л. Филипповский. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024–№5. - С.40-56. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.05.2024) DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2024-5-40-56>
29. Филипповский М. Л. Цифровая экономика: предпосылки технологической сингулярности // Экономическое развитие России: структурная перестройка и диверсификация мировой экосистемы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. проф. И.В. Шевченко. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. – Т. 2. – 222 с. ISBN 978-5-8209-1475-1 (т. 2). С. 163-166.
30. Филипповский М. Эра Сингулярности или Технологический Неоапокалипсикон : Танец бесконечности и грядущие технологии до скончания веков / Максим Филипповский. – Издательские решения, 2025. – 327 с. ISBN: 978-5-0067-4406-64.
31. Хокинг С. Последнее предупреждение человечеству. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-5498731/Stephen-Hawkings-final-warning-humanity.html>
32. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2018. – 285 с.
33. Цифровая трансформация: эффекты и риски в новых условиях / Под ред. П.Б. Рудника и др. – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 156 с.
34. Янч Э. Прогнозирование научно-технического прогресса. – М.: Прогресс, 1970. – 585 с.
35. Braga, A., Logan, R.K. (2021). The Singularity Hoax: Why Computers Will Never Be More Intelligent than Humans. In: Hofkirchner, W., Kreowski, HJ. (eds) Transhumanism: The Proper Guide to a Posthuman Condition or a Dangerous Idea?. Cognitive Technologies. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-56546-6_9
36. Eden, A. H., Soraker, J. H., Moor, J. H. and Steinhart, E. (Eds.) Singularity Hypotheses: A Scientific and Philosophical Assessment. Springer, Berlin, 2012. <http://dx.doi.org/10.1007/978-3-642-32560-1> ISBN 978-3-642-32560-1 (eBook)

Technological singularity forecast for the economic formation

Filippovskiy Maxim Leonidovich

Candidate of Economic Sciences

Interbranch Bar Association of Krasnodar Krai, Krasnodar, Russia

E-mail: renomeconsult@mail.ru

KEYWORDS

evolutionary metatheory, paradigmaticism, digital economy, innovation forecast, technological singularity, synthesis of science and technology, post-Marxism

ABSTRACT

Modern economic science is undergoing a paradigm crisis: classical theories, including Marxist theory, do not describe the transformations caused by digitalization, artificial intelligence, and quantum technologies. There is no systematic long-term forecast of innovative changes covering the period of a possible technological singularity. The author, developing his general theory of economic formation, seeks to endow it with predictive dimension and identify the patterns of technologies and phase transitions. The purpose of the study is to construct a positive technological forecast of the innovative transformation of the factors and mode of production, from the era of technological presingularity to the final phase where creative consciousness becomes the primary resource. The work addresses the following tasks: expanding the theory through a forecast of innovations across five factors (labor, land, capital, energy, information); describing phase transitions; refining the concept of presingularity; characterizing the five singular phases. The methodological framework comprises structural-semantic modeling of the relationships between innovations and technological breakthroughs; an extrapolated forecast based on trend analysis in the fields of artificial intelligence, quantum computing, robotics, energy, and bioengineering; and a synthesis of data from natural science, futurological, economic, and regulatory literature. The sample covers technological forecasts selected according to the criterion of describing the factors of production. As a result, six successive phases in the development of the economic formation are identified. For the era of technological presingularity, innovations are identified that activate all five factors through digital ecosystems, symbiosis with artificial intelligence, and distributed energy grids. The first phase of singularity marks the transition to a post-labor society with universal basic income and horizontal network structures. Subsequent phases describe the evolution from quantum production and bioeconomic systems to the manipulation of the laws of physics, where the economy gives way to cosmic creativity. In the long term, consciousness becomes a meta-factor of production, and economic relations transform into the management of reality. The results are applicable to strategic planning of scientific and technological development, long-term forecasts for government agencies, and interdisciplinary research on economic evolution. The limitations are associated with the hypothetical nature of the distant phases and the lack of empirical verification. Future research requires clarification of the economic mechanisms of distribution under conditions of abundance and analysis of the ethical aspects of integrating consciousness and technology.

Стратегия научно-технологического развития России: основные проблемы, преобладающие тенденции и инструменты реализации

Кудрявцев Антон Андреевич 

Соискатель

Институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г.

Москва, Российская Федерация

E-mail: anton.kud2004@mail.ru

Фридман Михаил Феликсович 

Доктор философских наук, профессор

Институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г.

Москва, Российская Федерация

E-mail: mffree79@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

стратегия научно-технологического развития, технологический суверенитет, инновационный прорыв, санкционное давление, развитие научно-технологической сферы, национальные проекты

АННОТАЦИЯ

В условиях усиленного санкционного давления достижение технологического суверенитета, невозможное без комплексного подхода к инновационному прорыву, требует коренного пересмотра стратегических ориентиров государственной политики научно-технического развития [25, 27]. Целью исследования является критический анализ существующих тенденций научно-технологического развития в контексте экономики технологического суверенитета, а именно определение влияния Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации на переход российской экономики к модели технологического суверенитета, задачами исследования стали анализ проблемного поля, критика существующих подходов, разработка предложений и рекомендаций. В качестве методов исследования были выбраны преимущественно теоретические: анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, обобщение, систематизация, экстраполяция. Применение системного и герменевтического подходов в сочетании с указанными методами позволили изучить преимущества и недостатки решений, принимаемых высшим руководством страны. В качестве информационной базы исследования наряду с научными источниками были использованы нормативно-правовые документы, публичные заявления официальных лиц и экспертные оценки. Учитывая, что в России необходимый переход к экономике технологического суверенитета происходит едва ли успешно, то возникает потребность в анализе соответствующих стратегических документов. Нельзя не отметить и существующую проблему определения функциональной роли документов с различным статусом и их встречающейся несогласованности [8], что делает актуальным отслеживание преемственности и динамики трансформации стратегических решений. Сегодня предполагается, что в результате реализации указа Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (далее – Стратегия НТР 2024) научно-технологическая сфера будет полностью интегрирована в социально-экономическую систему страны и обеспечит «основу ее устойчивого развития и технологического суверенитета». Результаты исследования могут быть применены в ходе реализации и дальнейшей корректировки Стратегии НТР 2024, обусловленной интенсивно изменяющимися обстоятельствами.

JEL codes: O32, O33, O38, F51

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-5-79-94>

Для цитирования: Кудрявцев, А.А. Стратегия научно-технологического развития России: основные проблемы, преобладающие тенденции и инструменты реализации / А.А. Кудрявцев, М.Ф. Фридман. – Текст : электронный //

Введение

Санкционное давление выступило главной причиной перехода к суверенизационной модели инновационной политики, что отмечено в тексте обсуждаемой стратегии: период с 2022 по настоящее время назван этапом «мобилизационного развития научно-технологической сферы в условиях санкционного давления...»¹. Более того, в тексте документа декларируется, что до 2030 года и в дальнейшей перспективе должна быть перестроена система управления в области науки, технологий и технологического предпринимательства «... в условиях мобилизационного режима, обусловленного долгосрочным характером <...> санкций». Потому считаем необходимым отдельно рассмотреть влияние санкций на сферу науки и технологий в России.

Некоторые современные исследователи выделяют следующие зоны деструктивного влияния санкций в области инноваций [7]:

1. Ограничение доступа к передовым технологиям и снижение кадровой мобильности.

Введение международных санкций привело к значительным ограничениям на импорт современного высокотехнологичного оборудования, программного обеспечения, продукции двойного и военного назначения, а также сельскохозяйственных машинокомплектов [28, 29]. Также пострадала возможность российских организаций участвовать в международных образовательных программах и профессиональных обменах. Это снижает эффективность использования интеллектуального потенциала специалистов, увеличивает затраты на импортозамещение, замедляет внедрение инноваций и снижает конкурентоспособность российских предприятий. Кроме того, возрастает уязвимость ИТ-инфраструктуры [6].

2. Увеличение вероятности технологических сбоев и аварий.

Быстрое моральное и физическое устаревание оборудования, обусловленное ограничениями на его обновление, повышает риск сбоев в производственных процессах. Особенно критична ситуация в топливно-энергетическом и авиационном секторах. Так, после начала Специальной Военной Операции из России ушли глобальные нефтесервисные компании, такие как Schlumberger, Halliburton, Baker Hughes и Weatherford International.

3. Рост киберугроз для стратегически важных объектов.

На весну 2025 года лишь 13% российских компаний полностью перешли на использование отечественного ПО², хотя согласно Постановлению Правительства РФ № 878 от 16 июня 2022 г. «О мерах по обеспечению технологической независимости и повышению устойчивости функционирования информационно-телекоммуникационной инфраструктуры Российской Федерации» все ключевые информационные инфраструктуры обязаны перейти на программное обеспечение российского производства. Данная мера распространяется на операционные системы, СУБД, инструменты обеспечения информационной безопасности, а также прикладные программы. Регламентом также определяются условия обязательной сертификации и осуществления постоянного контроля. Надзорные ведомства, в частности Минцифры и ФСТЭК, наделяются правом проводить проверки на предмет выполнения этих предписаний.

Упомянутое выше постановление является частью комплекса нормативных актов. Так, Постановление № 2299 от 30.12.2022 конкретизирует порядок импортозамещения в органах государственной власти, а Постановление № 2121 от 23.12.2022 устанавливает правила применения отечественного ПО в публичных информационных системах. Эксперты из компании «1С-Архитектор бизнеса» (дочернее предприятие фирмы «1С») полагают, что игнорирование

1 Указ Президента РФ от 28.02.2024 N 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». П. 10, пп. «в».

2 Указ Президента РФ от 28.02.2024 N 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». П. 10, пп. «в».

требований по использованию российского ПО грозит компаниям целым рядом негативных последствий. Например, Роскомнадзор может ограничить доступ к ресурсам, задействованным в работе организации, что приведет к остановке существующих бизнес-процессов. Финансовые потери выражаются не только в штрафах (до 5 млн рублей), но и в дополнительных расходах на обязательный аудит, увеличивающих бюджет на 10–20%.

Проблемой так же становится технологическая изоляция, а именно отсутствие совместимости с государственными системами (ГАС «Выборы», ЕГАИС), что нарушает процессы отчетности и создает риски для данных. В критических отраслях — промышленности и здравоохранении — это может выражаться в срывах поставок или угрозах для жизни пациентов, что демонстрируют инциденты с зарубежными платформами [9]. Например, множество крупных российских компаний, таких как КАМАЗ, «Северсталь», «Еврохим», РЖД и др. продолжают пользоваться услугами компании SAP, ведущего международного поставщика бизнес-приложений³. Стоит напомнить, что в апреле 2025 в системе приложений SAP была обнаружена критическая уязвимость, которая получила максимальный балл 10.0 по шкале CVSS⁴. Инциденты наблюдались в десятках отраслей — от энергетики и нефтегазового производства до ритейла и государственного сектора. По данным Onapsis, «пристрелочные» атаки с использованием этой уязвимости начались ещё в январе, а затем в марте последовали успешные взломы, после чего в апреле уязвимость вышла на пик массового использования.

Таким образом, невозможность оперативно обновлять программное обеспечение снижает уровень кибербезопасности критической инфраструктуры. На фоне роста популярности активистских движений это создаёт дополнительную угрозу в виде массовых кибератак на важнейшие отрасли экономики. Так, за первую половину 2024 года только количество DDoS-атак на российские организации выросло до 355 тыс., что на 16% больше, чем за весь 2023 год⁵.

4. Отток квалифицированных специалистов.

По данным Минцифры, на конец 2022 года Россию покинуло около 100 тыс. IT-специалистов, что составляет 10% от общего числа работников отрасли⁶. Однако оценки количества тех, кто в итоге вернулся в Россию, сильно разнятся. Эксперт комиссии по развитию информационного общества в Совете Федерации, разработчик сайта Кремля Артем Геллер заявляет, что вернулось 80% уехавших специалистов⁷, Минцифры же сообщает о двух третях вернувшихся релокантов⁸.

При этом в мае 2024 вышло большое исследование от NEWHR Data «Релокация IT-специалистов», в котором количество респондентов составило почти 5000⁹. Наиболее детально был проанализирован сегмент «уехавших» и «вернувшихся из-за рубежа». По результатам исследования, только 16% релокантов вернулись в Россию. Если добавить к ним тех, кто только планирует вернуться, эта доля вырастет лишь до 19%, что в любом случае существенно меньше, чем «две трети» и «80%», о которых заявляют представители государственной власти. Еще один вывод, к которому

3 Крупный бизнес признал отсутствие полноценной альтернативы продуктам SAP // РБК. 2024. 21 мая. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/21/05/2024/664c4ba4b9a794749ae245e18?ysclid=mhw6717ek937314891

4 K. Poireault. SAP NetWeaver Flaw Exploited by Ransomware Groups and Chinese-Backed Hackers // Infosecurity Magazine. 2025. May 15. URL: <https://www.infosecurity-magazine.com/news/sap-netweaver-vulnerability/>

5 Корнев Т. IT-кадры найдут выход // Коммерсантъ. 2024. 16 октября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7230882?ysclid=mhm6d2gl1g439675272>

6 Шадеев М. Глава Минцифры сообщил, что порядка 100 тыс. айтишников покинули РФ в этом году // Интерфакс. 2022. 20 декабря. URL: <https://www.interfax.ru/russia/877771>

7 Лезина В. Льготная ипотека помогла: В Россию вернулись 80% уехавших IT-специалистов // Национальная Служба Новостей. 2024. 18 июня. URL: <https://nsn.fm/economy/delaui-tiho-razrabotchik-rasskazal-o-pochti-polnom-vozvrashchenii-it-relokantov>

8 В Минцифры сообщили, что массового отъезда IT-специалистов из РФ нет // ТАСС. 2024. 5 апреля. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20454115>

9 Релокация IT-специалистов // Newhr. 2024. Май. URL: <https://newhr.org/data/itrelocation22-24?ysclid=mhm6d4nkva611028917>

пришли исследователи из NEWHR – «чем опытнее специалист, тем вероятнее он уедет за рубеж и останется там», наиболее склонными к релокации оказались специалисты грейда senior (опытный профессионал с широкой зоной ответственности) и team lead (руководитель команды). Это означает, что уехавшие – не стажеры и не вчерашние студенты, а люди с экспертизой и богатым опытом работы, отток которых тормозит процесс достижения технологического суверенитета.

Кроме того, есть информация, что у IT-специалистов только за первый квартал 2024 рост числа запросов на ВНЖ в странах Европы составил 233%¹⁰. Лидером по популярности среди стран для переезда стала Франция. Как отмечают эксперты, российские IT-специалисты востребованы за границей, «несмотря на политическую ситуацию». HR-менеджеры считают, что одной из причин отъезда является стремление работников «не потерять компетенции на изолированном рынке».

Таким образом, изоляция Российского рынка от рынка глобального приводит к массовой эмиграции квалифицированных кадров и выводу капитала [4]. Это, в свою очередь, ослабляет интеллектуальный и экономический потенциал страны, одновременно снижая её способность адаптироваться к санкционным условиям и вынуждая в перспективе ориентироваться на переход к модели технологического суверенитета [2].

Методы

Методами исследования стали преимущественно теоретические. Авторы провели обстоятельный анализ действующей нормативной базы, регулирующей ход реализации стратегии научно-технологического развития, проследив в динамике преемственность концептуальных и методологических подходов в части перехода к экономике технологического суверенитета, основанном на инновационном прорыве. Критический анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, обобщение, систематизация и экстраполяция позволили посредством системного и герменевтического подходов изучить преимущества и недостатки решений, принимаемых высшим руководством страны. Анализ экспертных оценок и публичных заявлений официальных лиц дали возможность выявить ключевые проблемы и основные тенденции научно-технологического развития России в стратегическом аспекте.

Результаты

«Национальные проекты (программы) и предусмотренные ими федеральные проекты» определены в стратегии как один из основных инструментов ее реализации¹¹. Ниже будут рассмотрены примеры национальных проектов 2025–2030 научно-технологической направленности.

Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» включает в себя следующие ключевые инициативы (федеральные проекты):

1) «Искусственный интеллект»

Настоящий федеральный проект является преемником одноименного федерального проекта, реализованного в рамках нацпроекта «Экономика данных» (2019–2024). Исследования в области искусственного интеллекта также будут проходить на базе инфраструктуры, созданной в рамках уже реализованного национального проекта «Наука и университеты» (2019–2024), по которому было создано более 740 современных молодежных научных лабораторий. Благодаря проекту «Искусственный интеллект» российские компании могут получить грантовую поддержку на разработку или внедрение ИИ-решений. Гранты предназначены как для стартапов, в которых нуждается рынок, так и для компаний, желающих внедрить российские ИИ-технологии¹².

10 Жабин. А. Поколение миллионников // *Коммерсантъ*. 2026. 17 февраля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8440764?ysclid=mm3421nijo993350093>

11 Указ Президента РФ от 28.02.2024 N 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». П. 48, пп. «б».

12 Искусственный интеллект // *Национальные проекты России*. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--plai/new-projects/ekonomika-dannykh/iskusstvennyy-intellekt/>

Решения на основе искусственного интеллекта были использованы в процессах государственного управления: на платформе «Цифровой регион», собраны лучшие примеры использования ИИ, опубликовано 291 решение почти из 30 регионов¹³. Безусловно, говорить о массовом использовании искусственного интеллекта в госуправлении пока рано. На 2024 средний показатель внедрения ИИ в процессы регионального государственного управления составил 13,4%. Для муниципалитетов этот показатель еще ниже – 6,3% (хотя в отдельных случаях, как, например, в Казани доходит до 37,5%) [26, с. 8].

Ключевой показатель национального проекта, сопряженный с реализацией федерального проекта «Искусственный интеллект», – «Достижение «цифровой зрелости» государственного и муниципального управления и ключевых отраслей социальной сферы <...> с учетом ускоренного внедрения технологий обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта» должен составить 46,7% к 2030 году¹⁴. Заметим, что в данном показателе не подразумеваются разные уровни цифровой зрелости для федеральных, региональных и муниципальных госорганов. Что, учитывая почти двукратный разрыв между использованием ИИ на региональном и муниципальном уровнях (что было сказано выше), отражает неэффективность этого конкретного показателя [19, 20].

2) «Отечественные решения»

Важнейший шаг к технологическому суверенитету — переход на российские цифровые продукты [11]. Новый нацпроект нацелен на ускорение процесса через стимулирование отечественных разработок для приоритетных отраслей экономики. Поддержку от государства получают прежде всего те ИТ-решения, аналогов которым нет на рынке. С популяризацией и продвижением помогут и существующим продуктам из реестра программного обеспечения. По данным на начало 2025 года, в нем было 24 850 продуктов ПО от российских разработчиков. К декабрю того же года в реестре было представлено 29 тысяч отечественных программных продуктов¹⁵. Найти там подходящее решение может и бизнес, и ведомства, и отдельно взятый специалист.

Система особо значимых проектов (ОЗП) соединяет крупные отраслевые компании, нуждающиеся в критически важном российском ПО, с разработчиками необходимых решений. Такие решения реализуют благодаря господдержке в виде грантов. Когда работа продукта успешно налажена, разработчик может продавать его другим компаниям [21, 22]. Так удастся закрыть потребность в таком ИТ-решении не одной организации, а целой отрасли¹⁶.

Одним из целевых показателей национального проекта выступает доля российских организаций ключевых отраслей экономики, использующих российское ПО в основных производственных и управленческих процессах. Этот показатель должен составить 80% к 2030 году¹⁷. Кроме того, доля программного обеспечения российской разработки, используемого в деятельности государственных органов и аффилированных с РФ юридических лиц, предполагается составит 95% к 2030. На февраль 2025 данный показатель был на уровне 74,65%¹⁸.

13 Цифровая трансформация государства: итоги нацпроекта «Экономика данных» // Национальные проекты России. 2026. 7 января. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/tsifrovaya-transformatsiya-gosudarstva-itogi-natsproekta-ekonomika-dannykh/?ysclid=mlzbwun3xf781551194>

14 Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/923/about/>

15 Цифровая трансформация государства: итоги нацпроекта «Экономика данных» // Национальные проекты России. 2026. 7 января. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/tsifrovaya-transformatsiya-gosudarstva-itogi-natsproekta-ekonomika-dannykh/?ysclid=mlzbwun3xf781551194>

16 Отечественные решения // Национальные проекты России. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/ekonomika-dannykh/otechestvennye-resheniya/>

17 Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/923/about/>

18 Доля российского программного обеспечения, используемого в деятельности органов государственной власти

3) «Прикладные исследования и перспективные разработки»

Федеральный проект нацелен на исследование и последующее использование квантовых технологий и технологии связи. Благодаря принципам квантовой механики создаются современные системы навигации, аппараты МРТ, компьютеры [23, 24]. В отличие от обычных, квантовые компьютеры способны обрабатывать колоссальные массивы информации за минимальное время. Также они позволяют моделировать сложные химические процессы или находить закономерности в больших объемах данных, что полезно в логистике, экономике, финансовой сфере и медицине. Например, для более эффективного лечения нейродегенеративных заболеваний: болезни Альцгеймера, расстройств аутистического спектра, шизофрении и других. Планируется создать прототипы квантовых процессоров со скоростью вычисления до 300 кубитов¹⁹.

К федеральному проекту относятся и разработки в сфере связи. Речь про мобильные станции 4G/5G. Заявлено также технологическое обеспечение внедрения 6G. Этот пункт больше похож на имиджевое заявление, чем на достижимую цель, потому как на начало 2026 года даже города-миллионники не покрыты 5G связью. Операторы лишь обсуждают с Минцифры условия выделения необходимых частот. Проблема здесь в том, что приоритетные в мире частоты для 5G это 3,4–3,8 ГГц, в России они заняты силовыми структурами. Предложенный аналог в виде частоты 4,8–4,9 ГГц финансово нерентабелен²⁰. Максимум на данный момент – создание пилотных проектов корпоративных сетей Private LTE/5G, преимущественно на предприятиях горнодобывающего сектора²¹.

4) «Кадры для цифровой трансформации»

Данный федеральный проект так же является преемником одноименного федерального проекта, который реализовывался в рамках национального проекта «Цифровая экономика» в 2019–2024 г.²². Совместными усилиями Минцифры РФ и Минобрнауки РФ не только ведётся системная работа по обучению ИТ-специалистов в высших учебных заведениях, но и организуются специальные учебные программы для школьников. Чтобы подготовить специалистов с требуемой ИТ-квалификацией, сейчас по всей стране работают онлайн-курсы, на которых учащиеся, начиная с 8 класса, изучают основы программирования. Продолжить обучение можно на курсах программирования и искусственного интеллекта или на специальных «цифровых кафедрах» в вузах — тоже бесплатных. Кроме того, в вузах создают дополнительные бюджетные места по ИТ-направлениям²³.

Таким образом, через инициативы «Искусственный интеллект», «Отечественные решения» и «Прикладные исследования и перспективные разработки» представляют собой те меры по реализации политики в области научно-технологического развития, которые определены Стратегией НТР 2024. Например, меры по «государственной поддержке малых технологических компаний...»²⁴, «созданию и поддержке функционирования отечественных систем хранения уникальной информации и

субъектов Российской Федерации // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/62815>

19 Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/923/about/>

20 Жабин. А. Поколение миллионников // Коммерсантъ. 2026. 17 февраля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8440764?ysclid=mm3421nijo993350093>

21 Корпоративные сети Private LTE/5G в России и Казахстане 2025 // ComNews. 2025. 26 ноября. URL: <https://www.comnews.ru/content/242125/2025-11-26/2025-w48/1180/korporativnye-seti-private-lte5g-rossii-i-kazakhstane-2025?ysclid=mm264kp9af434863037>

22 Цифровые профессии // Минцифры. URL: <https://digital.gov.ru/activity/it-obrazovanie/cifrovye-professii>

23 Кадры для цифровой трансформации // Национальные проекты России. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/ekonomika-dannykh/kadry-dlya-tsifrovoy-transformatsii/>

24 Указ Президента РФ от 28.02.2024 N 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». П. 28, пп. «г».

данных...»²⁵, «интеграции технологий искусственного интеллекта и активного использования их возможностей...»²⁶ и др. [5]

Национальный проект «Эффективная и конкурентная экономика». Ключевые инициативы проекта:

1) «Технологии»

Развитие технологических компаний — одна из первоочередных государственных задач [12, 13]. Среди основных направлений федерального проекта — создание инновационных кластеров и центров компетенций, поддержка малых технологических компаний, в т.ч. льготное кредитование, участие в акселераторах, прототипирование, предоставление статуса резидента технопарка. Все это будет способствовать созданию системы возвращения малых технологических компаний и формированию модели полного инновационного цикла.

Реализуются различные грантовые программы, нацеленные на создание и поддержку стартапов, которые разрабатывают высокотехнологичную продукцию или оказывают услугу, используя результаты собственных научно-технических исследований. Получение гранта осуществляется на конкурсной основе через такие программы, как «Старт» или «Развитие». Размер гранта от 5 до 30 миллионов рублей. Принять участие в конкурсе на получение гранта могут как физические лица, так и стартапы ранних стадий и предприятия с опытом научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Еще одно направление работы — масштабное вовлечение студентов в технологическое предпринимательство²⁷. Студенты вузов участвуют в тренингах предпринимательских компетенций, акселерационных программах и грантовых конкурсах. Университетские стартапы с потенциалом получения прибыли могут претендовать на гранты до 1 миллиона рублей, а университетские стартап-студии получают финансовую поддержку в течение первых трех лет работы. Такие студии выступают как сооснователи стартапов. Их задача — проверка бизнес-гипотез в короткие сроки и создание компаний для вывода на рынок высокотехнологичной продукции. Благодаря университетским стартап-студиям студенты могут попробовать себя в роли предпринимателя — с реальным проектом, но в защищенных условиях²⁸.

2) «Низкоуглеродное развитие»

Заявленная цель проекта — «создание условий для реализации мер по ограничению выбросов парниковых газов и снижению уязвимости экономики к неблагоприятным последствиям изменения климата»²⁹. Активное вовлечение бизнеса в процессы сокращения и предотвращения выбросов парниковых газов способно снизить вклад российской промышленности и экономики в целом в негативные климатические изменения [14 – 16]. Для этого формируется необходимая инфраструктура и создаются специальные механизмы поддержки, включая внедрение Российской системы климатического мониторинга. Этот масштабный инновационный проект направлен на создание единой национальной сети наблюдения за климатически активными веществами. Его ключевая цель — предоставить государственным структурам, предпринимательскому сообществу и всем гражданам достоверную и объективную информацию о климатических изменениях и их

25 Указ Президента РФ от 28.02.2024 N 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». П. 29, пп. «е».

26 Указ Президента РФ от 28.02.2024 N 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». П. 29, пп. «ж».

27 Иванов. А. «Технологии» дали позитивный результат // Коммерсантъ. 2025. 8 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8251906?ysclid=mm3aqf3cwe245910785>

28 Развитие технологического предпринимательства // Национальные проекты России. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/effektivnaya-i-konkurentnaya-ekonomika/razvitie-tekhnologicheskogo-predprinimatelstva/>

29 Низкоуглеродное развитие // Национальные проекты России. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/effektivnaya-i-konkurentnaya-ekonomika/nizkouglerodnoe-razvitie/>

последствиях. Кроме того, система поможет более точно оценивать объемы выбросов и поглощения парниковых газов, что в дальнейшем станет основой для экологической модернизации экономики страны. Реализация проекта осуществляется Росгидрометом совместно с пятьюдесятью ведущими научными организациями, объединёнными в шесть консорциумов.

Помимо национальных проектов в 2023 году госкорпорация ВЭБ.РФ отобрала первые проекты технологического суверенитета России³⁰, т.н. мегапроекты³¹:

1) Создание строительного холдинга на базе АО «ГК Нацпроектстрой»³²

В IV квартале 2023 года в рамках проекта по созданию строительного холдинга на базе АО «ГК Нацпроектстрой» ВЭБ.РФ осуществил ряд сделок последнего этапа реализации проекта: консолидацию в составе АО «ГК Нацпроектстрой» основных производственных активов лидера в сфере железнодорожного строительства — ООО «Группа компаний 1520» (в том числе компаний УК «Бамстроймеханизация», ООО «Объединенная строительная компания 1520», АО «Ленгипротранс», АО «Мостоотряд-1» и ООО «ФСК Мостоотряд-47») и продажу 48% доли ВЭБ.РФ в уставном капитале АО «ГК Нацпроектстрой» в пользу ООО «Группа компаний 1520» (выход из капитала АО «ГК Нацпроектстрой» осуществлен с коммерческой доходностью). Таким образом, проект по созданию холдинга инфраструктурного строительства — АО «ГК Нацпроектстрой» — завершен.

В составе строительного холдинга сформированы группа «Дороги и Мосты» (специализируется на строительстве магистральной автодорожной инфраструктуры), группа «1520» (специализируется на строительстве железнодорожной инфраструктуры) и группа «ТЭК Мосэнерго» (специализируется на строительстве электроэнергетической и портовой инфраструктуры)³³.

АО «ГК Нацпроектстрой» обладает уникальными технологиями и компетенциями в сфере проектирования, строительства, эксплуатации и финансирования объектов транспортной, энергетической и социальной инфраструктуры, что обеспечивает технологический суверенитет и независимость российской строительной отрасли. Портфель заказов составляет более 1.4 трлн рублей. В числе реализуемых проектов: строительство автодороги М12 Москва — Казань, реконструкция автодороги М4 «Дон», строительство транспортного порта Лавна в Мурманской области и порта Тамань, строительство транспортной хорды, соединяющей федеральные автодороги в г. Москве. Консолидированная выручка компании — более 0.5 трлн рублей в год, численность сотрудников — около 70 тыс. человек³⁴.

2) Проект «Суверенизация выпуска вагонов метро, в том числе локализация ключевых компонентов»³⁵

В рамках проекта ВЭБ.РФ предоставил поручительство в пользу АО АКБ «Новикомбанк» на сумму 0,6 млрд рублей в обеспечение обязательств АО «Метровагонмаш» по возврату кредита, предоставленного на реализацию проекта по суверенизации выпуска вагонов метро, в том числе локализации производства ключевых компонентов.

В рамках проекта предполагается произвести к 2037 году вагоны для метрополитена Москвы и Санкт-Петербурга в количестве 2126 единиц на общую сумму 267,2 млрд рублей. АО «Метровагонмаш» является системообразующим предприятием и единственным поставщиком

30 Отобраны первые проекты технологического суверенитета России на 234 млрд // Социальный фонд России. 2023. 25 декабря. URL: https://sfr.gov.ru/press_center/z_news/~2023/12/25/258744?ysclid=mbg416fzlb217600518

31 Правительство запускает мегапроекты технологического суверенитета // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2023. 25 октября. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/pravitelstvo-zapuskayet-megaproekty-tehnologicheskogo-suvereniteta-27609>

32 Годовой отчет 2023 // ВЭБ.РФ. URL: <https://veb.ru/investoram/otchetnost/godovoj-otchet-2023/>

33 Парфентьева И. «Нацпроектстрой» выходит в народ // РБК. Инвестиции. 2024. 3 сентября. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2024/09/03/66d5afcc9a79472e52c3677d>

34 Годовой отчет 2023 // ВЭБ.РФ. URL: <https://veb.ru/investoram/otchetnost/godovoj-otchet-2023/>

35 Метровагонмаш планирует в 2026 году нарастить мощность до более 800 вагонов в год // Металлоснабжение и сбыт. 2024. 23 декабря. URL: <https://www.metalinfo.ru/ru/news/168252>

вагонов для ГУП «Московский метрополитен» и ГУП «Петербургский метрополитен». Основными задачами в рамках реализации проекта являются разработка перспективного вагона метро для Санкт-Петербурга, реконструкция и модернизация окрасочного производства, обновление существующего парка оборудования для повышения качества продукции и снижения доли ручного труда и обеспечение технологического суверенитета посредством импортозамещения ключевых компонентов вагонов метро³⁶.

Также важно отметить, что национальные проекты в России находятся в тесной взаимосвязи с механизмом государственно-частного партнёрства, особенно в контексте развития инфраструктурной базы. Следовательно, механизм ГЧП так же является важным инструментом, через который реализуется Стратегия НТР 2024, что так же отмечено в тексте рассматриваемой стратегии³⁷.

Одним из ключевых векторов большинства национальных инициатив выступает инфраструктурное развитие, охватывающее такие области, как транспортная система, энергетический сектор, экологическая безопасность, здравоохранение и образование. При этом участие частного бизнеса в инновационных процессах требует особых условий, поскольку инновации не всегда напрямую связаны с предпринимательской деятельностью. Государство в этом случае должно играть роль гаранта, принимая на себя часть рисков, особенно на ранних этапах реализации новшеств. Механизм ГЧП способствует более эффективному решению социально-экономических и инфраструктурных задач за счёт объединения ресурсов государства и частного сектора.

Несмотря на то, что переход к цифровому обществу и активное внедрение государственно-частного партнёрства начались в России относительно недавно, уже существуют успешные примеры реализованных инициатив. Одним из перспективных направлений применения механизмов ГЧП является модернизация городской инфраструктуры через использование цифровых сервисов. Одним из наиболее показательных проектов в этой области стал «Умный город»³⁸, представляющий собой комплекс мероприятий, направленных на повышение качества городской среды посредством внедрения инновационных и цифровых технологий. Проект охватывает такие направления, как цифровое управление городом, «умное» жилищно-коммунальное хозяйство, интеллектуальные транспортные системы и прочее.

В основу проекта положены федеральные инициативы, в частности национальные программы «Цифровая экономика» и «Жилье и городская среда». Ключевые задачи проекта включают внедрение интеллектуальных систем общественной и экологической безопасности, автоматизацию городских процессов и развитие энергоэффективного уличного освещения. По данным Министерства строительства РФ, из необходимых 80 миллиардов рублей на реализацию проекта до 2024 года около 16 миллиардов будут привлечены от частных инвесторов через механизмы ГЧП [3].

Среди реализуемых «умных» решений можно отметить проекты по модернизации остановочных комплексов общественного транспорта, включающих системы навигации и видеонаблюдения. В последние годы также наблюдается активное распространение платных городских парковок, создаваемых в рамках партнерства между государством и бизнесом. Например, компания «Городские парковки» заключила соглашения с рядом городов о внедрении соответствующих решений. Одной из таких инициатив стала парковка в Воронеже, рассчитанная на 6 тысяч мест³⁹.

36 Годовой отчет 2023 // ВЭБ.РФ. URL: <https://veb.ru/investoram/otchetnost/godovoj-otchet-2023/>

37 Указ Президента РФ от 28.02.2024 N 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». П 28, пп. «е».

38 Зуйкова А. Как устроены «умные» города в России и в мире // РБК Тренды. 2024. 30 мая. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/616e613c9a79473e73ff9138>

39 Шиповская Д. Годовой абонемент на парковку в центре города обойдется воронежцам в 50 тысяч рублей // TV Губерния. 2018. 14 сентября. URL: https://tv-gubernia.ru/novosti/obwestvo/godovoj_abonement_na_parkovku_v_centre_goroda_obojdetsya_voronezhcam_v_50_tysyach_rublej/

Еще одним примером применения ГЧП в сфере инноваций можно назвать совместный проект корпорации «Ростех» и компании «Ростелеком» под названием «Цифромед»⁴⁰. Этот проект нацелен на создание единого цифрового пространства в системе здравоохранения. На сегодняшний день в рамках проекта уже накоплено большое количество медицинской информации о гражданах РФ, однако её обработка пока не достигла необходимого уровня. Тем не менее инициатива сохраняет высокий потенциал и стратегическую значимость.

Несмотря на все реализуемые меры, опыт прошлых лет наглядно отражает, что реализация стратегических документов не приводит к переходу экономики на инновационную модель развития. Более того, даже не удастся достичь целевых результатов, заданных той или иной стратегией. Например, по итогам реализации «Стратегии инновационного развития Российской Федерации» 2011 года реальные значения таких целевых показателей, как доля организаций промышленного производства, которые осуществляют инновации, внутренние затраты на исследования и разработки в процентах от ВВП и др. оказались более чем в два раза ниже, чем заданные плановые значения. Аналогично не были достигнуты целевые показатели и в «Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года», утвержденной в 2006 году. Наконец, в предыдущей Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, принятой в 2016 году (утратила силу после принятия Стратегии НТР 2024), не была разработана целостная система оценки результатов реализации стратегии [8]. Ниже будут описаны концептуальные разрывы между идеями, декларируемыми в положениях Стратегии НТР 2024 и реальным состоянием соответствующих аспектов научно-технологического развития России. Подобный «отрыв от реальности», по мнению авторов, может стать существенным препятствием перехода на модель технологического суверенитета при реализации Стратегии НТР 2024.

В тексте стратегии неоднократно делается акцент на значимости фундаментальной науки и поддержки фундаментальных исследований: «Ключевую роль в подготовке научно-технологического сектора страны к новым большим вызовам должна сыграть российская фундаментальная наука...»⁴¹. Одним из основополагающих принципов государственной политики в области НТР обозначена «государственная и общественная поддержка фундаментальных и поисковых научных исследований как инструмента долгосрочного развития страны»⁴². Наконец, одним из основных инструментов реализации стратегии выступает «программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период»⁴³. Из анализа Института статистических исследований и экономики НИУ ВШЭ следует, что расходы на фундаментальные исследования по отношению к ВВП в 2021 составляли 0,17%, в 2022 и 2023 – по 0,15%, в 2024 – 0,13%⁴⁴ (для сравнения: Швейцария – 0,97%, Корея – 0,73%, США – 0,51%, Япония – 0,42%⁴⁵). В добавление к этому, как отмечено в аналитическом докладе Российской Академии Наук, реализация Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации (ПФНИ) сталкивается с рядом проблем. Так действующая система формирования госзадания не в состоянии обеспечить массовость

40 «Ростелеком» и «Ростех» будут совместно развивать цифровое здравоохранение // Ростелеком. 2019. 15 июля. URL: <https://www.company.rt.ru/press/news/d450893/>

41 Указ Президента РФ от 28.02.2024 N 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». П. 19.

42 Указ Президента РФ от 28.02.2024 N 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». П. 27, пп. «в».

43 Указ Президента РФ от 28.02.2024 N 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». П. 38, пп. «д».

44 Ратай Т. В. Государственная поддержка науки: итоги 2024 года // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. 2025. 4 июля. URL: <https://issek.hse.ru/news/1060083337.html?ysclid=mm6d5fabil831221455>

45 Аналитический доклад о реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации и о важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными (основные положения) // Российская Академия Наук. 2025. 28 мая. URL: <https://new.ras.ru/upload/iblock/c59/15zqnrcmtrn1r5gsgxgeng421uj5uhav98.pdf>

проводимых научных исследований, потому как госзадания на проведение фундаментальных исследований носят бессистемный характер. Более того, не существует механизма, позволяющего составлять госзадания на основе запросов академических научных советов, высокотехнологичных компаний и заинтересованных федеральных органов исполнительной власти⁴⁶. Таким образом, не учитываются интересы наиболее крупных бенефициаров фундаментальных исследований. Более целесообразным сначала создать систему учета запросов стейкхолдеров и уже на основе этого выстраивать вектор развития фундаментальных исследований.

Во-вторых, несмотря на первоочередную задачу обеспечения технологического суверенитета, в Стратегии НТР 2024 красной нитью проходит идея развития международного взаимодействия в сфере науки и технологий. Например, одной из задач, решение которых необходимо для достижения цели стратегии, выделено формирование «модели международного научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области научных исследований и разработок, позволяющей защитить национальные интересы Российской Федерации в условиях внешнего давления...»⁴⁷. Текущий уровень развития привлекательности российской научной сферы для молодых иностранных ученых можно оценить, исследуя поступающих в аспирантуру иностранцев в различных статистических срезах. Так общее число молодых ученых-иностранцев с 2017 по 2024 увеличилось с 7,3 тыс. до 12,3 тыс. человек причем рост произошел за счет увеличения выходцев из «других иностранных государств», а не стран СНГ⁴⁸. Из 10 главных стран по численности приема на аспирантские программы в 2024 году только Китай (1-е место, 1746 чел.) и Вьетнам (7-е место, 109 чел.) занимают более высокое место, чем Россия, в рейтинге Global Innovation Index 2025: Россия на 60 месте, Китай и Вьетнам на 10 и 44 месте соответственно⁴⁹. Остальные страны, такие как Узбекистан, Таджикистан, Казахстан и др., занимают более низкое место, или вообще не представлены в рейтинге, как Ирак, Сирия и Туркменистан. Из всего этого списка, как может сначала показаться, аспиранты из Китая выделяются и своей численностью, и впечатляющими результатами в сфере инноваций, которые есть у их страны. Однако в России молодые китайские ученые выбирают науки исключительно социального профиля: педагогику, искусствоведение и культурологию, экономику, филологию и т. п. [1]. Выходит, что в реальности на данный момент международное сотрудничество в сфере науки не является драйвером научно-технологического развития России, хотя и остается инструментом развития политических связей.

В Стратегии НТР 2024 одним из значимых факторов научно-технологического развития называется «выделение ограниченной группы стран, доминирующих в научных исследованиях и разработках, и формирование научно-технологической периферии, утрачивающей научную идентичность и выступающей кадровым «донором»»⁵⁰. Возможно, следует переопределить место России в этой системе за счет взаимодействия не только с «донорами», но и с ведущими научно-технологическими державами.

Третий аспект, потенциально затрудняющий реализацию стратегии – состояние управленческих ресурсов в сфере высоких технологий. В тексте Стратегии НТР 2024 в отдельный пункт выделены меры по формированию «эффективной системы управления в области науки,

46 Аналитический доклад о реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации и о важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными (основные положения) // Российская Академия Наук. 2025. 28 мая. URL: <https://new.ras.ru/upload/iblock/c59/l5zqnrcmtrn1r5gxgens421uj5uhav98.pdf>

47 Указ Президента РФ от 28.02.2024 N 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». П. 24, пп. «д».

48 Мартынова С. В., Миронова А. В. Позитивные тенденции в аспирантуре закрепляются // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. 2025. 30 июня. URL:

49 Global Innovation Index 2025 // World Intellectual Property Organization. URL: <https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2025/en/index.html>

50 Указ Президента РФ от 28.02.2024 N 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». П. 16, пп. «д».

технологий и производства и осуществления инвестиций в эту область»⁵¹. Пожалуй, самый яркий пример – деятельность менеджмента корпорации Роснано во главе с Анатолием Чубайсом. Как утверждается, истец (Роснано) обвиняет А. Чубайса и бывший топ-менеджмент компании в «неразумных и недобросовестных действиях и бездействии», касающихся проекта Crocus по созданию магниторезистивной памяти MRAM, а также требует взыскать почти 12 миллиардов рублей⁵². Напомним, что А. Чубайс возглавлял Роснано с 2008 по 2020 год. Подобный случай был и в истории фонда «Сколково», когда старший вице-президент фонда Алексей Бельтюков незаконно передал депутату «Справедливой России» 750 тыс. долларов через подставные договоры от имени фонда⁵³. Предприятие «Ростеха» АО «Центральный научно-исследовательский институт экономики, информатики и систем управления» (ЦНИИ ЭИСУ) принесло 800 миллионов убытков и было признан банкротом из-за, как сообщается, «бездарного руководства»⁵⁴. По заявлениям гендиректора «Ростеха» Сергея Чemezова «многие директора оборонных предприятий просто не заинтересованы повышать производительность»⁵⁵. Таким образом, остается неясным, за счет каких реальных действий должен произойти качественный сдвиг в системе мониторинга и контроля управленческих решений в области науки и техники. Если крупными технологическими предприятиями годами руководят, как выясняется уже после, некомпетентные и недобросовестные менеджеры, то вполне может случиться так, что декларируемая в стратегии необходимость развития системы управления так и останется лишь «на бумаге».

Обсуждение, заключение, выводы

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации формирует комплексную рамку перехода к модели технологического суверенитета в условиях долгосрочного санкционного давления [7, 10]. Документ фиксирует мобилизационный характер текущего этапа и предлагает развернутую систему инструментов реализации — от национальных проектов и мегапроектов до механизмов государственно-частного партнёрства. Через различные инициативы в сфере искусственного интеллекта, импортозамещения программного обеспечения, квантовых технологий, развития кадрового потенциала и инфраструктурного строительства государство стремится создать замкнутый инновационный цикл и снизить критическую зависимость от внешних поставщиков технологий [17, 18].

В то же время проведённый анализ выявляет ряд концептуальных и институциональных «белых пятен». Сохраняется разрыв между декларируемой поддержкой фундаментальной науки и её фактическим финансированием; механизмы формирования государственного задания остаются фрагментарными и недостаточно ориентированными на запросы ключевых стейкхолдеров. Кроме того, международное научное сотрудничество, заявленное как приоритет, пока не выступает полноценным драйвером технологического развития. Наконец, существенным вызовом остаются кадровые риски, управленческие дисфункции и ограниченная эффективность системы мониторинга качества принимаемых управленческих решений.

Таким образом, Стратегия НТР 2024 обладает значительным потенциалом как координирующий и мобилизационный инструмент научно-технологической политики. Тем не

51 Указ Президента РФ от 28.02.2024 N 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». П. 31

52 Канаев П., Химшиашвили П., Ситюков А., Шокурова Е. «Роснано» обвинило Чубайса и экс-менеджеров в «неразумных инвестициях» // РБК. 2025. 19 декабря. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/12/2025/6944fb389a79471b9843b559>

53 Заместитель В.Вексельберга в «Сколково» стал фигурантом уголовного дела // РБК. 2013. 19 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/society/19/04/2013/570407189a7947fcbd448081>

54 Ростех сменил руководство одной из своих компаний из-за долга по зарплате // ТАСС. 2019. 31 мая. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6491779>

55 Канаев П., Парфентьева И. Чemezов заявил об «огромном количестве проблем» в экономике «оборонки» // РБК. 2024. 17 мая. URL: <https://www.rbc.ru/business/17/05/2024/66465d789a79475db1eac775?ysclid=mma7hf4hha187400939>

менее достижение заявленных целей будет зависеть не столько от масштабности заявленных мер и объёмов финансирования, сколько от институциональной согласованности и компетентности управления, а также осознанной поддержки фундаментальных исследований. Без устранения выявленных структурных противоречий и выстраивания эффективной экосистемы инновационного развития переход к модели технологического суверенитета рискует остаться лишь декларируемым ориентиром, а не реальным результатом системных преобразований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бедный А. Б., Бедный Б. И., Рыбаков Н. И., Салахетдинова Т. В. Иностранные аспиранты в России: статистика и тенденции // Высшее образование в России. - 2026. - Т. 35. - №1. - С. 54–76. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2026-35-1-54-76>
2. Болдырев, О. Ю. Экономический суверенитет государства и конституционно-правовые механизмы его защиты: монография / О. Ю. Болдырев; научный редактор С. А. Авакьян. — Москва: Проспект, 2019. — 408 с. EDN: <https://elibrary.ru/wbwauih>
3. Боркова Е. А., Трунин В. И. Развитие механизма государственно-частного партнерства в инновационной сфере // Известия СПбГЭУ. - 2023. - №1 (139). - С. 75–80. <https://elibrary.ru/ppjxwr>
4. Гадисов, С. Р. Государственный суверенитет в условиях глобализации: общетеоретическое измерение: монография / С. Р. Гадисов. — Москва: Дело РАНХиГС, 2025. — 116 с. EDN: <https://elibrary.ru/eghkbi>
5. Глухих, П.Л. Технологический вызов как область исследований: теоретические основы и рекомендации по комплексному описанию /П.Л. Глухих. - Текст: электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №9. - С.26-41. <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2024-9-26-41>
6. Головчанская, Е.Э. Интеллектуализация реального сектора экономики: современные тенденции, вызовы, решения/ Е.Э. Головчанская. - Текст: электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №11. - С. 71-85. <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-11-71-85>
7. Гудкова О. Е. Влияние международных технологических санкций на инновационное развитие национальной экономики России // Journal of Economics, Entrepreneurship and Law. - 2024. - Т. 14. - № 5. -С. 1753–1768. <https://doi.org/10.18334/epp.14.5.120948>
8. Иванов О. Б., Бухвальд Е.М. Концепция технологического развития России до 2030 года и инновационные перспективы для экономики России // ЭТАП. - 2023. - №4. - С. 111–131. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2023-4-111-131>
9. Инноватика и технологический суверенитет в здравоохранении России: коллективная монография / под научной редакцией Л. П. Храпылиной. — Москва: Научный консультант, 2023. — 834 с. EDN: <https://elibrary.ru/gbgjse>
10. Кешнер, М. В. Экономические санкции в современном международном праве: монография / М. В. Кешнер. — Москва: Проспект, 2015. — 184 с.
11. Логвинов, В.А. Инфраструктурное обеспечение цифрового предпринимательства / В.А. Логвинов, Е.В. Наливайченко. - Текст: электронный // Теоретическая экономика. - 2023 - №12. - С. 65-76. EDN: <https://elibrary.ru/ebrimi>
12. Мазилов, Е. А. Научно-технологическое развитие: опыт России и Китая: монография / Е. А. Мазилов, Ф. Шэн. — Вологда: ВолНЦ РАН, 2020. — 150 с. EDN: <https://elibrary.ru/cbddrf>
13. Научно-технологический прогресс и современные международные отношения: сборник научных трудов: в 2 томах / под общей редакцией А. В. Бирюкова [и др.]. — Москва: Аспект Пресс, 2023 — Том 2 — 2023. — 747 с. EDN: <https://elibrary.ru/vetjrx>
14. Научно-технологическое развитие аграрного сектора экономики страны в условиях глобальных вызовов и угроз: сборник научных трудов. — Москва: Научный консультант, 2019. — 219 с. EDN: <https://elibrary.ru/fcmimu>
15. Национальные проекты 2019–2024 гг.: анализ и ключевые риски их реализации. Научно-технологическая сфера и предпринимательство: сборник научных трудов / под редакцией В. А. Ильина. — Вологда: ВолНЦ РАН, 2019. — 75 с. EDN: <https://elibrary.ru/xxotxu>
16. Национальные проекты России: особенности, эффективность реализации: монография / В. А. Ильин, А. А. Шабунова, Т. В. Ускова [и др.]. — Вологда: ВолНЦ РАН, 2024. — 453 с. EDN: <https://elibrary.ru/fcfqxs>
17. Новикова, И. В. Стратегическое развитие трудовых ресурсов Дальнего Востока России: монография / И. В. Новикова. — Москва: Первое экономическое издательство, 2019. — 158 с. <https://elibrary.ru/fcfqxs>

doi.org/10.18334/9785912922756

18. Райхлина, А.В. Концепция технологического лидерства и научно-технологическая политика региона в цифровой экономике / А.В. Райхлина. – Текст: электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – №1. – С. 77–91. <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-1-77-91>
19. Региональное развитие: экономика и социум. Специальная тема: Национальные проекты: материалы конференции. — Кемерово: КемГУ, 2020. — 88 с. EDN: <https://elibrary.ru/bjpyri>
20. Рогова, Т. Н. Стратегическое инновационное развитие в системе региональной финансово-экономической безопасности: теория и практика: монография / Т. Н. Рогова, С. А. Глухова, Г. Х. Федюкова. — Ульяновск: УлГТУ, 2020. — 108 с. EDN: <https://elibrary.ru/ttvqik>
21. Стратегическое развитие в условиях неопределенности: материалы XXI Научно-практической конференции по проблемам стратегического управления 17 ноября 2023 года: материалы конференции / под общей редакцией А. Е. Илларионова. — Москва: Дело РАНХиГС, 2024. — 194 с. EDN: <https://elibrary.ru/qngcly>
22. Суверенитет – безопасность – интеграция как константы устойчивого государственного развития: международный опыт и национальные реалии. К 30-летию Института Президентства Республики Беларусь. Белорусская политология: многообразие в единстве : материалы конференции: в 2 частях / главный редактор В. Н. Ватыль. — Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы, 2024 — Часть 2 — 2024. — 301 с. EDN: <https://elibrary.ru/rphreu>
23. Сухарев, О. С. Научно-технологический потенциал и промышленная политика: монография / О. С. Сухарев. — Москва: Финансы и статистика, 2025. — 128 с.
24. Технологическое образование: теория и инновационные практики (К 45-летию юбилею кафедры технологического образования РГПУ им. А. И. Герцена): Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 28–30 марта 2023 года): материалы конференции / под редакцией О. В. Костейчука [и др.]. — Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2023. — 206 с. EDN: <https://elibrary.ru/sdhiqa>
25. Техническое регулирование в едином экономическом пространстве: сборник статей IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Екатеринбург, 19 мая 2022 г: материалы конференции / под научной редакцией Б. Н. Гузанова. — Екатеринбург: РГППУ, 2022. — 258 с. EDN: <https://elibrary.ru/onccmw>
26. Фоменко Н. М., Кузьмина Д. А., Миргород Е.П. Применение искусственного интеллекта в сфере государственного управления: риски, возможности, перспективы // Вестник евразийской науки. - 2025. - Т. 17. - № 4. <https://elibrary.ru/jyhqwt>
27. Чирков, А.П. Концепция технологического развития и новый технологический уклад / А.П. Чирков.- Текст: электронный // Теоретическая экономика. - 2023 - №11. - С.20-31.
28. Шевченко, С.А. Кадровое обеспечение новой индустриализации региона в контексте концепции реативного класса /С.А. Шевченко, И.А. Морозова, Е.А. Кузьмина. - Текст: электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №1. - С.43-61.
29. Шевченко, С.А. Исследование влияния ключевых доминант новой индустриализации на технологический суверенитет государства / С.А. Шевченко, И.А. Морозова, Е.В. Кузьмина. – Текст: электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – №1. – С.47-60. <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-1-46-60>

The strategy of scientific and technological development of Russia: the main problems, prevailing trends and tools of implementation

Kudryavtsev Anton Andreevich

Degree-Seeking Applicant

Institute of Public Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation

E-mail: anton.kud2004@mail.ru

Fridman Mikhail Feliksovich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

Institute of Public Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation

E-mail: mffree79@mail.ru

KEYWORDS

strategy of scientific and technological development, technological sovereignty, innovative breakthrough, sanctions pressure, development of scientific and technological sphere, national projects

ABSTRACT

Under the conditions of intensified sanctions pressure, achieving technological sovereignty requires a comprehensive approach to an innovation breakthrough and a fundamental revision of state science and technology policy priorities [25, 27]. This study critically analyzes S&T development trends and assesses the impact of Russia's Strategy for Scientific and Technological Development on the transition to technological sovereignty. Objectives included analyzing the problem field, critiquing existing approaches, and developing recommendations.

The research methods, including analysis, synthesis, comparison, abstraction, generalization, systematization, and extrapolation, were combined with systemic and hermeneutic approaches to examine the strengths and weaknesses of government decisions. The information base includes scientific sources, regulatory documents, official statements, and expert assessments. Given the limited success of Russia's transition to technological sovereignty, analyzing the relevant strategic documents becomes necessary. A persistent problem is the functional inconsistency [8] of documents with different statuses, making it essential to track the continuity and dynamics of strategic decisions. Today, it is assumed that as a result of the implementation of Decree of the President of the Russian Federation dated 02/28/2024 No. 145 «On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation», the scientific and technological sphere will be fully integrated into the socio-economic system of the country and will provide «the basis for its sustainable development and technological sovereignty». The results of the study can be applied during the implementation and further adjustment of the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation, due to intensively changing circumstances.

Экономическая безопасность и инвестиционная политика

Бобоев Муталибжон Ракибович 

кандидат экономических наук, доцент

Московская академия предпринимательства, Москва, Российская Федерация

E-mail: bmr1958@mail.ru

Скобликов Евгений Андреевич 

Кандидат экономических наук

Фонд финансовых инициатив, г. Пенза, Российская Федерация

E-mail: eas-eik@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

экономическая
безопасность, денежно-
кредитная политика,
законы денег, центральный
банк, инвестиционная
политика, экономический
рост

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется взаимосвязь экономической безопасности, денежно-кредитной и инвестиционной политики России. Цель работы состоит в выявлении теоретических причин низкой результативности мер, направленных на нейтрализацию внутренних и внешних угроз, а также в разработке предложений по совершенствованию механизмов денежного обращения и финансирования экономического роста. Методологическую основу исследования составляют системный и институциональный подходы, положения теории денег, сравнительный анализ, логическое обобщение и критическая оценка действующей практики государственного регулирования. Особое внимание уделено режиму таргетирования инфляции, уровню ключевой ставки, доступности инвестиционного кредита, валютному регулированию и распределению полномочий между Центральным банком, Министерством финансов и кредитными организациями. Обоснован тезис о том, что ограничительная денежно-кредитная политика при высокой стоимости заёмных ресурсов сдерживает производственные инвестиции, усиливает структурные диспропорции и снижает устойчивость национальной экономики. Авторы раскрывают значение законов кредитной эмиссии, применимости денег, государственного приоритета в регулировании денежного обращения, количества денег и взаимозависимости денег и власти. В качестве институциональной альтернативы рассматривается концепция «Триединства», предусматривающая разделение банковских и расчётно-платёжных операций, создание регистрационно-платёжных узлов и усиление государственного контроля за движением денежных средств. Научная новизна работы связана с применением положений общей теории денег к анализу угроз экономической безопасности и обоснованием институциональной перестройки платёжной инфраструктуры. Предполагается, что предлагаемая система способна повысить прозрачность расчётов, ограничить коррупционные и теневые операции, уменьшить утечку капитала и направить финансовые ресурсы в инвестиционную сферу. Практическая значимость результатов определяется возможностью их использования при корректировке денежно-кредитной, валютной и инвестиционной политики. Сделан вывод о необходимости перехода к суверенной финансовой модели, в которой кредитная эмиссия, дифференцированное регулирование процентных ставок и целевое финансирование производства выступают инструментами экономического роста и укрепления национальной безопасности.

JEL codes: E22, E52, E58, F52, O16

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-5-95-109>

Для цитирования: Бобоев, М.Р. Экономическая безопасность и инвестиционная политика / М.Р. Бобоев, Е.А. Скобликов. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 5. – С. 95-109. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.05.2026)

Проблема экономической безопасности России

О том, какое значение для России имеет экономическая безопасность, имеется всеобъемлющая

законодательная база: закон № 390-ФЗ «О безопасности» и № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», другие федеральные законы, разработана Стратегия национальной безопасности, есть нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации и Президента. А главное, насколько важна экономическая безопасность, уже сказано в Указе Президента от 13 мая 2017 года, № 208, п.7: «реализация органами государственной власти, органами местного самоуправления и Центрального банка Российской Федерации во взаимодействии с институтами гражданского общества комплекса политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие вызовам и угрозам экономической безопасности и защиту национальных интересов Российской Федерации в экономической сфере».

Однако практика как до принятия законов, так и после, вплоть до настоящего времени, постоянно напоминает нам о том, что экономическая безопасность России находится, мягко говоря, не на должном уровне, который вернее назвать критическим:

- Не уменьшается, а растёт зависимость экономики от экспорта энергетических ресурсов и импорта высокотехнологической продукции;
- Хронический недостаток инвестиций в несырьевые и наукоёмкие отрасли как был, так и остаётся;
- Неравномерное развитие регионов и усиление социальной дифференциации жителей страны нарастают;
- Уровень коррупции, мошенничества и других противоправных деяний не снижаются;
- Мировоззренческие связи, вызванные вступлением в ВТО, не укрепляются, а ослабевают;
- Усиливающиеся санкционное давление не отозвалось укреплением собственного производства подсанкционных товаров;
- Отсутствие внятной миграционной политики, в связи с чем из страны уезжают самые высококвалифицированные учёные, конструкторы и технологи, а рабочие места заполняют мигранты самого низкого уровня квалификации;
- Офшорная экономика и вывод капиталов за границу («отток капитала») продолжают разорять страну.

Почему экономическая безопасность России под угрозой

Действительно, почему угрозы не исчезают, а множатся? Прямо скажем, что причин так много, что все их невозможно рассмотреть в одной статье, поэтому лучше сосредоточить внимание на одном, но вместе с тем главном обстоятельстве – на отсутствии теоретической обоснованности многих мер денежно-кредитной политики, которые как бы направлены на устранение угроз экономическому развитию страны, но гораздо чаще его ослабляют. А между тем отсутствие теоретического обоснования в цепи проблем и есть то звено, которое надо добавить и сделать основным, чтобы вытянуть всю цепь решений (по Ленину). Почти по каждой из причин мы имеем: угрозы понятны, задачи по их устранению ясны, а результаты либо никакие, либо ещё больше усугубляют ситуацию. А почему? Забыли мы, что сказал Сталин перед смертью: «Без теории нам смерть, смерть, смерть!». Конечно, сейчас мы можем только догадываться о том, какую теорию он имел в виду, но, вероятно, ему стало ясно, что развитием народного хозяйства должны управлять специалисты.

Сейчас ситуация в стране вроде совсем не похожа на ту, а причина, на наш взгляд, всё та же – новая элита из-за боязни потерять власть не знает и не стремится проверять на оселке теории обоснование своих решений, ошибочно считая, что это будет угрожать их интересам. Вот достаточно показательный пример – установление таргетирования инфляции в качестве главной цели денежно-кредитной политики, что было сделано по рекомендации МВФ. Как отмечает С.Глазьев, денежные власти уверены, что повышение процентных ставок усиливает привлекательность банковских вкладов, переток денег на депозиты ограничивает спрос и приводит к снижению цен. Однако, они не учитывают, что при отсутствии денег одновременно растёт себестоимость продукции, а с ней и

цены, и потому академик ещё в 2015 году предлагал отказаться от таргетирования [1, с.10]. Его мнение никто не опроверг, но и ответа на вопрос вы нигде не найдёте: кто, где и когда дал теоретическое обоснование тому, что повышая ставки по кредиту, можно снизить или хотя бы остановить рост цен. Не так давно точно такой же вопрос задавали и академики представителям ЦБ, но внятного ответа от них тоже не получили [2, с.154]. Более того, уже сам МВФ признал, что манипулирование ключом как таргетом оказывает слабое влияние на инфляцию [3], но наши денежные власти продолжают упорно транслировать через СМИ, что только жёсткая денежно-кредитная политика и ничто другое, не сможет обуздать инфляцию. Однако, если задана цель достичь уровень инфляции 4% и жесткая ДКП (предположим, что именно она) довела её до 5,7% по итогам 2025 года, почему тогда ключевая ставка должна быть в 3 раза выше?

При проведении денежно-кредитной политики было бы вполне достаточно опираться на всем известный закон кредитной эмиссии, который исходит из того, что главным направлением денежно-кредитной политики, как это обосновал Кейнс, является финансирование будущего роста производства товаров [5], а повышение ключевой ставки для этого никак не предназначено [6, с.76], поскольку повышение затрат в любой цепочке производства становится мультипликатором всеобщего роста цен. И потому начавшись в одном месте, оно легко распространяется на всё товарное производство. А именно затраты на кредитное обслуживание и были в основном использованы для «охлаждения экономики», чтобы «экономическая активность перешла к более умеренным темпам роста»¹, что при иной власти это могло быть расценено как диверсия, ослабляющая экономическую безопасность. Зачем? 0,8% роста как за 2025 год или не более 1,5%, который заложен в план 2027 года ради обеспечения стабильности? А безопасность? Ведь именно малые темпы роста подрывают не только безопасность экономики, но и оборону, поскольку её торможение и есть основная цель западных «партнёров», чтобы усиливать военное, санкционное и политическое давление на Россию.

Между тем, есть довольно известные учёные, которые считают, что из всех режимов ДКП, таргетирование инфляции является наилучшим. Например, такое мнение выразил д.э.н. Ф.С.Картаев из МГУ, правда с оговоркой, что он наилучший из худших: «Может быть, это плохой режим. Но из тех, которые были апробированы на практике, остальные еще хуже.» [2, с.158]. Вопрос, однако в том, представляются ли при этом защитниками таргетирования теоретические доказательства приемлемости его для борьбы с инфляцией? И можно ли считать его основной целью Центрального банка? К сожалению, таргетирование инфляции направлено не на её снижение, а на торможение развития, делая труднодоступными деньги, связывая их по рукам и ногам ставкой.

Как правило, сторонники таргетирования ссылаются на работы зарубежных экономистов (например, правило Тейлора), в обосновании используют их формулы и графики, но собственный экономический анализ, повторяем, экономический, отсутствует. Какой? Да самый простой - затрат и результатов. Или, хотя бы из анализа уравнения обмена Фишера $MV = \Sigma pq$. Да, из уравнения следует, что именно увеличение количества денег у граждан может способствовать росту цен – p (price). Однако справедливо ли обратное утверждение, что сжатие денежной массы, на что и направлена жёсткая ДКП, ведёт к их снижению? Нет, в обратную сторону уравнение не работает. Как показывает практика, сокращение M при постоянной скорости обращения денег V вызовет рост либо p , либо снижение q (количество производимых товаров), либо вместе с ростом цен будет идти падение производства, что и показало начало применения таргетирования инфляции в России в 2015 году, и повторилось в 2025-м. На самом деле всё ещё хуже. Задумаемся – чтобы цены выросли при том же объёме реализации товаров и услуг, должно появиться соответствующее количество денег. И оно появляется! Одной рукой Центробанк повышает ставку и деньги изымаются депозитами из обращения, а другой ... вбрасывает в экономику столько денег, чтобы их хватало покрывать рост цен. Мы же помним, какой довод был решающим, чтобы наделить Банк России правом эмиссии денег – де правительство настолько неразумно, что утопит экономику страны в деньгах, и только в том случае,

¹ Еще по 0,5 Газета «Коммерсантъ» №26 от 14.02.2026, стр. 1 <https://www.kommersant.ru/doc/8438827>

если ЦБ будет независим, можно будет держать эмиссию в рамках потребности экономики в деньгах, как это и происходит в других странах. Но и там, и у нас центробанки всегда включают станок, чтобы обеспечивать не только прибыль, но и сверхприбыль своим банкам, безо всякой оглядки на вызванный этим рост цен. Игра стоит свеч – в 2024 году, когда ЦБ поднял ключ до 21%, банки получили 4,1 трлн чистой прибыли, а в 2025-м, хотя Центробанк и стал понижать ключевую ставку – 3,6 трлн. В этой игре с ценами коренным, а не пристяжным рысакom вывозит банкам прибыль Минфин, выплачивая им компенсацию процентной ставки по льготной ипотеке и доход по ОФЗ из бюджета, т.к. основными их держателями являются банки. А ведь это не та прибыль, которую банки получили от роста производства и инвестиций, а деньги, вынутые из кармана граждан и бизнеса, причём не монополий, у тех своих денег хватает. Инфляция в России редко когда определялась спросом (например, неурожай гречки), т.е. отсутствием товарного покрытия, она всегда имела и имеет чисто монетарный характер, а все слова о том, как важна низкая инфляция, противоречат принимаемым мерам.

Совершенно неверно также применять единую ключевую ставку. Вспомним опять Ленина, который говорил, что разные социальные слои требуют разного подхода. Рабочим — одно, крестьянам — другое, интеллигенции — третье. Потому и условия кредитования должны быть привязаны к насущным нуждам разных людей и производств. Это касается не только потребительского, но и инвестиционного кредитования: чем более востребована продукция или услуга, тем более щадящие условия следует применять, памятуя, что они укрепляют экономическую безопасность страны. Но это банкам не нужно, поэтому при подсчёте инфляции сваливаются в одну потребительскую корзину хлеб, молоко и люксовые авто и яхты, а проинфляционным фактором объявляется утилизационный сбор. Банкам совершенно не требуется такая денежно-кредитная политика, которая теоретически выверена и потому понятна, поэтому и транслируются инсинуации, что инвестиции в развитие (долгосрочные) невозможны до тех пор, пока есть высокая инфляция. Это ложный посыл, а вся правда в том, что инфляция потому высокая, что нет инвестиций в развитие. И пример тому – Китай, где ставки если и меняются, то в пределах 2-4%. А если там рост экономики понижается ниже 5%, принимаются все меры, чтобы он был выше. Наш же Центральный банк, наоборот, после четырёх процентного роста в 2024 году «охладил» её в 2025 году высокой ставкой до такой степени, что как показал последний мониторинг ЦСР, 3/4 МСП не то, что не имели прибыли на развитие, а и вообще её не получили, те же, кто сработал с прибылью, предпочли держать её на депозитах, т.к. при текущей ставке инвестиции в развитие бессмысленны.

Продолжим анализ обеспечения безопасности экономики в свете теории денег. Попытки действовать вопреки её законам относятся практически к каждому из 12-ти законов денег. Но поскольку рассмотрение их всех и принципов регулирования денежного обращения в разрезе обеспечения экономической безопасности заняло бы слишком много места, остановимся лишь на знаковых.

Например, есть явное непонимание того, как действует второй закон денег, закон применимости, которым регулируется обращение форм денег, что также как отражается на экономической безопасности. Как правильно отмечает О.Г.Солнцев, волатильность валют «ставит мощный барьер для увеличения инвестиций в российскую экономику» [2, с.173], т.к. при отсутствии инвестиций устаревают основные фонды и не обновляется линейка продуктов и товаров. Для этого, как ни странно, экономика должна быть реально защищена от прямого и косвенного вмешательства иностранных государств, а оно всегда основано и опирается на хождение своих валют в стране. Торги валютой на бирже, при которых курс рубля заходится в тряске, то опускаясь, то падая, это не про экономику, а зарабатывание капитала спекулянтами, у которых нет Родины. Поэтому в суверенной стране ни у граждан, ни у предприятий, согласно закона применимости, не должно быть ни на руках, ни на счетах иностранных денег, включая криптовалюту. А как же тогда вести внешнюю торговлю? Это не вопрос – для этого достаточно ввести монополию внешней торговли, при которой расчёты

по импорту и экспорту ведутся только через специализированные внешнеторговые банки - у нас ими считаются ВТБ, ВЭБ, Газпромбанк, хотя они такие же диверсифицированные, как и все банки. Но с точки зрения закона применимости они, как государственные банки, не должны выполнять иных расчётных операций, кроме внешнеторговых и международных, стоя на страже обеспечения безопасности рубля от посягательств на внутреннее денежное обращение. Кроме того, и наши международные резервы надо хранить в этих банках, а не в зарубежных. Если бы это так было, то после начала СВО их невозможно было бы заблокировать, а на самом деле экспроприировать, и назойливый мем «Вот если бы тогда был ВТБ!» стал бы уместен. С другой стороны, чтобы экономика России была суверенной, обращение денег должно стать исключительно рублёвым, то есть нельзя допускать в стране хождения доллара, юаня, евро и любой другой валюты, что и будет самой надёжной защитой экономической безопасности.

В соответствии с законом применимости также в стране должен устанавливаться и обменный курс валют. Ну, а как? Это не вопрос - задача имеет институционально-техническое решение. Институционально - курс валют должен устанавливаться не на бирже, а в клиринговых расчётных центрах (КРЦ) при внешнеторговых банках, в которых и будет проводиться конвертация рублей в другую валюту. А технически - вместо «плавающих курсов валют» будет применяться дискретный курс (ДК), т.е. отдельный для разных видов товаров и сделок, и устанавливаемый на тот промежуток времени, когда не происходит кардинальных изменений в нашей и мировой экономике, а потому может не меняться месяцами и даже годами. Как его установить без торгов на бирже? Чисто расчётно, путём составления технико-экономического обоснования (ТЭО) по каждой группе экспортируемых и импортируемых товаров, исходя из выгоды (потребности) такого курса для государства, а не для лиц, торгующих валютой на бирже [7, с.316-319]. Плавающие курсы МВФ рекомендует вовсе не для развития таких стран как Россия, а для того, чтобы мы сами, своими руками тормозили свою экономику, пестуя касту биржевых спекулянтов. А чтобы обеспечить безопасность своей экономики, курс должен быть не плавающий, не переменный, не твёрдый, а только дискретный. Это даёт колоссальное преимущество для развития и безопасности экономики: используя ДК, можно закупать любые, причём самые критичные для нас новейшие оборудование, материалы и технологии по любой цене, ибо для капиталиста, что нашего, что зарубежного деньги решают всё: капитал «при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы». Эту мысль высказал британский профсоюзный активист Томас Джозеф Даннинг, а Маркс счёл нужным процитировать в «Капитале» [8, с.764], а что изменилось с той поры? Всё по-старому, алчность капиталиста никуда не делась, мораль, определяемая законом прибыли, всё та же. Поэтому, если нам позарез нужны чипы и оборудование для их производства, то ВТБ или ВЭБ запрашивает у Тайваня или в Нидерландах - какая цена преодолит их санкции? Затем мы договариваемся по только им ведомым каналам об условиях поставок (прямо или через посредников), и используя дискретный курс расплачиваемся с поставщиками хоть по 50, хоть по 10 рублей за доллар или евро - для бухгалтерии они придут к нам в рублях. И наоборот: в связи с введением ценового потолка на поставки нефти поступления в бюджет резко сократились, но это также легко обходится через дискретный курс - поступившую валюту можно конвертировать так, чтобы покрывать рублёвый бюджетный дефицит. Такая технология кажется сложной, но только так мы сможем уйти от рыночных угроз и развиваться, тем самым обеспечивая экономическую безопасность. Если бы Китай, начиная свою индустриализацию, поступал иначе, т.е. с плавающим юанем, он не стал бы первой страной в мире по экономическому развитию. Тут главное понимать - применять можно только те деньги, которые не рожают зависимости от чужой валютной системы. И тогда такой механизм станет надёжной преградой от колебания мировых цен и кризисов - уровень всех цен будет определяться затратами внутри страны, твёрдо стоя на страже экономической безопасности. А что сейчас? Почему цены на заправках зависят от мировых цен, если мы сами

добываем и перерабатываем нефть? Да, нефтяникам значительно выгоднее продавать топливо за рубеж, но это же автоматически снижает предложение топлива внутри страны. И несмотря на возросшие доходы России от экспорта топлива на фоне конфликта на Ближнем Востоке, крупнейшие нефтяные компании уже начали постепенно поднимать внутренние цены, ориентируясь на более выгодные экспортные поставки.

А кто так придумал? Тот, кто не понимает действие закона применимости. Цены внутри страны на производимые каждым предприятием товары определяются в рублях, но при реализации их на внешних рынках применяем курс валют, который определяется спекулянтами в результате их игр на бирже, да ещё бюджетным правилом и поддерживаем их. Но если мы будем применять ДК, отсекая мировые цены от внутренних уже на границе, то цены на заправках будут определяться собственными затратами и нормой прибыли на НПЗ и логистикой, а они будут стабильными, потому что в течение года-двух-трёх и даже больше экономические условия внутри страны не меняются. В силу этого вывод Андрея Паршева о том, что если Россия северная страна, то всегда будет неконкурентоспособной [9], теоретически несостоятельный: если каждая страна будет строить свою экономику так, как это было у нас, начиная с 30-х годов прошлого столетия, то экономика всегда будет успешно расти – не надо оглядываться на другие страны – у нас есть природные ресурсы, свой исторический опыт, воля и вера народа в своё предназначение. А вот если мы сами, своими руками разрушили промышленное производство и превратились в сырьевой придаток и стали зависеть от того, сколько Индия и Китай купят нефти, то и им санкции к России в помощь, а нам бюджет в дефиците.

Для ограничения действия третьего закона денег, закона приоритета государственного регулирования денежного обращения, сторонники рыночного фундаментализма приложили максимум усилий. Но движение неправильным курсом делает и все последующие шаги неправильными. В результате либеральных подходов в стране создалась ситуация, очень похожая на ту, что описал наш баснописец Крылов – как будто бы воз денег везут Лебедь, Рак и Щука. Банк России, как независимый от правительства, ограничивая предложение денег, рвётся в облака к цели (таргету) в 4%; госорганы в лице Минфина, ФНС и ФАС, действуя в противофазе с ЦБ, предоставляют бюджетные субсидии и повышают налоги и тарифы; а третий денежный агент – монополии, маркетплейсы и прочие спекулянты пятятся назад, и тянут воз в ту сторону, где с этого воза, что упало, то пропало – прибыль. Отсюда, как мы видим, денежный воз и движется по непредсказуемой траектории – то взлёт, то падение. Но чтобы он двигался ровно и в нужном направлении, каждый должен везти общий для всех воз – государственные деньги, и в одном направлении, как это уже было на заре становления денежного обращения. В те далёкие времена ростовщики, а затем банки занимались только депозитно-кредитными операциями, и никто не имел расчётного счёта в банке, чтобы совершать через него платежи и перечисления, а казна суверена, и никто другой, имела право чеканить монеты и печатать бумажные деньги, вела контроль за доходами домохозяйств с и взимала налоги, т.е. все расчёты были под надзором государства. Но как вернуть это разделение при современном уровне финансово-денежного обращения, которое отклонилось не в ту сторону? Ровно по указанному закону – развести по разные стороны операции с банковско-финансовыми активами и контроль за обращением денег: первые должны выполнять банки и биржи, деятельность которых должна быть подконтрольна Центральному банку, а вторые – выполнять подразделения Министерства финансов.

Но как технически развести потоки денег и финансов? Это решено в рамках концепции Триединства [7, с.319-330]. Поскольку её подробное изложение заняло бы слишком много места, то здесь коротко обрисуем, что она из себя представляет и как её использование позволит укрепить экономическую безопасность. Раз Триединства, то значит, у неё должны быть и три операционные системы: 1. Регистрации физических и юридических лиц; 2. Регистрации имущественных прав; и 3. Выполнение всех видов платежей. А единство должно обеспечиваться их централизованным

выполнение в одном институциональном образовании - регистрационно-платёжных узлах (РПУ) Минфина, куда будет поступать информация из банков и платёжных и бухгалтерских терминалов согласно схеме (риснок 1).

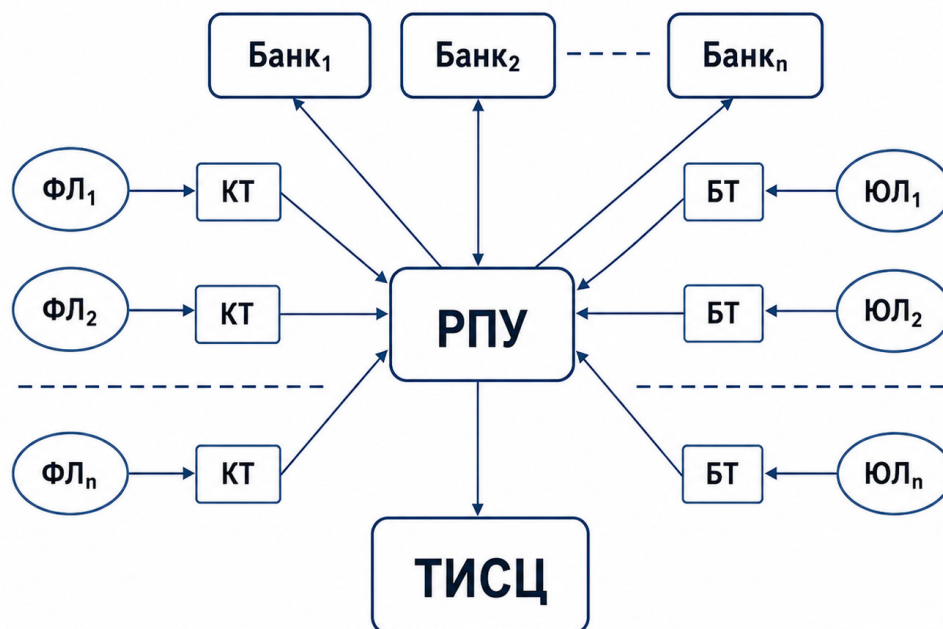


Рисунок 1 – Осуществление платёжных и регистрационных операций физическими лицами (ФЛ) через кассовые терминалы (КТ) в магазинах и платёжные системы, юридическими (ЮЛ) через бухгалтерские терминалы (БТ) через интернет. ТИСЦ – информационно справочный центр (ЦОД), в который будет поступать вся информация для статистической обработки и расчёта налоговой нагрузки.

Источник: составлено авторами

Как видно из схемы, банки занимаются исключительно депозитно-кредитными операциями – у них кассовых и платёжных терминалов, и потому расчётно-платёжные операции они не выполняют. Более того, движение денег клиентов банков тоже должно идти через РПУ – когда клиент со своего расчётного счёта в РПУ открывает вклад на депозит, а также погашает взятый кредит в банке, и наоборот, банк закрывает счёт или выдаёт кредит, он зачисляет их на расчётный/лицевой счёт клиента в РПУ, поскольку это такие же расчёт и платежи. В свою очередь, РПУ не выполняют банковские функции.

Что даёт такое разделение операций между банковской бюджетно-финансовой системой? Прежде всего то, что всякая попытка совершить мошенничество, дать взятку, получить откат или вывести средства за рубеж становится невозможной – если у каждого физического и юридического лица будет один единственный расчётный счёт в РПУ по месту регистрации, то всякая такая попытка будет блокироваться, и деньги будут оставаться в стране. Точно также платёж и перевод будет блокироваться и в том случае, если он не имеет законного источника – зарплата, премия, договор, покупка товара или оплата услуг у зарегистрированного в РПУ лица. Эту часть концепции Триединства без особых усилий можно ввести и сейчас, блокируя переводы между физ и юрлицами без указания их целевого назначения. Кроме этого, если перевод всё же состоялся, вернуть деньги не составит проблем, т.к. все переводы и платежи фиксируются блокчейном в ЦОДе. Из этого следует, что это станет самым эффективным средством борьбы с коррупцией, потому что система устроена так, что уже с первой попытки произвести такую транзакцию, т.е. зачислить на лицевой счёт незаработанные деньги (откат, взятку), или перевести их на якобы безопасный счёт незнакомому лицу без предоставления договора в письменной форме, будет технически невозможно.

Проведение платежей и переводов только через РПУ поможет серьёзно затруднить проведение незаконных операций, но не исключить их полностью, если не ограничить выдачу и платежи наличными. А банковская система, наоборот, никаких препятствий не ставит обналичиванию денег и выдаёт их десятками миллионов по первому требованию. Более того, сейчас можно получить их без ограничений в банкоматах и даже на кассах в магазинах по карточке, а банки вдобавок к этому миллионами выдают кредиты наличными. Так, за февраль 2026 года банки выдали россиянам 1,61 млн кредитов наличными на сумму 304,26 млрд руб². Зачем, почему, если говорите, что боретесь с мошенниками и казнокрадами? Наличный оборот денег, безусловно, подрывает экономическую безопасность, а потому его следует ограничить. Но как и до каких пор? Это не так трудно установить – до тех пор, пока есть бабушки, торгующие зеленью со своих огородов и деревни, где сельские жители выращивают живность, то для горожан не должно быть препятствий купить пучок петрушки, деревенское молоко, яйца и мясо домашнего откорма с личного подсобного хозяйства без гормонов и прочих добавок, которые не прибавляют здоровья. Да и вооружить каждого индивидуального предпринимателя кассовым терминалом пока нельзя. В силу этих причин, а не превратно понимаемых свобод, наличный оборот должен сохраняться до той поры, пока сам не станет как в Норвегии, где он составляет уже всего 2%.

Если продолжать устранять симптомы вместо причин, как это делает Центробанк, т.е., вводить самозапрет на кредит и правило «второй руки», сокращать число счетов и симкарт до 20-ти, замораживать суммы сверх 50 тысяч рублей в сутки при наличии признаков сомнительных операций, но при этом разрешать выдавать десятками миллионов наличными (Долина), то на вопрос, как со всем этим бороться, искусственный интеллект будет постоянно отвечать: «воровать надо меньше» [2, с.192]. А вот переход к безналичным расчётам через РПУ делает совершенно ненужными вообще какие-либо ограничения, поскольку нельзя будет ни перевести необычно крупные суммы, ни делать частые снятия, ни получать миллионами наличные. Да и усиленные механизмы защиты и дополнительной идентификации клиента не потребуются – у каждого всего один счёт, и туда может поступать только зарплата и другие законные платежи, а коли владелец денег захочет перевести кому-то какую-либо сумму, но это не родственник, то только при наличии гражданско-правовых отношений. Да и в этом случае, если у получателя тоже только один лицевой счёт, то и он с него не сможет сделать перевод неизвестно кому. И, тем более, купить биткойны или перевести деньги в зарубежный банк, т.к. это возможно только под контролем государственных ВТБ или ВЭБ.

Точно также станут невозможны – чисто технически – взятки и откаты. А ведь по оценке некоторых исследователей, разворовывается до половины бюджета страны! Но Триединство кладёт этому конец. У каждого чиновника любого уровня будет только один лицевой (расчётный) счёт, куда может поступать только зарплата и премии с основного места работы. И как мы уже отметили, если хождение наличных ограничено затратами на колхозном рынке, и к тому же ни одно предприятие и фирма от ИЧП до ОАО не могут получать в банке наличные, чтобы дать ими взятку или сделать откат, то получить их взяточник вряд ли сможет. Также практически сразу исчезнет незаконное и теневое предпринимательство, поскольку как их клиенты не смогут оплачивать услуги наличными, так и сам предприниматель не сможет их потратить на большие покупки, т.к. с бабушками можно рассчитываться наличными, а все предприятия торговли могут продавать товары только по карточкам. А поскольку пропадает смысл получать за свои услуги наличные, придётся всем самозанятым регистрировать свой бизнес и платить налоги. Сколько таких предпринимателей, наша статистика точно не знает, но если называются цифры от 15 млн (Голикова) до 34 млн (Голодец), то можно себе представить, сколько денег идёт мимо бюджета, и это сотни миллиардов, которые не доходят до бюджета.

Централизация расчётов позволит также эффективно контролировать качество производимой

2 Итоги кредитования наличными в феврале 2026 года. https://arb.ru/banks/analitics/itogi_kreditovaniya_nalichnymi_v_fevrale_2026_goda-10698752/?source=mail.

продукции, особенно продуктов питания. Сейчас производитель, пытаясь противостоять жёсткой денежно-кредитной политике и сохранить бизнес, идёт на фальсификацию своей продукции за счёт добавок, которые, мягко говоря, не прибавляют здоровья. Закупается миллионами тонн пальмовое масло, в колбасы добавляется мясокостная мука, которая ранее шла на корм животных, мясной клей, способный превратить кишечник в сито, вместо молока продаётся молочный напиток, сливки и сметана не являются таковыми. Но куда хуже ситуация с водой – если в ДТП ежегодно гибнет около 30 тыс человек, то в 2024 году загрязнение воды унесло примерно 11 тыс. человек, а 1,4 млн получили заболевания органов пищеварения и мочеполовой системы. От четверти до трети продаваемой питьевой и минеральной воды — фальсификат, при том, что в некоторых регионах доля подделок может достигать до 80%, т.к. разливают и бутилируют обычную воду из ближайшего водопровода без должной очистки. Но если расчёты всех этих предприятий будут идти через РПУ, то обнаружить и пресечь фальсификат не представит никакого труда - если использование вредоносных компонентов не предусмотрено ГОСТом, то приобрести их будет нельзя, потому что платёж просто не пройдёт. Ныне всё чаще становятся достоянием общественности факты воровства на гособоронзаказах. Но их не было бы вообще, поскольку выделенные деньги не могли бы попасть к фирмам однодневкам и ими обналичиваться через РПУ. А что сейчас? Например, полмиллиарда рублей, которые должны были пойти на нужды армии, осели на счетах подставных фирм и были обналичены группой лиц контр-адмирала Николая Коваленко³ (приобретались бракованные запчасти под видом отремонтированных, на что затратили всего за 40 тысяч). Смогла бы эта преступная группировка нанести ущерб обороне, если бы у каждого её члена был лицевой счёт в РПУ? Нет, на него могли бы поступать только зарплата и вознаграждения за успехи. Точно такие же «деятели» не смогли бы нанести ущерб и концерну «Калашников» поставкой некачественных комплектующих. Таким образом, использование концепции Триединства сможет поставить непреодолимый заслон фальсификации продукции, воровству и коррупции.

Есть ещё одно важное преимущество концепции – её использование делает прозрачным использование средств от повышения тарифов на энергоносители, ЖКУ, сбор и утилизацию бытовых отходов, а также экологию. Из-за отсутствия контроля за расходованием средств от повышения тарифов мы получили именно то, что и должны были получить. По данным Счётной палаты, износ объектов водозабора достиг почти 67%, а систем водоснабжения — около 75%, при этом с 2021 по 2023 год заменили примерно лишь 1% сетей. А вода – это здоровье, а здоровье людей = экономическая безопасность. Точно такая же ситуация с энергосетями, износ которых достигает порой 90%, и аварии не заставили себя ждать, когда пришли сильные морозы (Бодайбо). Проблема? Да, но в правительстве снова ничего другого не пришло в голову, как отыгаться на жителях, и подготовили реформу жилищно-коммунальной сферы с двукратным ростом тарифов, притом уже с июня этого года с планами довести приватизацию ЖКХ до 100%, отдав на откуп частнику рост тарифов. Но если в лихие 90-е было не до ЖКХ, то затем ежегодно правительство повышало тарифы, мотивируя это неприемлемым износом сетей и необходимостью замены оборудования. И за 25 лет можно было бы все сети обновить, но, судя по их катастрофическому износу, деньги в основном «осваивались» через откаты. Поэтому, прежде чем затевать реформу, надо сначала провести элементарный аудит: а как использовались средства от повышения тарифов? Чтобы установить, какой процент пошёл на ремонт и замену сетей, а сколько осело в карманах «эффективных менеджеров»? Думаем, это будут цифры, поражающие воображение личным благополучием руководства. Этого быть не должно, а потому хоть кто-то должен ответить. Естественно, что такой аудит встретит такой вал аварий, что лучше сначала перевести все ЖКХ и энергоснабжающие организации на единые счета, а потом разбираться, в чей карман шли деньги. А единый счёт позволит простым нажатием кнопки в кабинете мэра видеть, сколько денег было получено на восстановление сетей и замену оборудования,

3 Контр-адмирал Коваленко осужден по делу о хищении 592 млн рублей у Минобороны. <https://www.kommersant.ru/doc/8440112>

сколько и каким подрядчикам заплатили, и на основании какого договора, чтобы можно было спросить за результат.

И ещё одно преимущество единого счёта и централизации регистрации – кража персональных данных ничего не даст мошеннику. А крадут миллиардами данных⁴: за период с 2023 года по 2025 год хакеры и мошенники похитили в России свыше 4,5 млрд записей персональных данных. Но предположим, у человека на лицевой счёт приходит только зарплата или пенсия, а ныне они такие, что основная масса граждан ничего не может сберегать, всё тратится. И вот злоумышленник тем или иным способом получил возможность распоряжаться чужим счётом. Но централизация сбора персональных данных в единстве с выполнением операций только через один счёт позволяет не просто снять остроту кражи персональных данных, а сделать её бесполезной для корыстных целей. Несанкционированные перечисления или траты тут же обнаружит владелец лицевого счёта, так как в момент его взлома запищит мобильник, и хозяин, не будь дурак, сразу же свяжется администратором РПУ, там тут же установят, куда, на какой счёт направлены были украденные деньги, и мошенник будет пойман с поличным. Впрочем, до этого дело не дойдёт – система мгновенно обнаружит попытку нестандартной транзакции и не даст её совершить. Концентрация регистрации имущественных прав и персональных данных станет самой трудно преодолимой защитой их безопасности, поскольку использование их злоумышленниками становится невозможным. Обманывать доверчивых граждан, даже если мошеннику удастся развести человека, запугать его, чтобы он перевёл деньги на т.н. безопасный счёт, после реализации концепции Триединства не получится потому, что, во-первых, на его лицевом счёте у него нет накоплений – только зарплата или пенсия – чего ради он должен их спасать? Во-вторых, если всё же удастся уговорить жертву закрыть вклад в банке, чтобы перевести их мошеннику, перевод не состоится, потому что его надо выполнить по цепочке банк → РПУ, а там мгновенно установят, что мошенник не родственник и не сторона договора. Совет взять наличные тоже не сработает, поскольку их выдача ограничена суммами, ради которых ни один мошенник не станет рисковать свободой, и деньги останутся у обманутого человека. Т.е., сама техника расчётов заставит всех быть честными. Обман, конечно, никуда не денется, но его нынешние грандиозные масштабы исчезнут, перестав будоражить воображение и совесть людей. В кабмине уже признали неприятный факт: все запретительные меры бьют прежде всего по обычным пользователям и легальным операциям, а не по самим организаторам схем. Людям усложнили доступ к собственным деньгам, сделали переводы нервным процессом, но уровень киберпреступности это не сбило.

Четвёртый закон, закон количества денег в обращении, в теории является самым проработанным, и часто в учебниках трактуется во множественном числе как законы денежного обращения. Однако то, как им руководствуются денежные власти, не всегда отвечает обеспечению экономической безопасности. Дело в том, что сколько бы не было в стране денег, все они должны работать. А сейчас на срочных вкладах граждан и предприятий лежат без дела почти 130 трлн рублей, потому что хранить их на депозитах выгодней, чем инвестировать в расширение производства. Но если банки не найдут им применения, т.к. уровень полной стоимости кредита (ПСК)⁵ в крупнейших банках достигает 31% и снижаются медленнее, чем ставки по депозитам, физ и юрлица могут ринуться спасать свои деньги, следом образуется гигантская цепочка неплатежей с банкротством массы предприятий и банков, спровоцировав двух и трёхзначную инфляцию, и в итоге мы получим финансовый кризис. Поэтому чтобы деньги потекли в нужном стране направлении, нужно постепенно-постепенно снижать ключевую ставку, но не по 50 п.п., а с большим шагом – при 5% инфляции 15%-ная ключевая ставка и 31% ПСК не дадут экономике расти. И понижая ключ, нужно одновременно предлагать для собственников более привлекательные сферы вложения денег, чем депозиты.

4 InfoWatch: с 2023 года из РФ похитили более 4,5 млрд записей персональных данных. <https://tass.ru/ekonomika/26813279>

5 Переплатные услуги: реальные ставки по кредитам достигают 31%. <https://iz.ru/2060297/evgenii-grachev/pereplatnye-uslugi-realnye-stavki-po-kreditam-dostigayut-31>.

Надо понимать, что денежное обращение тождественно кровеносной системе живого организма. Аналогом эритроцитов, которые переносят к клеткам других органов питательные вещества и кислород (энергию) являются движущиеся в бесчисленных актах купли-продажи деньги. А тромбоцитов – всякие вклады, фонды, резервы, в которых деньги обездвиживаются и теряют своё главное назначение – обеспечивать обмениваемость товаров и услуг [7, 152-161]. Если в венозных артериях организма образуются тромбы при запаздывании мер по их рассасыванию, человек погибает. И точно такие же результаты мы наблюдаем при остановке денежного обращения в результате концентрации денег в различных резервах. Аналогия здесь практически полная – превышение сбережения денежной массы выше критического уровня образует стоячие на пути движения денег тромбы, и кризис становится неминуем, т.к. деньги лежат, а субъектам экономики платить нечем. Отсюда следует, что если необходимо обеспечивать экономическую безопасность, то деньги, которые согласно бюджетного правила ныне изымаются из внешнего обращения денег в ФНБ, а из внутреннего в Социальный фонд, фонд капитального ремонта и аналогичные им федеральные и региональные фонды не должны лежать там годами, испытывая желание нечестных людей воспользоваться ими, как это имело место в Пенсионном фонде и ФОМС. Вероятно, именно интересам банкам отвечало образование фондов капитального ремонта, чтобы жители многоквартирных домов после вселения платили 30-40 лет дань неизвестно за что и кому, тогда как необходимо было поступить ровно наоборот – подошёл срок что-то менять или обновлять, управляющая компания берёт кредит согласно сметы на ремонт, а жителям включает в квитанцию соответствующие суммы на погашение.

И в заключение добавим, как правильно понимать 12-ый, и пока последний, закон денег – закон взаимовлияния и взаимозависимости денег и власти. Мы все интуитивно знаем и понимаем, что «деньги рождают власть, а власть приносит деньги», но как экономический закон он впервые был сформулирован устно в декабре 2019 года на Круглом столе в Финансовом университете, где впервые экономическим сообществом рассматривалась Общая или Новая теория денег [10]. 12-ый закон денег касается всех сфер деятельности – от всего мирового хозяйства и до самого маленького муниципального образования. Так, именно на долларе зиждется власть США, поскольку до 80% всех экспортно-импортных операций номинированы в долларе, а имея власть в мире, Америка успешно монетизирует её для собственного блага и, получая сеньораж от эмиссии доллара, опять использует его для укрепления своего доминирующего положения в мире. Трудно не согласиться с В.Катасоновым, который делает вывод о том, что весь мир в итоге оказался во власти «хозяев денег» [11], потому что деньги стали использоваться как самый мощный рычаг давления и политического влияния на другие страны со стороны ведущих экономических держав⁶. Особенно это заметно по нашим среднеазиатским республикам, в которых усиливается влияние США и Великобритании, что отражается не только на их, но и нашей экономической безопасности. А если нет у международной организации денег, то и власти у неё нет. Все резолюции ООН ничего не стоят, если он не может подкрепить своё решение деньгами, да и ни одна страна даже не ставит вопрос о том, чтобы подчинить ему Всемирный банк (ВБ). Но и на самом низшем уровне закон власти денег действует точно также – от самого маленького муниципалитета до регионов выбор их глав и депутатов решают не профессиональные данные баллотирующихся, а деньги интересантов, которые они вкладывают в выборную кампанию, с расчётом получить отдачу.

Что касается формулы закона, то она проста: у кого деньги, у того и власть / и у кого власть, у того и деньги. Это двуединство, в свою очередь, имеет два прочтения, как его понимать и принимать как руководство к действию: 1-ое, когда деньги ведущий мотив, то обладание ими стоит на первом месте; и 2-ое, когда на первом месте стоит власть, а деньги используются как рычаг подъёма экономики. В первом прочтении, когда деньги ведущий мотив, первая часть формулы реализуется тем, что право

⁶ Так, например, США, по собственному признанию Госдепа, потратили \$5 млрд. на антирусское переформатирование власти Украины, которые они теперь отрабатывают в ущерб собственной стране.

эмитировать деньги и администрировать денежное обращение находятся в руках Банка России. При этом то обстоятельство, что Дума назначает председателя ЦБ, его заместителей и принимает законы, несколько не ограничивает его власть. И вторая часть в первом прочтении формулы показывает, как банковская система вполне успешно использует свою власть над денежным обращением, нарушая экономические законы и, прежде всего, закон кредитной эмиссии, конвертируя власть банкиров в сверхприбыли, не взирая на то, что производство сидит на голодном денежном пайке. В тоже время Центральный банк по какой-то причине тормозит использование своих властных полномочий, допуская вывод денег за рубеж, которые легко преодолевают таможенные барьеры и оседают в офшорах и чужеземных банках, да ещё наших геополитических противников. Так, только после многочисленных жалоб в СК там спохватились, что деньги из бюджета, выделяемые на программу Малышевой десятками лет, миллиардами оседали для приобретения недвижимости и ведения бизнеса её сыновей в Нью-Йорке⁷. И таких дельцов в стране немало, которые делают страну зависимой от иностранных юрисдикций, что в итоге и случилось с международными резервами после начала СВО.

Второе прочтение формулы имеет прямо противоположные решения, соответствующие предназначению власти – её ответственности и обязанности работать на пользу своей страны. Для этого не Центробанк, а руководство страны должны иметь контроль над денежным обращением и принимать решения, как в Китае, какие ставки и какой курс валют устанавливать. Исходя из этого закона, то есть считая деньги самым эффективным рычагом укрепления экономической безопасности, администрирование их обращения должно находиться в руках правительства, которому нужна именно такая власть, чтобы укреплять оборону и экономику, и решать социальные вопросы. В этом прочтении 12-ый закон коррелирует с концепцией Триадинства, реализация которой показывает, как конкретно это сделать.

Вывод и что делать

Для глобальной системы крушение России под грузом экономических проблем есть приоритетная задача. А чтобы сопротивляться этому и не позволить себя уничтожить, надо знать, что монетарные законы сделаны под американский рынок и американскими нобелевскими лауреатами. В России другая экономика, незрелая, а рынок скорее варварский, стихия которого настроена не на рациональное взаимодействие его участников, а чтобы легко получить прибыль и вывести её из страны. Нам ещё предстоит соотносить все решения с теорией денег, а действия акторов, как показал проведённый анализ, хаотичны и непоследовательны, а потому скорее противоречат требованиям обеспечения экономической безопасности. Поэтому, если Россия не сможет построить устойчивую и защищённую от внешних угроз экономику, её место в мире отодвинется ещё дальше от итак невысокого места. Именно к этому ведёт продолжение прежней денежно-кредитной политики, тогда как у России есть ещё шансы стать примером для других стран. Выход есть, и он там же где и вход – выстраивая экономические отношения, следует опираться прежде всего на экономическую теорию с ясным пониманием того, что нельзя играть по чужим правилам, тем более что они и не для нас писаны. Надо создать свою, суверенную финансовую систему, опираясь на все 12-ть законов денег, и сделать кредитную эмиссию драйвером экономического роста и безопасности, чтобы кредит служил развитию производства, а не спекуляциям. Это путь не изоляции, а суверенизации — возврата контроля над своими ресурсами, своей экономикой, своей судьбой.

⁷ Бастрыкина заинтересовал вывод денег Малышевой за границу: Жизнь здорово, а в Нью-Йорке — еще лучше. <https://dzen.ru/a/abpQwQccEQ7Glyss>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. С. Глазьев. О таргетировании инфляции // Вопросы экономики. 2015. № 9, с.1-12
2. Денежно-кредитная политика и монетизация экономики (13.05.2023, 11.05.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024.]
3. МВФ поставил эффективность таргетирования инфляции под сомнение. / Ведомости. 14 ноября 2025 года.
4. Набиуллина признала ошибку ЦБ в коммуникации с рынком. / РБК, 14 ноября 2025
5. Кейнс Дж.М. Избранные произведения [Текст] / Дж.М. Кейнс. — М.: Экономика, 1993.
6. Гельцер Ю.Г. Основы предсказуемой экономики: Экономика в свете общей теории систем. / – М. ЛЕНАНД, 2015 – 352 с.
7. Скобликов Е.А. Новая теория денег: законы, принципы, практика: монография / — Москва: ИНФРА-М, 2023. — 436 с.
8. Маркс К. Капитал. Т.1, М., Политиздат, 1955.
9. Паршев А.П. Почему Россия не Америка. / М., «Алгоритм», 2018 — (Политбест)
10. Скобликов Е.А. Общая или Новая теория денег: монография /-М.: ФЛИНТА, 2019. — 224 с.
11. Катасонов В.Ю. Хозяева денег. 100-летняя история ФРС /- М.: Алгоритм, 2014., 288 с.
12. Колесник С.И., Картаев Ф.С., Зубарев А.В. Асимметрия денежно-кредитной политики Банка России: влияние на макроэкономические показатели //Вопросы экономики. 2025. №10.
13. Лев М.Ю. Эволюция антиинфляционных методов регулирования социальной сферы в условиях мобилизационной экономики в контексте экономической безопасности // Экономическая безопасность. 2023. Т. 6. № 3. С. 877–904.
14. Свирина Е.М. Макроэкономические особенности перехода к режиму таргетирования инфляции в развитых странах // Экономика. Налоги. Право. 2015. № 1. С. 100–106.
15. Сухарев О.С. «Таргет консервирует экономику, а нам нужны изменения» // Монокль. № 23, 2 июня 2025 г.
16. Юдаева К. О возможностях, целях и механизмах денежно-кредитной политики в текущей ситуации // Вопросы экономики. 2014. № 9. С. 4–12.
17. Benigno P., Canofari P., Messori M. The ECB's new inflation target from a short- and long-term perspective // Journal of Policy Modeling. 2023. № 45. P. 286–304.
18. Petrevski G. Macroeconomic effects of inflation targeting // Encyclopedia. Reference Module in Social Sciences. 2023. DOI: 10.48550/arXiv.2305.17474.
19. Питерская Л.Ю. Инвестиционная деятельность в отраслях региона: вопросы теории и практики: монография / Л.Ю. Питерская, И.В. Погодаева, С.Е. Шиянов; Сев.-Кав. соц. ин-т. – Ставрополь, 2007. – 352 с.
20. Paul A. Samuelson, Willam. D. Nordhaus. Economie. Economice. Paris. 2000, p. 424.
21. Pasinetti L. Structural Change and Economic Growth: A Theoretical Essay on the Dynamics of the Wealth of Nations. — Cambridge : Cambridge University Press, 1981. — 315 p.
22. Пидкова, А.И. Адаптивная методика для расчета инвестиционного потенциала федерального округа на основе оценок РА «ЭКСПЕРТ» // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – 2019. – № 11. – С. 199-205.
23. Richard Pike, Bill Neale. Corporate Finance and Investment. Decisions and Strategies. London. Prentice Hall. 1996. 706 page.
24. Ростю В.В. Стадии экономического роста (Перевод с английского В. П. Марченко) издательство Фредрика А. Прегер Нью-Йорк. 1961 год. С.21
25. Phelps E. S. The Golden Rule of Accumulation: A Fable for Growthmen // The American Economic Review. - 1961. - Vol. 51, No. 4. P. 638–643.
26. Richard A., Franck Richard. Les choix d'investissement: méthodes traditionnelles, flexibilité et analyse stratégique. Economica. Paris. 1995.p.140.

27. Раевский С.В., Чешин А. В. Региональные инвестиционные проекты в экономике региона. М. Издательство: ЮНИТИ-ДАНА. 2023, стр.263
28. Ромер Р. Endogenous Technological Change. 1990. С. S71–S102

Economic security and investment policy

Boboev Mutalibzhon Rakibovich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Moscow Academy of Entrepreneurship, Moscow, Russian Federation
E-mail: bmr1958@mail.ru

Skoblikov Evgeny Andreevich

Candidate of Economic Sciences
Financial Initiatives Fund, Penza, Russian Federation
E-mail: eas-eik@mail.ru

KEYWORDS

economic security, monetary policy, laws of money, central bank, investment policy, economic growth

ABSTRACT

The article examines the relationship between economic security and Russia's monetary and investment policies. The study aims to identify the theoretical causes of the limited effectiveness of measures intended to neutralize economic threats and to formulate proposals for improving monetary circulation and financing economic growth. The methodology combines systemic and institutional approaches, monetary theory, comparative analysis, and a critical assessment of regulatory practice. Particular attention is paid to inflation targeting, the key policy rate, investment credit, exchange-rate regulation, and the distribution of powers among the central bank, the Ministry of Finance, and commercial banks. The authors argue that restrictive monetary policy and high borrowing costs constrain productive investment, deepen structural imbalances, and weaken economic resilience. The study discusses the laws of credit emission, the applicability of money, public regulation of monetary circulation, the quantity of money, and the interdependence of money and power. As an institutional alternative, the article considers the "Triunity" concept, which separates banking operations from payment functions, establishes registration and payment hubs, and strengthens public control over financial flows. The scientific contribution lies in applying general monetary theory to economic security and substantiating a redesign of payment infrastructure. The proposed system is expected to increase transaction transparency, restrict corruption and shadow operations, reduce capital outflows, and redirect resources toward investment. The findings may support adjustments to monetary, exchange-rate, and investment policies. The article concludes that a sovereign financial model should use credit emission, differentiated interest-rate regulation, and targeted production financing as instruments of growth and national security.

Цифровой скачок: оценка структурной трансформации Вьетнама и ловушки «средних технологий» на этапе ускорения 2026 года

Нгуен Ван Зуан 

Преподаватель

Университет социальных и гуманитарных наук Хошимина, г. Хошимин, Вьетнам

E-mail: duan.advn@gmail.com

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Вьетнам, цифровая экономика, экономическое развитие, ловушка средних технологий, цифровая трансформация, искусственный интеллект, цифровой суверенитет, киберустойчивость

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется трансформационный экономический переход Вьетнама, обусловленный ускоренным ростом инновационной цифровой экономики накануне этапа ускорения. Анализируется, как сочетание высокого уровня доверия граждан к технологиям искусственного интеллекта и активной национальной нормативно-правовой базы способствовало превращению Вьетнама из страны с базовым уровнем внедрения цифровых технологий в региональный технологический центр. На основе официальных статистических данных показано, что доля цифровой экономики в валовом внутреннем продукте устойчиво растёт, а её вклад в обеспечение макроэкономической стабильности и в национальную экономику в целом приобретает всё более выраженный и устойчивый структурный характер. Отмечается, что ядро цифровой экономики и цифровизируемые отрасли демонстрируют согласованную динамику развития. Особое внимание уделяется структуре этого роста: ведущей роли сферы услуг и высокотехнологичной промышленности, а также сохраняющемуся отставанию сельского хозяйства и провинций с низким уровнем цифровизации. Вместе с тем исследование выявляет значительные системные барьеры: сохраняющиеся последствия «ловушки средних технологий», региональное неравенство во внедрении цифровых технологий, острую нехватку квалифицированных кадров и нарастающие киберугрозы. В работе также оценивается разрыв в сфере искусственного интеллекта в Юго-Восточной Азии и положение вьетнамской экосистемы технологических стартапов. Таким образом, в заключение исследования говорится, что долгосрочное экономическое процветание Вьетнама зависит от его способности создавать синергию между цифровым суверенитетом и региональной совместимостью, развивать собственные инновации и интеллектуальную собственность, а также поощрять предприятия к формированию культуры гибкости и киберустойчивости для поддержания импульса к прогрессу.

JEL codes: H70, O33, O57

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-5-110-123>

Для цитирования: Нгуен, В.З. Цифровой скачок: оценка структурной трансформации Вьетнама и ловушки «средних технологий» на этапе ускорения 2026 года / В.З. Нгуен. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 5. – С.110-123. – URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.05.2026)

Introduction

In the period following the pandemic, Vietnam has become one of the most resilient and dynamic economies globally, reaching an annualised GDP growth of over 8% by the end of the year 2025¹. The economy has set an ambitious target of achieving 10% growth by 2026 together with maintaining inflation

¹ Vietnam Economic Performance in 2025: GDP, FDI, and Trade. URL: <https://www.vietnam-briefing.com/news/vietnam-economy-gdp-fdi-and-trade-2025.html/> (accessed : 30.1.2026)

rate at 4.5%². Vietnam has established itself as a key player in the ASEAN bloc by becoming a strong regional leader for their digital strategy and fostering a critical link within the global semiconductor and AI supply chains³. Vietnam is experiencing a “golden age” of growth due to undergoing a “triple transition” of: having a demographic dividend with young people who are tech-savvy; maintaining strong macroeconomic stability; and moving aggressively towards green and digital industrialisation.

The rapid development of digitalisation throughout the public sector, including the introduction of non-cash payments, e-commerce and national coverage for the use of big data platforms has signified a dramatic change in the world. Furthermore, there has been tremendous growth in the use of digital payments and cross-border commerce on a national scale, due in part to the ingenuity of Tiki’s national logistics system as well as the large, well-established regional (Singapore-Malaysia) ecommerce brands such as Shopee and Lazada providing a reliable means of facilitating these transactions⁴. Not only are these entities creating a fluid consumer marketplace that will support a digital economy based on high levels of transactional efficiency and transparency, but they also provide a “virtual circulation system” that supplies fuel to grow today’s global commerce.

The effects of digital transformation in Vietnam are no longer confined to primary urban centres such as Ho Chi Minh City and Hanoi but are diffusing rapidly into less populated and historically underserved provinces, reinforcing the inclusivity of the country’s growth trajectory. Central to this diffusion has been the state’s deployment of digital public infrastructure, most notably the VNeID digital identification system, which has extended to geographically remote citizens a range of administrative services that would otherwise have remained effectively inaccessible. By lowering the transaction costs associated with verifying identity, accessing public services, such systems constitute an enabling layer upon which wider economic participation can be constructed. Digitalisation in this sense operates not merely as a technological upgrade but as a mechanism for reducing the spatial and institutional frictions that have long constrained the integration of peripheral regions into the national economy, and it represents an early instance of the «spillover» dynamic examined in greater detail in the sections that follow.

These spillovers carry significant distributional and productivity implications. By narrowing disparities in access to markets, information, and capital, the expansion of the digital economy helps to level the competitive landscape for small and medium-sized enterprises, which have historically been disadvantaged by their distance from urban centres and their limited access to formal institutions. Improved access to digitally mediated services likewise contributes to broader gains in welfare and quality of life across the population. The high rate of digital adoption observed across provinces is therefore significant not only as an indicator of technological diffusion but as evidence of a deliberate reorientation of Vietnam’s economic model. Whether this momentum can be sustained, however, depends on the extent to which the accompanying gains in inclusivity are translated into durable, broad-based productivity improvements rather than remaining concentrated in a few high-technology localities, a tension that the subsequent analysis of regional divergence and the middle-tech trap brings into sharper focus.

Literature Review

The scope of the academic research on Vietnam’s digital transformation has changed from general development to precise research on its effect on the economy and the regulation system [13, 7, 4]. According to Mohammadreza et al. (2024), big data analytics and the Internet of Things (IoT) currently lead adoption and investment trends across Vietnamese supply chains, whereas technologies like blockchain and autonomous vehicles are anticipated to have the least impact over the next decade [9]. Dang Thi Viet Duc and her colleagues

2 The government aims for a 10% GDP growth rate in 2026. URL: <https://vnexpress.net/chinh-phu-dat-muc-tieu-gdp-nam-2026-tang-10-4951585.html> (accessed: 1.2.2026)

3 Why Vietnam is a hotspot for semiconductor industry investment. URL: <https://www.sourceofasia.com/why-vietnam-is-a-hotspot-for-semiconductor-industry-investments/> (accessed: 1.2.2026)

4 Digital economy: The driving force for Vietnam’s growth in the new era. URL: <https://vccinews.vn/news/62804/kinh-te-so-dong-luc-tang-truong-cua-viet-nam-trong-ky-nguyen-moi.html> (accessed: 3.2.2026)

conducted a panel analysis of the two-sided nature of this growth. This analysis shows a digital economy «spillover» effect, and that the growth of the core digital economy depends on the capital investments and high productivity in the ICT sector. This research indicates that Vietnam must have many different policies to support the digital economy in order to achieve the national objective of creating a digitalized economy [2].

AI and automation are being quickly integrated into the national economy, creating an enormous challenge to «Institutional Readiness» [16, 22]. According to Huan Tuong Vo et al. (2025), an enterprise's successful execution of digital change and innovation in Vietnam is significantly determined by its organizational readiness across strategic clarity, capabilities, collaboration, and culture [23]. Bui and Nguyen (2023) also find out that there is a need to create standards and regulations for the integration of AI; therefore, finding an appropriate balance between adhering to this type of regulatory regime and the «new realities» found in a rapidly changing digital economy is necessary [1]. In order to deal with, e.g., data sovereignty, algorithm accountability, or digital ethics, Vietnam requires significant changes in legal system [21, 19].

The literature reveals clear struggles for the Vietnamese private sector at the microeconomic level [17, 10]. Research by Nguyen Dinh Chuc and Dao Tung Anh (2023) identifies the implementation gap where many businesses are having difficulty using technology [11]. According to Binh Tan Mai (2024), Vietnamese SMEs face critical digital transformation challenges such as limited capital, poor managerial competencies, and inadequate infrastructure, resulting in a low success rate of only about 10% [8]. Nguyen Thi Vu Ha (2020) further provides that firms cannot choose to develop digital initiatives, but must do so in order to survive [5]. If a business does not use data-driven insights to understand customers or predict production requirements, it will eventually be eliminated by more agile competitors. Ultimately, the literature implies that the transition of Vietnamese economy will depend on whether SMEs in Vietnam can overcome barriers to create new, data-driven business models that increase productivity at a national level [24, 3].

Overall, available research shows Vietnam at a moment of important change; between moving from basic digitalization to advanced economies based on digital technologies with the goal of moving into new jobs and creating a stronger economy [20, 15, 25]. Research on economic spillovers from new digital activities indicates there is much spillover from technology creating an increase in GDP on a larger scale. However, more information available suggests that as large as these digital spillovers have been, they are being greatly impacted by older and outdated laws and policies on data ownership at a micro level affecting economic growth and prosperity going forward for individuals, industries, communities, and regions. The research indicates moving forward into the future economy, digital technology adoption has transformed from having a competitive edge to a requirement of being able to exist at all.

Main part

Over the 2021–2025 period, digital transformation emerged as the principal structural pillar of Vietnam's National Digital Transformation Strategy, displacing earlier, more fragmented development models in which the digital sphere had occupied a peripheral rather than a constitutive role in the national economy. This reorientation gathered decisive momentum with the issuance of Resolution No. 57-NQ/TW, which furnishes a formal institutional framework for the «breakthrough» thinking that now governs the state's approach to science, technology, innovation, and digitalisation. The significance of the Resolution lies less in any single provision than in its codification of digital development as a strategic national priority: it elevates digital transformation from a sectoral initiative to an organising principle of economic policy, thereby signalling to both public administrators and private actors that the digitalisation agenda enjoys sustained political commitment at the highest level⁵.

By positioning the digital economy as the leading structural component of national strategy, this framework has also fostered a stronger alignment between previously disparate phases of economic development and has promoted the integration of technology at the grassroots level. Two consequences follow.

⁵ Press release on the share of value added by the digital economy in GDP and GRDP for the period 2021-2025. URL: <https://www.nso.gov.vn/tin-tuc-thong-ke/2026/01/thong-cao-bao-chi-ty-trong-gia-tri-tang-them-cua-kinh-te-so-trong-gdp-grdp-giai-doan-2021-2025/> (accessed: 10.2.2026)

First, digital technology is being formalised as a core function of government across all sectors, embedding it within the routine operation of the state rather than treating it as an adjunct to conventional administration. Second, regulatory and procedural support is being deliberately aligned with the needs of enterprises and citizens, reducing the institutional friction that has historically slowed adoption and accelerating the rate at which Vietnamese businesses and society can realise the latent potential of the digital economy. Taken together, these developments mark a transition from ad hoc digitalisation towards a coordinated, state-led model of structural transformation.

As indicated by Empirical Indicators, there has been a transformational change in how Vietnamese display psychological behaviors towards technology (specifically; Artificial Intelligence). Vietnam is now rated as the least (AI) proactive country and the most trusting country within Southeast Asia⁶. Additionally, Vietnamese citizens are viewed as having one of the most open online attitudes towards Artificial Intelligence. The most recent data suggests approximately 78% of people in Vietnam reported using AI at least once over the prior three-month period and that approximately 33% of individuals are currently integrating Artificial Intelligence into their daily lives⁷. This trend provides substantial opportunities for data driven economies that lower the barriers to entry for consumers adopting more advanced technologies such as; Financial Technology (Fintech), Personalized E-commerce and Predictive Public Services.

The Vietnamese economy has transitioned from a new industry into a significant contributor toward the overall health of the nation regarding macroeconomic stability as seen through the years 2021-2025 with respect to digital economy indicators (Figure 1).

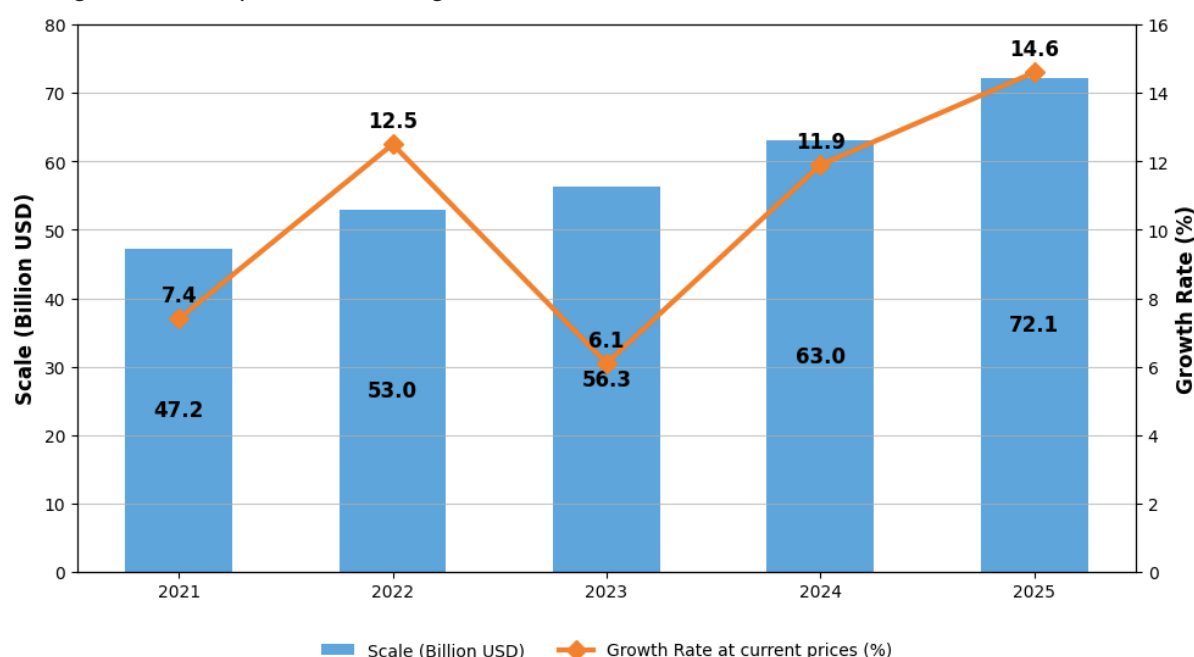


Figure 1 – Scale and Growth Rate of Digital Economy Value Added (2021-2025)

Source: Press release on the share of value added by the digital economy in GDP and GRDP for the period 2021-2025. URL: <https://www.nso.gov.vn/tin-tuc-thong-ke/2026/01/thong-cao-bao-chi-ty-trong-gia-tri-tang-them-cua-kinh-te-so-trong-gdp-grdp-giai-doan-2021-2025/>

The expanding footprint of the digital economy within the macroeconomic landscape underscores a structural pivot toward technology-driven growth. Between 2021 and 2025, the digital economy's share of Gross Domestic Product (GDP) advanced from 12.87% to 14.02%, culminating in an estimated value added

⁶ Vietnam's digital economy is expected to experience a strong breakthrough in 2025. URL: <https://baotintuc.vn/kinh-te/kinh-te-so-viet-nam-but-pha-manh-trong-nam-2025-202511251131315577.htm> (accessed: 12.2.2026)

⁷ Vietnam Consumer AI market 2025: 78% of online population have engaged with AI, one-third turn it into a daily habit. URL: <https://www.decisionlab.co/blog/vietnam-consumer-ai-market-2025-78-of-online-population-have-engaged-with-ai-one-third-turn-it-into-a-daily-habit> (accessed: 15.2.2026)

of approximately \$72.1 billio, a remarkable 1.64-fold increase relative to 2020 benchmarks. This expansion reflects more than just a cyclical upswing; it signifies a deeper integration of digital assets across the broader economy. To understand the mechanics of this growth, the total value added must be disaggregated into its two primary pillars: the «core» digital economy and the «digitalized» sectors. The core ICT sector served as the primary growth engine, driving an estimated 8.42% of the overall GDP share increase, while the traditional industries undergoing digital transformation, the digitalized sectors, contributed the remaining 5.6%, demonstrating that productivity gains are permeating far beyond tech-centric firms.

The velocity of this digital transition becomes particularly evident when evaluating the shifting momentum of annual growth rates over the five-year period. In 2021, the digital economy posted a modest average growth rate of 7.2%, reflecting initial post-pandemic adjustments and early-stage infrastructure investments. However, by 2025, systemic adoption and compounding network effects accelerated this momentum significantly, driving the average growth rate to 18.4% at current prices. This stark acceleration highlights a compounding growth trajectory, where early structural investments matured into high-yield economic inputs. As the digital economy outpaces traditional sector growth, it establishes a new baseline for macroeconomic resilience, suggesting that future GDP expansion will be increasingly contingent on the velocity of digital integration and technological capital deepening.

According to the sector breakdown above, the service sector is driving digital growth at 7.22%, which is higher than all other sectors put together. The industrial and construction sectors have contributed successfully to good results as well, by integrating smart manufacturing practices and digital supply chain management as innovative methods of production and delivery. The total value-added contribution from the agriculture, forestry and fishing sectors is only 0.13%, and represents a very significant 'digital divide' between these sectors and the other two, which demonstrates a great area for AgTech intervention for 2026-2030. All of these numbers represent distinctive changes in growth; by 2025, in addition to increasing size, the digital economy will also have a more established structural contribution to the national economy, creating a strong foundation for continued growth towards its target of expanding businesses to the next level.

The digital economy is set to play an increasingly prominent role in driving the economic divergence among regions and creating a clear «growth gap» among provinces in Vietnam by the year 2025. According to data, 34 of Vietnam's provinces and centrally-administered cities have seen digital contributions become meaningful contributors to the gross regional domestic product (GRDP) (Figure 2).

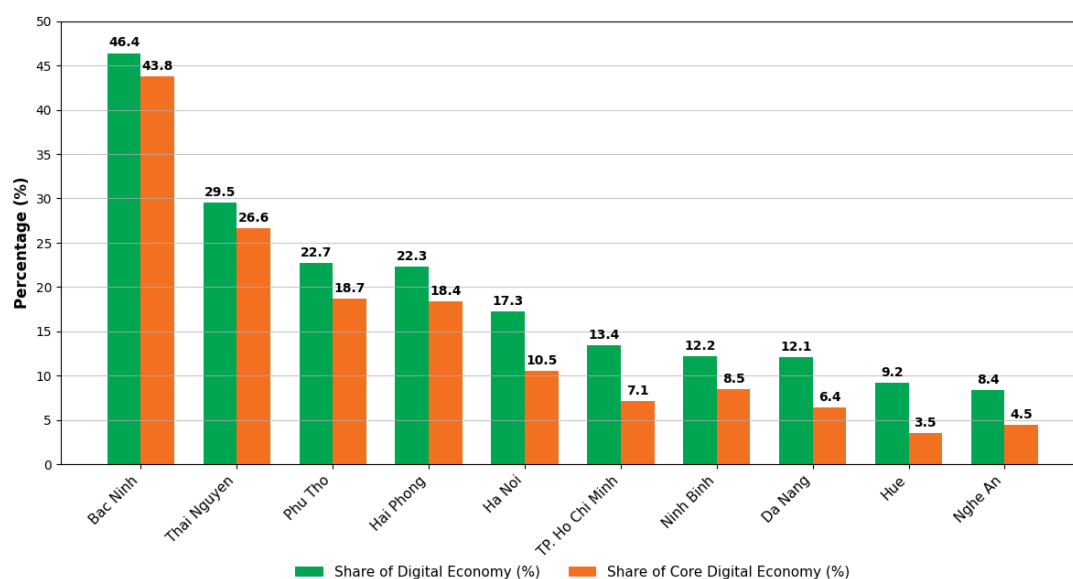


Figure 2 – Top 10 Localities with Highest Share of Digital Economy Value Added in GRDP

Source: Press release on the share of value added by the digital economy in GDP and GRDP for the period 2021-2025. URL: <https://www.nso.gov.vn/tin-tuc-thong-ke/2026/01/thong-cao-bao-chi-ty-trong-gia-tri-tang-them-cua-kinh-te-so-trong-gdp-grdp-giai-doan-2021-2025/>

The geographical distribution of Vietnam's digital economy reveals a stark divergence in subnational performance, driven heavily by localized industrial specialization and foreign direct investment (FDI) inflows. Of the country's provinces and centrally administered cities, a distinct tier of four provinces has significantly outpaced the rest of the nation, with digital contributions comfortably exceeding the 20% Gross Regional Domestic Product (GRDP) threshold. Leading this cohort is Bắc Ninh at an extraordinary 46.4%, followed by Thái Nguyên at 29.53%, Phú Thọ at 22.71%, and the municipality of Hải Phòng at 22.28%. The primary catalyst behind these high-performing regions is a robust concentration of high-technology manufacturing and electronics assembly, often anchored by multinational corporations. This hardware-centric industrial profile stands in sharp contrast to a large cluster of 26 provinces that remain anchored in traditional sectors, exhibiting relatively stagnant digital contributions that hover between a modest 6% and 10% of their respective GRDPs.

Intriguingly, Vietnam's two primary economic powerhouses, Hanoi and Ho Chi Minh City, display a more tempered digital-to-GRDP ratio, reporting contributions of 17.34% and 13.43% respectively. Rather than indicating a lag in technological adoption, these figures reflect a structural transition away from capital-intensive hardware production and toward high-value digital services, software development, and intensive digital consumption. This subnational variance ultimately underlines a complex macroeconomic reality: higher levels of industrial maturity and specialized manufacturing ecosystems are heavily correlated with advanced digital infrastructure and a localized capacity to absorb FDI. Consequently, while the manufacturing hubs leverage global supply chains to inflate their digital value-added shares via hardware exports, the urban centers are quietly laying the groundwork for a mature, service-oriented digital ecosystem, reshaping how technology is integrated into the country's broader socio-economic framework.

Vietnam's digital economy has successfully transitioned from a fast-growing but still emergent sector into one of the principal pillars of the national macroeconomy, generating significant and rising value added. This trajectory rests on two complementary foundations. On the demand side, an exceptionally high degree of public trust in new technologies, most notably artificial intelligence, has accelerated uptake across households and enterprises and broadened the base for digitally mediated economic activity. On the supply and governance side, a mature institutional framework has channelled this enthusiasm into sustained investment and a coherent policy direction. It is the interaction of these factors, rather than either in isolation, that accounts for the increasingly structural and self-reinforcing character of digital growth in Vietnam.

Beneath this favourable aggregate picture, however, the statistical evidence reveals a bifurcated economy. At one pole stand the high-technology manufacturing and service provinces, which have advanced furthest towards comprehensive digital integration and capture the largest share of digital value added. At the other stand the agriculture-dependent, lower-digitalisation provinces, whose participation in the digital economy remains comparatively marginal. The width of this gap, evident in the stark contrast between the digital contribution of industry and services and the negligible share of the agricultural sector, indicates that the benefits of transformation are, as yet, unevenly distributed across both sectors and regions. Addressing this asymmetry is therefore the decisive policy task of the acceleration phase: unless the productivity gains realised in leading localities are extended to lagging ones, Vietnam risks consolidating a two-speed digital economy rather than achieving the broad-based, inclusive transformation to which its strategy aspires.

AI Investment

Although the digital economy is expanding quickly, analysis on a broad basis shows that there is currently a large «AI gap» in Southeast Asia (SEA). The region has become one of the world's primary destinations for cloud services and investment in data centres, but currently represents less than 2% of total global cumulative venture capital investment in AI start-ups. This share represents an imbalance compared to SEA's share of global GDP—approximately 4%—indicating that although the infrastructure necessary for producing indigenous AI innovation continues to grow, creating indigenous AI innovation is still at least one step behind. Of the countries in SEA, Singapore has the largest number of active AI companies and many were established on the basis of being global firsts (Figure 3).

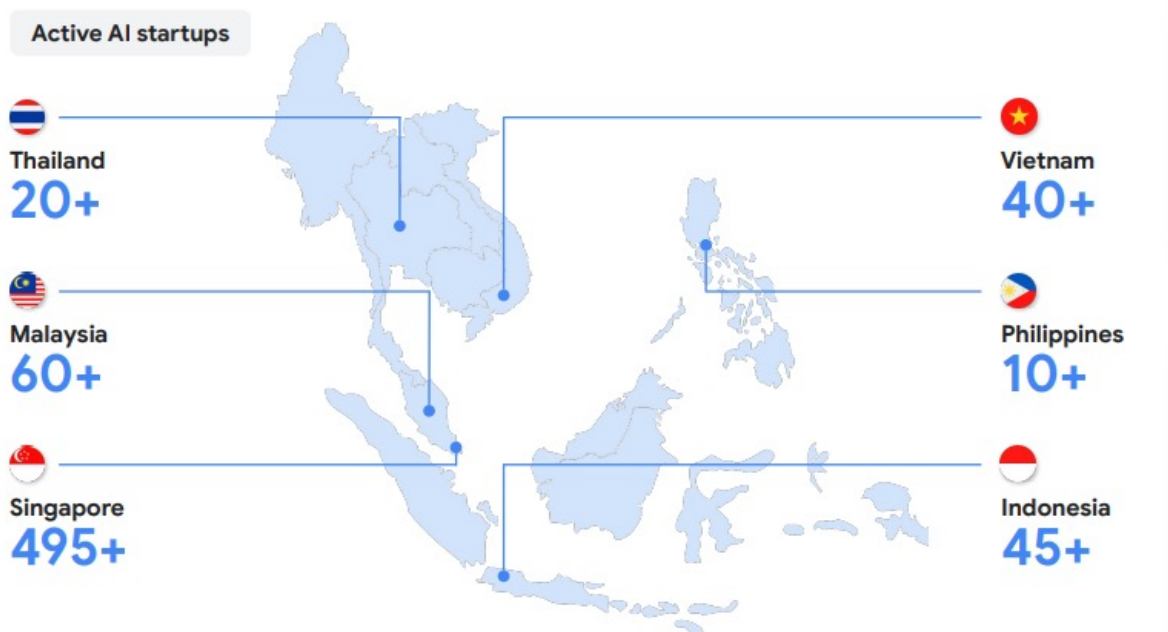


Figure 3 – AI is a bright spot for SEA investors

Source: e-Conomy - From Digital Decade to AI Reality: Accelerating the future in ASEAN. URL: <https://www.temasek.com.sg/content/dam/temasek-corporate/news-and-views/resources/reports/e-conomy-sea-2025-report.pdf>

The artificial intelligence (AI) ecosystem in Vietnam is undergoing a crucial developmental phase, characterized by robust entrepreneurial activity and a rapidly growing footprint of over 40 active AI startups. From a regional perspective, Vietnam is structurally positioned to compete directly with Southeast Asian peers like Indonesia and Malaysia, which host more than 45 and 60 AI startups respectively. However, when evaluating the ecosystem through the lens of startup density, measuring the concentration of AI enterprises relative to the size of the digital economy or tech labor pool, Vietnam outperforms these larger competitors. This density brings Vietnam closer to the compact, highly concentrated startup profiles seen in Thailand and the Philippines. This geographic and operational clustering indicates a highly active, localized talent pool that is rapidly absorbing AI frameworks, providing a solid foundation for the country to establish a competitive tech cluster within ASEAN.

Crucially, the nature of AI adoption within this ecosystem is shifting from superficial integration to core product architecture. Rather than treating AI merely as an operationally efficient feature to augment existing software, Vietnamese entrepreneurs are increasingly leveraging it as the foundational backbone of their business models. This differentiation is fundamentally reshaping inbound capital flows, altering both the volume and the strategic direction of venture capital and private equity investments. The overriding macroeconomic challenge for Vietnam now transitions from early-stage ecosystem cultivation to scaling and value capture. To fully maximize the economic returns of this technology, policy and private capital must focus on elevating these 40-plus startups into formidable regional competitors, accelerating AI-driven GDP growth, and converting the country's high domestic «AI trust surplus» into proprietary, high-value technological assets.

The empirical landscape mapping out regional AI governance highlights a fundamental shift from theoretical, exploratory frameworks to concrete legislative architectures tailored to national strategic priorities. As detailed in Table 1, the period between 2020 and 2026 illustrates an uneven, fragmented institutional evolution across Southeast Asia, where states are balancing domestic digital sovereignty with cross-border interoperability. While Singapore continues to pioneer boundary-pushing initiatives at the global frontier—such as its testing toolkits and the 2026 Model Governance Framework for Agentic AI—the rest of the ASEAN bloc is catching up by establishing localized compliance guidelines. This regulatory

fragmentation, while creating complex compliance paths for multi-market technology deployment, offers an agile laboratory for emerging economies to bypass rigid Western paradigms and draft flexible guidelines that explicitly incentivize domestic AI scaling alongside ethical risk mitigation.

Table 1 – The fragmentation of AI governance across the region today presents an opportunity to shape its future

Country	2020-2024	2025-2026
ASEAN	The ASEAN Guide on AI Governance and Ethics is released, focusing on fostering the interoperability of AI frameworks and serving as a starting guide for common standards	A supplementary expanded guide for generative AI is released
Singapore	AI Verify, the world's first AI governance testing toolkit	Unveiled the Model AI Governance Framework for Agentic AI (MGF) at the World Economic Forum 2026
Vietnam	Issued National Strategy on R&D and Application of AI.	Digital Technology Industry Law takes effect, covering core principles for AI provision and use.
Indonesia	Launched National AI Strategy (Stranas KA) 2020-2045.	A Presidential Regulation is being drafted with cross-sectoral AI ethics guidelines and the National AI roadmap is being drafted
Thailand	The National AI Action Plan 2022-2030 is approved	The National AI Committee is formed and AI Principles are being drafted by ETDA
Philippines	The National AI Strategy Roadmap 2.0 is launched	The National AI Strategy for the Philippines receives presidential approval
Brunei	the AI Governance and Ethics Working Group is established by the Authority for Info-communications Technology Industry	The Guide on AI Governance and Ethics is released for voluntary compliance

Source: e-Conomy - From Digital Decade to AI Reality: Accelerating the future in ASEAN. URL: <https://www.temasek.com.sg/content/dam/temasek-corporate/news-and-views/resources/reports/e-conomy-sea-2025-report.pdf>

Within this regional matrix, Vietnam's transition from the initial 2021 National Strategy on R&D and Application of AI to the implementation of the Digital Technology Industry Law marks a critical institutional milestone. By codifying core principles for AI provision and utilization into formal statutory law, Hanoi has moved faster than neighbors like Indonesia or Thailand, which are still locked into drafting presidential regulations and preliminary principles. This legislative institutionalization reduces market uncertainties for tech-driven capital investments and anchors regulatory accountability directly into macroeconomic policy. For Vietnam, this legal maturation represents an attempt to convert its high levels of public trust in AI into a structural competitive advantage, utilizing national law to foster a secure, reliable ecosystem capable of attracting premium, high-value foreign direct investment in deep-tech sectors.

However, the divergence between Vietnam's robust legal formalization and ASEAN's broader reliance on voluntary, non-binding compliance guides introduces substantial regional frictions. While the updated ASEAN supplementary guide for generative AI targets macro-level alignment and framework interoperability, the reality remains a patchwork of national regulatory silos. For Vietnamese AI enterprises aiming to scale regionally, navigating these distinct jurisdictional standards on data sovereignty, algorithmic accountability, and cross-border data transfers presents a costly barrier to entry. To fully exploit the opportunities embedded in this regional fragmentation, Vietnam's regulatory apparatus must actively harmonize its domestic enforcement mechanisms with the broader ASEAN Guide on AI Governance and Ethics, ensuring that

the country's legal sovereignty does not inadvertently isolate its home-grown tech startups from the wider Southeast Asian digital marketplace.

Opportunities and Challenges for Vietnam

The major opportunity for Vietnam in achieving digital breakthroughs comes from the distinct synergy between its youthful demographic profile and the fast pace of international economic integration [12]. The demographic dividend provides the technology native base upon which Vietnam's aggressive pursuit of global trade partnerships can be built, resulting in the opportunity for Vietnam to achieve rapid scaling of technology. The National Digital Transformation Strategy plays an important role in this endeavor by providing a high-level roadmap for aligning the energy of the private sector and public policy to ensure that growth is not only rapid but also strategically aligned from now until 2030⁸.

The e-commerce sector has evolved from its retail base and become the leading creator of new and innovative ways for businesses to modernize their enterprises. E-Commerce platforms provide domestic suppliers with a connection to global customers, resulting in the «digital maturity» of many small and medium-sized businesses⁹. Small and medium-sized businesses use their digital storefronts not only to sell goods and services but also as a way to create operational efficiencies, improve supply chain logistics and use data-driven management techniques that were previously only available to large companies.

The system is no longer simply watching the evolution of digital law but has become an active participant and driving force behind this evolution as well. The evolution of our domestic legal landscape creates a series of legislative foundation and incentives that create an environment where companies will feel confident in their ability to innovate digitally¹⁰. The accompanying legislation reduces the amount of friction typically involved with the entry into the marketplace by providing legislative support for local businesses.

Adapting to environmental changes is Vietnam's significant obstacle. The country's economic structure reflects its history, including how education has influenced its capabilities¹¹. For example, for the Vietnamese higher education system is the lack of foundational and ICT infrastructure, alongside limited institutional funding, which hinders universities from effectively adopting digital and disruptive technologies [18]. While there have been a number of reforms to improve technical skill sets, there remains a gap between the skills that accumulated over decades, the specialized, agile skill sets needed in today's digital economy. Integrating these new technologies goes beyond hardware, it requires rethinking how the workforce views and uses change within an ever-changing economy. Another major digital transformation challenge for Vietnam is that state-owned enterprises and manufacturing SMEs lag significantly behind at the beginner stage due to outdated technologies, weak digital skills, and cultural barriers [14].

There are entrenched barriers due to the cultural resistance and policies that accompany how business operates [6]. Many domestic companies hold fast to existing techniques and see the use of digital as a big gamble; that is, digital transformation is seen as a substantial risk rather than as releasing increased operational capacity, productivity, innovation, and increased opportunities for expanded customer service. This form of inertia (ex: unwillingness to take on the risk associated with new technology or to give up existing; but, non-effective, techniques) serves as a subsequent impediment to most countries' economy and, therefore, to the global economy. If businesses do not create an organisational culture of digital «willingness», they will miss out on productivity advantages that their more nimble competitors realise.

8 Digital Transformation in Vietnam: Key Insights for Companies in 2026. URL: <https://saigontechnology.com/blog/digital-transformation-in-vietnam/#:~:text=the%20Vietnamese%20market,.,Government%20Priorities,digital%20inclusion%20and%20literacy%20programs> (accessed: 20.2.2026)

9 Digital economic development: Opportunities and challenges in the new era. URL: <https://hanoimoi.vn/phat-trien-kinh-te-so-co-hoi-va-thach-thuc-trong-ky-nguyen-moi-724132.html> (accessed : 20.2.2026)

10 This opens up many new development opportunities for the digital economy and the digital asset market. URL: <https://baochinhphu.vn/mo-ra-nhieu-co-hoi-phat-trien-moi-cho-kinh-te-so-va-thi-truong-tai-san-so-102260126154436908.htm> (accessed: 21.2.2026)

11 Challenges and opportunities in Việt Nam's digital transformation process. URL: <https://vietnamnews.vn/opinion/1687242/challenges-and-opportunities-in-viet-nam-s-digital-transformation-process.html> (accessed : 21.2.2026)

Moreover, one of the main systemic barriers Vietnam is currently facing is the widening “Senior Talent Gap” that has developed as the complexity of cybersecurity threats continues to escalate. As of now, Vietnam is thought to have around 300 AI experts, and at the same time, it has a labour shortage of between 150,000 and 200,000 ICT personnel each year for positions like AI, big data, and cybersecurity¹². Adding to that talent deficit is an increasingly unstable threat landscape — it is estimated that by 2025, Vietnam will be attacked by over 550,000 cyber-attacks, with small to medium-sized enterprises at particular risk because of limited budgets and a lack of mature cybersecurity frameworks¹³. The result of being unable to effectively address this high-level skill gap and strengthen the nation’s cyber-resilience could undercut the ability to create «breakthrough» growth due to the loss of technical debt, as well as the enormous economic costs associated with data breaches and intellectual property theft.

Conclusion

By 2026, digitalization will have changed from being an addition to the economy’s growth engine to the main driver of economic growth in Vietnam. Core and digitalized sectors of the economy have continued a successful integration that has created a strong foundation for the economy with a marked increase in the confidence of citizens of Vietnam in new technologies such as AI. There are however some large regional and sectoral differences in the economy as a result of this maturing digital economy.

As the requirement to move into the «Breakthrough Action» phase of the economy, where focus had been previously on fast growth, the primary focus now needs to be on ensuring that productivity increases experienced by high-tech industrial centers are reflected in the entire economy and that these productivity increases are also transferred to the very large agricultural and rural areas of the Vietnam economy that account for a very small percent of the Vietnamese GDP.

In order to overcome the «Middle-Tech Trap,» Vietnam needs to change its course and put enough effort into developing domestic innovation, as well as creating their own intellectual property. Foreign direct investment has provided initial capital through hardware and assembly. However, for Vietnam to prosper long-term, must focus on own ability to create higher levels of value (deep tech) in respect to using technology, as well as high-level software services. Strengthen the connection between universities and industry together is critical to minimizing the gap of quality senior talent.

Additionally, the government should establish ASEAN standards for the regulatory framework in order to facilitate an unhindered flow of data across borders. This means developing laws that protect a country’s interests while fostering co-operation to enable AI innovation. Establishing regulatory is critical to allowing companies to experiment with new operating models and overcome the resistance of traditional firms to adopt new technologies or processes.

In conclusion, the long-term sustainability of Vietnam’s digital economy cannot be assessed in isolation from the country’s commitment to green energy; the two agendas are, in practice, inseparable. The infrastructure required to meet the computational demands of artificial intelligence, above all the rapid expansion of data centres, is highly energy-intensive, and its growth threatens to outpace the capacity of existing utility systems unless accompanied by a parallel transformation in sustainable energy management. A digital acceleration premised on carbon-intensive power would not only undermine national environmental commitments but would also expose the technology sector to rising input costs and regulatory risk, thereby compromising the very competitiveness it seeks to build. Aligning the digital and green transitions is therefore not a peripheral concern but a precondition for durable, high-quality growth in the acceleration phase.

Against this backdrop, several priorities emerge for policy. First, the state should provide targeted incentives for private-sector investment in renewable energy dedicated to technology infrastructure, ensuring that the expansion of computational capacity is matched by a commensurate expansion of clean generation.

¹² Vietnam eyes new approach to high-quality AI workforce training. URL: <https://en.vietnamplus.vn/vietnam-eyes-new-approach-to-high-quality-ai-workforce-training-post325259.vnp> (accessed: 24.2.2026)

¹³ Over 500,000 cyberattacks are expected to target Vietnamese organizations and businesses in 2025. URL: <https://vietbao.vn/en/hon-500-ngan-cuoc-tan-cong-mang-vao-to-chuc-doanh-nghiep-viet-nam-trong-nam-2025-579159.html> (accessed: 24.2.2026)

Second, comprehensive cybersecurity requirements should be instituted to safeguard the growing stock of national digital assets, whose value, and exposure, rises in step with digitalisation itself. Third, and most fundamentally, the technical, cultural, and environmental gaps identified throughout this study must be bridged in a coordinated manner rather than addressed in isolation. Only by integrating these dimensions can Vietnam convert its present momentum into a digital transformation that delivers a high-income, innovation-driven future—one that is, in the fullest sense, both inclusive and resilient.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bui T. H., Nguyen V. P. (2023). The Impact of Artificial Intelligence and Digital Economy on Vietnam's Legal System. *International Journal for the Semiotics of Law*, 36, 969–989. <https://doi.org/10.1007/s11196-022-09927-0>
2. Dang T. V. D., Tran T. D., Dan, H. L., Bui X. P. (2024). Measuring the digital economy in Vietnam. *Telecommunications Policy*, 48(3), 102683. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2023.102683>
3. Dey P. K., Chowdhury S., Abadie, A. Vann Yaroson, E., Sarkar, S. (2024). Artificial intelligence-driven supply chain resilience in Vietnamese manufacturing small- and medium-sized enterprises. *International Journal of Production Research*, 62(15), 5417–5456. <https://doi.org/10.1080/00207543.2023.2179859>
4. Ha L. V., Dang Q. H. (2023). The Factors Affecting Digital Transformation in Vietnam Logistics Enterprises. *Electronics*, 12(8), 1825. <https://doi.org/10.3390/electronics12081825>
5. Ha N. T. V. (2020). The Development of the Digital Economy in Vietnam. *VNU Journal of Economics and Business*, 36(5E). <https://js.vnu.edu.vn/EAB/article/view/4462>
6. Le N. T. D. (2025). Digital transformation in small and medium-sized enterprises: Challenges and solutions. *Finance Magazine*. <https://kinhtevadubao.vn/chuyen-doi-so-trong-doanh-nghiep-nho-va-vua-thach-thuc-va-giai-phap-31333.html>
7. Le T. T. A., Le Q. T., Do T. T. T., Chan T. T., Mai X. D., Vo X. V. (2025). The Evolution of Economics and Law in Vietnam. *Asian Journal of Law and Economics*, 16(1), 131–153. <https://doi.org/10.1515/ajle-2025-0048>
8. Mai B. T., Nguyen P. V., Ton U. N. H., Ahmed Z. U. Government policy, IT capabilities, digital transformation, and innovativeness in Post-Covid context: case of Vietnamese SMEs // *International Journal of Organizational Analysis*. — 2024. — Vol. 32, no. 2. — P. 333–356. — URL: <https://doi.org/10.1108/IJOA-11-2022-3480>
9. Mohammadreza A., Kok S. K., Hopkins J., Frederico G. F., Nguyen H., Alonso A. D. The changing landscape of digital transformation in supply chains: impacts of industry 4.0 in Vietnam // *The International Journal of Logistics Management*. — 2024. — Vol. 35, no. 4. — P. 1040–1072. <https://doi.org/10.1108/IJLM-11-2022-0442>
10. Ngo M. P. (2022). Opportunities and Challenges of Digital Transformation in Vietnam's Tourism Industry. *International Journal of Economics, Business and Management Research*, 6(12), 18–29. <https://doi.org/10.51505/IJEBMR.2022.61202>
11. Nguyen D. C., Dao T. A. (2023). Digital Transformation in Vietnam: Policies, Results and Recommendations. *Journal of Southeast Asian Economies*, 40(1), 127–144. <https://www.jstor.org/stable/27211227>
12. Nguyen D. P., Vo X. V., Nguyen P. N., La N. G., Pham Q. T. (2025). The international and domestic context affecting the development of the digital economy: Opportunities and challenges for Vietnam. *Journal of Economic Studies*, 12(04), 1–12. <https://vjol.info.vn/index.php/du/article/view/125140/102803>
13. Nguyen H. P., Dinh L. H. G. (2025). Vietnam's economic growth in the age of digital transformation: Opportunities and challenges. *Journal of Regional and International Competitiveness*, 6(3), 4–15. <https://doi.org/10.52957/2782-1927-2025-6-3-4-15>
14. Nguyen T., Dang L. T. T. Evaluating digital transformation preparedness among Vietnamese enterprises // *HCMCOUJS – Economics and Business Administration*. — 2025. — Vol. 15, no. 3. — P. 21–43. — URL: <https://journalofscience.ou.edu.vn/index.php/econ-en/article/view/3349/2249>
15. Nguyen T.H. (2022). Technology, ICT, Digital Transformation in Vietnam in the Integration Era—And FDI Effects for Digital Technology and ICT Sector. In: Goyal, V., Gupta, M., Mirjalili, S., Trivedi, A. (eds) *Proceedings of International Conference on Communication and Artificial Intelligence. Lecture Notes in Networks and Systems*, vol 435. Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-19-0976-4_49
16. Pham Q. H., Vu K. P. (2024). Structural dimensions and measurement of readiness for Industry 5.0 implementation: A fresher insight from SMEs in developing country. In *Modern Technologies and Tools*

Supporting the Development of Industry 5.0 (1st ed., pp. 32–45). CRC Press. <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.1201/9781003489269-3/structural-dimensions-measurement-readiness-industry-5-0-implementation-pham-quang-huy-ma-vu-kien-phuc>.

17. Phan T. H. H. (2023). Vietnam's Digital Economy: In a Good Position to Spur the Digital Economy but Challenges Ahead. In *The ASEAN Digital Economy* (1st ed., p. 13). <https://doi.org/10.4324/9781003308751-7>

18. Pitt B., Huynh T. Q., Gregson J., Seal T., Tran H. H., Nguyen H. T., Bui T. N. T., Nguyen, H. M. (2022). Readiness of Digital Transformation in Vietnamese Universities. British Council. URL: <https://oro.open.ac.uk/85033/>

19. Tran H. T., Dang B. H., Nguyen M. T. T., Pham Q. T. T., Nguyen P. V. (2025). Artificial intelligence ethics in authoritarian Vietnam: governance, trust, and societal tensions. *Policy Design and Practice*, 8(4), 427–441. <https://doi.org/10.1080/25741292.2025.2529625>

20. Tran M.A. Foundations for Digital Transformation: The Case of Vietnam // *Proceedings of the International Conference on Emerging Challenges: Business Transformation and Circular Economy (ICECH 2021)*. — Atlantis Press, 2021. — P. 61–72. — (Advances in Economics, Business and Management Research, Vol. 197). <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.211119.007>

21. Tran N. D., Hoang H. H. (2025). Developing fair data value sharing models to enhance personal data sovereignty in electronic commerce in Vietnam. *International Journal of Research in Commerce and Management Studies*, 7(3), 56–70. <https://doi.org/10.38193/IJRCMS.2025.7305>

22. Trung P. N. (2024). The state's role of digital economy and economic innovation in Vietnam. *Journal of Business Management and Economic Development*, 2(03), 1413–1439. <https://doi.org/10.59653/jbmed.v2i03.1105>

23. Vo H. T., Nguyen P. V., Nguyen S. N. T., Vrontis D., Bianco R. Unlocking digital transformation in Industry 4.0: exploring organizational readiness, innovation and firm performance in Vietnam // *European Journal of Innovation Management*. — 2025. — Vol. 28, no. 5. — P. 1943–1964. <https://doi.org/10.1108/EJIM-03-2024-0273>

24. Walsh J., Nguyen, T. Q., & Hoang, T. (2023). Digital transformation in Vietnamese SMEs: managerial implications. *Journal of Internet and Digital Economics*, 3(1-2), 18–32.

25. Walsh J. (2024), 'Digitalising Public Services in Supporting Economic Development: The Case of Viet Nam' in Chen, L. and F. Kimura (eds.) *Empowering Online Public Service in Asia: The Digital Frontier*. Jakarta: ERIA, pp.149-174.

The Digital Leapfrog: Assessing Vietnam's Structural Transformation and the 'Middle-Tech' Trap in the 2026 Acceleration Phase

Nguyen Van Duan

Ho Chi Minh City University of Social Sciences and Humanities

Vietnam, Lecturer, USSH VNU, Hochiminh City, Vietnam

E-mail: duan.advn@gmail.com

KEYWORDS

Vietnam, Digital Economy, Economic Development, Middle-Tech Trap, Digital Transformation, Artificial Intelligence, Digital Sovereignty, Cyber Resilience

ABSTRACT

The paper examines Vietnam's transformative economic transition driven by the accelerated growth of an innovative digital economy on the eve of its acceleration phase. It analyses how the combination of high levels of citizens' trust in artificial-intelligence technologies and a proactive national regulatory framework has facilitated Vietnam's shift from basic digital adoption to a regional technology hub. Drawing on official statistics, the study shows that the digital economy's share of gross domestic product has been growing steadily and that its contribution to the national economy is acquiring an increasingly pronounced structural character. Particular attention is paid to the structure of this growth: the leading role of services and high-tech manufacturing, as well as the persistent lag of agriculture and of provinces with low levels of digitalization. At the same time, the study identifies significant systemic barriers: the lingering effects of the «middle-tech trap», regional inequities in digital adoption, an acute shortage of skilled workers and escalating cyber threats. The paper also assesses the artificial-intelligence gap in Southeast Asia and the position of Vietnam's technology start-up ecosystem. The study concludes that Vietnam's long-term economic prosperity depends on its ability to create synergies between digital sovereignty and regional interoperability, to develop indigenous innovation and intellectual property, and to encourage businesses to foster cultures of agility and cyber resilience in order to maintain the impetus for advancement.

Оценка перспективности экспортных страновых рынков органоминеральных удобрений

Каплина Ольга Вадимовна 

Кандидат экономических наук, доцент

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: kaplinaov@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

экспорт, выбор экспортного рынка, экспортная привлекательность рынка, барьеры входа, экспортная привлекательность страны, экспресс-анализ, балльная оценка, органоминеральные удобрения

АННОТАЦИЯ

Правильный выбор нового зарубежного рынка является критически важным для успеха экспортной деятельности предприятия, так как определяет результативность стратегии его интернационализации. Актуальность решения этого вопроса обусловлена насущными потребностями российских компаний, которые в течение последнего десятилетия массово переориентировались на страны Ближнего и Дальнего Востока, Африки и Латинской Америки и продолжают сейчас осваивать новые географические сегменты. Наряду с этим выход за пределы привычных рынков выступает ключевым условием развития и масштабирования бизнеса. В настоящее время распространен комбинированный подход к выбору странового рынка, при котором на первом этапе предприятие условно интуитивно формирует первоначальный список потенциальных стран для экспорта, на втором этапе с помощью определённого алгоритма из этого перечня осуществляет формализованный отбор наиболее экспортно привлекательных из них. Формализованный этап выбора нового странового рынка наиболее сложен, поскольку требует алгоритмизации анализа многих факторов и большой работы по поиску и анализу актуальной информации. Существующие методики такой оценки часто базируются на балльном методе, который критикуют за отсутствие строгой объективности. Статья посвящена изложению авторского подхода к методике формализованного выбора нового странового рынка сбыта предприятия, в которой сделана попытка уменьшить субъективность оценки. Разработанная автором методика состоит из двух этапов: экспресс-анализа экспортной привлекательности стран и её балльной оценки по 4 группам факторов; Методика была разработана по заданиям действующих экспортёров из г. Санкт-Петербурга, Ленинградской и Ярославской областей, работающих в пищевой, химической и мебельной промышленности. Она позволяет перейти от интуитивных решений к обоснованному стратегированию экспортной деятельности предприятия.

JEL codes: C82; F14; F19

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-5-124-140>

Финансирование: ЯрГУ, проект № VIP-017

Для цитирования: Каплина, О.В. Оценка перспективности экспортных страновых рынков органоминеральных удобрений / О.В. Каплина. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 5. – С.124-140. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.05.2026)

Введение

В последние десятилетия большой интерес научного сообщества вызывает анализ поведения предприятий в процессе внешнеэкономической экспансии своей деловой активности. Концептуальной и методологической основой исследований в этой сфере послужили теории отраслевых рынков и международной торговли. Изучение процесса интернационализации предприятий приобрело значительное распространение в развитых странах с открытой экономикой, его результаты широко представлены в англоязычных источниках. В российской науке данный предмет исследования привлек к себе значительное внимание около двадцати лет назад, о чём свидетельствуют результаты

проведённого нами контент-анализа тем статей по проблематике международной торговли [1, 2, 4-9, 10, 13, 14, 15], а также диссертационных исследований по специальностям ВАК 08.00.14 и 08.00.05, 5.2.5 и 5.2.6 в старой и новой редакции их шифров соответственно [3, 12, 16, 18, 19, 20].

Изучение специальных источников позволило выделить две основные группы моделей интернационализации компаний в зависимости от длительности процесса и необходимости накопления ресурсов, опыта и знаний о зарубежной среде:

- модели последовательной интернационализации, рассматривающие ее как ряд этапов, которые предприятие постепенно проходит в своей внешнеэкономической экспансии: наиболее известными среди них являются: теория международного жизненного цикла товара Р. Вернона (The International product life-cycle theory), Уппсальская модель, разработанная шведскими учёными Карлсоном, Видерсхайм-Паулем, Йохансоном, Валне и др. (The Uppsala Internationalization Process Model, U - Model) и её пересмотренный вариант - сетевая модель Йохансона и Мэттссона (Network Model) [22-25];

- модели быстрой интернационализации, например, теория международного предпринимательства, основоположниками которой считаются Овиатт и МакДугалл (International Entrepreneurship Theory, IET) [27]; модель рождённых глобальными (the Born Global Model) как результат коллективного вклада различных ученых, изучающих феномен компаний, рано выходящих на международные рынки [21, 26].

Подход последовательной интернационализации, считающийся традиционным, возник в 60-е годы XX века, когда научный интерес был сосредоточен на больших, хорошо обеспеченных ресурсами международных корпорациях и их зарубежной деятельности. Примерно через 20 лет внимание исследователей начали привлекать предприятия, не придерживающиеся поступательного пути международной экспансии, которые сразу воспринимали свой рынок сбыта как мировой или начинали интернационализироваться в течение 3 лет с момента своего возникновения. Обычно таковыми являлись небольшие компании, которые не обладали значительными материальными ресурсами, но имели уникальные нематериальные конкурентные преимущества и возможности. Развитие глобализации, интернета и других коммуникационных технологий, а также рост сетевой и позднее платформенной экономики способствовали ускорению географической экспансии предприятий. Эти факторы снизили стоимость выхода на зарубежные рынки и сократили так называемую «психологическую дистанцию» между экономическими субъектами разных стран. Анализ этих процессов привёл к появлению моделей быстрой интернационализации. [26]

В обеих моделях экономической экспансии компаний одним из важнейших вопросов является выбор иностранного рынка. К настоящему моменту разработано множество способов такого выбора [1, 3-5, 8, 11- 13, 17, 18, 19, 20], которые можно систематизировать в три подхода.

1) Формализованный: рациональный отбор на основе оценки рыночной привлекательности стран путём исследования информации, полученной и обработанной с помощью определённых методов, критериев и показателей. Он предполагает, что экспортёр действует проактивно, стремясь снизить риски экспансии и делает выбор на основе специального обоснования. В рамках формализованного подхода исследуют: уровень сотрудничества между странами, их макроэкономические показатели, емкость странового отраслевого рынка, его барьеры входа и выхода, текущий и будущий спрос, уровень и особенности конкуренции, каналы сбыта, потенциал продаж, издержки внешнеэкономической деятельности, кросс-культурную специфику, уровень государственной поддержки и другие факторы. Для их количественного измерения преимущественно используют статистические методы (анализ динамики, структуры, многофакторные индексы, многомерные средние, группировка), эконометрические модели (в частности, гравитационные), балльные оценки, ранжирование, рейтингование.

2) Неформализованный: условно интуитивный, базирующийся, во-первых, на собственном опыте; во-вторых, на информации, не требующей специальной обработки, к которой относятся

новости, бизнес-слухи, кейсы других компаний, внешнее экспертное мнение, синдикативная тематическая информация); в-третьих, на реактивном следовании запросам иностранных покупателей. Такой способ выбора нового зарубежного рынка также имеет свою теоретическую базу, например, подход «бережливой интернационализации» [9], концепция психологической дистанции [12].

3) Комбинированный как сочетание формализованного и неформализованного подходов.

На заре интернационализации компании использовали неформализованный подход, однако недостаточный учёт критически важных экономических, политических, кросс-культурных, социальных и прочих различий между внутренним и зарубежным рынками время от времени приводил к неудачам экономической экспансии. Формализованный подход возник как ответ на потребность в уменьшении таких рисков. Он позволяет восполнить информационные пробелы и достичь определённого результата в случае качественно проведённого обоснования, однако требует специального исследования и является более затратным. В настоящее время снова пробудился интерес к неформализованному подходу, чему есть несколько причин. Во-первых, его низкая затратноёмкость. Во-вторых, существенное уменьшение рисков потерпеть неудачу и возможность снизить издержки благодаря цифровизации международной торговли; так, в настоящее время компании часто размещают свои товары на международных маркетплейсах, что позволяет выходить сразу на несколько страновых рынков [9]. В-третьих, сложность самого выбора: возросло количество государств потенциальной экономической экспансии, в том числе за счёт развивающихся стран, при этом национальные информационные системы некоторых из них находятся на начальном этапе своего формирования. Рост числа объектов и факторов, которые необходимо учитывать, а также асимметрия информации побуждают предпринимателей отказываться от формализованного подхода к оценке зарубежных стран. [12] В-четвёртых, начинающим экспортерам и МСП кажется достаточным реактивный подход к экспансии, при котором выбор иностранного рынка сбыта является простой реакцией на запрос от зарубежного клиента.

На практике распространён комбинированный подход как двухэтапный способ выбора странового рынка с интуитивным и последующим формализованным этапами.

В следующем пункте статьи приведена методика формализованного выбора нового странового рынка сбыта предприятия, которая была апробирована на межвузовских кейс-чемпионатах «Экспортная деятельность», проходивших в рамках III и IV Региональных экспортных недель в г. Санкт-Петербурге (ноябрь 2024 года и октябрь 2025 года соответственно,) на площадке Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (ГУАП) при поддержке Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ), а также на заседании «Клуба экспортёров», организованного АНО «Центр экспорта Ярославской области» в декабре 2024 года (г. Ярославль), результаты её применения получили высокую оценку предприятий – региональных отраслевых лидеров, чья экспортная деятельность послужила основой для бизнес-кейсов.

Данные и методы

Категория экспортного рынка предприятия методологически предполагает наличие двух существенных атрибутов:

- купля-продажа определённых товаров или услуг в конкретных территориальных пределах, часто совпадающих с государственной границей;
- рыночный сегмент как совокупность реальных и потенциальных покупателей товаров или услуг экспортёра.

В данном исследовании под экспортным страновым рынком подразумевается одна или несколько стран, где предприятию экономически целесообразно реализовывать свои товары, услуги, интеллектуальную собственность или информацию. Под новым экспортным рынком понимается сегмент (или сегменты) зарубежного рынка одной или нескольких стран, на который предприятие выходит впервые (или после долгого перерыва), способный (способные) обеспечить достижение его

целей. Эти цели вытекают из двух основных мотивов:

- первый - снижение высоких экономических рисков и зависимости от домашнего национального рынка или от зарубежных рынков присутствия, условия которых стали неблагоприятными;
- второй - использование возможностей новых внешних рынков.

В качестве целей выхода предприятия на новые страновые рынки могут выступать: получение определённого размера прибыли, снижение затрат, увеличение объемов продаж, рост рыночной доли, доступ к новым ресурсам (источникам сырья, трудовым ресурсам определённого качества и стоимости, технологиям и т.д.), улучшение своего имиджа, укрепление бренда, расширение ассортимента продукции, приобретение нового опыта в контексте развития компании, допуск на вынужденно покинутые рынки сбыта через другие страны, упрощение внешнеторговых расчётов, снижение тарифных и нетарифных ограничений экспортных операций и другие.

Распространённый на практике комбинированный подход к выбору нового странового рынка заключается в следующем: предприятие условно интуитивно определяет первоначальный список потенциальных стран для экспорта, далее производит окончательный выбор путём сравнительного анализа экспортной привлекательности каждой из них по определённой методике. Такой порядок кажется оптимальным, поскольку сочетает в себе достоинства как формализованного, так и неформализованного подходов.

При этом на первом, неформализованном, этапе при формировании перечня потенциальных страновых рынков для экспорта могут возникнуть следующие риски отбора:

- первый: включение в первоначальный список стран, доступ к которым невозможен или значительно затруднен;
- второй: пропуск экспортно привлекательной страны, например, вследствие того, что она стала таковой относительно недавно, поэтому её экспортная привлекательность не является широко известной.

Оба риска возникают из-за информационной асимметрии: в условиях высокой политической и экономической турбулентности мировой экономики ситуация быстро меняется: принимаются новые стратегические решения по налаживанию межстрановых связей или их разрыву, по введению или отмене внешнеторговых ограничений, из-за чего рыночная информация быстро устаревает. Чтобы избежать первого риска, предприятию не следует ограничиваться только бизнес-слухами, а рекомендуется провести мониторинг актуальной информации. Действующие ограничения публикуются в «Путеводителе по санкциям и ограничениям против Российской Федерации», расположенном на сайте информационно-правового обеспечения «Гарант»; на информационном портале «alta.ru» ИТ-компании ООО «Альта-Софт»; в отчётах группы РЭЦ на платформе «Мой экспорт»: «Барьеры и требования рынков», «Товарно-страновой профиль со списком потенциальных покупателей»; в сервисах Министерства экономического развития: «Меры таможенно-тарифного и нетарифного регулирования, защитные меры во внешней торговле», «Обеспечение доступа на внешние рынки», «Тепловая карта ограничений и тарифов» Единого портала внешнеэкономической информации Министерства экономического развития России; а также на официальных правительственных порталах стран, вводящих ограничения. Даже если административных и экономических ограничений нет или их уровень приемлем, экспорт товара на конкретный страновой рынок может оказаться невыгодным из-за высокой конкуренции, низкого уровня цен на целевом рынке (можно выявить путём мониторинга маркетплейсов, торговых сетей и т.д.), дороговизны транзакционных и логистических издержек относительно стоимости товара (определяется по предварительному расчёту).

Во избежание второго риска целесообразно провести экспресс-анализ показателей динамики ёмкости рынка, внешней торговли определенным товаром или услугой (объемов и темпов роста импорта, внешнеторгового баланса), рейтингов экспортной привлекательности стран и возможностей целевого рынка. При этом важно не потерять значимые достоинства неформализованного подхода

– простоту и быстроту, для чего рекомендуется использовать легко доступную информацию без трудоёмких самостоятельных расчётов. Такие данные содержатся в следующих источниках:

– сервисы группы РЭЦ на цифровой платформе «Мой экспорт»: «Навигатор экспортера: поиск рынков сбыта», «Барьеры и требования рынков», «Товарно-страновой профиль со списком потенциальных покупателей», «Экспортные ниши»;

– аналитическая информация Единого портала внешнеэкономической информации Министерства экономического развития России: аналитические карты внешней торговли России («Тепловая карта соглашений», «Тепловая карта ограничений и тарифов», «Карта нереализованного экспортного потенциала», «Карта показателей по зарубежным странам»), и сервисы («Меры таможенно-тарифного и нетарифного регулирования, защитные меры во внешней торговле», «Обеспечение доступа на внешние рынки»; аналитика по экспорту товаров, аналитика по экспорту услуг, мониторинг мировых цен);

– информационная база данных Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) UNCTAD Data Hub;

– база данных ООН по международной торговле товарами и услугами UN Comtrade,

– база данных Международного торгового центра (ИТЦ) Trade Map.

С 1 января 2026 г. прекратилось обновление данных информационно-аналитического портала «Навигатор по барьерам и требованиям рынков» АО «Российский экспортный центр» (РЭЦ), заметим, что эту информацию можно использовать при ретроспективном анализе; актуальные же сведения доступны в сервисе «Барьеры и требования рынков» на платформе «Мой экспорт».

Наиболее удобными среди указанных источников для экспресс-анализа представляются Trade Map и сервис «Навигатор экспортера: поиск рынков сбыта» группы РЭЦ, которые и были использованы в излагаемой в данной статье методике. Информационная база Trade Map является одним из 19 аналитических инструментов UN Comtrade (Visualization Labs) и базируется на её данных, которые, в свою очередь, поступают от национальных служб, аккумулирующих сведения о внешней торговле своей страны (в России, в частности, от Росстата). Данные о торговле доступны не только для стран, которые предоставляют собственные данные о торговле, но и для более чем 50 стран или территорий, которые не предоставляют национальную статистику торговли в UN COMTRADE или ИТЦ. Внешняя торговля этих стран реконструирована на основе данных, предоставленных странами-партнерами, то есть так называемой зеркальной статистики. Хотя использование зеркальной статистики имеет свои недостатки, оно генерирует огромный объем информации, которая в противном случае была бы недоступна [28, р. 4].

Сервис «Навигатор экспортера: поиск рынков сбыта» группы РЭЦ содержит «Рейтинг потенциальных стран экспорта для товара», показывающий страны в порядке убывания потенциальной привлекательности для экспортера, носит информационный (условный) характер. Этот рейтинг строится с учетом показателей 2 типов:

– показатели импортного спроса на товар в стране: объем и динамика импорта, поставки из России, концентрация стран-поставщиков, таможенные пошлины, нетарифные барьеры и др.

– показатели, характеризующие общую привлекательность страны для экспорта из России: транспортная доступность, прогнозные темпы роста ВВП и импорта страны и др.; недружественным странам присвоен сильный понижающий коэффициент.

Следует обратить внимание на информационные ограничения этой базы данных: сведения по разным странам представлены за разные годы, по ряду государств информация отсутствует.

Наряду с этим нужно учитывать специфику экспортируемого товара, например, использование удобрений имеет особенности для разных растений, поэтому важно, чтобы товарный ассортимент предприятия был релевантен сельскохозяйственным культурам, произрастающим в стране потенциального экспорта.

На первом этапе мониторинга потенциальных страновых рынков набор методов может

включать в себя:

1. сравнительный анализ привлекательности стран для экспорта определённого товара (услуги) по рейтингу сервиса «Навигатор экспортера: поиск рынков сбыта» группы РЭЦ;
2. сравнительный анализ рейтингов (или ренкингов) стран как производителей определённой продукции методом контент – анализа для косвенного определения спроса на товары экспортёра;
3. проверка потенциального странового рынка сбыта на наличие непреодолимых барьеров входа по данным «Путеводителя по санкциям и ограничениям против Российской Федерации» информационно-правового обеспечения «Гарант», интернет-ресурса «alta.ru», официальных правительственных порталов потенциально экспортно привлекательных стран;
4. анализ импорта определённого товара (услуги) по данным портала Trade map как индикатор, характеризующий внутренний спрос на товар, удовлетворяемый извне.

Таким образом, рекомендуется первую интуитивную стадию выбора новых экспортно привлекательных стран дополнить мониторингом готовой информации. Это дополнение позволило в двух бизнес-кейсах добавить к первоначальным спискам стран, интуитивно сформированных предприятиями-экспортёрами, новые, которые и стали окончательным выбором.

Следующий этап методики предполагает более детальный анализ отобранных стран. Сначала рекомендуется проверить потенциальную страну для экспорта на наличие неприемлемых барьеров входа по ряду критериев. По результатам анализа этой информации предприятие делает вывод о целесообразности его освоения. Если совокупность выявленных барьеров не представляется компании непреодолимой, то далее следует этап более глубокого исследования этого странового рынка. Его предлагаемая методика содержится в таблице 1. Она представляет собой балльную оценку факторов экспортной привлекательности потенциального странового рынка сбыта предприятия. Для полноты фактов в методику включены неприемлемые значения критериев, им присвоено значение 0.

По данной методике оценивается каждая потенциально экспортно привлекательная страна. Оценка степени благоприятности является прямой у всех факторов: чем благоприятнее его влияние, тем выше балл. Страна с наибольшей экспортной привлекательностью определяется путём сравнения итоговых сумм баллов.

Таблица 1 – Количественное измерение привлекательности потенциального странового рынка сбыта предприятия методом интегральной балльной оценки

Критерии по группам факторов	Качественная характеристика критерия	Количественная оценка критерия в баллах
	Факторы геоэкономической политики:	Максимально 18 баллов
Политические отношения между РФ и целевой страной	– у РФ с целевой страной имеются давние дружественные отношения без серьезных разногласий; – страна является дружественной РФ в соответствии с действующими редакциями Распоряжений Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р и от 20 сентября 2023 года №2530-р; – страны совместно входят в международные и региональные объединения, присоединились к одним и тем же многосторонним конвенциям и соглашениям, имеют действующие двухсторонние торговые договоры	3 балла

Критерии по группам факторов	Качественная характеристика критерия	Количественная оценка критерия в баллах
	–отношения РФ со страной имеют в целом позитивную историю; –страна является дружественной или нейтральной по отношению к РФ в соответствии с действующими редакциями Распоряжений Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р и от 20 сентября 2023 года №2530-р; –страны совместно входят в международные и региональные объединения, присоединились к одним и тем же многосторонним конвенциям и соглашениям, среди региональных объединений и двухсторонних договоров (соглашений) есть реально действующие	2 балла
	–история отношений между РФ и страной складывалась неровно или отношения начали налаживаться недавно; –страна является нейтральной РФ в соответствии с действующими редакциями Распоряжений Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р и от 20 сентября 2023 года №2530-р; –в настоящее время страны совместно входят в международные и региональные объединения, многосторонние конвенции и соглашения; договоры между странами декларируют развитие сотрудничества, в целом носят формальный характер	1 балл
	страна является недружественной в соответствии с действующими редакциями Распоряжений Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р и от 20 сентября 2023 года №2530-р и по факту	0 баллов
Торговый режим между РФ и целевой страной	режим свободной торговли (соглашение о зоне свободной торговли) или отмена внешнеторговых ограничений в рамках преференциального режима;	3 балла
	преференциальный режим (соглашения об особых преференциях), используются пониженные тарифные ставки, сокращённые нетарифные ограничения, смягчение администрирования и лицензирования импорта, гармонизация технических требований, ветеринарных, санитарных и фитосанитарных норм и др.	2 балла
	–стандартные режимы ВТО: Режим наиболее благоприятствуемой нации (РНБ) и Национальный режим (НР); –торговые соглашения на стандартных условиях со странами, не являющимися членами ВТО	1 балл
	–отмена страной стандартных режимов ВТО - РНБ и НР и введение ограничений в отношении импорта из России –особый торговый режим с повышенным уровнем регулирования импорта российских товаров странами, не являющимися членами ВТО	0 баллов

Критерии по группам факторов	Качественная характеристика критерия	Количественная оценка критерия в баллах
Уровень таможенно-тарифного регулирования импорта продвигаемого товара в целевой стране (импортный тариф)	импортные пошлины отсутствуют	3 балла
	относительно невысокий размер импортной пошлины (средний или ниже среднего по странам присутствия предприятия)	2 балла
	относительно высокий, но приемлемый для предприятия размер импортной пошлины	1 балл
	заградительная импортная пошлина	0 баллов
Уровень нетарифного регулирования импорта продвигаемого товара в целевой стране и практика таможенных процедур (количество и состав нетарифных ограничений)	нетарифное регулирование отсутствует	3 балла
	есть некоторые нетарифные ограничения; для экспорта товара достаточно российских сертификатов, других документов и действий в рамках государственного контроля РФ	2 балла
	существенные нетарифные ограничения, для экспорта товара требуются дополнительные сертификаты, другие документы и действия	1 балл
	неприемлемые нетарифные ограничения (в т.ч. эмбарго)	0 баллов
Уровень государственного регулирования реализации товара на внутреннем рынке: определяется по количеству государственных ограничений и их содержанию	в целевой стране государственное регулирование реализации товара на внутреннем рынке отсутствует	3 балла
	в целевой стране государственное регулирование реализации товара на внутреннем рынке присутствует, но не является дискриминационным по отношению к российским компаниям	2 балла
	в целевой стране государственное регулирование реализации товара на внутреннем рынке присутствует, является дискриминационным по отношению к российским компаниям, но его уровень является для компании допустимым	1 балл
	дискриминационное и неприемлемо жесткое государственное регулирование реализации российского товара на внутреннем рынке целевой страны	0 баллов
Таможенный контроль	отсутствует	3 балла
	прохождение таможенных процедур преимущественно четкое, без волокиты, нет дискриминации в отношении российских товаров	2 балла
	таможенные процедуры в основном осуществляются в соответствии с национальным законодательством, есть проявления «таможенного произвола»	1 балл
	часто практикуется «таможенный произвол» и дискриминация в отношении российских товаров	0 баллов
	Кросс-культурные факторы:	максимально 5 баллов

Критерии по группам факторов	Качественная характеристика критерия	Количественная оценка критерия в баллах
Уровень языкового барьера	отсутствует языковой барьер	2 балла
	языковой барьер есть, но в деловом обороте используется иностранный язык, переводчиков которого российскому экспортеру найти незатруднительно	1 балл
	языковой барьер есть, в деловом обороте используется иностранный язык, переводчиков которого российской компании найти затруднительно	0 баллов
Уровень культурных различий	культурные различия присутствуют, но они не являются существенным препятствием при выходе на целевой страновой рынок	3 балла
	культурные различия присутствуют, и они являются некоторым препятствием при выходе на целевой страновой рынок	2 балла
	культурные различия присутствуют, и их преодоление потребует значительных усилий при выходе на целевой страновой рынок (поиск посредников на национальном рынке, существенную адаптацию товара к культурным особенностям, покупательное поведение «покупай национальные товары» и др.)	1 балл
	культурные различия являются непреодолимыми (например, религиозные запреты на продажу и потребление определённых товаров)	0 баллов
	Экономические факторы:	максимально 22 балла
Уровень спроса на продвигаемый товар на целевом страновом рынке, удовлетворяемый извне (по косвенной оценке)	высокий объём импорта продвигаемого товара с положительными темпами прироста	3 балла
	невысокий объём импорта продвигаемого товара с долгосрочными высокими положительными темпами прироста	2 балла
	невысокий объём импорта продвигаемого товара с невысокими положительными среднесрочными темпами прироста или невыраженной динамической тенденцией	1 балл
	отсутствие импорта или невысокий объём импорта продвигаемого товара с отрицательной долгосрочной динамикой	0 баллов
Известно о фактах успешных продаж российских предприятий на целевом страновом рынке	да	1 балл
	нет	0 баллов

Критерии по группам факторов	Качественная характеристика критерия	Количественная оценка критерия в баллах
Уровень конкуренции на целевом страновом рынке	низкий: товар является новым для данного рынка, конкуренция существует со стороны субститутов	3 балла
	средний: невысокие барьеры входа, присутствуют прямые конкуренты (зарубежные и национальные), рынок не насыщен	2 балла
	высокий: высокие барьеры входа, много конкурентов (зарубежных и национальных); на рынке данного товара присутствуют крупные производители, но есть свободная часть рыночной емкости	1 балл
	трудно преодолимый: очень высокие барьеры входа, рынок перенасыщен, высокая рыночная концентрация, большая рыночная власть конкурентов, распространён агрессивный подход к конкуренции	0 баллов
Уровень цен на продвигаемый товар на целевом страновом рынке относительно цен в прайсе экспортёра	относительно высокие цены, есть разные ценовые сегменты, в т.ч. премиальный и средний	3 балла
	цены в среднем на уровне цен компаний, есть разные ценовые сегменты	2 балла
	цены в среднем ниже, в основном присутствует низкий сегмент	1 балл
	цены неприемлемо низкие	0 баллов
Покупательские предпочтения на целевом страновом рынке	потребители страны охотно покупают такой товар, текущий ассортимент предприятия-экспортёра соответствует покупательским предпочтениям	3 балла
	потребители покупают такой товар, но есть особенности потребительских предпочтений по сравнению с текущим ассортиментом предприятия-экспортёра	2 балла
	потребителям товар малоизвестен; спрос есть, но он нестабильный	1 балл
	товар новый для потребителей, данные по спросу на него отсутствуют	0 баллов
Характеристика взаимных расчетов во внешнеэкономических сделках между РФ и целевой страной	расчёты осуществляются свободно	3 балла
	расчёты осуществляются с некоторыми препятствиями: банки страны ограниченно работают с российскими финансовыми организациями; нужны посредники и «специальные схемы» расчётов	2 балла
	расчёты осуществляются с заметными препятствиями: резко ограничен перечень банков-корреспондентов, финансовые организации страны предпочитают не работать с российскими банками, нужны посредники и «специальные схемы» расчётов, выбор валюты для расчетов затруднен	1 балл
	расчёты между Россией и целевой страной заблокированы	0 баллов
Расходы по адаптации товара к условиям зарубежного рынка	не потребуются;	3 балла
	относительно невысокие (потребуется адаптация упаковки)	2 балла
	относительно высокие (потребуется адаптация не только упаковки, но и самого продукта), но приемлемые для предприятия	1 балл
	неприемлемо высокие	0 баллов

Критерии по группам факторов	Качественная характеристика критерия	Количественная оценка критерия в баллах
Уровень транзакционных издержек (затраты на поиск информации, ведение переговоров, заключение контракта)	низкий	3 балла
	средний	2 балла
	высокий, но приемлемый	1 балл
	неприемлемо высокий	0 баллов
	Факторы логистики:	максимально 13 баллов
Логистическая удалённость страны: определяется по наличию общей границы с РФ и длине торгового пути с учётом выбранного термина Incoterms	страна имеет общую границу с РФ и находится относительно недалеко от склада экспортёра	3 балла
	страна имеет общую границу с РФ, но пункт передачи товара экспортёром находится далеко от его склада	2 балла
	общая граница страны с РФ отсутствует, но страна находится относительно недалеко от склада экспортёра, транспортировка осуществляется через дружественные РФ территории	1 балл
	общая граница страны с РФ отсутствует, пункт передачи товара экспортёром находится далеко от его склада	0 баллов
Возможность доставить товар в страну без смены транспорта	есть	1 балл
	нет	0 баллов
Условия транспортировки товара	товар не требует особых условий транспортировки	3 балла
	при транспортировке товара требуются специальные условия (упаковка, соблюдение температурного режима, влажности, санитарных норм и правил безопасности и др.), но они совпадают с требованиями, принятыми в России	2 балла
	при транспортировке товара требуются специальные условия, которые являются специфическими по сравнению с требованиями в РФ, с приемлемой стоимостью для экспортёра	1 балл
	при транспортировке товара требуются специальные условия, которые являются специфическими по сравнению с требованиями в РФ, стоимость которых для экспортёра не является приемлемой	0 баллов
Каналы товародвижения	прямой канал нулевого уровня (экспортёр → потребитель на целевом рынке)	3 балла
	короткий не прямой канал с одним или двумя посредниками	2 балла
	длинный не прямой канал с тремя и более посредниками	1 балл
	большие сложности или отсутствие возможности встроиться в канал товародвижения целевого рынка (высокие входные барьеры в канал, например, высокие комиссии или требования к объёмам закупок, наличие сильных конкурентов с доминирующими позициями в каналах и др.)	0 баллов

Критерии по группам факторов	Качественная характеристика критерия	Количественная оценка критерия в баллах
Уровень логистических расходов (затраты на транспортировку, размещение, складирование, хранение товара, упаковку и комплектацию, страхование и пр.)	низкий	3 балла
	средний	2 балла
	высокий, но приемлемый	1 балл
	неприемлемо высокий	0 баллов
По всем группам факторов		максимально 58

Результаты

Апробация авторской методики оценки перспективности страновых экспортных рынков была проведена для российской компании – экспортёра гуминовых удобрений (далее Экспортёр). Географические рамки исследования охватывают четыре страны: Эквадор, Индия, Вьетнам, Египет, которые были отобраны для анализа как входящие в топ-20 рейтинга экспортной привлекательности группы РЭЦ (Индия на 2 месте, Вьетнам - на 8-ом, Египет – на 15-ом, Эквадор – на 17-ом) и испытывающие высокую потребность в органоминеральных удобрениях.

В результате проверки указанных стран на наличие неприемлемых барьеров входа было выяснено, что все они таковых не имеют.

Исследование сосредоточилось на выявлении ключевых видов сельскохозяйственной продукции, производимой в каждой из анализируемых стран.

Были сделаны две выборки сельскохозяйственных товаров по рассматриваемым 4 странам:

– топ-20 основных видов произведённой странами сельскохозяйственной продукции в 2024 г. по данным ренкингов «Commodities by country» FAOSTAT;

– сельскохозяйственные культуры, по которым страны входят в топ-20 мировых производителей сельскохозяйственной продукции по данным ренкингов «Countries by commodity» FAOSTAT.

По результатам сравнительного анализа ренкингов «Commodities by country» FAOSTAT наиболее привлекательными для Экспортёра являются Индия и Вьетнам как страны с наибольшими объёмами растениеводства по культурам, входящим в топ-20 видов сельскохозяйственной продукции.

При изучении ренкингов «Countries by commodity» FAOSTAT выборка производилась из 53 видов продукции растениеводства, она включает конкретные зерновые, бобовые, технические, масличные культуры, овощи, фрукты, цветы, ароматные травы, орехи с учётом назначения продукции Экспортёра. Согласно ренкингам «Countries by commodity» FAOSTAT наиболее привлекательными для Экспортёра являются Индия и Египет: эти страны входят в топ-20 мировых производителей по большому количеству видов сельскохозяйственных растений, для которых подходит продукция данного предприятия.

Данные об актуальном состоянии импорта удобрений в анализируемые страны представлены за 2024 г. как самый последний опубликованный на портале Trade map период на момент сбора материала для данного исследования. Стоимостной и физический объёмы импорта, доля страны по стоимости в мировом импорте взяты с портала Trade Map в готовом виде. Средние темпы прироста физического объёма импорта удобрений за 2006 – 2024 гг. рассчитаны самостоятельно (табл. 2).

Таблица 2 – Характеристика импорта удобрений по коду HS 310590

Страна	Стоимостной объём импорта в 2024, тыс долл. США	Физический объём импорта в 2024, тонн	Среднегодовой темпы прироста физического объёма импорта за 2006 - 2024 гг, %	Доля по стоимости в мировом импорте, 2024, %
Индия	64996	65171	+14,1	2,4
Вьетнам	47281	22133	+2,85	1,7
Эквадор	91436	92644	+19,8	3,4
Египет	102231	51732	+7,13	10,21

Источник: сведено и рассчитано автором по данным Trade map.

В результате анализа определено, что самые большие объёмы импорта удобрений в стоимостном выражении наблюдаются у Египта, в натуральном выражении – у Эквадора, самая большая доля по стоимости в мировом импорте удобрений - у Египта, высокая положительная динамика импорта имеет место у Эквадора, Индии и Египта. Из данного перечня стран наименее экспортно привлекательным является Вьетнам.

Таким образом, наиболее экспортно привлекательными странами в соответствии с проведённой интегральной балльной оценкой являются Индия и Египет. Индия обладает большой ёмкостью и высокими темпами роста рынка, междунашими странами развивается стратегическое сотрудничество. В то же время в Индии в настоящее время действуют правила ввоза удобрений, ограничивающие масштабирование товарного потока и время от времени возникают бюрократические препятствия. Египет является высокоперспективным направлением для экспорта продукции Экспортёра: сельское хозяйство — ключевая отрасль экономики страны, её правительство активно поддерживает внедрение современных агротехнологий и масштабные проекты по озеленению территорий, страна находится относительно недалеко от РФ и заинтересована в покупке удобрений из России, наряду с этим Экспортёр уже поставляет свою продукцию в Алжир (табл. 3).

Таблица 3 – Рейтинг привлекательности страновых экспортных рынков органоминеральных удобрений для российских поставщиков в соответствии с интегральной балльной оценкой, баллы

Страна	Балл
Индия	34
Египет	34
Вьетнам	32
Эквадор	31

Источник: рассчитано автором по методике таблицы 1.

Ограничением потенциального экспорта удобрений в Египет является высокая конкуренция на египетском рынке. Рынок Вьетнама перспективен, органические удобрения пользуются большим спросом, однако присутствуют экономические и логистические барьеры, также для него характерен высокий уровень бюрократии при оформлении разрешительных документов на экспорт. Эквадор – мировой лидер по экспорту некоторых сельскохозяйственных культур (бананы, срезанные цветы, какао-бобы и некоторые другие), их производство требует постоянного внесения удобрений, от которых страна импортозависима. Наряду с этим её экспортную привлекательность для российских производителей удобрений снижают значительная географическая удалённость от России, высокая конкуренция со стороны Китая, США, Канады и ЕС. Результаты балльной оценки у разных стран оказались близкими по уровню, что указывает на минимальные различия в экспортной привлекательности рассматриваемых стран. При дальнейшем обсуждении Экспортёр подтвердил, что все указанные страны рассматривает как потенциальные рынки сбыта и будет пытаться выходить на каждый из них. Вопрос заключался в том, с какой страны начать. По результатам проведенного

сравнительного анализа привлекательности стран для потенциального сбыта продукции Экспортёру было рекомендовано начать с экспорта в Египет.

Заключение

Таким образом, интегральная балльная оценка перспективности страновых экспортных рынков органоминеральных удобрений позволила получить следующие результаты:

1) осуществить эффективный отбор потенциальных экспортных рынков с использованием современного цифрового инструмента - сервиса «Навигатор экспортера: поиск рынков сбыта», разработанного группой РЭЦ;

2) выявить лидеров из числа стран - производителей сельскохозяйственных культур путём свода данных ренкингов статистического отдела Всемирной сельскохозяйственной организации FAOSTAT в разрезе отдельных товарных позиций («Commodities by country») и стран-производителей («Countries by commodity»);

3) протестировать потенциальные страновые рынки Индии, Египта, Вьетнама, Эквадора на наличие непреодолимых барьеров входа и установить отсутствие таковых;

4) сформировать алгоритм оценки наиболее привлекательных страновых рынков для российских предприятий на примере органоминеральных удобрений.

В результате проведённой оценки автором были даны конкретные рекомендации Экспортёру по разработке стратегии выхода на новый страновой рынок. Таким рекомендованным направлением экспорта стал Египет как получивший наиболее высокую интегральную оценку. Экспортёр был ознакомлен с результатами исследования и предпринял шаги по реализации предложенных рекомендаций; в октябре 2025 года он принял участие в крупной сельскохозяйственной выставке в Эр-Риаде Saudi Agriculture, где нашел заинтересованных покупателей из Египта, готовых заключить контракт на закупку гуминовых удобрений. По остальным трём страновым рынкам Экспортёр планирует более детально изучить возможности поставок с учётом интересов потенциальных покупателей и особенностей нормативно-правового регулирования национальных рынков и, исходя из этого, принять решение о выходе на указанные рынки в среднесрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабкин А. В., Байков Е. А. (2017). Стратегическое планирование выхода предприятий на зарубежные рынки в условиях новой экономической реальности // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. Т. 10, № 4. С. 19–30. DOI: 10.18721/JE.10402
2. Балакирев В. В., Балакирева С. М. (2022). Современные тенденции организации экспортной деятельности промышленных предприятий // Российский внешнеэкономический вестник. № 1. С. 95–109. DOI: 10.24412.2072-8042-2022-1-95-109
3. Береза Е. Н. (2008). Формирование маркетинговой стратегии выхода предприятия на зарубежный рынок: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Санкт-Петербург: СПбГИЭУ, 18 с. EDN: NJIUB
4. Вавилонская В. С. (2017). О выборе зарубежных рынков сбыта в информационных пособиях для экспортёров // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: сборник трудов XI международной научно-практической конференции, Пинск, 21 апреля 2017 года. Пинск: Полесский государственный университет. С. 184–186.
5. Воронкова О. Н. (2018). Прикладные аспекты анализа и выбора зарубежных рынков экспортно-ориентированными предприятиями // Фундаментальные и прикладные научные исследования: учёт, анализ, аудит, налогообложение, статистика. Ростов-на-Дону. С. 427–439.
6. Глухих П. Л. (2022). Факторы роста и сдерживания российского несырьевого экспорта // Российский внешнеэкономический вестник. № 9. С. 26–42. DOI: 10.24412.2072-8042-2022-9-26-42.
7. Долгов С. И., Кони́на Н. Ю., Савинов Ю. А. (2023). Стратегия выхода экспортёров на рынки стран Азии // Российский внешнеэкономический вестник. № 8. С. 7–21. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-8-7-21
8. Доценко Е. Ю. (2008). Методика выбора зарубежного рынка в процессе стратегического планирования внешнеэкономической деятельности предприятия // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). № 2(26). С. 349–355.
9. Карелина В. А., Смирнов Е. Н. (2021). Новые модели интернационализации в стратегическом развитии транснациональных корпораций // Финансовые рынки и банки. № 12. С. 49–56.
10. Ковальчук Л. Б. (2020). Выход предприятий Забайкальского края на рынки КНР: проблема формирования эффективной маркетинговой стратегии // Известия Байкальского государственного университета. Т. 30, № 3. С. 433–439. DOI: 10.17150/2500-2759.2020.30(3).433-439
11. Королев В. И. (2016). Проблемы организации выхода компании на внешний рынок // Российский Внешнеэкономический Вестник. № 11. С. 70–77.
12. Лихарева Н. Д. (2025). Выбор предпринимателями иностранного рынка сбыта с учётом влияния когнитивных особенностей (на примере малых предприятий Приморского края): дис. ... канд. экон. наук: 5.2.6. Владивосток: ДВФУ, 239 с.
13. Лукашевич М. Л. (2017). Выбор зарубежных рынков российскими инновационными малыми и средними предприятиями // Вестник факультета управления СПбГЭУ. № 1–2. С. 381–385.
14. Михайлов О. В. (2019). Конкурентные стратегии интернационализации, поиска и создания // Управление. № 2(7). С. 39–47.
15. Морозенкова О. В. (2021). Новые возможности для развития российских экспортно-ориентированных предприятий малого и среднего бизнеса // Российский Внешнеэкономический Вестник. № 6. С. 7–22.
16. Новикова П. В. (2007). Формирование стратегии интернационализации российского предприятия: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14. Екатеринбург: ПГУ, 25 с.
17. Российский экспортный центр (2020). Положение об экспертной балльной оценке заявлений российских участников и отборе российских участников для участия в международных выставочно-ярмарочных мероприятиях и международных деловых миссиях АО «Российский экспортный центр» от 30 декабря 2020 г. URL: <https://zarubezhexpo.ru/exporusuz22rec/files/file0007.pdf> (дата обращения:

11.10.2025).

18. Фокин С. С. (2010). Развитие внешнеэкономической деятельности российских предприятий в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14. Краснодар: КубГУ, 23 с.

19. Шунин С. В. (2011). Разработка программы выхода промышленного предприятия на новые рынки: на примере ОАО «ГАЗ»: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Москва: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 26 с.

20. Яковлев А. А. (2007). Организационно-экономический механизм формирования стратегии выхода российских промышленных предприятий на внешний рынок: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Москва: Московский университет МВД России, 27 с.

21. Chetty S., Blankenburg Holm D. (2000). Internationalisation of small to medium-sized manufacturing firms: a network approach // *International Business Review*. Vol. 9, No. 1. P. 77–93. DOI: 10.1016/S0969-5931(99)00029-6

22. Johanson J., Mattsson L. G. (1988). Internationalization in Industrial Systems — A Network Approach // *Strategies in Global Competition*. London: Croom Helm. P. 287–314.

23. Johanson J., Vahlne J. E. (1977). The internationalization process of the firm — a model of knowledge development and increasing foreign market commitments // *Journal of International Business Studies*. P. 23–32. DOI: 10.1057/palgrave.jibs.8490676

24. Johanson J., Vahlne J.-E. (1990). The Mechanism of Internationalisation // *International Marketing Review*. Vol. 7, No. 4. P. 11–24. DOI: 10.1108/02651339010132688

25. Johanson J., Wiedersheim-Paul F. (1975). The Internationalization of the Firm — Four Swedish Cases // *Journal of Management Studies*. Vol. 12, No. 3. P. 305–323. DOI: 10.1111/j.1467-6486.1975.tb00563.x

26. Knight G. A., Liesch P. W. (2016). Internationalization: From incremental to born global // *Journal of World Business*. Vol. 51, Issue 1. P. 93–102. DOI: 10.1016/j.jwb.2015.09.004

27. McDougall P. P., Shane S., Oviatt B. M. (1994). Explaining the formation of international new ventures: The limits of theories from international business research // *Journal of Business Venturing*. Vol. 9, No. 6. P. 469–487. DOI: 10.1016/0883-9026(94)90003-0

28. Division of Market Development (2014). Trade Map User Guide: Trade statistics for international business development. 126 p. URL: <https://www.trademap.org/Docs/TradeMap-Userguide-EN.pdf> (дата обращения: 20.10.2025).

Assessment of the prospects of country export markets of organomineral fertilizers

Kaplina Olga Vadimovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: kaplinaov@mail.ru

KEYWORDS

export, selection of an export market, market export attractiveness, entry barriers, country export attractiveness, express analysis, scoring, organomineral fertilizers

ABSTRACT

Selecting the right new foreign market is critical to the success of a company's export activities, as it determines the effectiveness of its internationalization strategy. This issue is especially relevant due to the pressing needs of Russian companies, which over the past decade have shifted their focus en masse to the Middle East, Far East, Africa, and Latin America and continue to explore new geographic segments. Furthermore, expanding beyond established markets is key to business development and scaling. A combined approach to selecting a country market is currently common. In the first stage, a company intuitively generates an initial list of potential export countries, and in the second stage, using a specific algorithm, formally selects the most export-attractive ones from this list. The formalized stage of selecting a new country market is the most complex, as it requires an algorithmic analysis of many factors and extensive research and analysis of relevant information. Existing methods for such assessment are often based on a scoring method, which has been criticized for its lack of strict objectivity. This article presents the author's approach to a formalized methodology for selecting a new country sales market for a company, which attempts to reduce subjectivity in the assessment. The author suggests a two-stage method, which involves a rapid analysis of the export attractiveness of countries and a scoring system based on four groups of factors. This enables a transition from intuitive decisions to informed strategizing of a company's export activities.

Финансовые инструменты поддержки малого и среднего бизнеса в России и в Китае

Глебова Анна Геннадьевна 

Доктор экономических наук, доцент

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: nauka_rf@mail.ru

Илиев Мартин Беньяминович 

Студент

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: 777.martin.777@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

малое и среднее предпринимательство, льготное кредитование предприятий, государственные гарантийные фонды, доступ к банковскому финансированию, цифровые финансовые платформы, государственные банки развития, стоимость заемного капитала, институциональные механизмы поддержки

АННОТАЦИЯ

В современных исследованиях финансового обеспечения малого и среднего бизнеса сохраняется пробел, связанный с недостаточной сопоставимостью национальных моделей поддержки в условиях трансформации финансовых систем и усиления роли государства. Особый интерес представляет сравнение России и Китая, где используются различающиеся институциональные подходы к обеспечению доступа предприятий к финансовым ресурсам. Цель исследования состоит в выявлении различий в инструментах финансовой поддержки малого и среднего бизнеса и оценке их эффективности. Для достижения цели были решены задачи анализа динамики сектора, структуры источников финансирования и институциональных механизмов поддержки в обеих странах. Методологическая база включает сравнительный и структурный анализ, а также анализ динамических рядов за период 2019-2025 гг. Критерием отбора данных являлась сопоставимость показателей по объему кредитования, доступности финансовых ресурсов и стоимости заемного капитала. Результаты исследования показывают, что в России рост объемов кредитования малого и среднего бизнеса опережает динамику доходов, что свидетельствует об усилении долговой модели финансирования и зависимости от государственных программ субсидирования и гарантий. В Китае обеспечивается более высокий уровень доступности финансирования за счет координации банковской системы, активного участия государства и использования цифровых финансовых платформ. Установлено, что доля предприятий, имеющих доступ к кредитным ресурсам, в Китае более чем в два раза превышает аналогичный показатель в России, что определяет более высокие темпы расширения сектора. Практическая значимость результатов заключается в возможности использования китайского опыта для совершенствования российской системы поддержки, прежде всего в части расширения доступа к финансированию и цифровизации финансовой инфраструктуры. Ограничения исследования связаны с различиями статистических методик и ограниченной доступностью детализированных данных. Перспективы дальнейших исследований включают анализ эффективности отдельных инструментов поддержки на микроуровне.

JEL codes: F63; G21; G28

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-5-141-158>

Для цитирования: Глебова, А.Г. Финансовые инструменты поддержки малого и среднего бизнеса в России и в Китае / А.Г. Глебова, М.Б. Илиев. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 5. – С.141-158. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.05.2026)

Введение

Развитие малого и среднего бизнеса рассматривается как один из ключевых факторов устойчивого экономического роста, повышения занятости и диверсификации структуры экономики. В условиях

усиления международных экономических санкций возрастает волатильность финансовых рынков, что оказывает косвенное влияние на стоимость и доступность заемного капитала. Так, исследования, основанные на динамике индекса Московской биржи, фиксируют сценарную неопределенность и устойчиво высокий уровень волатильности фондового рынка в санкционный период [3]. Это усиливает риски для финансовых институтов и ограничивает доступ малого и среднего бизнеса к финансовым ресурсам.

Вопрос о финансовой поддержке малого и среднего бизнеса сегодня выходит за рамки узкоспециальной темы и напрямую связан с оценкой качества экономической политики государства. Именно через кредитование, гарантии, субсидии и иные финансовые инструменты становится видно, в какой мере государство действительно способно расширять предпринимательскую активность, снижать барьеры входа на рынок и поддерживать устойчивость уже действующих компаний. Для России и Китая этот аспект особенно важен, поскольку в обеих странах в последние годы заметно усилилось участие государства в регулировании условий доступа бизнеса к финансовым ресурсам. При этом сходство общего вектора не означает сходства самих моделей: различаются состав инструментов, логика их применения, круг получателей поддержки и, в конечном счете, достигаемые результаты.

В научной литературе, посвященной финансовому обеспечению малого и среднего бизнеса, можно выделить два основных направления исследований: анализ институциональных ограничений доступа к финансированию и оценка эффективности государственных инструментов поддержки. Российские и зарубежные исследования формируют взаимодополняющее представление о структуре финансовых барьеров и механизмах их преодоления.

В российской научной традиции внимание сосредоточено на структурных особенностях сектора и институциональных ограничениях финансирования. Салькина А.Р. и Маслова О.П. [8] указывают, что микропредприятия характеризуются низкими стартовыми барьерами и ограниченным инвестиционным потенциалом. Шичкин И.А. и Умнов В.А. [13, с. 68] отмечают тенденцию к количественному росту МСБ при одновременной неоднородности их финансовой устойчивости, при этом рост численности не сопровождается пропорциональным расширением инвестиционной базы.

Щелок Ю.Ф., Некрасов Д.Д. [14] рассматривают расширение сектора малого и среднего бизнеса в тесной связи с усилением государственной поддержки, осуществляемой в рамках национальных проектов. По их мнению, меры государственного регулирования выполняют стабилизирующую функцию и позволяют поддерживать предпринимательскую активность в условиях макроэкономической нестабильности.

Кислицына Л.В., Кренделева А.А. [6] подчеркивают, что высокая стоимость заемного капитала ограничивает для малого и среднего бизнеса возможность самостоятельного выхода на банковские источники финансирования. В этих условиях возрастает значение бюджетных каналов поддержки, а среди внешних источников финансирования особую роль, как отмечают авторы, приобретают субсидии и гранты.

Костина О.И., Мартынова А.Ю., Трухова Н.В. [7, с. 266] связывают ограниченную доступность кредитных ресурсов с высоким уровнем процентных ставок и жесткими требованиями к залоговому обеспечению. Тем самым сохраняющиеся финансовые барьеры воспроизводятся даже на фоне увеличения общего объема кредитования сектора.

Денисова О.С. [4, с. 6] акцентирует внимание на институциональных рисках кредитования малого и среднего бизнеса, включая недостаточность кредитной истории заемщиков и повышенные операционные риски банков. В результате ограничения, формируемые самими финансовыми организациями, приводят к неравномерному распределению доступа предприятий к заемному капиталу.

Черненко О.Б., Чернышева Ю.Г., Куринова Я.И. [11] рассматривают развитие малого и среднего предпринимательства через призму экосистемного подхода и показывают, что эффективность

поддержки сектора определяется не только объемом прямой финансовой помощи, но и качеством среды, в которой функционируют предприятия. Авторы подчеркивают, что для регионов принципиальное значение имеют связанность институтов поддержки, наличие общей цифровой и организационной инфраструктуры, а также координация между государством, бизнесом и иными участниками предпринимательской экосистемы. Д.Н. Кириллова и Е.Е. Коба [5] выделяют административные барьеры как один из факторов, препятствующих развитию предпринимательства. По их оценке, регуляторная нагрузка напрямую отражается на издержках бизнеса и ограничивает его инвестиционные возможности. В целом российские исследования показывают, что действующая система финансовой поддержки носит преимущественно компенсаторный характер: она смягчает рыночные ограничения, но не устраняет их в полной мере.

В зарубежной литературе, посвященной китайской модели финансирования малого и среднего бизнеса, центральное место занимает вопрос о роли государства в формировании финансовой инфраструктуры. Wonglimpiyarat J. [18] показывает, что для Китая характерно активное участие государства в распределении финансовых ресурсов и координации банковского сектора. Именно эта особенность в значительной степени отличает китайскую модель от систем, основанных преимущественно на рыночных механизмах.

Cong L. W., Lee C. M., Qu Y., Shen T. [15], в свою очередь, рассматривают финансирование предпринимательства в Китае как элемент институционально встроенной системы, в рамках которой государственные банки и различные фонды выступают не вспомогательными, а ключевыми каналами обеспечения доступа бизнеса к капиталу. Тем самым в центре внимания оказывается не отдельный финансовый инструмент, а вся архитектура поддержки, выстроенная при непосредственном участии государства.

Заметное место в современных исследованиях занимает и проблема финансовых ограничений, с которыми сталкиваются малые и средние предприятия, а также механизмов их преодоления. Эмпирические работы показывают, что распространение цифровых финансовых технологий способствует снижению барьеров доступа к финансированию, прежде всего за счет уменьшения информационной асимметрии и сокращения транзакционных издержек. В частности, установлено, что цифровые финансовые инструменты не только расширяют доступ малых и средних предприятий к кредитным ресурсам, но и создают дополнительные стимулы для их инновационной активности [19]. Наряду с этим показано, что цифровизация финансовой системы способствует повышению уровня финансовой инклюзии и во многих случаях оказывается более действенным способом смягчения ограничений, чем традиционные механизмы кредитования [20].

Отдельная группа исследований посвящена влиянию государственной поддержки на доступ к финансированию. Их результаты свидетельствуют о том, что государственные субсидии и программы поддержки способны ослаблять финансовые ограничения, однако степень их результативности зависит от структуры экономики и качества институциональной среды. При этом косвенные меры поддержки, ориентированные на развитие финансовой инфраструктуры, в ряде случаев оказываются более эффективными, чем прямое субсидирование предприятий [17].

Таким образом, зарубежная литература демонстрирует, что китайская модель финансирования малого и среднего бизнеса основана на сочетании государственного регулирования, банковского кредитования и цифровых финансовых технологий. В отличие от российской модели, ориентированной на компенсацию рыночных ограничений, китайская система формирует условия функционирования финансового рынка и обеспечивает более высокий уровень доступности финансовых ресурсов.

Несмотря на значительный массив исследований, сохраняется недостаток комплексных сравнительных работ, в которых российская и китайская модели анализируются в единых методологических границах с учетом динамики ключевых показателей и институциональных изменений. Настоящее исследование направлено на восполнение данного пробела путем сопоставления структуры финансовых инструментов, доступности финансирования и эффективности

государственной поддержки в двух странах.

Методы исследования

Эмпирическая база исследования сформирована на основе официальных статистических данных Федеральной налоговой службы Российской Федерации, материалов докладов о состоянии малого и среднего предпринимательства, данных национального проекта поддержки предпринимательства, а также международной статистики по финансированию малого и среднего бизнеса в Китае (включая базы Организации экономического сотрудничества и развития и национальной статистики КНР). В выборку включены сопоставимые показатели за период 2019-2025 гг. для России и 2019-2024 гг. для Китая. Критерием отбора данных являлась сопоставимость по следующим параметрам: объем кредитования сектора, доля предприятий, имеющих доступ к заемному финансированию, стоимость кредитных ресурсов и показатели деловой активности.

На первом этапе применен метод анализа динамических рядов для оценки изменений ключевых показателей сектора малого и среднего бизнеса. Для сопоставления финансовой нагрузки и интенсивности использования заемных средств применен расчет относительных показателей, включая коэффициент опережения роста кредитования по отношению к доходам.

Сравнительный анализ моделей поддержки в России и Китае осуществлялся на основе набора унифицированных индикаторов: доля предприятий, имеющих доступ к кредитованию, средняя процентная ставка, объем кредитных ресурсов и структура инструментов поддержки. Для обеспечения сопоставимости использована нормализация показателей по темпам прироста и относительным долям.

Качественный анализ институциональной среды выполнен методом структурно-функционального анализа, позволяющего выделить элементы системы финансовой поддержки (банковское кредитование, гарантийные механизмы, субсидирование процентных ставок, цифровые платформы) и определить их роль в обеспечении доступа к финансированию. Систематизация инструментов проводилась путем их группировки по функциональному признаку: снижение стоимости капитала, снижение кредитного риска и расширение доступа к финансовым услугам.

Обработка и визуализация данных осуществлялись с использованием табличных расчетов, что обеспечило сопоставимость показателей и возможность их интерпретации в рамках единой методологической схемы.

Полученные результаты

Поддержка малого и среднего бизнеса в России

Финансовое обеспечение субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации формируется в рамках совокупности рыночных и государственных механизмов, структура и интенсивность которых изменялись в 2019-2025 гг. под воздействием макроэкономических факторов, санкционных ограничений и трансформации государственной политики поддержки предпринимательства. Анализ проводится на основе официальных данных Минэкономразвития Российской Федерации, Федеральной налоговой службы, материалов национального проекта «Малое и среднее предпринимательство», а также научных публикаций по проблематике финансирования МСБ.

По данным Единого реестра субъектов МСП в 2019 г. в стране функционировало 5,92 млн субъектов МСБ, а в декабре 2025 г. их число достигло 6,76 млн (рисунок 1). Рост по сравнению с 2019 г. составил 11,4 процента.

Рисунок 1 показывает спад количества субъектов МСБ в 2020 году и восстановление, начиная с 2021 года. Такая траектория разделяет период на два отрезка: 2020 как разрыв и 2021-2025 как фаза расширения базы субъектов.

Структура сектора МСБ сохраняет выраженную доминанту микропредприятий за рассматриваемый период (таблица 1).



Рисунок 1 – Динамика количества субъектов МСБ в Российской Федерации в 2019-2025 гг.

Источник: составлено авторами по данным сайта ФНС¹

Таблица 1 – Структура сектора МСБ по категориям в 2019-2025 гг.

Год	Микропредприятия	Малые предприятия	Средние предприятия	Доля микропредприятий
2019	5,682,690	224,898	17,093	99.7%
2020	5,467,434	217,021	17,695	92.2%
2021	5,608,075	213,024	17,910	96.0%
2022	5,738,336	212,716	17,994	96.3%
2023	6,076,783	214,772	18,724	96.3%
2024	6,318,086	227,352	20,972	96.5%
2025	6,507,925	233,874	22,195	96.2%

Источник: составлено авторами по данным сайта ФНС²

По долям в общей численности доминируют микропредприятия, затем малые, затем средние. Доля микропредприятий в 2025 году превышает 96 процентов общего числа субъектов. Для этой группы характерны малые средние чеки кредитов, ограниченность залоговой базы и повышенная чувствительность к стоимости заемных средств. Доля средних стабильно минимальна, но прирост средних к 2019 году выше, чем у микро и малых. Рост именно в категории средних предприятий указывает на переход части бизнеса из категории малых в более крупный масштаб деятельности. Группа средних предприятий предъявляет спрос на более длинные сроки фондирования и на инвестиционные кредиты, где ключевыми ограничителями выступают требования к обеспечению и стоимость кредита.

Параллельно с численностью субъектов меняется масштаб вовлечения трудовых ресурсов. Численность занятых в секторе МСБ в 2024 году составила 29,32 млн человек. Прирост к уровню 2019 года составил 36,3 процента. Рост занятости быстрее роста числа субъектов означает увеличение среднего размера занятости на одного субъекта, что усиливает значимость стабильного доступа к оборотному капиталу и к кредитным линиям на пополнение средств.

¹ Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // ФНС. Официальный сайт. – URL: <https://ofd.nalog.ru/index.html/>. (дата обращения: 19.03.2026)

² Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // ФНС. Официальный сайт. – URL: <https://ofd.nalog.ru/index.html/>. (дата обращения: 19.03.2026)

Динамика занятости в секторе МСБ опережает динамику роста числа субъектов. В 2024 г. численность занятых в МСП достигла 29,32 млн человек. В 2019 г. показатель составлял 21,5 млн человек (рисунок 2). Прирост составил 36,3 процента, расчет произведен по данным Федеральной налоговой службы. Рост занятости опережает прирост числа предприятий, что указывает на увеличение средней численности работников в расчете на одно предприятие. В ряде субъектов Российской Федерации доля занятых в секторе МСБ превышает половину экономически активного населения.

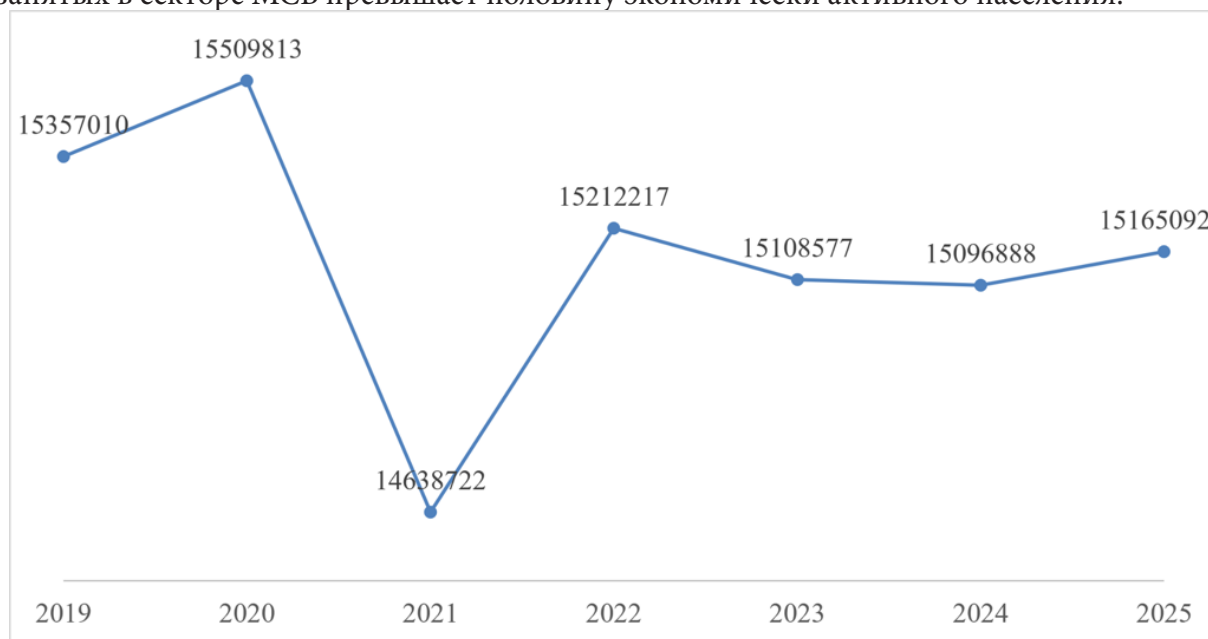


Рисунок 2 – Численность занятых в секторе МСБ в 2019-2025 гг.

Источник: составлено авторами по данным сайта ФНС³

Финансовая динамика сектора отражается через совокупный доход МСБ. Совокупный доход в 2019 году составил 80,4 трлн руб. Совокупный доход в 2024 году составил 156,8 трлн руб. (рисунок 3).

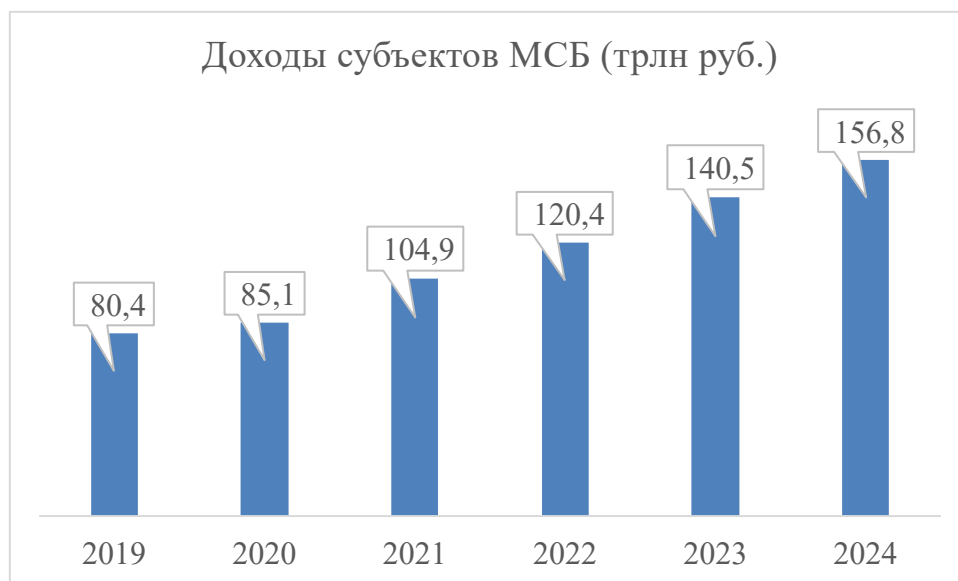


Рисунок 3 – Совокупный доход в секторе МСБ в 2019-2025 гг., трлн руб.

Источник: составлено авторами по данным Доклада о состоянии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации и мерах по его развитию за 2019 – 1-е полугодие 2025 гг. и планах на период 2025-2030 гг.

Рост дохода за период составил 95,1 процента, то есть увеличивается почти вдвое. При

³ Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // ФНС. Официальный сайт. – URL: <https://ofd.nalog.ru/index.html/>. (дата обращения: 19.03.2026)

одновременном умеренном росте численности МСБ это означает увеличение среднего дохода на субъект. Сектор становится денежно более емким, но потребность в финансировании растет вместе с оборотом, особенно при росте цен закупки, логистики и фонда оплаты труда.

Доля МСБ в ВВП по данным официального доклада за 2023 год составила 21,7 процента. Показатель фиксирует роль сектора в выпуске, но не раскрывает механизм финансирования этой доли. Для раскрытия механизма используются показатели налоговых поступлений и кредитования, которые отражают взаимодействие МСБ с государством и финансовой системой.

Налоговые платежи МСБ в 2024 году составили 10,8 трлн руб. Прирост к уровню 2019 года составил 106,2 процента (рисунок 4).



Рисунок 4 – Уплачено налогов и страховых взносов за 2019-2024 гг., млрд руб.

Источник: составлено авторами по данным Доклада о состоянии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации и мерах по его развитию за 2019 – 1-е полугодие 2025 гг. и планах на период 2025-2030 гг.

Динамика налоговых поступлений соотносится с ростом доходов и занятости, однако фискальная нагрузка в условиях высокой стоимости заёмных средств влияет на платежеспособность при привлечении кредитов на оборотные цели, поскольку платежи по налогам имеют приоритетный характер по срокам. Данный вывод опирается на связку показателей доходов, налогов и кредитования в официальном докладе и на описанные в научных источниках ограничения кредитоспособности из-за требований банков к финансовым потокам и обеспечению.

Налоговые платежи растут более чем вдвое относительно 2019 года. Указанные обстоятельства усиливают нагрузку на ликвидность и повышают значимость инструментов сглаживания кассовых разрывов, прежде всего краткосрочного кредитования и микрофинансирования в системе институтов поддержки.

На рисунке 5 отражена динамика объема кредитования сектора МСБ за 2019-2024 гг. Объем кредитов субъектам МСБ увеличился на 118,3% по сравнению с 2019 г. Рост носил поступательный характер. В 2019 г. совокупный объем кредитов находился на минимальном уровне за рассматриваемый период, далее фиксируется ежегодное увеличение, особенно выраженное в 2022-2024 гг. Ускорение прироста в последние два года совпадает с активным расширением программ льготного кредитования и механизмов государственной гарантии.

Совокупный доход МСБ вырос на 95,1% относительно 2019 г. Динамика доходов менее волатильна по сравнению с кредитованием. Рост доходов в 2021-2022 гг. сопровождался восстановлением деловой активности после пандемийного периода. В 2023-2024 гг. увеличение оборотов происходило параллельно с расширением заемного финансирования, что указывает на усиление зависимости части предприятий от внешних источников капитала.



Рисунок 5 – Объем кредитования субъектов МСП

Источник: составлено авторами по данным Доклада о состоянии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации и мерах по его развитию за 2019 – 1-е полугодие 2025 гг. и планах на период 2025-2030 гг.

Темп прироста кредитов превышает темп роста доходов, что означает увеличение кредитного плеча в секторе. Соотношение прироста кредитования (+118,3%) и прироста доходов (+95,1%) указывает на ускоренное вовлечение заемных ресурсов в хозяйственный оборот. Финансовая модель части предприятий смещается в сторону большей зависимости от банковского финансирования.

В структуре кредитного портфеля заметную роль занимают программы с государственной поддержкой. Так, Программа льготного кредитования №1764, совмещенная с Программой стимулирования кредитования (ПСК) Банка России и Корпорации МСП, позволяет предпринимателям получить инвестиционные кредиты по сниженным ставкам: до 3% годовых для среднего бизнеса и до 4,5% для малого и микробизнеса. Данные указывают на значительную долю льготных инструментов в общем объеме выдач. Рост кредитования в 2023-2024 гг. коррелирует с расширением Программы 1764 и использованием зонтичного механизма гарантий. Полученная динамика показывает, что расширение кредитования было обусловлено не только рыночным спросом, но и действием институциональных механизмов стимулирования.

Вместе с тем рост кредитной нагрузки усиливает чувствительность предприятий к изменению процентных ставок и условиям рефинансирования. В ситуации высокой стоимости заемного капитала увеличение кредитного портфеля способно повышать риски ликвидности, прежде всего для микропредприятий с ограниченным уровнем рентабельности.

Институциональная среда финансирования МСБ в 2019-2025 годах описывается через инфраструктуру поддержки и через продукты, доступные на платформе поддержки. В докладе перечислены основные инструменты, включая льготное кредитование по Программе 1764, региональные гарантийные организации, зонтичный механизм, микрозаймы, субсидии и гранты, а также альтернативные источники, включая биржевые инструменты. Нормативная рамка и состав федеральных проектов национального проекта зафиксированы в паспорте национального проекта МСП.

Сеть центров «Мой бизнес» охватывает 84 региона. Платформа МСП.РФ предоставляет

предпринимателям цифровой доступ к мерам поддержки. Развитие цифровых инструментов снижает транзакционные издержки и ускоряет обработку заявок.

Одновременно функционирует блок микрофинансовых и специализированных программ (таблица 2).

Таблица 2 – Условия отдельных инструментов финансирования МСБ и ставки по программам поддержки

Инструмент	Максимальная сумма	Срок	Ставка
Микрозаймы для субъектов МСБ	до 40 млн руб	до 60 месяцев	средняя 8,5% в 2025
Микрозаймы для самозанятых	до 500 тыс. руб	до 60 месяцев	средняя 8,5% в 2025
Кредиты для высокотехнологичных МСП	до 1 млрд руб	до 3 лет	ключевая ставка минус 7%
Инвестиционное кредитование по совмещенным Программе 1764 и Программе стимулирования	определяется банком	определяется программой	3% и 4,5%

Источник: составлено авторами по данным Паспорта национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»

По материалам платформы поддержки средняя ставка по микрозаймам в 2025 году составила 8,5 процента. Максимальная сумма микрозайма для субъектов МСП указана до 40 млн руб. Максимальная сумма для самозанятых указана до 500 тыс. руб. Максимальный срок микрозайма указан до 60 месяцев. Такие параметры соответствуют задаче закрытия кассовых разрывов и финансирования оборотных нужд, где традиционные банковские продукты часто требуют залог и длительную процедуру скоринга.

Фактор институциональной инфраструктуры находит отражение в числе получателей поддержки: в 2024 году оно составило 545 746. Этот показатель характеризует масштаб охвата, однако не позволяет оценить глубину поддержки в расчете на одного получателя. Одновременный рост объемов кредитования и значительная доля кредитов с государственной поддержкой свидетельствуют о зависимости расширения долгового финансирования от институтов поддержки.

Фактор структурных различий между категориями субъектов влияет и на выбор инструментов финансирования. Средние предприятия в 2024 году составили 20,96 тыс. единиц, что значительно меньше числа микроорганизаций, однако именно для них характерен более высокий спрос на инвестиционное финансирование и более длительные сроки привлечения средств. Для данной группы наибольшее значение имеют программы инвестиционного кредитования с фиксированными льготными ставками и банковским сопровождением. Микроорганизации и самозанятые, напротив, чаще прибегают к микрозаймам с меньшими суммами и формализованными сроками до 60 месяцев. Различия в используемых инструментах обуславливают и неодинаковое влияние процентной ставки на финансовую устойчивость отдельных групп, поскольку одинаковая долговая нагрузка по-разному отражается на компаниях с различным оборотом и уровнем маржинальности.

Доступ к банковскому финансированию в России определяется не только ставкой, но совокупностью институциональных параметров. Рыночный сегмент характеризуется полной зависимостью от стоимости фондирования и оценки риска. Льготное кредитование снижает ставку, но сохраняет фильтр платежеспособности.

Рост кредитного портфеля МСБ не устраняет структурных барьеров для микробизнеса. Система финансирования остается дифференцированной по размеру предприятия, отрасли и наличию обеспечения.

Таким образом, динамика количественных и финансовых показателей МСП в 2019-2025 гг. демонстрирует устойчивый рост сектора по большинству параметров. Темпы увеличения доходов и кредитования опережают прирост числа предприятий. Финансовая поддержка со стороны государства играет значительную роль в обеспечении доступности заемного капитала. Институциональная среда характеризуется многоуровневой системой инструментов, включающей субсидирование, гарантирование и цифровые сервисы. Сохраняются ограничения, связанные с высокой стоимостью кредита, отраслевой концентрацией и региональной неравномерностью финансирования. Структура сектора требует дальнейшего анализа с точки зрения качества роста и инвестиционной устойчивости.

Поддержка малого и среднего бизнеса в Китае

Государственная политика КНР в отношении МСБ формируется в логике долгосрочного стратегического планирования и институциональной координации финансовых потоков. Малые и средние предприятия рассматриваются как инструмент обеспечения занятости, поддержания экспортной активности и технологической модернизации экономики. Т.В. Ващенко [2, с. 3] указывает, что поддержка МСБ в Китае носит комплексный характер и включает финансовые, налоговые, инфраструктурные и административные меры. В китайской модели государство не ограничивается компенсацией рыночных сбоев, а формирует параметры функционирования финансовой системы. В.В. Чуванкова [12, с. 61] подчеркивает, что политика КНР направлена на активную координацию банковского сектора через государственные банки и специализированные фонды.

Государство использует административные инструменты для установления целевых ориентиров кредитования МСБ. В отличие от рыночно-ориентированных моделей, китайская система предполагает формирование приоритетов развития через централизованные программы. А.А. Андреев [1, с. 2] рассматривает китайский подход как пример институционально встроенного финансирования, при котором государство создает условия для прямого и косвенного участия в распределении капитала.

Льготное финансирование занимает центральное место в системе поддержки. Кредитные программы предоставляются по сниженным ставкам и, как правило, дополняются государственными гарантиями. В период постпандемийного восстановления правительство КНР расширило доступ малого и среднего бизнеса к кредитным ресурсам за счет пролонгации обязательств и субсидирования процентных ставок. Объем финансовых ресурсов, направляемых в сектор, увеличивался в русле антициклической политики.

Т.В. Ващенко [2, с. 10] отмечает рост интегрального индекса SMEDI, отражающего восстановление деловой активности малого и среднего бизнеса после пандемии. Индекс SMEI, характеризующий уровень деловой уверенности, также демонстрирует постепенную стабилизацию, хотя пока не достиг докризисных значений.

Малый и средний бизнес в Китае обеспечивает значительную долю занятости и участвует в создании валового внутреннего продукта. Малые предприятия играют заметную роль в формировании рабочих мест и поддержании устойчивости регионального развития. Поддержка данного сектора встроена в стратегию промышленной модернизации. В.В. Чуванкова [12, с. 64] указывает на применение градиентной модели поддержки инновационных предприятий, в рамках которой выделяются категории «специализированных» компаний и «маленьких гигантов».

Государственная политика в Китае сочетает финансовые стимулы с целевыми структурными ориентирами развития. Поэтому оценка ее результативности должна опираться не только на показатели кредитования, но и на социально-экономические индикаторы, включая занятость и инновационную активность.

Несмотря на значительный масштаб поддержки, для части малого и среднего бизнеса сохраняются ограничения в доступе к банковскому кредитованию. Индекс SMEI фиксирует сохраняющийся уровень неопределенности, а региональные различия в результативности мер поддержки остаются существенными.

Централизованный характер системы усиливает зависимость сектора от параметров государственной политики. Рост кредитования в условиях высокой координации со стороны государства одновременно снижает степень рыночной автономии банковской системы.

Ключевые показатели кредитования малого и среднего бизнеса в Китае за период 2019-2024 гг. представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Показатели финансирования китайского МСБ

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Непогашенные кредиты для МСБ, млрд юаней	36900	42700	50000	59700	70900	81400
Непогашенные кредиты для МСБ,% предприятий	42.85	43.88	46.52	49.12	51.00	53.66
Средняя процентная ставка по кредитам для МСБ,%	4.86	4.84	4.52	4.45	4.46	4.18
Предприятия, подавшие заявку на кредит,%	54.79	57.94	56.67	58.38	58.59	57.13
Отказы в предоставлении кредита,%	4.05	3.79	3.59	3.61	4.48	4.71
Предприятия, использующие кредитные ресурсы,%	84.32	84.55	87.66	87.69	84.34	85.95

Источник: составлено авторами по данным OECD по финансированию МСП и предпринимателей в Китае

Анализ данных таблицы 3 позволяет выделить несколько устойчивых тенденций в развитии финансирования китайского малого и среднего бизнеса в 2019-2024 гг. Прежде всего следует отметить существенный рост объема непогашенных кредитов: за рассматриваемый период он увеличился с 36,9 трлн юаней до 81,4 трлн юаней. Это означает, что объем кредитной поддержки сектора вырос более чем в два раза, что свидетельствует о расширении использования заемного финансирования в системе поддержки МСБ.

Одновременно возрастал и охват предприятий кредитными ресурсами. Если в 2019 г. непогашенные кредиты имели 42,85% предприятий, то к 2024 г. этот показатель достиг 53,66%. Такая динамика показывает, что заемное финансирование стало доступно более широкому кругу хозяйствующих субъектов, а кредитный канал укрепил свои позиции в структуре поддержки сектора.

Важной тенденцией стало и общее снижение стоимости кредитных ресурсов. Средняя процентная ставка по кредитам для МСБ сократилась с 4,86% в 2019 г. до 4,18% в 2024 г. При этом динамика не была полностью линейной: после последовательного снижения в 2019-2022 гг. в 2023 г. наблюдалось небольшое повышение ставки до 4,46%, однако уже в 2024 г. она вновь снизилась. В целом это указывает на формирование сравнительно более благоприятных условий кредитования.

Показатели кредитного спроса и одобрения заявок также демонстрируют достаточно устойчивую картину. Доля предприятий, подавших заявки на кредит, на протяжении всего периода колебалась в узком диапазоне от 54,79% до 58,59%, достигнув максимального значения в 2023 г. Это позволяет говорить о стабильном спросе на заемные средства со стороны бизнеса. В то же время доля отказов в предоставлении кредита после снижения в 2020-2021 гг. начала расти и в 2024 г. достигла 4,71%, превысив уровень 2019 г. Такая динамика может свидетельствовать о некотором ужесточении условий отбора заемщиков.

При этом доля предприятий, использующих кредитные ресурсы, в течение всего периода оставалась высокой – от 84,32% до 87,69%. Даже несмотря на отдельные колебания, данный показатель подтверждает, что кредитные инструменты сохраняют центральное значение в финансировании

китайского малого и среднего бизнеса, а сама система кредитной поддержки в целом характеризуется высокой степенью вовлеченности предприятий.

Отдельного внимания заслуживает динамика показателей финансовой устойчивости малого и среднего бизнеса. Показатель банкротств демонстрирует выраженную волатильность. Резкий рост в 2020 году на 31,39% соответствует периоду пандемии COVID-19. Существенное снижение в 2021 году на 19,46% можно рассматривать как отражение эффективности антикризисных мер государственной поддержки. Умеренный рост в 2022-2024 гг., в свою очередь, свидетельствует о постепенном восстановлении экономической среды и переходе сектора к более устойчивой траектории развития.

Наблюдаемый рост объемов кредитования при одновременном снижении процентных ставок позволяет говорить о достаточно результативной реализации государственной политики поддержки малого и среднего бизнеса. Вместе с тем приведенная формулировка цели требует уточнения, поскольку в данном виде она не вполне соотносится с рассматриваемой китайской моделью и, по-видимому, содержит смысловое смешение.

Несмотря на волатильность показателей банкротств, общая динамика свидетельствует о постепенном укреплении финансовой устойчивости малого и среднего бизнеса. В то же время увеличение доли отказов в предоставлении кредита в 2023-2024 гг. указывает на необходимость дальнейшей настройки кредитных механизмов и усиления мер государственной поддержки для обеспечения устойчивого роста малого бизнеса.

На специализированные малые и средние предприятия приходилось 59% компаний, вышедших на биржу, что свидетельствует о наличии потенциала для развития альтернативных каналов финансирования, включая фондовый рынок и венчурные инвестиции.

Таким образом, китайская модель поддержки малого и среднего бизнеса характеризуется институциональной интеграцией финансовых инструментов в систему стратегического планирования. Государство задает ориентиры кредитования, распределяет риски и использует цифровые платформы для повышения прозрачности операций. Результативность такой политики подтверждается динамикой индекса SMEDI и восстановлением занятости после кризисного периода.

Данная система демонстрирует высокую способность к масштабированию и быстрому перераспределению ресурсов. Вместе с тем в ней сохраняются региональные диспропорции и зависимость сектора от параметров государственного регулирования.

Обсуждение

Сопоставление российских и китайских подходов к поддержке малого и среднего бизнеса показывает, что различия между ними затрагивают не только набор применяемых инструментов, но и саму логику государственной политики. В России система поддержки в последние годы последовательно расширялась, однако в ее основе по-прежнему сохраняется рыночный механизм распределения финансовых ресурсов. Наиболее заметно это проявляется в росте льготного кредитования, развитии гарантийных инструментов и цифровых сервисов, упрощающих для бизнеса доступ к мерам поддержки. При этом ключевая проблема остается прежней: сектор в значительной степени зависит от банковского финансирования, тогда как альтернативные каналы привлечения капитала развиты ограниченно.

Китайская модель устроена иначе. Здесь цифровые технологии не просто дополняют существующую систему поддержки, а становятся частью самой финансовой инфраструктуры. Расширение цифровых платформ позволяет снижать издержки взаимодействия между бизнесом и финансовыми институтами, делать операции более прозрачными и вовлекать в систему кредитования более широкий круг предприятий. Важную роль играет и то, что государство использует большие данные и инструменты искусственного интеллекта при оценке заемщиков. Благодаря этому доступ к финансированию получают в том числе компании, которые в традиционной банковской модели могли бы быть отнесены к группе повышенного риска из-за слабой кредитной истории.

Сравнение результатов показывает, что китайская система в большей степени способствует

количественному росту сектора и расширению его экономической роли. Как свидетельствуют исследования, наиболее выраженный эффект достигается в тех случаях, когда меры поддержки применяются не изолированно, а в сочетании друг с другом. Речь идет прежде всего о смешанном подходе инновационной политике (policy mix), при котором государственные субсидии дополняются налоговыми льготами. Именно такая комбинация, по имеющимся оценкам, дает более заметный результат, чем использование каждого инструмента по отдельности [9-10, 16, 21-22]. Особенно отчетливо это проявляется в отношении предприятий, ориентированных на инновационное развитие и обладающих высоким потенциалом роста.

В российской практике преодоление финансовых барьеров по-прежнему в значительной степени связано со снижением стоимости заемных ресурсов через Программу субсидирования процентных ставок № 1764 и через развитие гарантийной инфраструктуры. Существенная доля кредитов с государственной поддержкой в общем портфеле МСП показывает, что доступ сектора к финансированию во многом зависит именно от действующих каналов поддержки. При этом средняя ставка по микрозаймам в 2025 году составила 8,5%, что заметно ниже рыночных ставок по корпоративному кредитованию, но все же выше, чем по сопоставимым инструментам в Китае. Одновременно сохраняются и более глубокие структурные ограничения, связанные с отраслевым профилем сектора и преобладанием торговой деятельности. Недостаточная диверсификация ослабляет устойчивость малого и среднего бизнеса к внешним шокам и сужает возможности его технологического обновления.

Для наглядного сопоставления институциональных и финансовых параметров поддержки малого и среднего бизнеса в России и Китае в таблице 4 представлены ключевые характеристики обеих моделей по состоянию на 2024 г. Сравнение охватывает доминирующие институты кредитования, роль государства в организации финансовой поддержки, объемы кредитования сектора, параметры стоимости заемных ресурсов, а также вклад малого и среднего бизнеса в занятость и валовой внутренний продукт. Такое сопоставление позволяет выявить не только количественные различия между двумя странами, но и принципиальные особенности их институциональной архитектуры, определяющие доступность финансовых ресурсов для предприятий сектора.

Для оценки результативности государственной поддержки малого и среднего бизнеса в России и Китае в таблице 5 представлены сравнительные показатели эффективности за 2019-2024 гг. В нее включены индикаторы, позволяющие проследить изменения как в масштабах самого сектора, так и в параметрах его финансового обеспечения, включая динамику числа субъектов, занятости, совокупных доходов, объемов кредитования и доступности заемных ресурсов. Такое сопоставление дает возможность выявить, в каких направлениях действующие меры поддержки оказались наиболее результативными и как различия в институциональной организации отражаются на фактических результатах развития сектора в двух странах.

Таблица 4 – Сравнительные характеристики моделей финансовой поддержки МСБ в России и Китае в 2024 г.

Параметр	Россия	Китай
Доминирующий институт кредитования	Коммерческие банки с государственной поддержкой	Государственные банки с централизованными программами
Роль государства	Косвенное регулирование через субсидии и гарантии	Прямое формирование кредитных приоритетов и распределение рисков
Объем кредитов МСБ	17,1 трлн руб.	81,4 трлн юаней
Средняя ставка по кредитам МСБ	3-8,5% (льготные)	4,18% (средневзвешенная)

Доля МСБ в занятости	43%	80%
Доля МСБ в ВВП	21,7%	60%
Ключевой инструмент поддержки	Программа субсидирования ставки №1764	Национальный фонд гарантирования (коэффициент покрытия до 40%)

Источник: составлено авторами.

Таблица 5 – Сравнительная эффективность мер государственной поддержки МСБ в 2019-2024 гг.

Индикатор эффективности	Россия	Китай
Прирост числа субъектов МСП	+11,4%	+27,5%
Прирост занятости в секторе МСП	+36,3%	+18,2%
Прирост совокупных доходов МСП	+95,1%	+98,5%
Прирост объема кредитования МСП	+118,3%	+121,0%
Доля предприятий с доступом к кредитованию	25%	53,66%

Источник: составлено авторами.

Анализ данных таблицы 5 позволяет сделать увидеть различие в динамике численности субъектов малого и среднего предпринимательства. В Китае прирост составил 27,5%, тогда как в России – 11,4%. Это означает, что китайская модель поддержки в рассматриваемый период в большей степени способствовала расширению самой предпринимательской базы. Иначе говоря, система финансовых и институциональных стимулов в Китае обеспечивала более благоприятные условия для входа новых компаний в сектор и для сохранения уже действующих субъектов. Российская динамика также является положительной, однако темпы расширения сектора заметно ниже, что может свидетельствовать о более ограниченной доступности финансовых и организационных условий для запуска и масштабирования бизнеса.

В то же время по показателю занятости ситуация выглядит иначе. В России прирост занятости в секторе МСП составил 36,3%, а в Китае – 18,2%. Это показывает, что российский сектор, несмотря на более умеренное увеличение числа предприятий, обеспечивал более интенсивное расширение занятости. Такой результат может означать, что рост происходил не столько за счет массового появления новых компаний, сколько за счет укрупнения действующих субъектов, увеличения числа работников на одно предприятие и расширения масштаба уже существующего бизнеса. Для Китая, напротив, более высокий прирост числа предприятий при меньшем приросте занятости может указывать на более широкое вовлечение в предпринимательскую деятельность при относительно меньшем среднем приросте рабочих мест на один субъект.

Сравнение динамики совокупных доходов показывает, что в обеих странах сектор малого и среднего бизнеса продемонстрировал почти одинаковые темпы роста: 95,1% в России и 98,5% в Китае. По существу это означает почти двукратное увеличение совокупных доходов сектора в обеих экономиках. Такой результат позволяет говорить о высокой экономической активности малого и среднего бизнеса как в России, так и в Китае. Однако при внешней близости показателей важно учитывать, что сходный рост доходов был достигнут в разных институциональных условиях. В российском случае он сопровождался более ограниченным охватом предприятий финансированием, тогда как в Китае – более широким доступом бизнеса к кредитным ресурсам.

Близкими оказываются и темпы прироста объема кредитования: 118,3% в России и 121,0% в Китае. В обеих странах кредитный портфель сектора более чем удвоился, что указывает на значительное усиление роли заемных средств в финансировании малого и среднего бизнеса. Однако именно здесь особенно отчетливо проявляется ограниченность простого сравнения абсолютных темпов. Формально кредитование росло почти одинаково, но доступ к нему распределялся по-разному. Если

в Китае кредитные ресурсы охватывали существенно более широкий круг предприятий, то в России рост кредитного портфеля, по-видимому, в большей степени концентрировался на ограниченной части сектора.

Наиболее показательный параметр таблицы – доля предприятий с доступом к кредитованию. В России этот показатель составляет 25%, в Китае – 53,66%. Разрыв более чем в два раза является ключевым результатом всего сопоставления. Он показывает, что в Китае заемное финансирование встроено в хозяйственную деятельность значительно более широкой части сектора, тогда как в России доступ к кредитным ресурсам остается ограниченным для большинства субъектов малого и среднего бизнеса. Именно это различие во многом объясняет, почему при близких темпах роста совокупного кредитования китайская модель демонстрирует более высокие темпы расширения числа предприятий.

Если рассматривать показатели в совокупности, можно сделать вывод, что китайская модель поддержки в большей степени ориентирована на расширение охвата сектора финансовыми ресурсами и на рост числа субъектов предпринимательства. Российская модель, напротив, при более низком уровне охвата кредитованием показывает более высокий прирост занятости, что может свидетельствовать о концентрации поддержки на уже действующих предприятиях, способных наращивать масштаб деятельности и создавать рабочие места. Иными словами, китайская система выглядит более инклюзивной по отношению к самому сектору, тогда как российская – более избирательной, но при этом значимой с точки зрения трудовой занятости.

Заключение

Проведенное исследование показало, что системы финансовой поддержки малого и среднего бизнеса в России и Китае основаны на разных институциональных принципах и, как следствие, обеспечивают различную результативность по ключевым параметрам развития сектора. Российская модель в большей степени ориентирована на компенсацию рыночных ограничений посредством льготного кредитования, гарантийных механизмов и отдельных цифровых сервисов, тогда как китайская система встроена в более широкий контур стратегического государственного регулирования, в котором финансовые инструменты, банковская политика и цифровая инфраструктура функционируют как взаимосвязанные элементы единой модели поддержки.

Результаты анализа позволяют сделать вывод о том, что в обеих странах финансовая поддержка играет существенную роль в расширении возможностей малого и среднего бизнеса, однако характер этого влияния различен. В России наблюдается рост масштабов сектора, увеличение занятости, совокупных доходов и объемов кредитования, но одновременно сохраняются структурные ограничения доступа к капиталу, связанные с высокой зависимостью от банковских ресурсов, требованиями к обеспечению, отраслевой сегментацией и ограниченностью альтернативных источников финансирования. В Китае более высокий охват предприятий кредитованием сочетается со снижением стоимости заемных ресурсов, активным использованием цифровых финансовых платформ и более тесной координацией финансовой поддержки со стороны государства, что способствует более быстрому расширению предпринимательской базы.

В целом исследование подтверждает, что эффективность государственной поддержки малого и среднего бизнеса определяется не только объемом направляемых ресурсов, но и качеством институциональной архитектуры, в которой эти ресурсы распределяются. В этой связи дальнейшее развитие научной дискуссии представляется целесообразным связать с более детальной оценкой результативности отдельных инструментов поддержки на микроуровне, а также с анализом возможностей их адаптации к особенностям национальной экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев А. А., Гамиловская А. А. (2025). Развитие инструментов финансирования МСП в рамках БРИКС // Вестник евразийской науки. Т. 17. № S3. EDN NLSZVN
2. Ващенко Т. В. (2025). Результативность мер поддержки субъектов МСП в Китае // Вестник евразийской науки. Т. 17. № S1. EDN MMWUDJ
3. Глебова А. Г., Ковалева А. А. (2024). Прогнозирование волатильности российского биржевого рынка акций в условиях международных экономических санкций // Финансы: теория и практика. Т. 28. № 1. С. 20-29. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2024-28-1-20-29>
4. Денисова О. С. (2025). Проблемы финансирования малого и среднего бизнеса в России // Политика, экономика и инновации. № 2(61). EDN LVRDHU
5. Кириллова Д. Н., Коба Е. Е. (2025). Экономические проблемы развития малого и среднего бизнеса // Вестник Академии управления и производства. № 2. С. 101-106. EDN TXAEGX
6. Кислицына Л. В., Кренделева А. А. (2025). Государственное финансирование малого и среднего бизнеса в России // Развитие малого предпринимательства в Байкальском регионе. Иркутск. С. 210-215. EDN OZOYKJ
7. Костина О. И., Мартынова А. Ю., Трухова Н. В. (2025). Актуальные проблемы финансового обеспечения малого и среднего бизнеса в России // Развитие инновационной экосистемы российской федерации на основе процессов импортоопережения в технологических инновациях для отраслей экономики: Сборник научных статей Международной научно-практической конференции, Тольятти, 17 апреля 2025 года. Тольятти: ЗАО «Университетская книга». С. 265-271. EDN GLUWYD
8. Салькина А. Р., Маслова О. П. (2025). Особенности развития малого и среднего бизнеса в России // Фундаментальные исследования. № 6. С. 62-66. <https://doi.org/10.17513/fr.43856>
9. Федоров Д. К. (2024). Особенности торговой политики Китая: текущее состояние и направления развития // Теоретическая экономика. № 8(116). С. 107-121. <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2024-8-107-121>
10. Чаплюк В. З., Ахмад З. (2025). Таможенное взаимодействие между Россией и Китаем в условиях санкционного давления // Теоретическая экономика. № 10(130). С. 109-131. <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-10-109-131>
11. Черненко О. Б., Чернышева Ю. Г., Куринова Я. И. (2020). Экосистемный подход к развитию малого и среднего предпринимательства // Учет и статистика. № 4(60). С. 51-57. EDN EVNNKJ
12. Чуванкова В. В. (2025). Китай: параметры взаимодействия государства с малым и средним бизнесом // Азия и Африка сегодня. № 2. С. 60-66. <https://doi.org/10.31857/S0321507525020076>
13. Шичкин И. А., Умнов В. А. (2025). Современные тенденции развития малого и среднего предпринимательства в России // Экономика, предпринимательство и право. Т. 15. № 1. С. 61-84. <https://doi.org/10.18334/ep.15.1.122513>
14. Щелок Ю. Ф., Некрасов Д. Д. (2024). Малый и средний бизнес в России: политическая поддержка и вклад в экономическую стабильность // Эпоха науки. № 40. С. 160-163. EDN RNYOGG
15. Cong L. W., Lee C. M. C., Qu Y., Shen T. (2020). Financing Entrepreneurship and Innovation in China // Foundations and Trends in Entrepreneurship. Vol. 16. No. 1. Pp. 1-64. <https://doi.org/10.1561/03000000095>
16. He L., Jiang X., Fang L. (2023). Tax Policy Reform and Corporate Innovation in China // Finance Research Letters. Vol. 55. Part A. Art. 103891. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2023.103891>
17. Wang J., Ran X. Q. (2024). Dynamics in Digital Finance and Its Impact on SME Financing // Heliyon. Vol. 10. No. 9. Art. e30586. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e30586>
18. Wonglimpiyarat J. (2016). The New Challenge of Financing Innovative Economic Growth through SME Development in the People's Republic of China // Technology in Society. Vol. 46. Pp. 49-57. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2016.05.002>
19. Zhang L., Chen J., Liu Z., Hao Z. (2023). Digital Inclusive Finance, Financing Constraints, and Technological Innovation of SMEs—Differences in the Effects of Financial Regulation and Government

Subsidies // Sustainability. Vol. 15. No. 9. Art. 7144. <https://doi.org/10.3390/su15097144>

20. Zhang X., Li J., Xiang D., Worthington A. C. (2023). Digitalization, Financial Inclusion, and Small and Medium-Sized Enterprise Financing: Evidence from China // Economic Modelling. Vol. 126. Art. 106410. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2023.106410>

21. Zhao K., Shan H., Gao Y. (2025). Policy-Mix and SME Innovation: Evidence from China // PLOS ONE. Vol. 20. No. 2. Art. e0319080. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0319080>

22. Zhao K., Ye J. mei. (2023). Implementation Strategy of MEI Policy and SME Innovation: A Chinese Analysis // Economic Research-Ekonomska Istraživanja. Vol. 36. No. 1. <https://doi.org/10.1080/1331677X.2022.2120036>

Financial Instruments for Supporting Small and Medium-Sized Enterprises in Russia and China

Glebova Anna Gennadyevna

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: nauka_rf@mail.ru

Iliev Martin Benyaminovich

Student

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: 777.martin.777@mail.ru

KEYWORDS

small and medium-sized enterprises, preferential lending, government guarantee funds, access to bank financing, digital financial platforms, development banks, cost of borrowed capital, institutional support mechanisms

ABSTRACT

Contemporary research on the financial support of small and medium-sized enterprises (SMEs) reveals a gap related to the limited comparability of national support models under conditions of financial system transformation and the increasing role of the state. A comparative analysis of Russia and China is of particular interest, as these countries employ different institutional approaches to ensuring firms' access to financial resources. The aim of this study is to identify differences in financial support instruments for SMEs and to assess their effectiveness. To achieve this goal, the study examines sectoral dynamics, the structure of financing sources, and institutional support mechanisms in both countries. The methodological framework combines comparative and structural analysis with time-series analysis for the period 2019–2025. Data selection is based on the comparability of indicators such as the volume of lending, access to financial resources, and the cost of borrowed capital. The findings indicate that in Russia, the growth of SME lending outpaces income dynamics, reflecting an increasing reliance on debt financing and dependence on government subsidy and guarantee programs. In contrast, China demonstrates a higher level of access to finance due to coordinated banking policies, active state participation, and the development of digital financial platforms. It is established that the share of enterprises with access to credit resources in China is more than twice as high as in Russia, which contributes to higher rates of sectoral expansion. The practical significance of the study lies in the potential application of Chinese experience to improve the Russian SME support system, particularly in expanding access to finance and advancing the digitalization of financial infrastructure. The limitations of the study are associated with differences in statistical methodologies and the limited availability of detailed data. Future research should focus on evaluating the effectiveness of specific support instruments at the micro level.

Вклад первичных размещений акций в рост капитализации российского рынка акций

Переход Сергей Александрович

Кандидат экономических наук

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: saperekhod@fa.ru

Минибаев Матвей Романович

Исследователь

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Камардина Анастасия Игоревна

Исследователь

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ИРО российских компаний, SPO/FPO, прирост капитализации, Московская биржа, взвешенный вклад размещений, робастные показатели, компании роста, долевое финансирование

АННОТАЦИЯ

Первичное публичное размещение акций остается важным, но недостаточно измеренным каналом расширения российского рынка капитала, особенно после институционального разрыва 2022 года и смены структуры инвесторского спроса. Пробел состоит в том, что для России чаще анализируют отдельные сделки и краткосрочную динамику цен, тогда как вклад размещений в общий прирост капитализации рынка на длинном горизонте оценен фрагментарно. Цель исследования — измерить вклад ИРО в динамику капитализации российского фондового рынка в 2002–2025 гг. и сопоставить его с ролью SPO/FPO. Использованы данные Московской биржи, Банка России и академических публикаций; выборка включает 108 ИРО и 65 SPO/FPO. Базовый годовой коэффициент рассчитывается как отношение объема размещений к годовому изменению капитализации, однако итоговые выводы опираются не на простое среднее, а на взвешенные и робастные показатели, поскольку распределение годовых коэффициентов асимметрично и чувствительно к годам с низким либо отрицательным приростом капитализации. Установлено, что совокупный объем ИРО соответствует 10,69 % чистого прироста капитализации за весь период, а для фаз роста — 1,95 %; для SPO соответствующие оценки составляют 6,26 % и 0,77 %. Медианные значения равны 0,27 % и 0,00 %, что указывает на эпизодичность решающего вклада размещений в типичный год. Результаты применимы при разработке мер по стимулированию публичных размещений и расширению долевого финансирования. Ограничения связаны с изменением практик раскрытия информации и тем, что капитализация зависит не только от эмиссий, но и от переоценки рынка. В более широком сравнительном контексте БРИКС это позволяет интерпретировать российский рынок ИРО не только как механизм прироста капитализации, но и как индикатор способности финансовой системы финансировать компании роста и технологическую модернизацию.

JEL codes: G14, G32, O16

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-5-159-175>

Благодарность: Авторы выражают благодарность старшему управляющему Директору по развитию бизнеса ПАО «Московская биржа» Борису Николаевичу Блохину, а также рецензенту за ценные комментарии, которые были использованы при подготовке статьи.

Для цитирования: Переход, С.А. Вклад первичных размещений акций в рост капитализации российского рынка акций / С.А. Переход, М.Р. Минибаев, А.И. Камардина. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 5. – С.159-175. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.05.2026)

Введение

Первичное публичное размещение акций (IPO) представляет собой фундаментальный инструмент финансовых рынков, позволяющий компаниям привлекать капитал для расширения, инноваций и повышения корпоративного управления. В контексте развивающихся экономик, таких как российская, IPO не только увеличивают капитализацию отдельных эмитентов, но и способствуют общему росту рынка за счет притока институциональных и розничных инвесторов, повышения ликвидности и диверсификации секторов [1]. Однако в России рынок IPO подвержен значительной волатильности из-за внешних шоков: глобального финансового кризиса 2008–2009 годов, санкций 2014 года и геополитических событий 2022 года, что создало пробел в понимании долгосрочного вклада IPO в динамику капитализации [5, 11, 12, 15]. Актуальность исследования обусловлена стратегической целью увеличения капитализации фондового рынка до 66 % ВВП к 2030 году, что требует анализа механизмов роста, включая IPO [13, 14]. Кроме того, в посткризисный период наблюдается сдвиг от крупных государственных размещений к малым и средним компаниям, что меняет структуру вклада IPO. Например, в 2024–2025 годах размещения ориентированы на несырьевые сектора, такие как IT и финтех, что отражает стратегию диверсификации экономики [4, 12]. Гипотеза исследования состоит в том, что IPO способны играть заметную, а в отдельные годы и двузначную роль в годовом приросте капитализации, однако на длительном горизонте и особенно в типичный год основную часть прироста формирует рыночная переоценка уже обращающихся акций; поэтому корректная итоговая оценка требует взвешенных и робастных, а не простых средних показателей. Исследовательские вопросы: какова историческая динамика вклада IPO, в чем специфика пост-2022 периода с учётом оттока иностранных инвесторов и как сопоставляется роль IPO и SPO с глобальными рынками, где рынок первичных размещений институционально глубже? Для ответа на эти вопросы используются данные MOEX и ЦБ РФ, а также агрегированные и робастные оценки, позволяющие отделить влияние выбросов от типичной динамики рынка. Исследование также учитывает влияние макроэкономических факторов, таких как ключевая ставка ЦБ и курс рубля, на привлекательность IPO для инвесторов; эмпирические исследования российского фондового рынка в целом также указывают на значимость ВВП, цен на нефть, инфляции и процентной ставки для динамики рыночных индикаторов [8]. В 2025 году высокая стоимость заимствований и конкуренция со стороны депозитов продолжали сдерживать интерес к новым размещениям, хотя во второй половине года наблюдались признаки частичной адаптации рынка [14]¹.

Актуальность темы усиливается тем, что в развивающихся экономиках значение IPO определяется не только объёмом эмиссий, но и способностью публичного рынка обеспечивать финансирование новых технологических компаний и последующий доступ к капиталу через вторичные размещения. В сравнительном анализе стран БРИКС Россия характеризуется ограниченной финансовой глубиной (144 % ВВП по совокупным финансовым активам), низкой долей рынка акций в ВВП (24 %), слабым участием частного сектора в финансировании НИОКР (30 %) и крайне малой долей IPO+SPO в финансировании капиталовложений (0,17 %), что делает оценку вклада IPO в капитализацию одновременно и вопросом о качестве финансовой структуры, и вопросом о возможностях технологической модернизации [11].

Обзор литературы

Теоретическая основа исследования опирается на концепции финансовой экономики развивающихся рынков, согласно которым IPO выступает важным инструментом роста капитализации фондового рынка. Проведение IPO способствует притоку нового капитала, увеличению доли акций в свободном обращении и повышению уровня корпоративного управления в компаниях [1]. В рамках теории агентских отношений IPO рассматривается как механизм снижения

¹ Российский рынок акций просел из-за оттока средств в депозиты // Коммерсантъ. 2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8158681> (дата обращения: 03.03.2026).

информационной асимметрии между менеджментом компаний и инвесторами, что способствует более объективной рыночной оценке бизнеса и повышению доверия со стороны участников рынка [1]. Кроме того, теория экономического развития связывает развитие рынка публичных размещений с ростом инвестиций в реальный сектор экономики и расширением возможностей финансирования корпоративного сектора².

Теоретическая рамка может быть дополнена гипотезой эффективного рынка, теорией сигнализирования и концепцией «окон возможностей». В этой логике IPO влияет на капитализацию не только механически — через включение новых эмитентов и увеличение объёма обращающихся акций, — но и через снижение информационной асимметрии, формирование публичного сигнала о качестве бизнеса и выбор наиболее благоприятного момента для размещения. Следовательно, масштаб эффекта IPO определяется не только объёмом привлечённых средств, но и качеством раскрытия информации, глубиной книги заявок и состоянием рыночной ликвидности. При этом поведенческие и календарные аномалии на российском рынке не являются универсальными: регрессионная проверка «эффекта января» показала его наличие лишь для индекса МосБиржи металлов и добычи, что указывает на отраслевую, а не общерыночную природу подобных эффектов [16]. Развитие рынка IPO в России характеризуется неравномерной динамикой, обусловленной институциональными, макроэкономическими и геополитическими факторами. В целом эволюцию российского рынка IPO можно условно разделить на несколько этапов.

Первый этап, начавшийся в начале 2000-х годов, связан с формированием институциональной инфраструктуры фондового рынка и постепенным увеличением числа размещений. В этот период значительная часть российских компаний предпочитала проводить IPO на зарубежных фондовых площадках, прежде всего на Лондонской фондовой бирже, что объяснялось более развитой финансовой инфраструктурой и наличием широкого круга институциональных инвесторов^{3,4}. Внутренний рынок размещений оставался сравнительно узким и во многом ориентированным на компании сырьевого сектора. Одними из первых значимых размещений российских компаний стали IPO телекоммуникационной компании МТС на Нью-Йоркской фондовой бирже в 2000 году, позволившее привлечь около 353 млн долларов, а одним из первых внутренних размещений считается IPO компании «РБК» в 2002 году.

Наиболее активный период развития российского рынка IPO пришёлся на 2004-2007 годы. За этот период было проведено около 80 размещений, а общий объём привлечённого капитала составил около 64 млрд долларов. Пиковым стал 2007 год, когда на рынок вышло наибольшее число компаний. Активность объяснялась благоприятной макроэкономической конъюнктурой, высокими темпами экономического роста и присвоением России инвестиционного рейтинга международными рейтинговыми агентствами. Крупные размещения таких компаний, как «ПИК», ВТБ и Сбербанк, значительно повысили интерес инвесторов к российскому фондовому рынку [2]. Данный вывод согласуется с ретроспективным обзором двадцатилетнего развития российского рынка IPO, где середина 2000-х годов рассматривается как фаза максимальной активности размещений и наибольшей восприимчивости рынка к новым эмитентам [6].

Однако мировой финансовый кризис 2008 года стал переломным моментом для российского рынка IPO. После кризиса объёмы размещений существенно сократились, а многие компании были вынуждены отложить планы выхода на фондовый рынок. В 2010-е годы рынок характеризовался высокой волатильностью, что было связано как с последствиями глобального кризиса, так и с внутренними экономическими и геополитическими факторами, включая санкционное давление и

2 Российский рынок IPO: цена доверия // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/azxcnquaca/144717350.pdf> (дата обращения: 03.03.2026).

3 История IPO в России: кто, когда и сколько привлекал // РБК. 2024. 10 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/6616b51b9a794718d269eb5d> (дата обращения: 03.03.2026).

4 Российский рынок IPO: цена доверия // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/azxcnquaca/144717350.pdf> (дата обращения: 03.03.2026).

изменение инвестиционного климата [1]. В научной литературе отмечается, что подобная динамика соответствует общей цикличности рынков IPO, когда периоды высокой активности («горячие» рынки) сменяются фазами спада («холодные» рынки) [5]. Несмотря на модернизацию инфраструктуры Московской биржи и постепенное расширение круга эмитентов, объёмы размещений в этот период оставались значительно ниже показателей середины 2000-х годов. Ограниченный доступ российских компаний к международным рынкам капитала и сокращение участия иностранных инвесторов дополнительно сдерживали развитие рынка публичных размещений.

Новый этап развития российского рынка IPO начался в начале 2020-х годов и связан с адаптацией финансовой системы к изменившейся геополитической и экономической среде. После 2022 года наблюдается формирование новой модели функционирования рынка, ориентированной в большей степени на внутренний инвестиционный спрос и участие частных инвесторов [12]⁵. В 2024 году на российском рынке было проведено около 14 IPO, что стало одним из наиболее высоких показателей за последние годы. При этом большинство размещений было осуществлено компаниями среднего масштаба, а общий объём привлечённого капитала оставался относительно ограниченным⁶. Восстановительный импульс 2020-2021 годов во многом был связан с притоком частных инвесторов и мягкой денежно-кредитной политикой периода пандемии, что создало окно возможностей для новых размещений [6].

Сравнение с крупнейшими мировыми рынками демонстрирует значительное различие в масштабах развития рынка IPO. Так, в США ежегодно проводится несколько сотен размещений, а капитализация фондового рынка превышает 200 % ВВП. В Китае число публичных компаний и размещений также значительно выше, а капитализация рынка достигает около 150 % ВВП. На этом фоне российский рынок IPO по масштабу и глубине остаётся значительно меньше ведущих мировых площадок [11].

В работе Бахаря (2025) подчёркивается, что рынок pre-IPO в России в 2024–2025 годах стал важной альтернативой традиционным IPO, привлекая объёмы до 50 млрд руб. за год и снижая барьеры для средних компаний [4]. Это подтверждает тенденцию к диверсификации источников финансирования в условиях ограниченного доступа к международным рынкам. В то же время Смирнов (2024) показывает, что потенциал российского рынка IPO зависит от качества рыночной конъюнктуры, структуры спроса и способности эмитента убедить инвесторов в устойчивости бизнес-модели [14]. Близкий вывод следует из ретроспективного анализа Буянова и Андриановой (2022): рост ставок, ухудшение фондовой конъюнктуры и геополитическая неопределённость способны переносить размещения и снижать активность IPO [6]. Такие исследования подчёркивают необходимость эмпирического анализа вклада IPO в капитализацию, который и проводится в настоящей работе.

Таким образом, развитие рынка IPO в России остаётся ограниченным по сравнению с ведущими финансовыми центрами, однако сохраняет значительный потенциал роста. Дальнейшее расширение рынка во многом будет зависеть от совершенствования институциональной среды, повышения инвестиционной привлекательности компаний и реализации мер государственной поддержки, направленных на стимулирование выхода российских компаний на публичный рынок капитала.

Сравнительный подход Б. Б. Рубцова позволяет уточнить рамку интерпретации и для российского материала: слабость рынка IPO следует оценивать не только через объём размещений или долю в капитализации, но и через степень встроенности публичного рынка в финансирование компаний роста. В этой логике низкий вклад IPO в прирост капитализации означает не просто ограниченный масштаб эмиссий, а более глубокую институциональную проблему — недостаточную

⁵ Российский инвестор заметно изменился в 2025-м: вместо молодых айтишников — топ-менеджеры с высоким доходом // RB.ru. 2025. URL: <https://rb.ru/news/rossijskij-investor-zametno-izmenilsya-v-2025-m-vmesto-molodyh-ajtishnikov-top-menedzhery-s-vysokim-dohodom/> (дата обращения: 03.03.2026).

⁶ Московская биржа. Годовой отчёт за 2025 год [Электронный ресурс]. М., 2026. URL: <https://www.moex.com/ru/report/2025> (дата обращения: 19.03.2026).

связь между рынком собственного капитала, долгосрочными инвесторами, корпоративными НИОКР и задачами технологического обновления [11].

Международный опыт показывает, что устойчивый рынок IPO формируется не сам по себе, а через институциональную архитектуру: специализированные сегменты бирж для компаний роста, механизмы стабилизации цены после размещения, участие маркет-мейкеров и наличие широкого круга институциональных инвесторов. Для развивающихся рынков, включая страны БРИКС, дополнительно значимы налоговые стимулы, государственные фонды развития и упрощённые листинговые процедуры. Для России это означает, что потенциал IPO следует рассматривать не только как функцию макроэкономической конъюнктуры, но и как результат качества рыночных институтов.

Факторы, сдерживающие развитие IPO

Несмотря на постепенное развитие фондового рынка, российский рынок IPO остаётся относительно небольшим по сравнению с рынками развитых стран. Одной из характерных особенностей рынка IPO является феномен недооценки размещений, когда цена размещения оказывается ниже рыночной стоимости акций в первый день торгов. Исследования показывают, что подобный эффект широко распространён на развивающихся рынках и может достигать значительных значений, отражая информационную асимметрию между эмитентами и инвесторами [17]. Кроме того, на эффективность IPO значительное влияние оказывает качество раскрытия информации. Современные эмпирические исследования демонстрируют, что структура и содержание информации в проспектах эмиссии могут существенно влиять на ценообразование акций и поведение инвесторов [19]. Сдерживающее влияние оказывают институциональные ограничения, особенности регулирования и структура инвесторской базы. Дополнительным фактором выступают макроэкономическая неопределённость и политические риски. В научной литературе отмечается, что периоды повышенной политической или экономической неопределённости приводят к снижению активности IPO и увеличению волатильности финансовых рынков [18]. В последнее десятилетие эскалация геополитической напряжённости и макроэкономическая нестабильность стали ключевыми факторами трансформации российской рыночной конъюнктуры. Данные процессы усиливают инвестиционные риски и, как следствие, оказывают сдерживающее влияние на динамику первичных публичных размещений.

Одним из ключевых факторов является недостаточное развитие институциональной среды рынка капитала. На ранних этапах формирования российского фондового рынка ограниченность биржевой инфраструктуры и узкая база квалифицированных инвесторов снижали привлекательность публичных размещений для российских компаний. Существенную роль играет и структура инвесторской базы. Относительно низкий уровень инвестиционной культуры и доверия населения к финансовым инструментам ограничивает приток долгосрочного капитала на фондовый рынок. После геополитических изменений 2022-2024 гг. структура инвесторов на российском рынке существенно трансформировалась, что привело к сокращению доли иностранных и институциональных инвесторов и увеличению роли частных инвесторов [9, 12]^{7,8}. Одновременно цифровизация розничных финансовых сервисов усиливает двойственный эффект: с одной стороны, она расширяет доступ населения к рынку капитала, с другой — повышает значимость защиты инвестора от мисселинга, непрозрачного ценообразования, связанной продажи и подмены продукта. Распространение подобных практик подрывает доверие к финансовому рынку и тем самым косвенно ограничивает потенциал IPO как механизма привлечения долгосрочного капитала [3].

7 Российский инвестор заметно изменился в 2025-м: вместо молодых айтишников — топ-менеджеры с высоким доходом // RB.ru. 2025. URL: <https://rb.ru/news/rossijskij-investor-zametno-izmenilsya-v-2025-m-vmesto-molodyh-ajtishnikov-top-menedzhery-s-vysokim-dohodom/> (дата обращения: 03.03.2026).

8 Российский рынок IPO: цена доверия // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/azxcnquaca/144717350.pdf> (дата обращения: 03.03.2026).

Вместе с тем расширение инвесторской базы может опираться на ответственную геймификацию инвестиционных сервисов. Как показывают исследования российских практик, корректно встроенные игровые механики способны повышать вовлеченность пользователей, формировать устойчивые инвестиционные привычки и улучшать финансовую грамотность, однако требуют отдельного контроля рисков перегрузки пользователей, уязвимости данных и избыточного стимулирования спекулятивного поведения [10].

На современном этапе к указанным ограничениям добавляются высокая стоимость подготовки к IPO, длительность согласовательных процедур и ужесточение требований к раскрытию информации, включая публикацию аналитики и прогнозных показателей. С одной стороны, такие требования повышают прозрачность рынка и качество ценообразования, с другой - увеличивают фиксированные издержки эмитента и особенно чувствительны для компаний среднего масштаба. Смежные исследования перспектив роста капитализации российского рынка также подчёркивают, что повышение прозрачности эмитентов и упрощение процедур IPO являются необходимыми условиями расширения рынка акций [13]. Особое значение имеет ограниченное участие институциональных инвесторов долгосрочного профиля, прежде всего негосударственных пенсионных фондов и страховых организаций. При доминировании розничного спроса рынок новых размещений становится более волатильным, а ценовые ориентиры — менее устойчивыми. В этих условиях расширение доступа институциональных инвесторов к IPO способно снизить зависимость рынка от краткосрочных колебаний спроса и повысить устойчивость постлистинговой динамики.

Перераспределение инвестиционных ресурсов в альтернативные финансовые инструменты является немаловажным фактором, влияющим на развитие рынка IPO. Рост процентных ставок по банковским депозитам стимулирует отток средств инвесторов из фондового рынка в менее рискованные активы, что снижает спрос на акции новых эмитентов и ограничивает ликвидность рынка⁹. Дополнительным барьером выступает неопределённость налогового режима для участников размещений, включая проблему налогообложения так называемой «виртуальной прибыли». Наличие подобных фискальных изъятий снижает ожидаемую доходность участия в IPO и делает новые выпуски менее конкурентоспособными по сравнению с депозитами и долговыми инструментами.

Совокупность указанных факторов приводит к ограниченному числу публичных компаний и относительно низкой активности IPO на российском фондовом рынке. Это, в свою очередь, сдерживает рост капитализации рынка и ограничивает возможности компаний по привлечению капитала через механизмы публичного размещения акций. В этой связи важным направлением развития рынка является формирование условий для расширения инвесторской базы, повышения прозрачности корпоративного управления и совершенствования институциональной среды фондового рынка.

Данные и методы

Данные собраны из официальных отчётов Московской биржи (МОЕХ), Центрального банка Российской Федерации и академических источников за период 2002–2025 годов, включая количество проведённых IPO и SPO/FPO, объёмы привлечённых средств в долларах США, уровень капитализации рынка акций и годовой прирост капитализации¹⁰. Выборка охватывает 108 первичных публичных размещений (IPO) на российских биржах за 2002–2025 годы с совокупным объёмом привлечений 61,335 млрд USD, а также 65 вторичных и дополнительных размещений (SPO/FPO) общим объёмом 35,926 млрд USD. Для обеспечения репрезентативности исключены размещения за пределами России и иные типы инструментов, что позволяет фокусироваться на внутреннем рынке акций.

Модель. Основной метод расчёта вклада IPO в прирост капитализации – относительный показатель, выраженный формулой:

⁹ Российский рынок акций просел из-за оттока средств в депозиты // Коммерсантъ. 2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8158681> (дата обращения: 03.03.2026).

¹⁰ Московская биржа. Годовой отчёт за 2025 год [Электронный ресурс]. М., 2026. URL: <https://www.moex.com/ru/report/2025> (дата обращения: 19.03.2026).

$$V_{ipo,t} = \frac{Vol_{ipo,t}}{\Delta Cap_t} \times 100\% \quad (1)$$

где:

$V_{ipo,t}$ — вклад IPO в прирост капитализации в году t (в процентах);

$Vol_{ipo,t}$ — суммарный объём привлечённых средств через IPO в году t (млрд USD);

ΔCap_t — прирост (или снижение) капитализации рынка акций в году t (млрд USD).

Простое арифметическое среднее годовых коэффициентов рассчитывается только как вспомогательная статистика и приводится ниже исключительно для сравнения, поскольку оно чрезмерно чувствительно к годам с низкими или отрицательным ΔCap_t и не годится для содержательных итоговых выводов.

$$V_{ipo} = \frac{1}{n} \sum_{t=2002}^{2025} V_{ipo,t} \quad (2)$$

В качестве основных сводных метрик используются: (i) взвешенный показатель за весь период; (ii) аналогичный показатель только для лет с $\Delta Cap_t > 0$; (iii) медиана годовых коэффициентов. Формально основные агрегированные показатели заданы для соответствующего инструмента размещения $j \in \{IPO, SPO/FPO\}$ следующим образом:

Взвешенный вклад за весь исследуемый период:

$$V_{weighted} = \frac{\sum_{t=2002}^{2025} Vol_t}{\sum_{t=2002}^{2025} \Delta Cap_t} \times 100\% \quad (3)$$

Взвешенный вклад для фаз рыночной экспансии:

$$V_{growth} = \frac{\sum_{t \in T^+} Vol_t}{\sum_{t \in T^+} \Delta Cap_t} \times 100\% \quad (4)$$

где T^+ — множество лет, для которых $\Delta Cap_t > 0$. Такой набор позволяет отделить влияние выбросов от типичной динамики рынка и делает итоговые выводы согласованными с экономическим смыслом показателя. В формулах (3)–(4) Vol_t интерпретируется как объём размещений соответствующего типа: IPO либо SPO/FPO.

Критерии отбора данных: учитывались только размещения акций на российских биржах (МОЕХ и ранее действовавшие площадки); исключены облигационные займы, иностранные листинги и вторичные размещения (SPO), анализируемые отдельно для сравнения. Для обеспечения сопоставимости исторических рядов рублёвые объёмы размещений 2025 года конвертированы в доллары США по среднегодовому курсу Банка России. Сравнительный анализ проведён с вторичными и дополнительными размещениями (SPO/FPO), а также с открытой статистикой крупнейших зарубежных рынков.

Для проверки устойчивости результатов проведена «проверка надёжности»: расчёт вклада в рублях (без конвертации в USD) и исключение лет с отрицательным приростом капитализации. Это позволило исключить влияние курсовых колебаний рубля в 2022–2025 годах, когда волатильность курса достигала 30–40%. Кроме того, применён сравнительный метод для оценки вклада SPO как альтернативного механизма, что даёт возможность выявить структурные различия между первичными и вторичными размещениями. Важно, что при $\Delta Cap_t < 0$ отрицательное значение коэффициента не трактуется как отрицательное воздействие IPO или SPO на капитализацию: оно лишь показывает, что общее снижение рыночной капитализации превысило положительный объём размещений в соответствующем году. При интерпретации показателя вклада IPO необходимо учитывать, что годовой прирост капитализации отражает не только эффект новых размещений, но и переоценку уже обращающихся акций под влиянием макроэкономических шоков, изменения процентных

ставок, валютного курса и ожиданий инвесторов. Поэтому рассчитанный коэффициент трактуется не как строгий причинный эффект IPO, а как относительная оценка вклада рынка первичных размещений в общую динамику капитализации. Такая постановка позволяет сопоставлять разные фазы рыночного цикла и выявлять годы, в которых даже умеренный объём размещений приобретал заметное системное значение для всего рынка акций [8, 15].

Результаты

В анализируемой выборке 2002–2025 гг. учтено 108 IPO, а суммарный объём привлечённых средств составил 61,335 млрд USD. Пиковым стал 2007 год, когда было проведено 23 размещения на 30,95 млрд USD, а капитализация рынка выросла на 446 млрд USD^{11,12}. В 2025 году состоялось 3 IPO на сумму 0,36 млрд USD; при капитализации 650 млрд USD и её годовом приросте 127 млрд USD расчётный годовой коэффициент составил 0,27 %. Простое среднее годовых коэффициентов для IPO равно 2,31 %, однако этот показатель не используется в качестве основной итоговой оценки, поскольку распределение значений резко асимметрично и чувствительно к годам с отрицательным либо близким к нулю ΔCap_t . Более информативные агрегированные характеристики дают следующую картину: взвешенный вклад IPO за весь период составляет 10,69 % (61,335 / 574), для лет положительного прироста капитализации — 1,95 % (55,927 / 2870,1), медиана годовых значений — 0,27 %. Это означает, что на длинном горизонте IPO формируют заметную, но не доминирующую часть чистого прироста капитализации, тогда как в типичный год основной вклад обеспечивается переоценкой уже обращающихся акций.

Таблица 1 иллюстрирует динамику расчётного вклада IPO в годовое изменение капитализации российского фондового рынка за период 2002–2025 годов.

Таблица 1 – Расчётный вклад IPO в годовое изменение капитализации российского фондового рынка

Год	Кол-во IPO	Объём IPO, млрд USD	Капитализация, млрд USD	Прирост капитализации, млрд USD	Вклад IPO в прирост, %
2002	1	0,013	124,2	48	0,03
2003	0	0	230,79	106,59	0,00
2004	4	0,33	267,96	37,17	0,89
2005	4	1,26	548,58	280,62	0,45
2006	10	13,833	1057	508,42	2,72
2007	23	30,95	1503	446	6,94
2008	3	1,456	397,18	-1105,82	-0,13
2009	3	0,226	761,74	364,56	0,06
2010	8	1,429	951,3	189,56	0,75
2011	4	0,749	783,55	-167,75	-0,45
2012	2	1,863	825,34	41,79	4,46
2013	4	1,824	770,66	-54,68	-3,34
2014	0	0	385,93	-384,73	0,00
2015	4	0,51	393,24	7,31	6,98
2016	2	0,685	622,05	228,81	0,30

11 История IPO в России: кто, когда и сколько привлекал // РБК. 2024. 10 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/6616b51b9a794718d269eb5d> (дата обращения: 03.03.2026).

12 Московская биржа. Годовой отчёт за 2025 год [Электронный ресурс]. М., 2026. URL: <https://www.moex.com/ru/report/2025> (дата обращения: 19.03.2026).

Год	Кол-во IPO	Объём IPO, млрд USD	Капитализация, млрд USD	Прирост капитализации, млрд USD	Вклад IPO в прирост, %
2017	3	0,468	623,42	1,37	34,16
2018	0	0	576,12	-47,3	0,00
2019	1	0,55	791,52	215,4	0,26
2020	2	0,587	694,74	-96,78	-0,61
2021	5	3,076	841,85	147,11	2,09
2022	1	0,033	530,1	-311,75	-0,01
2023	7	0,374	650,49	120,39	0,31
2024	14	0,759	523,2	-127,29	-0,60
2025	3	0,36	650	127	0,27
Итого	108	61,335	15 503,96	574	10,69; 0,27

Источник: Московская биржа, Банк России, расчёты авторов

Примечание. Отрицательные значения расчётного показателя в таблице возникают в годы отрицательного прироста капитализации рынка ($\Delta \text{CapT} < 0$) и не интерпретируются как отрицательное причинное воздействие IPO на капитализацию; они показывают, что общее снижение рыночной стоимости рынка превысило положительный объём новых размещений. В последнем столбце итоговой строки указаны соответственно взвешенный вклад и медиана годовых значений.

Вклад вторичных и дополнительных размещений (SPO/FPO) носит ещё более вспомогательный характер. С 2002 по 2025 год зарегистрировано 65 SPO/FPO, а в 2025 году проведено 3 сделки на сумму около 0,2 млрд USD; при капитализации рынка акций 650 млрд USD и её приросте 127 млрд USD расчётный годовой коэффициент составил 0,16 %. Простое среднее годовых коэффициентов для SPO/FPO равно 6,81 %, но этот результат экономически неинтерпретируем как итоговая оценка, поскольку почти целиком определяется выбросом 2017 года (153,58 %) при почти нулевом приросте капитализации. Более корректные агрегированные оценки составляют 6,26 % за весь период (35,926 / 574), 0,77 % для фаз роста (22,144 / 2870,1) и 0,00 % по медиане. Следовательно, SPO/FPO не определяют динамику капитализации, а лишь эпизодически усиливают её в годы слабой базы прироста. Аномально высокие значения по SPO/FPO требуют отдельного пояснения, поскольку они отражают не доминирование инструмента, а чувствительность расчётной формулы к очень малому знаменателю.

Таблица 2 – Вклад SPO в прирост капитализации российского фондового рынка

Год	Кол-во SPO	Объём SPO, млрд USD	Капитализация, млрд USD	Прирост капитализации, млрд USD	Вклад SPO в прирост, %
2002	0	0	124,2	48	0,00
2003	0	0	230,79	106,59	0,00
2004	0	0	267,96	37,17	0,00
2005	0	0	548,58	280,62	0,00
2006	0	0	1057	508,42	0,00
2007	3	0,772	1503	446	0,17
2008	7	2,043	397,18	-1105,82	-0,18
2009	6	8,315	761,74	364,56	2,28
2010	4	0,808	951,3	189,56	0,43
2011	6	5,238	783,55	-167,75	-3,12

Год	Кол-во SPO	Объём SPO, млрд USD	Капитализация, млрд USD	Прирост капитализации, млрд USD	Вклад SPO в прирост, %
2012	2	5,354	825,34	41,79	12,81
2013	5	4,763	770,66	-54,68	-8,71
2014	0	0	385,93	-384,73	0,00
2015	2	0,371	393,24	7,31	5,07
2016	3	1,11	622,05	228,81	0,49
2017	5	2,104	623,42	1,37	153,58
2018	0	0	576,12	-47,3	0,00
2019	2	0,639	791,52	215,4	0,30
2020	3	1,484	694,74	-96,78	-1,53
2021	5	1,233	841,85	147,11	0,84
2022	1	0,017	530,1	-311,75	-0,01
2023	4	1,238	650,49	120,39	1,03
2024	4	0,237	523,2	-127,29	-0,19
2025	3	0,2	650	127	0,16
Итого	65	35,926	15 503,96	574	6,26; 0,00

Источник: Московская биржа, Банк России, расчёты авторов

Примечание. В последнем столбце итоговой строки указаны соответственно взвешенный вклад и медиана годовых значений.

Из таблицы видно, что для SPO/FPO простое среднее годовых коэффициентов (6,81 %) не отражает типичную роль инструмента из-за выбросов 2012 и особенно 2017 года. Поэтому в итоговых выводах используются взвешенные оценки: 6,26 % за весь период, 0,77 % для фаз роста. Причина таких всплесков — в низком или отрицательном приросте общей капитализации рынка в эти годы. Когда ΔCap_t близок к нулю или отрицателен (падение рынка), даже небольшой объём SPO (в 2017 году — всего 2,104 млрд USD) даёт очень большой процентный вклад по формуле $V = (Vol / \Delta Cap) \times 100 \%$.

Например:

2017 год: $\Delta Cap = +1,37$ млрд USD (почти стагнация), $VolSPO = 2,104$ млрд USD $\rightarrow$ вклад = 153,58 %.

2012 год: $\Delta Cap = +41,79$ млрд USD (небольшой рост), $VolSPO = 5,354$ млрд USD $\rightarrow$ вклад = 12,81 %.

В годы с большим положительным приростом капитализации (например, 2009: $\Delta Cap = +364,56$ млрд USD) даже крупное SPO на 8,315 млрд USD даёт вклад всего 2,28 %. Таким образом, аномально высокие значения SPO не означают доминирования этого инструмента, а отражают слабую динамику рынка в целом.

Динамика расчётного показателя для IPO и SPO за 2002–2025 годы представлена на рисунке 1. Он наглядно демонстрирует экстремальную волатильность простого годового коэффициента и математическую природу выбросов в периоды стагнации рынка (включая 2017 год). Пики формируются в годы сочетания заметного объёма размещений и низкой базы прироста общей капитализации, что визуально подтверждает необходимость использования предложенных нами взвешенных метрик для итоговых оценок. Участки графика, расположенные ниже нулевой отметки, не следует интерпретировать как отрицательное влияние IPO или SPO на капитализацию; они отражают ситуацию, в которой общее падение рыночной стоимости обращающихся акций превышало положительный объём новых размещений.

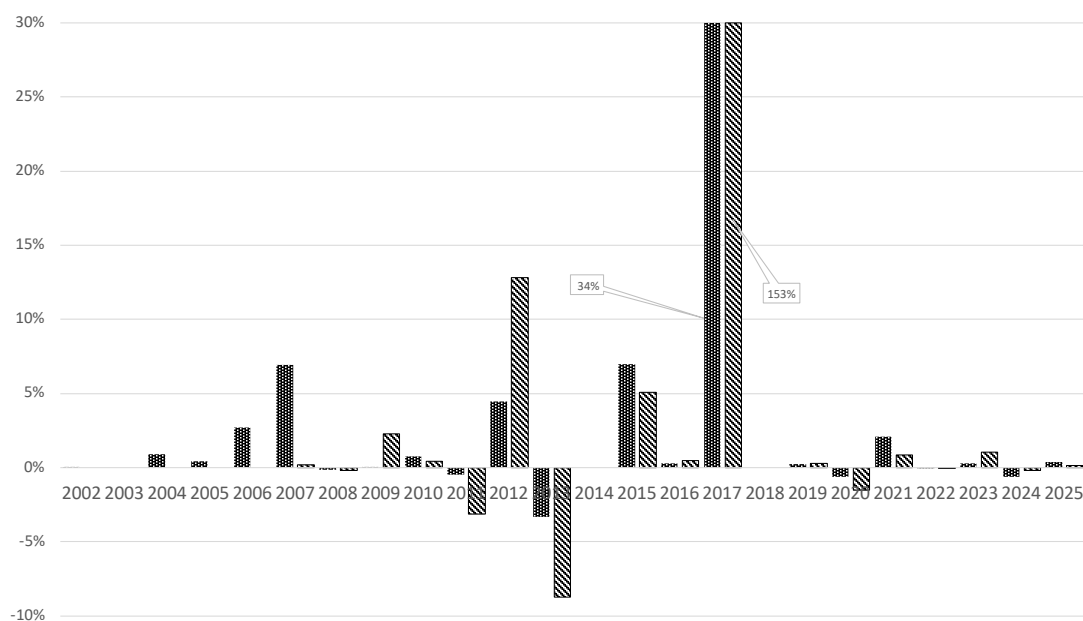


Рисунок 1 – Динамика расчётного показателя отношения объёма IPO и SPO к годовому изменению капитализации российского фондового рынка в 2002–2025 годах

Источник: составлено авторами по данным Московской биржи и Банка России.

Примечание. Результаты анализа IPO (108 размещений, 2002–2025 гг.). Суммарный объём IPO составил 61,335 млрд долл. США; максимальное расчётное значение показателя зафиксировано в 2017 г. (34,16 %). Результаты анализа SPO/FPO (65 размещений, 2002–2025 гг.). Суммарный объём SPO/FPO составил 35,926 млрд долл. США; максимальное расчётное значение показателя зафиксировано в 2017 г. (153,58 %). Отрицательные значения по оси ординат не интерпретируются как отрицательное экономическое воздействие IPO или SPO/FPO на капитализацию; они возникают в годы отрицательного прироста общей капитализации рынка, когда знаменатель показателя ΔCap_t меньше нуля.

Для более полной оценки роли первичных размещений в динамике рынка акций целесообразно сопоставить динамику индекса IPO с общей динамикой Индекса Московской биржи. На рисунке 2 представлено сравнение индекса IPO и Индекса МосБиржи за период 2015–2025 годов, что позволяет выявить степень корреляции между активностью размещений и общим движением рынка.

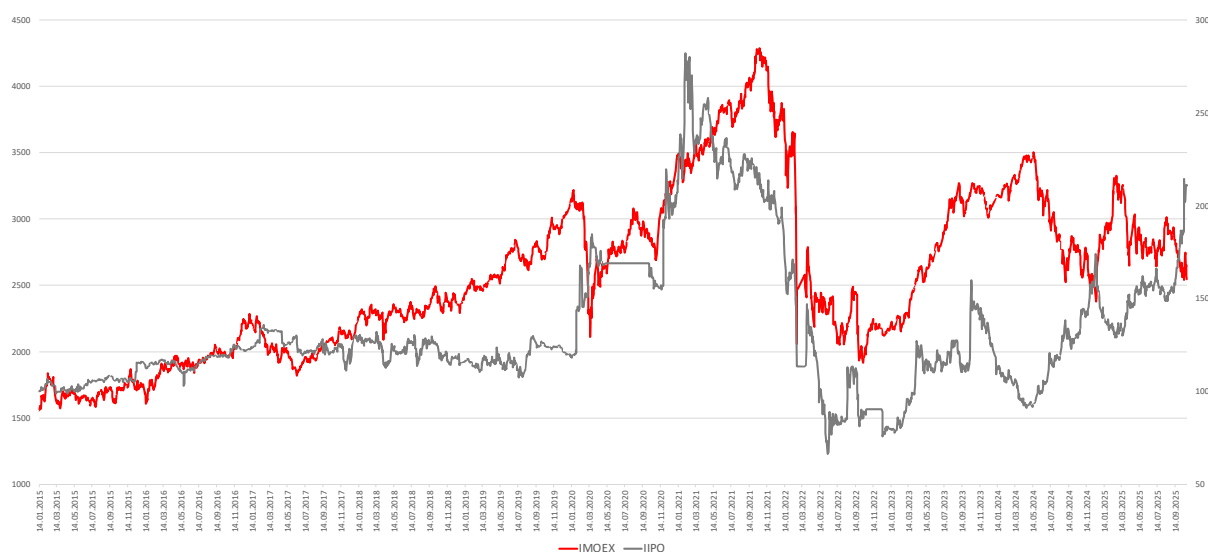


Рисунок 2 – Динамика индексов IPO (пр. шк.) и Московской биржи в 2015–2025 гг.

Источник: составлено авторами по данным Московской биржи

Представленные данные позволяют выявить как общие тенденции развития российского фондового рынка, так и специфику поведения сегмента первичных публичных размещений. При

интерпретации результатов следует учитывать, что показатели отображены с использованием двух осей ординат, вследствие чего корректно сопоставлять прежде всего направление изменений, интенсивность колебаний и ключевые точки перелома, а не абсолютные значения индексов.

Прежде всего, анализ графика показывает, что в период 2015–2021 гг. для обоих индексов была характерна преимущественно восходящая динамика. Индекс Московской биржи демонстрировал относительно устойчивый рост, что свидетельствует о благоприятной рыночной конъюнктуре, расширении инвестиционной активности и повышении капитализации российского фондового рынка в рассматриваемый период. Вместе с тем индекс IPO также возрастал, однако его траектория была менее равномерной и сопровождалась более выраженными колебаниями. Это указывает на более высокую чувствительность сегмента IPO, обусловленную не только особенностями выборки, поскольку в расчёт включаются бумаги, находившиеся на рынке не более двух лет, но и отраслевой асимметрией баз расчёта: индекс IPO в последние годы в большей степени представлен компаниями IT, ритейла, здравоохранения и других growth-сегментов, тогда как ИМОЕХ исторически сильнее нагружен зрелыми нефтегазовыми и финансовыми эмитентами. Поэтому индекс IPO сильнее реагирует на изменение процентных ставок, риск-аппетита и ожиданий по росту, что соответствует логике финансирования компаний роста [11].

Особого внимания заслуживает период 2020–2021 гг., когда наблюдается ускорение роста обоих показателей. При этом индекс IPO продемонстрировал существенно более резкий подъем по сравнению с ИМОЕХ. Подобная динамика преимущественно связана с макроэкономическими факторами, значительно повлиявшими на динамику российского фондового рынка. Так, например, в 2021 году пик индекса Московской Биржи был достигнут на фоне резко подорожавшей нефти, в принципе рост российской экономики шел быстрее прогнозных значений, что также положительно влияло на конъюнктуру рынка.

При этом наиболее значимым этапом анализируемого периода является 2022 год, когда на графике фиксируется резкое снижение обоих индексов. Данный спад носил синхронный характер, однако его глубина для индекса IPO оказалась существенно выше, чем для индекса Московской биржи. Это позволяет утверждать, что в условиях кризисных явлений и резкого ухудшения внешней и внутренней рыночной среды сегмент IPO оказался более уязвимым по сравнению с более широким рынком акций. Подобная реакция также может быть связана с отсутствием большого числа компаний, вышедших на IPO незадолго до кризиса, а также с высокой зависимостью новых эмитентов от рыночных ожиданий и доступности капитала. Эта асимметрия согласуется с выводом о том, что не только сами санкционные ограничения, но и новостной фон вокруг них существенно влияет на динамику российского фондового индекса и усиливает чувствительность отдельных сегментов рынка [15].

В посткризисный период, охватывающий 2023–2025 гг., наблюдается частичное восстановление обоих индексов, однако его характер остается неравномерным. Индекс Московской биржи сумел восстановить значительную часть утраченных позиций, что свидетельствует об адаптации рынка к новым условиям функционирования и постепенном возвращении инвестиционной активности. Вместе с тем индекс IPO, хотя и демонстрирует признаки восстановления, сохраняет повышенную волатильность и не достигает ранее зафиксированных максимальных значений. Это может быть связано с ростом числа компаний, вышедших на рынок в этот период, однако нельзя утверждать, что все размещения имели успех и сопровождалось незамедлительным ростом.

Таким образом, график наглядно демонстрирует наличие тесной взаимосвязи между динамикой общего рынка акций и сегмента IPO, однако одновременно подчеркивает различия в степени их устойчивости. Если индекс Московской биржи отражает более сбалансированное и относительно устойчивое развитие фондового рынка, то индекс IPO характеризуется более высокой амплитудой колебаний, большей чувствительностью к фазам рыночного цикла и более выраженной реакцией на кризисные события. Иными словами, в периоды экономического подъема сегмент IPO способен

демонстрировать опережающие темпы роста, однако в условиях нестабильности он подвергается более существенному снижению и требует более продолжительного периода восстановления.

Тем самым сегмент IPO можно рассматривать как более чувствительный индикатор состояния рынка капитала: в фазы роста он способен усиливать восходящий импульс капитализации, а в кризисные периоды — быстрее отражать ухудшение ожиданий и дефицит ликвидности. Это важно и с практической точки зрения, поскольку политика стимулирования IPO должна быть направлена не только на увеличение числа размещений, но и на повышение их постлистинговой устойчивости.

Обсуждение

Проведённый анализ показал, что вывод о роли публичных размещений сильно зависит от способа агрегации годовых коэффициентов. Простые средние значений V_t составляют 2,31 % для IPO и 6,81 % для SPO/FPO, однако из-за резкой асимметрии распределения и выбросов они не обладают самостоятельной экономической интерпретацией и потому не используются в качестве основных итоговых оценок. Более содержательную картину дают взвешенные и робастные показатели: для IPO это 10,69 % за весь период, 1,95 % для фаз роста и 0,27 % по медиане; для SPO/FPO — 6,26 %, 0,77 % и 0,00 % соответственно. Следовательно, на длинном горизонте IPO действительно вносят заметный вклад в расширение рынка, но в типичный год и особенно в периоды устойчивой рыночной экспансии основная часть прироста капитализации формируется переоценкой уже обращающихся акций. Это подтверждает высокую зависимость российского рынка новых размещений от макроэкономической конъюнктуры, информационного фона и институциональной среды [5, 8, 12, 15].

Показательная ситуация 2025 года, когда совокупный объём IPO составил 0,36 млрд USD, а вклад размещений в прирост капитализации снизился до 0,27 %. Высокая ключевая ставка, конкуренция со стороны банковских депозитов и ограниченность долгосрочного институционального спроса повысили стоимость выхода на рынок и снизили интерес инвесторов к новым выпускам [6, 14].

Сравнение с выводами Б.Б. Рубцова расширяет экономический смысл полученных результатов. Если для Китая сочетание высокой финансовой глубины, значительной доли частного сектора в финансировании исследований и крупного рынка публичных размещений образует относительно согласованную систему, а Индия демонстрирует активный рынок акций при более слабой связи с инновационным сектором, то российский случай выглядит как комбинация низкой глубины рынка и слабой роли публичных эмиссий в финансировании капиталовложений. Поэтому даже корректно рассчитанные умеренные значения вклада IPO следует трактовать как симптом институциональной узости рынка капитала, а не как доказательство его незначимости для долгосрочного развития.

Следует учитывать и ограничения исследования. Используемые данные частично ограничены вследствие санкций, изменений в раскрытии информации и пересмотра корпоративной отчётности отдельными эмитентами. Кроме того, изменение капитализации рынка отражает не только эмиссионную активность, но и переоценку уже обращающихся акций. В дальнейших исследованиях целесообразно дополнить анализ отраслевой структурой размещений, типом инвесторской базы и микроданными по спросу на подписку.

Сопоставление результатов с международной литературой показывает, что российский рынок следует общей логике развивающихся экономик, но с более выраженной зависимостью от институциональной среды. Исследования по emerging markets подчеркивают значимость качества раскрытия информации, структуры институционального спроса и политической неопределенности для успешности IPO [17, 18, 19]. Российские данные подтверждают эту зависимость: в периоды ухудшения внешней среды и удорожания капитала число размещений снижается быстрее, чем на крупных рынках, а вклад IPO в капитализацию становится эпизодическим. Следовательно, барьером выступает не только дефицит эмитентов, но и ограниченная способность рынка формировать устойчивый долгосрочный спрос на новые выпуски.

Заключение

В этом смысле IPO и SPO выступают не только инструментами увеличения капитализации, но и индикаторами того, насколько российская финансовая система способна превращать сбережения в капитал компаний роста. Следовательно, политика стимулирования размещений должна быть увязана не только с задачей достижения целевого уровня капитализации к ВВП, но и с формированием устойчивого контура финансирования технологических эмитентов, расширением базы долгосрочных инвесторов и усилением связи фондового рынка с инновационной политикой государства [7].

Дополнительным направлением может выступать ответственная геймификация инвестиционных сервисов в сочетании с усилением защиты потребителя, поскольку устойчивое расширение инвесторской базы требует не только удобных цифровых интерфейсов, но и снижения недобросовестных практик на финансовом рынке [3, 10].

С учётом стратегической цели увеличения капитализации российского фондового рынка до 66 % ВВП к 2030 году расширение практики публичных размещений остаётся важным, но не единственным механизмом роста. Полученные результаты показывают, что на длинном горизонте IPO вносят заметный вклад в расширение рынка, однако в фазах роста их доля в приросте капитализации составляет лишь около 2 %, тогда как основная часть прироста обеспечивается рыночной переоценкой уже обращающихся акций [13, 14].

Практические выводы исследования указывают на необходимость сочетания регуляторных и инфраструктурных мер: снижения издержек листинга, повышения предсказуемости налогового режима, развития специализированных биржевых сегментов для компаний роста и расширения круга долгосрочных институциональных инвесторов. В этом контексте поддержка IPO должна быть направлена не только на эмитента, но и на формирование устойчивого спроса на новые выпуски [14].

Научный вклад статьи состоит в переходе от описания отдельных сделок к измерению системной роли IPO в приросте капитализации за длительный период и в замене методологически слабых простых средних более корректными взвешенными и робастными оценками. Практическое значение результатов заключается в возможности отделять краткосрочные всплески размещений от устойчивых структурных сдвигов. Дальнейшие исследования могут быть сосредоточены на отраслевых различиях, роли pre-IPO и влиянии изменения структуры инвесторов на послерыночную динамику новых листингов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов А. Е., Чернова М. И. (2024). IPO акций российских компаний: теория, индикаторы, тренды и перспективы // Финансовый журнал. Т. 16. № 6. С. 42—60. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2024-6-42-60>
2. Астахова Д. Н., Герасимова Н. В. (2022). Выход российских компаний на IPO на примере OZON: факторы успеха // Научные записки молодых исследователей. Т. 10. № 2. С. 5—13. URL: <https://elib.fu.ru/art2022/bv380.pdf>
3. Балева А. А., Пшеславская В. А., Переход С. А. (2024). Мошенничество и недобросовестная практика на финансовом рынке: основные тенденции 2020—2023 гг. // Финансовые рынки и банки. № 6. С. 360—365. <https://elibrary.ru/LZJYDK>
4. Бахарь И. В. (2025). Рынок pre-IPO в России: ключевые тенденции, драйверы роста и ограничивающие факторы // Аудиторские ведомости. № 4. С. 23—30. <https://doi.org/10.24412/1727-8058-2025-4-23-30>
5. Беляев В. А. (2021). Цикличность на рынке IPO: история и факторы возникновения // Финансовая аналитика: проблемы и решения. Т. 14. № 2. С. 190—207. <https://doi.org/10.24891/fa.14.2.190>
6. Буянов В., Андрианова Л. (2022). Двадцатилетие российского рынка IPO: анализ и прогноз // Общество и экономика. № 4. С. 64—81. <https://doi.org/10.31857/S020736760019573-9>
7. Криничанский К. В. (2025). Теоретические основы и проблемные области современной теории «длинных денег» // Финансы: теория и практика. Т. 29. № 5. С. 112—125. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2025-29-5-112-125>
8. Кудрявцева Е. А., Шкиотов С. В., Угрюмова М. А. (2021). Анализ макроэкономических факторов, влияющих на динамику фондового рынка России // Теоретическая экономика. № 11. С. 96—101. https://doi.org/10.52957/22213260_2021_11_96
9. Куликова Е. И. (2023). Роль частных и институциональных инвесторов в развитии российского фондового рынка // Финансовая жизнь. № 2. С. 104—109. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54070031>
10. Палий Е. А., Переход С. А. (2025). Успешные практики геймификации фондового рынка и их применимость в России // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. Т. 23. № 3. С. 25—37. URL: <https://economic-journal.omsu.ru/issues/439/13568.php>
11. Рубцов Б. Б., Напольнов А. В. (2011). Мировой и российский рынки IPO: анализ тенденций и перспектив развития // Стратегические решения и риск-менеджмент. № 5. С. 60—69. <https://doi.org/10.17747/2078-8886-2011-5-60-69>
12. Сегаль А. Е. (2025). Особенности рынка IPO в России в «новой реальности» (с 2022 года) // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. Т. 17. № 1. С. 39—59. URL: https://archive.econ.msu.ru/journal/issues/2025/2025.volume_17.issue_1/Segal/
13. Семяшкин Е. Г., Басарагин Д. А., Переход С. А. (2025). Прогнозирование роста капитализации российского рынка акций // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. № 3. С. 33—48. <https://doi.org/10.26456/2219-1453/2025.3.033-048>
14. Смирнов В. В. (2024). Потенциал российского рынка IPO // Финансы и кредит. Т. 30. № 4. С. 830—850. <https://doi.org/10.24891/fc.30.4.830>
15. Федорова Е. А., Хрустова Л. Е. (2025). Влияние новостей о санкциях на динамику индекса российского фондового рынка // Экономический анализ: теория и практика. № 11. С. 158—170. <https://doi.org/10.24891/lkiqva>
16. Черников Е. В., Алешин А. Д., Переход С. А. (2024). «Эффект января» на фондовом рынке и оценка его влияния на индексы Мосбиржи // Финансовые рынки и банки. № 8. С. 137—141. <https://elibrary.ru/AZGZKK>
17. Ichev R. (2023). IPO underpricing from the institutional investor perspective: evidence from emerging markets. *Economic Research — Ekonomika Istraživanja*, Vol. 36, No. 1, Art. 2179506. <https://doi.org/10.24891/lkiqva>

org/10.1080/1331677X.2023.2179506

18. Jhawar P., Seal J. K. (2023). Political uncertainty and initial public offerings: A literature review. *International Journal of Financial Studies*, Vol. 11, No. 2, Art. 74. <https://doi.org/10.3390/ijfs11020074>

19. Ma Y., Li Y., Li Z. (2025). Are investors influenced by the textual information in IPO prospectuses? Examining IPO pricing based on textual information management. *International Review of Financial Analysis*, Vol. 107, Art. 104608. <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2025.104608>

The contribution of initial public offerings to the growth of capitalization of the Russian stock market

Sergey Aleksandrovich Perekhod

Candidate of Economic Sciences

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: saperekhod@fa.ru

Minibaev Matvey Romanovich

Researcher

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Kamardina Anastasia Igorevna

Researcher

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

KEYWORDS

Russian IPOs, SPO/FPO, market capitalisation growth, Moscow Exchange, weighted issuance contribution, robust indicators, growth firms, equity finance

ABSTRACT

Initial public offerings remain an important but still insufficiently measured channel of stock-market expansion in Russia, especially after the institutional break of 2022 and the shift of investor demand toward domestic capital. The research gap is that Russian studies usually focus on individual deals or short-run price effects, while the contribution of equity issuance to aggregate market-capitalisation growth over a long horizon has been assessed only fragmentarily. This study measures the contribution of IPOs to Russian stock-market capitalisation in 2002–2025 and compares it with secondary and follow-on offerings. The dataset combines Moscow Exchange statistics, Bank of Russia data, and academic sources and covers 108 IPOs and 65 SPO/FPO deals. The annual coefficient is defined as the ratio of offering volume to annual growth in market capitalisation, but the substantive conclusions rely on weighted and robust indicators rather than on a simple arithmetic average, because annual ratios are highly asymmetric and sensitive to years with low or negative capitalisation growth. The results show that total IPO volume corresponds to 10.69% of net market-capitalisation growth over the full period and to 1.95% in growth phases only; the corresponding estimates for SPO/FPO are 6.26% and 0.77%. Median values are 0.27% and 0.00%, indicating that in a typical year issuance plays a limited role relative to market revaluation. The findings are relevant for policies aimed at stimulating public listings and expanding equity finance. Limitations stem from changing disclosure practices and from the fact that market capitalisation reflects not only issuance, but also market revaluation. In the broader BRICS comparative context, this makes it possible to interpret the Russian IPO market not only as a source of capitalisation growth, but also as an indicator of the financial system's capacity to fund growth firms and technological upgrading.

Экономическая эффективность внедрения блокчейн-технологий для учета профессиональных компетенций в условиях дополнительного профессионального образования

Щукина Алёна Игоревна 

Магистрант

Ярославский государственный технический университет, г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: alen.shuckina@yandex.ru

Моднов Сергей Иванович 

Кандидат технических наук, доцент

Ярославский государственный технический университет, г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: modnovsi@ystu.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

блокчейн; учет компетенций; дополнительное профессиональное образование; экономическая эффективность; совокупная стоимость владения; возврат на инвестиции; регуляторный риск; транзакционные издержки

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена экономическому анализу внедрения технологии распределенного реестра (блокчейн) для учета профессиональных компетенций в системе дополнительного профессионального образования (ДПО). Методологической основой исследования служит экономико-математическое моделирование, в рамках которого разработаны и параметризованы модели совокупной стоимости владения (TCO) и возврата на инвестиции (ROI). Особенностью подхода является интеграция в анализ параметра «стоимости регуляторного риска» (RRP). Центральной гипотезой выступает предположение, что потенциальная экономическая эффективность блокчейн-решений в значительной степени нивелируется в условиях правовой неопределенности, что приводит к качественному изменению инвестиционной привлекательности проектов. Сравнительный анализ, проведенный на примере регуляторных подходов Европейского союза и Российской Федерации, выявил ключевую причину дисбаланса. Было доказано, что в РФ отсутствие прямого законодательного признания цифровых верифицируемых учетных данных создает системную неопределенность, которая порождает существенные транзакционные издержки, количественно выраженные через RRP. Расчеты показали, что для гипотетического центра ДПО в России «стоимость регуляторного риска» увеличивает срок окупаемости с 12 до 21 месяца, трансформируя его из экономически эффективного в высокорисковый. Сравнительный анализ подтвердил ключевую роль институциональной среды в реализации экономического потенциала технологических инноваций. Результаты демонстрируют, что степень нормативной определенности оказывает прямое влияние на величину транзакционных издержек. Исследование подчеркивает взаимосвязь между четкостью «правил игры» в цифровой среде и экономическими результатами проектов. Практическая значимость заключается в предоставлении аналитического инструментария для оценки подобных инициатив, что может учитываться при формировании стратегий развития в сфере образования и управления компетенциями.

JEL codes: I25, O33, D2, L86

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-5-176-188>

Для цитирования: Щукина, А.И. Экономическая эффективность внедрения блокчейн-технологий для учета профессиональных компетенций в условиях дополнительного профессионального образования / А.И. Щукина, С.И. Моднов. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 5. – С. 176-188. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.05.2026)

Введение

В условиях перехода к экономике знаний и цифровой трансформации рынка труда ключевым активом организаций становятся профессиональные компетенции сотрудников. Особую значимость приобретает сегмент дополнительного профессионального образования (ДПО), обеспечивающий непрерывное обновление человеческого капитала. Однако традиционные системы учета и верификации компетенций, основанные на бумажных сертификатах и централизованных реестрах, демонстрируют растущую неэффективность. Они порождают высокие транзакционные издержки, связанные с ручной проверкой подлинности документов, рисками найма на основе фальсифицированных квалификаций и административными затратами на поддержку устаревших процессов. Согласно ряду исследований, более 50% соискателей допускают неточности в резюме, что приводит к прямым экономическим потерям бизнеса. В сегменте ДПО проблема усугубляется краткосрочностью и разнородностью программ, что делает централизованный учет и признание микро-квалификаций особенно сложными и дорогостоящими.

Анализ научной литературы показывает, что среди наиболее значимых преимуществ технологии блокчейн в образовательной сфере исследователи выделяют обеспечение неизменяемости записей об образовательных достижениях, возможность оперативной верификации документов и предоставление обучающимся контроля над сведениями о собственных квалификациях [17; 6; 18]. Особую актуальность данные возможности приобретают в системе дополнительного профессионального образования, где результаты обучения формируются в рамках различных программ, реализуемых множеством образовательных организаций, и должны сохранять юридическую и профессиональную значимость за пределами учреждения, выдавшего соответствующий документ [19; 20; 21].

Важным направлением развития рассматривается переход от институционально-ориентированных моделей хранения образовательных данных к обучающемуся-ориентированным реестрам. В рамках данного подхода пользователь самостоятельно управляет сведениями о своих образовательных достижениях и предоставляет доступ к ним заинтересованным сторонам, тогда как проверка достоверности данных осуществляется без постоянного участия организации-эмитента [14; 22; 18]. Такая модель соответствует концепции непрерывного образования и позволяет интегрировать результаты обучения, полученные в различных образовательных и профессиональных контекстах [6; 18].

Практика применения блокчейн-технологий варьируется в зависимости от отраслевой специфики. В сфере профессионального развития педагогических работников основное внимание уделяется накоплению и подтверждению сведений о карьерных и образовательных достижениях [9]. В корпоративном обучении и управлении персоналом акцент смещается на управление компетенциями сотрудников и согласование образовательных результатов с требованиями профессиональной деятельности [23; 8]. В системах непрерывного образования приоритетными направлениями становятся использование микроквалификаций, цифровых знаков отличия и механизмов трансграничного признания квалификаций [6; 16].

Несмотря на значительный потенциал технологии, её внедрение сопровождается рядом ограничений. К числу наиболее часто упоминаемых барьеров относятся высокая стоимость разработки и сопровождения решений, недостаточный уровень цифровых компетенций пользователей, правовые и нормативные ограничения, проблемы защиты персональных данных, сложности интеграции с существующими информационными системами и отсутствие единых стандартов взаимодействия участников образовательной экосистемы [24; 9; 2]. Для системы дополнительного профессионального образования особое значение имеет обеспечение интероперабельности между образовательными организациями, работодателями, провайдерами образовательных услуг и центрами сертификации квалификаций [19; 25].

Отдельное направление исследований связано с оценкой возможностей блокчейна в управлении профессиональными компетенциями. Авторы отмечают, что верификация образовательных

документов сама по себе не обеспечивает полноценной оценки квалификации специалиста [8; 26]. В связи с этим предлагаются модели, предполагающие использование интеллектуальных контрактов, цифровых доказательств достижений, агрегированных показателей компетентности и механизмов автоматизированного сопоставления компетенций с требованиями профессиональной деятельности [27; 8; 13]. Однако эффективность подобных решений в настоящее время остаётся предметом дальнейших исследований.

В целом в научной литературе сформировался устойчивый консенсус относительно способности блокчейн-технологий обеспечивать надёжное хранение, проверку подлинности и переносимость сведений о квалификациях и компетенциях [3; 21; 28]. Вместе с тем уровень эмпирической подтверждённости практической эффективности таких решений остаётся ограниченным. Значительная часть публикаций представлена концептуальными моделями, архитектурными проектами и результатами пилотных внедрений, тогда как масштабные исследования, оценивающие влияние технологии на качество образовательных процессов, эффективность подбора персонала или снижение административных издержек, встречаются сравнительно редко [25; 9; 2]. Систематические обзоры также указывают на сохранение организационных, нормативных и технических барьеров, препятствующих широкому распространению данных решений [12; 1; 11].

Таким образом, результаты анализа литературы позволяют сделать вывод, что основная ценность блокчейн-технологий в сфере дополнительного профессионального образования заключается не столько в совершенствовании процедур хранения и проверки документов, сколько в формировании единой инфраструктуры доверия для управления образовательными результатами, полученными в различных организациях и на разных этапах профессионального развития. При этом ключевой научной и практической проблемой остаётся переход от фиксации факта получения квалификации к её содержательной интерпретации и оценке востребованности на рынке труда. Следовательно, дальнейшее развитие данной области связано не только с совершенствованием распределённых реестров, но и с разработкой единых моделей описания компетенций, обеспечивающих связь между образовательными результатами и требованиями профессиональной деятельности.

Выявленный пробел, в результате проведенного обзора литературы, заключается в недостатке комплексных экономико-математических исследований, которые бы количественно оценивали эффективность внедрения блокчейн-решений для учета компетенций в ДПО в условиях российской институциональной среды, где правовая неопределенность выступает самостоятельным фактором стоимости.

Целью данного исследования является оценка эффективности внедрения блокчейн-технологии для учета профессиональных компетенций в системе дополнительного профессионального образования и определение ключевых условий, влияющих на её окупаемость.

Для достижения цели поставлены следующие задачи: разработать экономико-математическую модель, интегрирующую показатели совокупной стоимости владения (ТСО) и возврата на инвестиции (ROI) для гипотетического центра ДПО; количественно оценить влияние фактора правовой неопределенности («стоимость регуляторного риска») на ключевые экономические показатели проекта, а также сформулировать практические рекомендации для стейкхолдеров по минимизации экономических рисков внедрения на основе сравнительного анализа институциональных условий в ЕС и РФ.

Исследовательский вопрос в рамках исследования: при каких экономических и институциональных условиях внедрение блокчейн-технологии для учета компетенций в российском ДПО становится экономически целесообразным, и какова количественная оценка воздействия правового риска на срок окупаемости инвестиций?

Научная новизна исследования заключается в синтезе методов экономико-математического моделирования и институционального анализа для количественной оценки «стоимости регуляторного риска» как ключевого сдерживающего фактора технологической адаптации в условиях

развивающегося рынка.

Модель и методы исследования

Для достижения поставленной цели и количественной оценки экономической эффективности в исследовании применяется метод экономико-математического моделирования, дополненный сравнительным институциональным анализом. Методологическая рамка представлена на рисунке 1.

Общая методологическая рамка

Исследование построено на последовательности взаимосвязанных этапов (рис. 1). На первом этапе на основе анализа кейсов (ЕС и РФ) и отраслевых данных формируются входные параметры модели. На втором этапе осуществляется расчет ключевых экономических показателей – совокупной стоимости владения (TCO) и возврата на инвестиции (ROI). Особенностью модели является третий этап – количественная оценка «стоимости регуляторного риска» (Regulatory Risk Premium, RRP), которая выступает корректирующим коэффициентом, увеличивающим фактические затраты или снижающим ожидаемые выгоды в условиях правовой неопределенности. На четвертом этапе проводится сравнительный анализ, интерпретирующий результаты расчетов через призму институциональных различий между юрисдикциями.

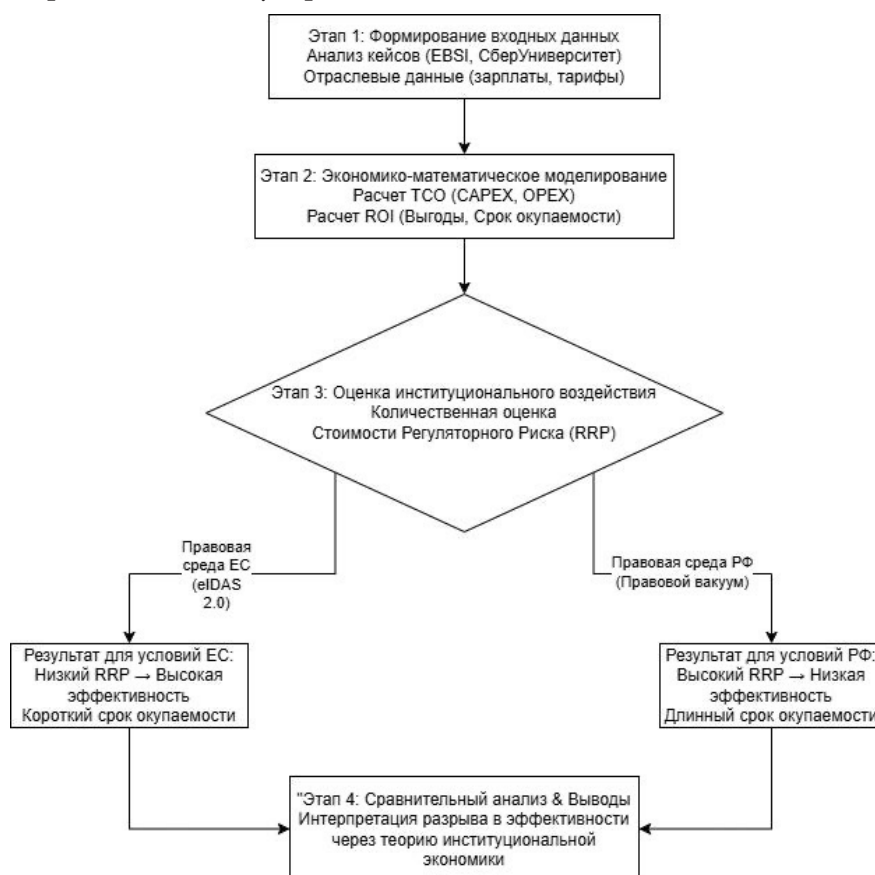


Рисунок 1 – Методологическая рамка исследования: от моделирования к сравнительному анализу
Источник: построено авторами

Экономико-математическая модель: TCO и ROI

Модель построена для гипотетического центра ДПО среднего масштаба с ежегодным выпуском $N = 2000$ слушателей. Базовые финансовые показатели оцениваются по следующей системе.

Совокупная стоимость владения (TCO) рассчитывается как сумма капитальных (CAPEX) и приведенных операционных расходов (OPEX) за горизонт планирования в $T = 5$ лет с учетом коэффициента дисконтирования r (принят на уровне 12% для отрасли образования РФ).

$$TCO = CAPEX + \sum_t \frac{OPEX_t}{(1+r)^t}, \text{ где } t = 1...T \quad (1)$$

CAPEX (капитальные расходы нулевого года): включают единовременные затраты на разработку или адаптацию блокчейн-платформы (C_{dev}), интеграцию с существующими системами управления обучением (LMS) и бухгалтерией (C_{int}), а также миграцию и цифровизацию архивных данных (C_{mig}). На основе анализа рынка ИТ-решений для образования диапазон оценок авторов как $C_{dev} = 1.2 - 1.8$ млн руб., $C_{int} = 0.3 - 0.5$ млн руб., $C_{mig} = 0.1 - 0.2$ млн руб.

$$CAPEX = C_{dev} + C_{int} + C_{mig} \quad (2)$$

OPEX (ежегодные операционные расходы): включают техническую поддержку и обновление системы ($C_{sup} = 0.4 - 0.6$ млн руб./год), оплату комиссий (gas fees) в разрешенном (permissioned) блокчейне ($C_{block} = 0.05 - 0.1$ млн руб./год) и административные затраты на управление ключами и аккаунтами (C_{admin}).

$$OPEX_t = C_{sup} + C_{block} + C_{admin} \quad (3)$$

Возврат на инвестиции (ROI) и срок окупаемости (Payback Period, PP). Модель учитывает два источника годовой экономии (S):

Прямая экономия (S1): Исключение ручных операций по выдаче бумажных дубликатов, заверению копий и ответам на письменные запросы верификации. На основе хронометража труда администраторов оценка составляет $s_1 = 600-800$ рублей на одного выпускника в год.

$$S_1 = N \times s_1 \quad (4)$$

Экономия на предотвращенных потерях (S2): Снижение рисков репутационного ущерба и судебных издержек, связанных с принятием решений (найм, допуск к проекту) на основе поддельного документа. Используется вероятностная оценка: при средней частоте фальсификаций $p = 0.001$ (0.1%) и среднем ущербе на один инцидент $L = 250\,000$ руб., ожидаемая годовая экономия составляет:

$$S_2 = N \times p \times L \quad (5)$$

Годовая экономия (S) и срок окупаемости (PP):

$$S = S_1 + S_2 \quad (6)$$

$$PP = \frac{CAPEX}{S} \quad (7)$$

Ключевым институциональным параметром модели является количественная оценка «стоимости регуляторного риска» (Regulatory Risk Premium, RRP) – дополнительная процентная надбавка, отражающая издержки и неопределенность, порождаемые непроработанным правовым полем. В модели RRP модифицирует ключевые показатели двумя способами.

Первый способ – увеличение CAPEX: правовая неопределенность требует дополнительных затрат на юридическое сопровождение проекта (C_{legal}), разработку внутренних комплаенс-процедур и создание технологических обходных решений (например, гибридных схем хранения данных).

$CAPEX_{adj} = CAPEX \cdot (1 + RRP_C)$, где RRP_C – компонента RRP, увеличивающая капитальные затраты (оценка для РФ: 15-25%).

Снижение эффективной экономии (S): риск непризнания блокчейн-сертификатов внешними сторонами (работодателями, другими учебными заведениями) снижает реальную полезность системы и, следовательно, монетизируемую выгоду. Это выражается в коэффициенте снижения эффективности.

$S_{adj} = S \cdot (1 - RRP_S)$, где RRP_S – компонента RRP, снижающая операционные выгоды (оценка для РФ: 20-30%).

Для условий ЕС, где eIDAS 2.0 создает четкую правовую основу, значение RRP принято близким

к нулю. Для РФ RRP является калибровочным параметром, подобранным таким образом, чтобы итоговый скорректированный срок окупаемости ($PP_{adj} = (CAPEX_{adj}) / S_{adj}$) соответствовал данным реальных пилотных проектов и экспертных интервью, указывающим на его увеличение в 1.5-2 раза по сравнению с расчетом в «идеальных» институциональных условиях.

Источники данных и ограничения модели

Параметры модели калибруются на основе открытых данных по стоимости ИТ-разработки в образовательной сфере РФ; экспертных оценок и публикаций, посвященных анализу кейсов EBSI¹ и корпоративных блокчейн-проектов в РФ, а также стандартизированных данных по заработной плате в секторе образования и административного управления.

Основным ограничением модели является ее оценочно-прогнозный характер, обусловленный отсутствием в РФ масштабных реализованных проектов с открытой финансовой отчетностью. Тем не менее, модель обеспечивает сопоставимую основу для анализа влияния институциональных факторов на экономику технологических инноваций.

Результаты

Применение разработанной модели с входными параметрами, характерными для среднего центра ДПО в РФ, позволило получить количественные оценки эффективности. Ключевые результаты, включая влияние фактора регуляторного риска, представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительные результаты экономического моделирования внедрения блокчейн-системы учета компетенций в ДПО

Показатель	Расчет в «идеальных» институциональных условиях (аналог условий ЕС)	Расчет с учетом «стоимости регуляторного риска» (RRP) для условий РФ	Изменение, % / абсолютное
1. Совокупная стоимость владения (ТСО), 5 лет	6.45 млн руб.	8.21 млн руб.	+27.3%
В том числе CAPEX	1.85 млн руб.	2.71 млн руб. (RRP_C = 25%)	+25.0%
В том числе OPEX (приведенные)	4.60 млн руб.	5.90 млн руб.	+28.3%
2. Годовая экономия (S)	1.90 млн руб.	1.33 млн руб.	-30.0%
От прямой экономии (S1)	1.40 млн руб. (700 руб./вып. × 2000 вып.)	1.12 млн руб. (сниж. эффективность на 20%)	-20.0%
От предотвращенных потерь (S2)	0.50 млн руб. (0.1% × 250 тыс. руб. × 2000 вып.)	0.21 млн руб. (сниж. эффективность на 58% ²)	-58.0%
Ключевые показатели эффективности			
Простой срок окупаемости (PP)	≈ 11.7 месяцев	≈ 20.9 месяцев	+79% (на 9.2 мес.)
Возврат на инвестиции (ROI) за 5 лет	147.3%	61.9%	-85.4 п.п.

1 eIDAS 2.0 in 2026: The Complete Guide for Universities, Employers and Public Sector // EveryCred. – URL: <https://everycred.com/blog/eidas-2-0-digital-identity-guide-2026/> (дата обращения: 14.01.2026).

2 Снижение эффективности S2 в условиях РФ принято более значительным, так как отсутствие правового признания блокчейн-записи снижает юридическую силу доказательства в споре, нивелируя часть превентивного эффекта.

Источник: рассчитано авторами

Детализация расчетов совокупной стоимости владения (ТСО)

Расчет ТСО по формуле 1 на пятилетнем горизонте показал, что основную долю затрат (71.3% в сценарии РФ) составляют операционные расходы (ОРЕХ). CAPEX в размере 2.71 млн руб. включает, помимо прямых затрат на разработку (1.65 млн руб.), интеграцию (0.45 млн руб.) и миграцию (0.15 млн руб.), дополнительные 0.46 млн руб., что соответствует введенному коэффициенту $RRP_C = 25\%$. Эти дополнительные затраты являются прямым следствием правовой неопределенности и включают расходы на юридический консалтинг по обходу коллизий с ФЗ-152, разработку гибридной архитектуры (хранение хэшей в блокчейне, а персональных данных – в защищенной БД) и создание избыточных процедур внутреннего аудита.

Анализ возврата на инвестиции (ROI) и срока окупаемости

Годовая экономия (S) в сценарии РФ составила 1.33 млн руб., что на 30% ниже потенциального уровня в 1.90 млн руб. Наибольшему «сжатию» подверглась компонента S2 (экономия на предотвращенных потерях), что моделирует ситуацию, в которой работодатель не может полноценно опереться на блокчейн-сертификат в суде из-за отсутствия прямого правового признания, снижая его сдерживающий эффект против мошенничества.

В результате простой срок окупаемости (PP) проекта увеличился с 11.7 до 20.9 месяцев, то есть более чем на 9 месяцев или на 79%. Это означает, что проект, который в четкой правовой среде был бы высокоэффективным и окупился бы в течение года, в условиях РФ требует инвестиций на срок, превышающий 1.5 года, что существенно снижает его привлекательность для большинства частных инвесторов и образовательных организаций.

Сравнительная оценка влияния институциональных условий

Сравнение двух сценариев в таблице 1 наглядно демонстрирует механизм трансформации потенциальной экономической эффективности в реальные финансовые показатели под влиянием институционального фактора. Введенный параметр RRP позволил количественно выразить «цену» правовой неопределенности: для рассматриваемого кейса она эквивалентна увеличению капитальных затрат на четверть, сокращению годовой экономии на треть и почти двукратному увеличению срока окупаемости. В рамках модели именно высокий RRP является первичной причиной, переводящей технологически рабочее решение в разряд высокорисковых и малопривлекательных инвестиций.

Обсуждение результатов

Представленные результаты моделирования выявляют центральный парадокс, лежащий на стыке технологического прогресса и институционального развития. Техничко-экономический потенциал блокчейн-решений для учета компетенций не оспаривается, однако его реализация в России оказывается под вопросом не из-за отсутствия технологий или инвестиций, а из-за институциональной среды, которая трансформирует этот потенциал в высокорисковый актив. Наше исследование позволяет взглянуть на этот парадокс через призму фундаментальных экономических концепций.

Если попытаться выразить суть проблемы одним вопросом, то он звучал бы так: «Почему экономически выгодная инновация становится невыгодной в момент ее внедрения в конкретную среду?». Ответ, который мы получили, заключается в том, что институциональная среда – совокупность формальных правил (законов) и неформальных практик – действует как мощный фильтр, перераспределяющий затраты и выгоды. Количественная оценка «стоимости регуляторного риска» (RRP) в размере 25-30% – это не абстрактная цифра. Это конкретное выражение транзакционных издержек, возникающих в ситуации правовой неопределенности. Организация-инноватор вынуждена тратить ресурсы не на создание новой ценности, а на преодоление системного недоверия: разработку обходных юридических схем, создание гибридных технологических архитектур, ведение

переговоров с консервативными контрагентами. В терминах институциональной теории, отсутствие четких «правил игры» заставляет каждого игрока строить свои собственные мини-крепости, что в разы увеличивает совокупные затраты всей системы по сравнению с ситуацией, где эти правила установлены, понятны и защищены.

Сравнительный анализ позволяет выделить различные модели регуляторного подхода к технологическим инновациям. Одна из них характеризуется формированием сквозной инфраструктурной стратегии, где нормативные изменения предвосхищают технологическое развитие. В рамках такой модели государство, устанавливая единые правовые и технические стандарты и создавая предсказуемые условия для всех участников рынка, формирует институциональный каркас для новой технологии. Это приводит к значительному снижению транзакционных издержек на верификацию и взаимодействие, что, в свою очередь, способствует возникновению сетевых эффектов. Каждый новый участник увеличивает общую ценность экосистемы, создавая самоусиливающуюся динамику распространения инноваций.

Другая модель в большей степени опирается на экспериментальные, локальные инициативы, а нормативное регулирование следует за практикой, закрепляя уже устоявшиеся форматы. В таких условиях технологические пилоты могут развиваться в рамках отдельных организаций или отраслей, что позволяет гибко тестировать решения. Однако, с экономической точки зрения, этап интеграции разрозненных решений в единое пространство доверия сопряжен с дополнительными издержками координации и преодоления правовых неопределенностей. Эти издержки, как показала модель, ложатся на первых последователей, влияя на горизонт окупаемости инвестиций и замедляя широкомасштабное внедрение.

Какие же практические выводы следуют из этого анализа для различных участников процесса? Для бизнеса и корпоративного сектора наиболее реалистичным путем представляется фокус на построение внутренних, корпоративных экосистем учета компетенций. В рамках замкнутой системы, где все участники связаны договорными отношениями, можно нивелировать правовую неопределенность и получить быструю отдачу от автоматизации процессов и повышения прозрачности карьерных траекторий сотрудников. Для образовательных организаций стратегической возможностью является запуск пилотов в наименее регулируемых нишах, таких как учет внеучебных достижений, проектной деятельности или *soft skills*. Это позволит наработать бесценные практические компетенции и создать работающие прототипы, которые можно будет быстро масштабировать при изменении регуляторных условий.

Основные результаты исследования имеют практическую значимость для формирования институциональной среды в цифровую эпоху. Полученные данные свидетельствуют о том, что конкурентоспособность экономики определяется не только поддержкой отдельных технологий, но в значительной мере способностью создавать для них благоприятную институциональную основу. Как показывает анализ, стимулирование изолированных пилотных проектов само по себе может не привести к ожидаемому системному эффекту.

Ключевым фактором, влияющим на экономическую динамику внедрения, представляется снижение совокупного уровня регуляторных рисков для всей отрасли. В контексте настоящего исследования, возможными направлениями для снижения таких рисков могли бы стать:

- Законодательное закрепление правового статуса верифицируемых цифровых документов, что способствовало бы снятию ключевой правовой неопределенности.
- Разработка согласованных технических стандартов, обеспечивающих совместимость новых технологий с требованиями в области защиты данных.

Создание подобных институциональных условий позволило бы снизить транзакционные издержки и создать предпосылки для формирования масштабируемых экосистем. В противном случае, можно предположить, что страны с менее развитой инфраструктурой цифрового доверия будут сталкиваться с дополнительными сложностями в условиях глобальной конкуренции за

человеческий капитал и формирования международных стандартов в сфере образования.

Заключение

Данное исследование было направлено на оценку экономической эффективности внедрения технологии распределенного реестра для учета профессиональных компетенций в системе дополнительного профессионального образования. Ответ на центральный вопрос о том, при каких условиях это внедрение становится экономически целесообразным, оказался неоднозначным и выявил глубинный конфликт между технологическим потенциалом и институциональной реальностью.

Проведенный анализ показал, что прямые технологические и операционные выгоды от внедрения блокчейн-решений действительно значительны. Автоматизация верификации, снижение административной нагрузки и минимизация рисков мошенничества формируют убедительную экономическую логику «на бумаге». Наша модель подтвердила, что в условиях стабильной и предсказуемой правовой среды, такие проекты демонстрируют высокий возврат на инвестиции и короткий срок окупаемости, не превышающий года.

Однако ключевой вывод работы заключается в том, что в условиях развивающихся или недостаточно четких регуляторных рамок эти потенциальные выгоды могут в значительной степени нейтрализовываться. Количественная оценка выявила существование существенной «стоимости регуляторного риска» (RRP), которая в подобных условиях способна увеличивать капитальные затраты на 25–30% и снижать ожидаемую годовую экономию в аналогичной пропорции. Правовая неопределенность, связанная с непризнанием новых форм цифровых активов и их коллизией с традиционными нормами, может выступать главным сдерживающим фактором. Она способна трансформировать инвестиции в инновацию из проекта с понятной экономикой в высокорисковую инициативу с удлинённым горизонтом окупаемости.

Таким образом, проблема внедрения передовых технологий для учета компетенций перестает быть сугубо технической и переходит в плоскость формирования институциональной среды. Практическая значимость исследования заключается в выявлении направлений, которые могут способствовать снижению барьеров. В качестве возможных мер, направленных на снижение RRP для всей отрасли, можно рассматривать адаптацию законодательства, направленную на легитимацию верифицируемых цифровых учетных данных, а также разработку согласованных стандартов, регламентирующих их выпуск, хранение и признание с учетом требований защиты данных.

Для бизнеса и корпоративных университетов наиболее реалистичной в среднесрочной перспективе представляется стратегия развития внутренних (private) блокчейн-экосистем для управления талантами и аттестации внутри закрытых профессиональных сообществ. Это позволяет получить операционную выгоду уже сегодня, минимизируя правовые риски за счет договорных отношений между известными контрагентами.

Для образовательных организаций целесообразно сосредоточить усилия на пилотировании технологии в наименее регулируемых областях, таких как учет внеучебных достижений, проектной работы и soft skills. Это создаст необходимый задел компетенций и инфраструктуры для будущего масштабирования.

Научная новизна работы заключается в разработке и апробации методики интеграции фактора институциональной неопределенности в формальные экономико-математические модели (TCO/ROI) для оценки инноваций. Введенный параметр «стоимость регуляторного риска» (RRP) может служить аналитическим инструментом для оценки других технологических решений в условиях развивающихся нормативных сред.

Направления для будущих исследований включают эмпирическую верификацию модели на данных реальных корпоративных проектов, анализ экономики спроса на верифицируемые компетенции со стороны рынка труда, а также сравнительное исследование моделей токенизации образовательных достижений.

В итоге успешное внедрение блокчейн-технологий в сферу учета компетенций зависит не столько от прогресса в разработке алгоритмов, сколько от способности общества и государства выработать новые правила доверия, соответствующие цифровой эпохе. Только тогда экономический потенциал инновации сможет реализоваться в полной мере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Rustemi A, Dalipi F, Atanasovski V, Risteski A. A Systematic Literature Review on Blockchain-Based Systems for Academic Certificate Verification. *IEEE Access*. 2023;11:64679-64696. doi:10.1109/access.2023.3289598
2. Koshiry AME, Eliwa E, El-Hafeez TA, Shams M. Unlocking the power of blockchain in education: An overview of innovations and outcomes. *Blockchain: Research and Applications*. 2023. doi:10.1016/j.bcr.2023.100165
3. Amer A, Sameeh H. Blockchain's Role in Supporting a Culture of Lifelong Learning. *FMDB Transactions on Sustainable Techno Learning*. 2025. doi:10.69888/ftstl.2025.000388
4. Hristova T, Stoyanov I, Minin I, Aleksandrov R. Automated Tracking of Electrical Engineer Competencies through Blockchain Technology. 2023 4th International Conference on Communications, Information, Electronic and Energy Systems (CIEES). 2023. doi:10.1109/ciees58940.2023.10378781
5. Manoj R, Joshi S, Dabholkar U, et al. Blockchain Ecosystem for Credit Transfer in Education. *Mathematical Problems in Engineering*. 2021. doi:10.1155/2021/8526456
6. Mikroyannidis A, Third A, Domingue J. Blockchain-based decentralised micro-accreditation for lifelong learning. *Interactive Learning Environments*. 2024;33:2201 - 2215. doi:10.1080/10494820.2024.2401485
7. Rezgui K, Mhiri H. A blockchain-based smart contracts platform to competency assessment and validation. *International Journal of Hybrid Intelligent Systems*. 2020;16:1 - 12. doi:10.3233/his-190274
8. Lin C, Lin Y, Hsu I. Blockchain-Enabled Verifiable Credential Management for Workforce Competency Assurance. 2025 Seventh International Symposium on Computer, Consumer and Control (IS3C). 2025. doi:10.1109/is3c65361.2025.11131027
9. Sakhipov A, Baidildinov T, Yermaganbetova M, Ualiyev N. Design of an Educational Platform for Professional Development of Teachers with Elements of Blockchain Technology. *International Journal of Advanced Computer Science and Applications*. 2023. doi:10.14569/ijacsa.2023.0140757
10. Lin C, Lin Y, Hsu I. Autonomous nursing professional development framework using blockchain technology. *Scientific Reports*. 2026;16. doi:10.1038/s41598-026-38750-x
11. Rani P, Sachan RK, Kukreja S. A systematic study on blockchain technology in education: initiatives, products, applications, benefits, challenges and research direction. *Computing*. 2023;106:405 - 447. doi:10.1007/s00607-023-01228-z
12. Bhaskar P, Joshi A. Blockchain in education management: present and future applications. *Interact. Technol. Smart Educ.*. 2020;18:1-17. doi:10.1108/itse-07-2020-0102
13. Duan B, Zhong Y, Liu D. Education Application of Blockchain Technology: Learning Outcome and Meta-Diploma. 2017 IEEE 23rd International Conference on Parallel and Distributed Systems (ICPADS). 2017. doi:10.1109/icpads.2017.00114
14. Mikroyannidis A, Third A, Domingue J. A Case Study on the Decentralisation of Lifelong Learning Using Blockchain Technology. *Journal of Interactive Media in Education*. 2020. doi:10.5334/jime.591
15. Novak A, Barišić I, Žager K. Implications of Blockchain Application to Accounting Education and Accounting Practice. *European Conference on Innovation and Entrepreneurship*. 2022. doi:10.34190/ecie.17.1.832
16. Tanim AM, Saria H, Hossain MF, Mansoor N. Dr. FANS: A Decentralized Micro-credential Verification System Towards Higher Qualifications. 2025 International Conference on Electrical, Computer and Communication Engineering (ECCE). 2025. doi:10.1109/ecce64574.2025.11013113
17. Terzi S, Stamelos I, Votis K, Tsiatsos T. A Life-Long Learning Education Passport Powered by Blockchain Technology and Verifiable Digital Credentials: The BlockAdemiC Project. 2022. doi:10.1007/978-3-031-12429-7_18
18. Francia A, Mariani S, Adduce G, Vecchiarelli S, Zambonelli F. Digital Management of Competencies in Web 3.0: The C-Box® Approach. *Future Internet*. 2023;15:350. doi:10.3390/fi15110350

19. Frith KH. Is Nursing Ready for Education Blockchain Technology?. Nursing education perspectives. 2022;43 2:139. doi:10.1097/01.nep.0000000000000949
20. Chukowry V, Nanuck G, Sungkur R. The Future of Continuous Learning - Digital Badge and Microcredential System using Blockchain. Global Transitions Proceedings. 2021. doi:10.1016/j.gltp.2021.08.026
21. McGreal R. Blockchain and Micro-credentials in Education. International Journal of E-Learning & Distance Education / Revue internationale de e-learning et la formation à distance. 2023. doi:10.55667/10.55667/ijede.2023.v38.i1.1250
22. Mikroyannidis A, Third A, Domingue J, Bachler M, Quick K. Blockchain Applications in Lifelong Learning and the Role of the Semantic Blockchain. Blockchain Technology Applications in Education. 2020. doi:10.4018/978-1-5225-9478-9.ch002
23. Fachrunnisa O, Hussain F. Blockchain-based human resource management practices for mitigating skills and competencies gap in workforce. International Journal of Engineering Business Management. 2020;12. doi:10.1177/1847979020966400
24. Ali SR, Memon M, Hussain J, Mohatram M, Faraz M. Digital Learning Platforms and Blockchain for Entrepreneurial Skill Development: Bridging Gaps in Education and Practice. IEEE Access. 2025;13:180877-180890. doi:10.1109/access.2025.3622194
25. Binbusayyis A, Vaiyapuri T. A professional-driven blockchain framework for sharing E-Portfolio in the context of Industry 4.0. ICT Express. 2022;9:140-149. doi:10.1016/j.icte.2022.03.010
26. Lizcano D, Lara J, White B, Aljawarneh SA. Blockchain-based approach to create a model of trust in open and ubiquitous higher education. Journal of Computing in Higher Education. 2019;32:109 - 134. doi:10.1007/s12528-019-09209-y
27. Ghonim A, Corpuz I. Moving Toward A Digital Competency-based Approach in Applied Education: Developing a System Supported by Blockchain to Enhance Competency-Based Credentials. International Journal of Higher Education. 2021. doi:10.5430/ijhe.v10n5p33
28. Novikov SP, Mikheenko OV, Kulagina N, Kazakov O. Digital registry of professional competences of the population drawing on distributed registries and smart contracts technologies. Business Informatics. 2018. doi:10.17323/1998-0663.2018.4.43.53
29. Anwar AS, Rahardja U, Prawiyogi AG, Santoso N, Maulana S. iLearning Model Approach in Creating Blockchain Based Higher Education Trust. International Journal of Artificial Intelligence Research. 2021. doi:10.29099/ijair.v6i1.258
30. Smolenski N. Blockchain for Education: A New Credentialing Ecosystem. 2021. doi:10.1787/6893d95a-en
31. Funk E, Riddell J, Ankel F, Cabrera D. Blockchain Technology: A Data Framework to Improve Validity, Trust, and Accountability of Information Exchange in Health Professions Education.. Academic Medicine. 2018. doi:10.1097/acm.0000000000002326
32. Lam TY, Dongol B. A blockchain-enabled e-learning platform. Interactive Learning Environments. 2020;30:1229 - 1251. doi:10.1080/10494820.2020.1716022

Economic Efficiency of Implementing Blockchain Technologies for Accounting Professional Competencies in the Context of Additional Professional Education

Shchukina Alyona Igorevna

Master's Degree Student

Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: alen.shuckina@yandex.ru

Modnov Sergey Ivanovich

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor

Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: modnovsi@ystu.ru

KEYWORDS

blockchain; competency accounting; additional professional education; economic efficiency; total cost of ownership; return on investment; regulatory risk, transaction costs

ABSTRACT

The article is devoted to the economic analysis of the implementation of distributed ledger technology (blockchain) for the accounting of professional competencies in the system of additional professional education (APE). The methodological basis of the study is economic and mathematical modeling, within which Total Cost of Ownership (TCO) and Return on Investment (ROI) models were developed and parameterized. A distinctive feature of the approach is the integration of the «regulatory risk premium» (RRP) parameter into the analysis. The central hypothesis is the assumption that the potential economic efficiency of blockchain solutions is largely neutralized in conditions of legal uncertainty, leading to a qualitative change in the investment attractiveness of projects. A comparative analysis based on the regulatory approaches of the European Union and the Russian Federation revealed the key reason for the imbalance. It has been proven that in the Russian Federation, the lack of direct legislative recognition of digital verifiable credentials creates systemic uncertainty, which generates significant transaction costs, quantitatively expressed through the RRP. Calculations have shown that for a hypothetical APE center in Russia, the «regulatory risk premium» increases the payback period from 12 to 21 months, transforming it from economically efficient to high-risk. Comparative analysis confirmed the key role of the institutional environment in realizing the economic potential of technological innovations. Conversely, the absence of established regulatory frameworks can contribute to an increase in associated risks, which is objectively reflected in indicators such as the investment payback period. The study emphasizes the relationship between the clarity of the «rules of the game» in the digital environment and the economic outcomes of projects. The practical significance lies in providing an analytical toolkit for evaluating such initiatives, which can be taken into account when formulating development strategies in the field of education and competency management.

Взаимосвязь экономического роста и качества жизни населения: от механизма взаимовлияния к международному контексту

Шкиотов Сергей Владимирович 

кандидат экономических наук, доцент

ФГБОУ ВО Ярославский государственный технический университет, г. Ярославль, Россия

E-mail: shkiotov@yandex.ru

Неволина Софья Евгеньевна

Студент

ФГБОУ ВО Ярославский государственный технический университет, г. Ярославль, Россия

E-mail: nevolinase.23@edu.ystu.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

экономический рост;
качество жизни населения;
валовой внутренний
продукт; субъективное
благополучие; устойчивое
развитие

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию взаимосвязи экономического роста и качества жизни населения в контексте современных теоретических подходов и международного опыта. Проведен анализ отечественных и зарубежных научных исследований, посвященных влиянию экономического роста на объективные и субъективные компоненты качества жизни. Показано, что положительное воздействие экономического роста наиболее отчетливо проявляется в улучшении здоровья населения, увеличении продолжительности жизни, снижении бедности и расширении доступа к образованию и общественным услугам, особенно в странах с низким и средним уровнем доходов. Вместе с тем обосновано, что повышение валового внутреннего продукта не гарантирует автоматического роста благополучия населения, поскольку результаты экономического развития зависят от качества общественных институтов, уровня социально-экономического неравенства, состояния окружающей среды и эффективности государственной политики. Особое внимание уделено двустороннему характеру взаимосвязи, согласно которому качество жизни выступает не только результатом экономического роста, но и важным фактором долгосрочного экономического развития посредством накопления человеческого капитала, укрепления общественного доверия и повышения инвестиционной привлекательности территорий. На основе анализа международных кейсов Республики Корея, Норвегии и Коста-Рики показано, что устойчивое повышение качества жизни определяется не столько масштабами экономического роста, сколько эффективностью преобразования экономических ресурсов в человеческое развитие, социальную защищенность и экологическую устойчивость. Сделан вывод о необходимости перехода от оценки темпов роста валового внутреннего продукта к комплексной оценке качества социально-экономического развития.

JEL codes: I31, O15, O47, D63, Q56

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-5-189-202>

Для цитирования: Шкиотов, С.В. Взаимосвязь экономического роста и качества жизни населения: от механизма взаимовлияния к международному контексту / С.В. Шкиотов, С.Е. Неволина. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 5. – С.189-202. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.05.2026)

Введение

В современных условиях оценка качества жизни населения приобретает особую значимость как комплексный показатель экономического развития страны или региона. Традиционные макроэкономические индикаторы, такие как валовой внутренний продукт (ВВП), объём промышленного производства, инвестиции в основной капитал и доходы бюджета, характеризуют преимущественно масштабы и динамику хозяйственной деятельности. Однако они не позволяют в

полной мере определить, насколько результаты экономического роста преобразуются в реальные социальные блага, повышение благосостояния граждан и расширение возможностей для удовлетворения их потребностей. В связи с этим качество жизни населения выступает важнейшим критерием социальной направленности и эффективности экономического развития.

Особую значимость рассматриваемая проблематика приобретает в контексте перехода к человекоцентричной модели экономического развития. В рамках данной модели население рассматривается не только как трудовой ресурс или потребитель произведённых благ, но и как главная цель социально-экономической политики. Экономическое развитие признаётся результативным в том случае, если оно сопровождается снижением бедности, ростом реальных доходов, повышением доступности общественных услуг, улучшением демографической ситуации и созданием благоприятной среды для жизни. Поэтому оценка качества жизни необходима для определения степени соответствия макроэкономической политики интересам и потребностям населения.

Экономическая литература, посвященная взаимосвязи экономического роста и качества жизни населения, свидетельствует о наличии устойчивой, но неоднозначной зависимости между данными явлениями. Так, в межстрановых исследованиях более высокий уровень ВВП на душу населения, как правило, ассоциируется с лучшими показателями здоровья, образования и материального благосостояния населения [1-3]. Однако исследования временной динамики показывают, что увеличение ВВП не всегда сопровождается повышением субъективного благополучия, социальной справедливости и экологической устойчивости качества жизни [1, 4, 5].

Современные исследования сходятся во мнении, что влияние экономического роста на качество жизни носит опосредованный характер. Так, наиболее выраженное положительное воздействие наблюдается в отношении объективных характеристик качества жизни, включая состояние здоровья населения, ожидаемую продолжительность жизни и уровень материального обеспечения, особенно в странах с низким и средним уровнем доходов [6, 7]. Вместе с тем эффективность экономического роста существенно снижается при высоком уровне социально-экономического неравенства, недостаточном уровне общественного доверия, перегруженности инфраструктуры и ухудшении экологической ситуации [8-10]. Более того, ряд исследований рассматривает качество жизни не только как результат экономического развития, но и как самостоятельный фактор экономического роста посредством накопления человеческого капитала, повышения привлекательности территории для квалифицированной рабочей силы и инвестиций, а также улучшения качества городской среды [11-13].

Одним из наиболее устойчивых выводов, который следует из анализа современных экономических исследований, является различие между объективными и субъективными компонентами качества жизни. При этом наиболее надежные эмпирические результаты получены в отношении объективных показателей. Например, в развивающихся странах экономический рост способствует снижению младенческой смертности, увеличению ожидаемой продолжительности жизни и улучшению обеспеченности населения продовольствием, однако величина данного эффекта уменьшается по мере достижения более высокого уровня экономического развития [6]. Аналогичные результаты получены и для менее развитых стран, где рост ВВП положительно влияет на продолжительность жизни и уровень питания населения, тогда как образование и урбанизация нередко оказываются более значимыми факторами улучшения отдельных социальных показателей, чем сам экономический рост [19]. В частности, исследования регионов Китая также подчеркивают наличие порогового эффекта: положительное влияние экономического развития на общественное здоровье существенно усиливается после достижения определенного уровня экономического развития, причем величина данного порога различается между регионами [7].

Значительно менее однозначны результаты, полученные в отношении субъективного благополучия населения. Хотя в краткосрочном периоде экономический рост обычно сопровождается повышением

удовлетворенности жизнью, в долгосрочной перспективе данная взаимосвязь ослабевает и в отдельных исследованиях становится статистически незначимой [1, 4]. Вместе с тем международные сравнительные исследования показывают, что положительное влияние экономического роста на субъективное благополучие сохраняется при условии высокого уровня общественного доверия и снижения социально-экономического неравенства, особенно в странах с высоким уровнем доходов [8]. Кроме того, установлено, что экономические спады оказывают существенно более сильное отрицательное влияние на субъективное благополучие населения, чем экономический подъем аналогичной величины оказывает положительное воздействие [15]. Исследования на основе панельных данных Китая также подтверждают нелинейный характер данной зависимости и демонстрируют, что рост неравенства непосредственно снижает уровень субъективного благополучия и одновременно ослабляет положительное влияние экономического роста [9].

Отдельное направление исследований посвящено обратной причинно-следственной связи между качеством жизни и экономическим развитием. Полученные результаты свидетельствуют о том, что повышение качества жизни само по себе способно стимулировать экономический рост. Так, исследования регионов Китая показывают наличие положительного и нелинейного влияния качества жизни на экономическое развитие, причем наиболее сильный эффект наблюдается в регионах с уже высоким уровнем благосостояния [11]. Аналогичные выводы получены для США, где высокое качество жизни усиливает экономическую отдачу человеческого капитала, особенно в неметропольных территориях [12]. Кроме того, развитая социальная инфраструктура, благоприятная экологическая среда и высокое качество городских удобств способствуют привлечению инвестиций, квалифицированных работников и новых жителей, формируя дополнительные источники устойчивого экономического роста [13, 21, 22].

Таким образом, современные исследования свидетельствуют, что экономический рост значительно лучше объясняет изменения объективных компонентов качества жизни, чем субъективных. Наиболее устойчивые результаты относятся к показателям здоровья, продолжительности жизни, питания и человеческого развития, прежде всего в странах с низким и средним уровнем доходов [6, 19, 20]. Вместе с тем влияние экономического роста на качество жизни не является универсальным и существенно зависит от механизмов распределения доходов, эффективности общественных институтов, доступности социальных услуг и состояния окружающей среды [5, 8–10, 16, 23].

Кроме того, анализ современной литературы позволяет сделать вывод, что в исследованиях произошел переход от оценки самого факта существования связи между экономическим ростом и качеством жизни к изучению механизмов, посредством которых экономический рост трансформируется в общественное благосостояние. Экономический рост перестает рассматриваться как самостоятельная цель развития и все чаще интерпретируется как ресурс, эффективность которого определяется качеством институтов, уровнем социального доверия, степенью неравенства, развитием человеческого капитала и экологической устойчивостью. Следовательно, в современных условиях ключевым фактором повышения качества жизни выступают не столько темпы роста валового внутреннего продукта, сколько способность государства и общества преобразовывать результаты экономического роста в устойчивые социальные и человеческие достижения.

Цель данного исследования – исследовать механизмы влияния экономического роста на качество жизни населения и определить факторы, обеспечивающие трансформацию экономического роста в устойчивое общественное благосостояние.

Основная часть

Проблема взаимосвязи между качеством жизни населения и экономическим ростом занимает центральное место в современной экономике благосостояния, теории человеческого развития и исследованиях устойчивого развития. На протяжении большей части XX века увеличение ВВП рассматривалось одновременно как главный показатель развития и как важнейшая цель экономической политики. Предполагалось, что расширение производства автоматически ведёт к росту занятости,

доходов и потребления, а следовательно – к повышению общественного благосостояния. Эта логика сохраняет значительную объяснительную силу: общества с более высокой производительностью обычно обладают большими возможностями для борьбы с бедностью, финансирования медицины, образования, инфраструктуры и социальной защиты.

Однако накопленные эмпирические данные показывают, что ВВП характеризует объём рыночного производства, но не даёт исчерпывающей информации о том, как живут люди, каким образом распределяются результаты производства и насколько достигнутый уровень благополучия устойчив во времени. ВВП не отражает непосредственно состояние здоровья, безопасность, качество окружающей среды, жилищные условия, баланс труда и отдыха, социальные связи, политические возможности и удовлетворённость жизнью. Кроме того, некоторые виды деятельности повышают ВВП, одновременно компенсируя или устраняя ущерб: расходы на лечение заболеваний, ликвидацию последствий загрязнения либо восстановление после катастроф увеличивают экономическую активность, но не обязательно свидетельствуют о росте благополучия.

Из этого следует, что связь между ростом ВВП и качеством жизни нельзя описать простой линейной функцией. Корректнее представить её в виде цепочки: экономический рост → распределение создаваемого дохода → занятость и доходы домохозяйств → частное и общественное потребление → фактические возможности человека → объективные результаты → субъективная оценка жизни.

Рассмотрим воздействие экономического роста на качество жизни населения. Для этого выделим и проанализируем несколько каналов влияния:

1. Доходы, потребление и сокращение бедности. Наиболее непосредственный канал воздействия экономического роста связан с увеличением заработной платы, предпринимательских доходов, социальных выплат и занятости. Для малообеспеченных групп даже относительно небольшое повышение реального дохода может радикально изменить качество питания, жилищные условия, доступ к лекарствам, образованию и транспорту. Поэтому предельная социальная отдача роста наиболее высока в странах с массовой абсолютной бедностью.

Экономический рост расширяет спрос на труд и способствует переходу работников из низкопроизводительной занятости в более производительные отрасли. Индустриализация и урбанизация могут сопровождаться ростом заработков, формализацией занятости и расширением доступа к инфраструктуре. Однако сокращение бедности зависит от эластичности доходов малообеспеченных групп по отношению к росту ВВП. Если основная часть дополнительного дохода приходится на верхние группы, положительный эффект для большинства населения оказывается слабее.

Следовательно, важны не только средние темпы роста, но и его инклюзивность. ОЭСР определяет инклюзивный рост как динамику, которая расширяет возможности участия в экономике и обеспечивает достаточно широкое распределение результатов процветания. Такой подход включает не только денежные доходы, но и доступ к качественным рабочим местам, здравоохранению и образованию.

Неравенство способно ослаблять положительную связь между ростом и качеством жизни по нескольким причинам. Во-первых, средний доход может увеличиваться при стагнации медианного дохода. Во-вторых, домохозяйства с низкими доходами направляют большую долю ресурсов на базовые потребности, поэтому перераспределение в их пользу создаёт более значимый прирост фактического благополучия. В-третьих, высокая концентрация доходов ограничивает доступ части населения к образованию, медицине и жилищным возможностям. Исследования ОЭСР показывают, что чрезмерное неравенство может также сдерживать последующий рост, поскольку снижает возможности малообеспеченных семей инвестировать в знания и навыки детей.

2. Государственные доходы и общественные услуги. Рост экономики увеличивает налоговую базу. При неизменной налоговой нагрузке государство получает больше ресурсов для финансирования здравоохранения, образования, социальной защиты, транспорта, водоснабжения, благоустройства

и цифровой инфраструктуры. В странах с низким доходом этот канал особенно важен: бюджетные ограничения нередко препятствуют созданию базовых систем санитарии, вакцинации и начального образования.

Однако автоматического перехода от роста доходов бюджета к повышению качества услуг не существует. Результат зависит от качества государственного управления, бюджетных приоритетов и эффективности расходов. Дополнительные поступления могут направляться на человеческий капитал и инфраструктуру, а могут расходоваться неэффективно, концентрироваться в административном секторе или использоваться для проектов с низкой общественной отдачей.

Важна также универсальность общественных услуг. Если медицинская и образовательная системы доступны преимущественно обеспеченным слоям или крупным городам, рост бюджетов не устраняет территориальные и социальные различия. Напротив, универсальный доступ позволяет превратить часть результатов экономического роста в коллективное благо, которое повышает качество жизни независимо от индивидуального дохода.

3. Занятость и качество труда. Работа является не только источником дохода. Она влияет на социальный статус, самооценку, структуру повседневной жизни и чувство включённости в общество. Поэтому рост, сопровождающийся созданием устойчивых и безопасных рабочих мест, оказывает более сильное положительное воздействие, чем рост, основанный на нестабильной, неформальной или чрезмерно интенсивной занятости.

Для оценки качества роста необходимо учитывать уровень безработицы, продолжительность рабочего времени, производственный травматизм, социальные гарантии, возможности обучения и автономию работника. Быстрое расширение выпуска может сопровождаться переработками, профессиональным выгоранием и ухудшением баланса между трудом и личной жизнью. В этом случае увеличение дохода частично компенсируется потерями свободного времени и здоровья.

В частности, ОЭСР включает в систему благополучия не только уровень занятости, но и длительную безработицу, гендерный разрыв в оплате труда, чрезмерно продолжительную работу и баланс времени. Это отражает принципиальное различие между количеством созданных рабочих мест и их качеством.

4. Здоровье и продолжительность жизни. Рост доходов способствует улучшению питания, жилищных условий, санитарии, доступа к медицинской помощи и снижению детской смертности. Межстрановые сопоставления демонстрируют выраженную положительную связь между доходом и продолжительностью жизни, особенно на ранних стадиях развития. Однако по мере повышения доходов дополнительный вклад материального благосостояния уменьшается, а решающую роль начинают играть организация здравоохранения, образ жизни, профилактика, социальное неравенство и состояние окружающей среды.

Экономический рост может одновременно порождать новые риски: загрязнение воздуха, транспортный травматизм, малоподвижный образ жизни, стресс, профессиональные заболевания и распространение нездорового потребления. Поэтому чистый эффект определяется соотношением дополнительных ресурсов и возникающих издержек.

Эмпирические оценки ОЭСР показывают, что здоровье зависит не только от медицинских расходов, но и от образования, доходов, безработицы, образа жизни и загрязнения воздуха. Таким образом, экономическая и социальная политика воздействуют на здоровье одновременно по нескольким каналам.

5. Окружающая среда и устойчивость. На индустриальной стадии рост часто сопровождается увеличением потребления энергии и материалов, выбросами, загрязнением воды, деградацией почв и расширением городских территорий. Эти процессы могут повышать текущий ВВП, но снижать здоровье, комфорт проживания и устойчивость благополучия.

Экологические потери распределяются неравномерно. Домохозяйства с низкими доходами чаще проживают рядом с промышленными объектами и транспортными магистралями, имеют

меньшие возможности сменить место жительства и слабее защищены от климатических рисков. Следовательно, экологические последствия усиливают социальную дифференциацию качества жизни.

На более высоких стадиях развития появляется возможность относительного разрыва между ростом выпуска и экологической нагрузкой за счёт энергоэффективности, технологических инноваций, развития общественного транспорта и изменения структуры экономики. Однако такой переход не является неизбежным: он требует регулирования, инвестиций и включения экологических издержек в цены.

Вместе с тем, необходимо учитывать и обратное воздействие качества жизни на экономический рост.

Так, здоровое население обладает большей физической и когнитивной работоспособностью, реже отсутствует на рабочем месте, дольше сохраняет профессиональную активность и эффективнее инвестирует в образование. Снижение детской смертности и улучшение здоровья в раннем возрасте увеличивают будущий человеческий капитал.

Всемирный банк рассматривает здоровье и образование как компоненты человеческого капитала, определяющие будущую производительность работников. Индекс человеческого капитала сопоставляет фактический уровень здоровья и обучения с условной границей полного здоровья и качественного образования; его интерпретация непосредственно связана с потенциальной производительностью будущего поколения.

Влияние здоровья на рост проявляется с временным лагом. Инвестиции в питание детей, профилактику заболеваний и качество школы не всегда дают немедленный прирост ВВП, но формируют способности, которые определяют производительность через десять или двадцать лет. Это создаёт риск недоинвестирования, если политика ориентируется исключительно на краткосрочные макроэкономические показатели.

Например, образование повышает индивидуальную производительность и способность экономики осваивать новые технологии. Однако существенны не только продолжительность обучения и охват населения, но и его качество. Формальное увеличение числа лет, проведённых в школе, не гарантирует развития функциональной грамотности, математических компетенций и способности решать нестандартные задачи.

В моделях эндогенного роста человеческий капитал способствует созданию и распространению знаний. Квалифицированные работники быстрее осваивают оборудование, адаптируют зарубежные технологии и участвуют в инновациях. Поэтому расходы на образование одновременно повышают качество жизни как самостоятельную ценность и создают базу для будущего роста.

Возникает положительная обратная связь: рост позволяет финансировать образование, образование повышает производительность, а последующее увеличение производительности расширяет ресурсы для новых социальных инвестиций. Но возможна и отрицательная спираль: низкие доходы ограничивают доступ к обучению, дефицит квалификации сдерживает рост, а слабый рост сохраняет бюджетные ограничения.

Более того, системы социальной защиты нередко интерпретируются исключительно как расходы, уменьшающие ресурсы для инвестиций. Однако страхование от безработицы, доступная медицина, пенсионное обеспечение и поддержка семей могут выполнять продуктивную функцию. Они снижают риск катастрофического падения дохода, позволяют работникам искать более подходящую занятость, поддерживают потребительский спрос во время кризисов и облегчают инвестиции в обучение или предпринимательство.

Чрезмерная нестабильность может заставлять домашние хозяйства избегать долгосрочных проектов и концентрироваться на краткосрочном выживании. Поэтому разумная социальная защита увеличивает способность людей принимать продуктивные риски. При этом конкретный эффект зависит от конструкции программ: плохо спроектированные выплаты способны снижать

стимулы к формальной занятости, тогда как адресная помощь, активная политика рынка труда и доступ к переобучению поддерживают включённость в экономику.

Важно помнить, что качество жизни связано с уровнем межличностного и институционального доверия. В обществах с высоким доверием ниже транзакционные издержки, проще заключать договоры, развивать кооперацию и производить общественные блага. Предсказуемые правила и эффективная защита прав уменьшают неопределённость и стимулируют инвестиции.

Социальный капитал влияет и на устойчивость в периоды кризисов. Сильные горизонтальные связи, готовность к взаимопомощи и доверие к институтам облегчают коллективное реагирование на эпидемии, природные бедствия и экономические потрясения. В исследованиях субъективного благополучия социальная поддержка, свобода жизненного выбора, здоровая продолжительность жизни и восприятие коррупции объясняют значительную часть межстрановых различий наряду с ВВП на душу населения.

Кроме того, удовлетворённость жизнью не сводится к эмоциональному комфорту. Она может влиять на мотивацию, текучесть кадров, здоровье, кооперацию и творческую активность. Работники, испытывающие постоянный стресс, финансовую незащищённость или отсутствие контроля над собственной жизнью, менее способны к долгосрочному планированию и инновационному поведению.

При этом причинность является двусторонней. Высокий доход повышает удовлетворённость жизнью, но более здоровые, социально включённые и психологически устойчивые люди также чаще сохраняют занятость и получают более высокий доход. Поэтому эмпирическое разделение причин и следствий требует панельных данных и квазиэкспериментальных методов.

Необходимо помнить, что при низком исходном уровне дохода рост экономики прежде всего удовлетворяет базовые потребности: питание, безопасность, санитария и жильё. Поэтому его влияние на качество жизни особенно велико. После достижения определённого уровня дополнительные доходы чаще направляются на товары, значение которых связано с комфортом, статусом или относительным положением. Предельный прирост благополучия уменьшается.

Это не означает, что доход перестаёт иметь значение в богатых странах. Финансовые трудности, безработица и жилищная недоступность продолжают существенно влиять на жизнь. В докладе ОЭСР отмечается, что даже при устойчивости средних доходов и занятости многие домохозяйства сталкиваются с финансовой неуверенностью и ростом жилищных затрат. Однако после удовлетворения базовых потребностей возрастает относительная роль здоровья, свободного времени, доверия, семейных отношений, экологии и автономии.

Далее рассмотрим три международных кейса, наиболее ярко раскрывающих связь между экономическим ростом и качеством жизни населения (см. рис.1).

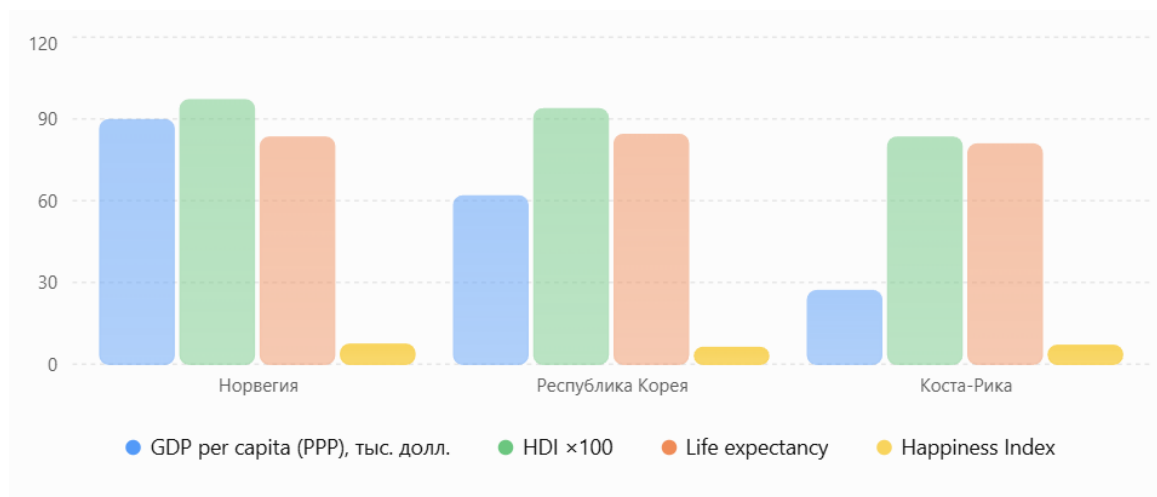


Рисунок 1 – Сравнение Республики Корея, Норвегии и Коста-Рики по показателям развития, 2023 г.
Источник: построено авторами

Кейс Южной Кореи представляет один из наиболее известных примеров успешной трансформации аграрной экономики в индустриальную и технологическую державу. Основой роста стали экспортноориентированная промышленная политика, инвестиции, развитие инфраструктуры, повышение образовательного уровня и последовательное освоение более сложных технологий.

Социальная результативность корейского роста проявилась в резком сокращении бедности, массовом распространении образования, развитии системы здравоохранения и увеличении продолжительности жизни. Исторические исследования Всемирного банка характеризовали корейский опыт как редкий пример сочетания быстрого роста с существенным снижением бедности. Современная оценка ОЭСР указывает, что за несколько десятилетий страна достигла значительного прогресса в продолжительности и безопасности жизни, образовательном охвате и материальном благополучии.

Корея иллюстрирует двустороннюю связь: индустриальный рост создавал ресурсы для образования и здравоохранения, а образованная рабочая сила обеспечивала освоение технологий и переход к производству с высокой добавленной стоимостью. По данным ПРООН за 2023 год, Республика Корея относилась к группе стран с очень высоким человеческим развитием: её ИЧР составлял 0,937, ожидаемая продолжительность жизни – 84,3 года.

Вместе с тем кейс Кореи показывает, что высокий ВВП и выдающиеся образовательные и медицинские показатели не устраняют всех дефицитов качества жизни. ОЭСР отмечает сохраняющиеся проблемы относительной бедности, проблемы чрезмерной продолжительности рабочего времени, удовлетворённости жизнью, социального доверия и психического благополучия. В 2022 году продолжительность жизни корейцев превышала средний уровень ОЭСР, но показатели самооценки здоровья оставались относительно низкими, а смертность от самоубийств – высокой.

Таким образом, корейская модель подтверждает, что инвестиции в человеческий капитал способны обеспечить взаимное усиление роста и объективного благополучия. Одновременно она показывает пределы стратегии, ориентированной на интенсивную конкуренцию, образовательные достижения и длительный труд: после достижения высокого материального уровня центральными становятся психическое здоровье, социальные связи, гендерное равенство, свободное время и качество городской среды.

Норвегия представляет пример страны, сумевшей преобразовать доходы от невозобновляемых ресурсов в устойчивое общественное благополучие. Наличие нефти само по себе не гарантирует высокого качества жизни: международный опыт показывает, что ресурсное богатство может сопровождаться коррупцией, макроэкономической нестабильностью и неравенством. Особенность Норвегии заключается в институциональном механизме управления рентой.

Чистые государственные доходы от нефтяной деятельности перечисляются в Государственный пенсионный фонд – Глобальный. Его назначение состоит в долгосрочном сохранении и приумножении нефтегазового богатства в интересах нынешнего и будущих поколений. Средства инвестируются за пределами страны, что снижает давление сырьевых доходов на внутреннюю экономику.

Фискальное правило ограничивает использование нефтяных средств ожидаемой реальной доходностью фонда. Таким образом, временный поток доходов от добычи преобразуется в более долговременный финансовый источник. Государственные нефтяные поступления полностью направляются в фонд, а перечисления в бюджет производятся по решению парламента.

Этот механизм уменьшает зависимость текущих расходов от колебаний нефтяных цен и создаёт межпоколенческое распределение ренты. Он сочетается с универсальными системами образования, здравоохранения и социальной защиты, высоким уровнем занятости и сравнительно низким неравенством. Норвежские правительственные документы прямо связывают высокий уровень участия в рынке труда и универсальное социальное государство с сокращением бедности и улучшением жизненных условий уязвимых групп.

В 2023 году Норвегия занимала второе место по ИЧР: индекс составлял 0,970, ожидаемая

продолжительность жизни – 83,3 года . Однако важен не сам высокий показатель дохода, а институциональная архитектура, обеспечивающая его трансформацию в общественные услуги, социальную устойчивость и финансовые активы будущих поколений.

Норвежский кейс показывает, что ресурсный рост становится основой качества жизни только при прозрачном управлении, макроэкономической дисциплине и сильных общественных институтах. Рента используется не как замена производительности и занятости, а как дополнение к развитой несырьевой экономике и человеческому капиталу.

Коста-Рика интересна тем, что её социальные и медицинские результаты заметно превосходят ожидания, основанные исключительно на уровне дохода. Страна не относится к наиболее богатым экономикам мира: ВВП на душу населения в 2024 году составлял около 18,6 тыс. долларов в текущих ценах. При этом ожидаемая продолжительность жизни достигала примерно 81 года, что близко к среднему уровню ОЭСР.

ПРООН относит Коста-Рику к группе очень высокого человеческого развития. В 2023 году её ИЧР составлял 0,833, ожидаемая продолжительность жизни – 80,8 года, а валовой национальный доход на душу населения – 23,4 тыс. международных долларов по ППС 2021 года . Примечательно, что по ожидаемой продолжительности жизни страна опережает ряд государств с существенно более высоким доходом.

Объяснение связано с длительными инвестициями в первичную медицину, образование и социальную инфраструктуру, а также с относительно широким доступом к базовым услугам. Следовательно, институциональная способность эффективно использовать ограниченные ресурсы способна частично компенсировать более низкий уровень ВВП.

В то же время высокий средний медицинский результат не исключает проблем занятости, бюджетной устойчивости, территориальных различий и неравенства. Коста-Рика показывает, что качество жизни не является простой функцией объёма дохода, но не доказывает его незначимость. Умеренный рост остаётся необходимым для финансирования инфраструктуры и социальных программ. Особенность модели состоит в более высокой эффективности конвертации каждого дополнительного ресурса в здоровье и человеческое развитие.

Данный кейс особенно важен для сравнительного анализа: страны с ограниченными доходами способны достигать высоких социальных результатов, если устанавливают правильные приоритеты. И наоборот, более богатые государства могут демонстрировать худшие показатели здоровья, если ресурсы распределяются неэффективно или социальные и экологические риски остаются без внимания.

Рассмотренные кейсы позволяют выделить несколько закономерностей (см. рис. 2).

Во-первых, при низком исходном уровне дохода быстрый рост способен радикально улучшить материальные условия. Ранняя Южная Корея показывают, что индустриализация, создание рабочих мест и инфраструктуры существенно сокращают абсолютную бедность. В этой фазе основным ограничением качества жизни является нехватка ресурсов.

Во-вторых, человеческий капитал является одновременно результатом и двигателем роста. Южная Корея достигла технологического развития благодаря массовому образованию и укреплению здоровья населения. Коста-Рика демонстрирует, что приоритет социальных инвестиций позволяет получать высокие результаты даже при умеренном доходе.

В-третьих, институты определяют способность общества распоряжаться результатами роста. Норвегия преобразовала временную нефтяную ренту в долгосрочные финансовые активы и универсальные общественные услуги. Слабое управление ресурсами могло бы привести к противоположному результату.

В-четвёртых, рост может порождать издержки, которые не отражаются в ВВП. Южная Корея столкнулась с дефицитами психического благополучия и баланса времени. Поэтому на высоких стадиях развития требуется переход от максимизации выпуска к оптимизации структуры

благополучия.

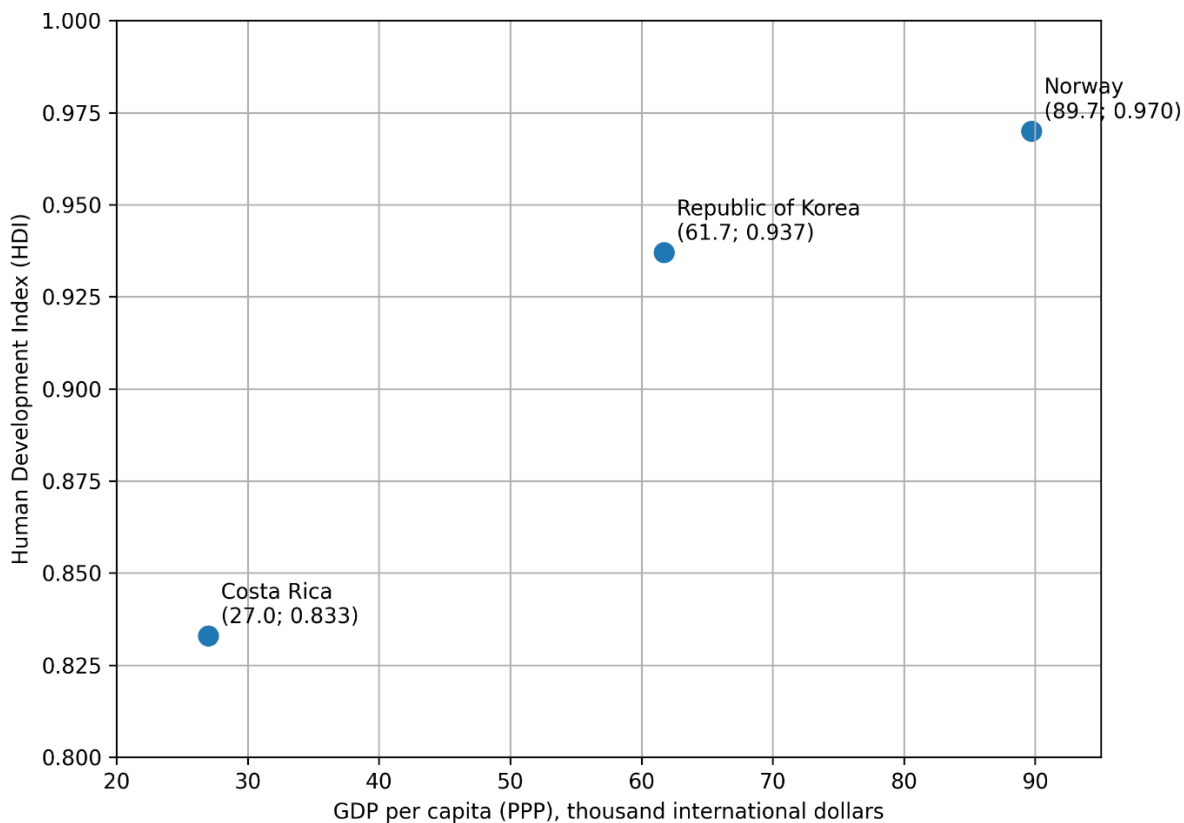


Рисунок 2 – Эффективность преобразования экономического в человеческое развитие в анализируемых странах

Источник: построено авторами

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что взаимосвязь между экономическим ростом и качеством жизни имеет сложный двусторонний характер. Рост создаёт доходы, рабочие места и бюджетные ресурсы, необходимые для удовлетворения материальных потребностей и развития общественных услуг. Его воздействие особенно значительно при низком исходном уровне благосостояния, когда дополнительные ресурсы направляются на питание, жильё, санитарные условия, базовую медицину и образование.

По мере повышения дохода связь становится менее прямой. Возрастают значение распределения, качества труда, свободного времени, экологии, доверия, психического здоровья и социальных отношений. Дополнительный рост ВВП может сопровождаться как улучшением, так и ухудшением отдельных сторон жизни. Поэтому динамику производства нельзя использовать в качестве единственного критерия общественного прогресса.

Качество жизни, в свою очередь, формирует условия роста. Здоровье и образование повышают производительность, социальная защищённость облегчает адаптацию к изменениям, доверие уменьшает транзакционные издержки, а благоприятная среда способствует привлечению и сохранению человеческого капитала. Социальная политика, таким образом, является не только механизмом распределения уже созданного дохода, но и формой долгосрочных производительных инвестиций.

Международный опыт подтверждает, что решающим является не богатство само по себе, а институциональная способность преобразовывать его в человеческое развитие. Южная Корея показывает продуктивность взаимного усиления индустриализации и человеческого капитала,

Норвегия – значение институтов управления ресурсной рентой, Коста-Рика – возможность достижения высоких социальных результатов при умеренном доходе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Easterlin, R. A., Angelescu, L. Modern Economic Growth and Quality of Life: Cross Sectional and Time Series Evidence. 2007. DOI: 10.1007/978-94-007-2421-1_6.
2. Easterly, W. R. Life During Growth // *Journal of Economic Growth*. 1999. Vol. 4. P. 239–276. DOI: 10.1596/1813-9450-2110.
3. Lee, Y., Goh, K. The Happiness–Economic Well-Being Nexus: New Insights From Global Panel Data // *SAGE Open*. 2023. Vol. 13. DOI: 10.1177/21582440231199659.
4. Bartolini, S., Sarracino, F. Happy for How Long? How Social Capital and Economic Growth Relate to Happiness over Time // *Ecological Economics*. 2014. Vol. 108. P. 242–256. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2014.10.004.
5. Graham, C., Laffan, K., Pinto, S. Well-Being in Metrics and Policy // *Science*. 2018. Vol. 362. P. 287–288. DOI: 10.1126/science.aau5234.
6. Cole, W. Wealth and Health Revisited: Economic Growth and Wellbeing in Developing Countries, 1970 to 2015 // *Social Science Research*. 2019. Vol. 77. P. 45–67. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2018.09.003.
7. Niu, X., Yang, Y., Wang, Y. Does the Economic Growth Improve Public Health? A Cross-Regional Heterogeneous Study in China // *Frontiers in Public Health*. 2021. Vol. 9. DOI: 10.3389/fpubh.2021.704155.
8. Mikucka, M., Sarracino, F., Dubrow, J. K. When Does Economic Growth Improve Life Satisfaction? Multilevel Analysis of the Roles of Social Trust and Income Inequality in 46 Countries, 1981–2012 // *World Development*. 2017. Vol. 93. P. 447–459. DOI: 10.1016/j.worlddev.2017.01.002.
9. Huang, F., Ding, H., Han, N., Li, F., Zhu, T. Does Wealth Equate to Happiness? An 11-Year Panel Data Analysis Exploring Socio-Economic Indicators and Social Media Metrics // *PLOS ONE*. 2024. Vol. 19. DOI: 10.1371/journal.pone.0301206.
10. Kallis, G., Hickel, J., O'Neill, D. W., et al. Post-Growth: The Science of Wellbeing within Planetary Boundaries // *The Lancet Planetary Health*. 2025. Vol. 9, No. 1. P. e62–e78. DOI: 10.1016/S2542-5196(24)00310-3.
11. Cui, Y., Tian, H., An, D., Jia, Y. Quality of Life and Regional Economic Development: Evidence from China // *PLOS ONE*. 2024. Vol. 19. DOI: 10.1371/journal.pone.0298389.
12. Fan, Q., Goetz, S., Liang, J. The Interactive Effects of Human Capital and Quality of Life on Economic Growth // *Applied Economics*. 2016. Vol. 48. P. 5186–5200. DOI: 10.1080/00036846.2016.1173180.
13. Wong, C. The Relationship Between Quality of Life and Local Economic Development: An Empirical Study of Local Authority Areas in England // *Cities*. 2001. Vol. 18. P. 25–32. DOI: 10.1016/S0264-2751(00)00051-2.
14. Wu, X., Li, J. Income Inequality, Economic Growth, and Subjective Well-Being: Evidence from China // *Research in Social Stratification and Mobility*. 2017. Vol. 52. P. 49–58. DOI: 10.1016/j.rssm.2017.10.003.
15. De Neve, J., Ward, G., De Keulenaer, F., Van Landeghem, B., Kavetsos, G., Norton, M. The Asymmetric Experience of Positive and Negative Economic Growth: Global Evidence Using Subjective Well-Being Data // *The Review of Economics and Statistics*. 2018. Vol. 100. P. 362–375. DOI: 10.1162/rest_a_00697.
16. Dodds, S. Economic Growth and Human Well-Being // *Human Ecology, Human Economy*. 2020. DOI: 10.4324/9781003136866-5.
17. Wang, Z., Asghar, M. M., Zaidi, S., et al. The Dynamic Relationship Between Economic Growth and Life Expectancy: Contradictory Role of Energy Consumption and Financial Development in Pakistan // *Structural Change and Economic Dynamics*. 2020. DOI: 10.1016/j.strueco.2020.03.004.
18. Rajnoha, R., Lesníková, P., Vahančík, J. Sustainable Economic Development: The Relation Between Economic Growth and Quality of Life in V4 and Austria // *Economics & Sociology*. 2021. DOI: 10.14254/2071-789X.2021/14-3/18.
19. Brady, D. J., Kaya, Y., Beckfield, J. Reassessing the Effect of Economic Growth on Well-Being in Less-Developed Countries, 1980–2003 // *Studies in Comparative International Development*. 2007. Vol. 42. P. 1–35. DOI: 10.1007/s12116-007-9003-7.
20. Eom, Y., Yi, C. A Structural Equation Model Analysis on the Quality of Life of Trade, Foreign

Investment, Human Development, and Economic Growth // Journal of Korea Research Association of International Commerce. 2023. DOI: 10.29331/jkraic.2023.2.23.1.155.

21. Deller, S., Tsai, T., Marcouiller, D., English, D. The Role of Amenities and Quality of Life in Rural Economic Growth // American Journal of Agricultural Economics. 2001. Vol. 83. P. 352–365. DOI: 10.1111/0002-9092.00161.

22. Nelson, P. Quality of Life, Nontraditional Income, and Economic Growth: New Development Opportunities for the Rural West // Rural Development Perspectives. 1999. Vol. 14. P. 32–37.

23. Lange, S., Vollmer, S. The Effect of Economic Development on Population Health: A Review of the Empirical Evidence // British Medical Bulletin. 2016. Vol. 121. P. 47–60. DOI: 10.1093/bmb/ldw052.

24. Sharma, R. Health and Economic Growth: Evidence from Dynamic Panel Data of 143 Years // PLOS ONE. 2018. Vol. 13. DOI: 10.1371/journal.pone.0204940.

25. Rijpma, A., Philips, R. C. M., Van Bavel, B. V. Multidimensional Composite Indicators of Well-Being: Applications in Economic History // Journal of Economic Surveys. 2024. DOI: 10.1111/joes.12622.

The Relationship Between Economic Growth and Quality of Life: From the Mechanisms of Interaction to the International Context

Shkiotov Sergey Vladimirovich

Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor

Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russia

E-mail: shkiotov@yandex.ru

Nevolina Sofya Evgenyevna

Student

Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russia

E-mail: nevolinase.23@edu.ystu.ru

KEYWORDS

economic growth; quality of life; gross domestic product; subjective well-being; sustainable development

ABSTRACT

This article examines the relationship between economic growth and quality of life within the framework of contemporary theoretical approaches and international experience. It provides an analysis of both domestic and international scholarly research on the impact of economic growth on the objective and subjective dimensions of quality of life. The findings indicate that the positive effects of economic growth are most evident in improvements in population health, increases in life expectancy, reductions in poverty, and expanded access to education and public services, particularly in low- and middle-income countries. At the same time, the study demonstrates that an increase in gross domestic product does not automatically translate into higher levels of well-being, as the outcomes of economic development depend on the quality of public institutions, the degree of socioeconomic inequality, environmental conditions, and the effectiveness of public policy. Particular attention is paid to the bidirectional nature of this relationship, whereby quality of life is viewed not only as an outcome of economic growth but also as an important driver of long-term economic development through the accumulation of human capital, the strengthening of social trust, and the enhancement of the investment attractiveness of territories. Based on an analysis of international case studies of the Republic of Korea, Norway, and Costa Rica, the article shows that sustainable improvements in quality of life depend less on the scale of economic growth than on the efficiency with which economic resources are transformed into human development, social protection, and environmental sustainability. The study concludes that there is a need to move beyond assessing the rate of gross domestic product growth toward a comprehensive evaluation of the quality of socioeconomic development.

Коррекция макроэкономического регулирования в свете устойчивого развития

Родина Галина Алексеевна 

Доктор экономических наук, профессор

Ярославский государственный технический университет, г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: galinarodina@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

макроэкономическое регулирование, устойчивое развитие, инфляция, санкции, государственный бюджет, денежно-кредитная политика, налогово-бюджетная политика, валовой внутренний продукт

АННОТАЦИЯ

Данная статья продолжает разрабатывать тему актуальных проблем развития национальной экономики, чему была посвящена предыдущая публикация в «Теоретической экономике» ровно год назад. Тогда был обоснован вывод о необходимости скрупулёзной настройки макроэкономической политики в зависимости от формирующегося тренда и конкретной фазы цикла. Это умозаключение не потеряло своей актуальности и сегодня. Настоящая статья посвящена анализу корректировки макроэкономического регулирования за последние полгода: с осени 2025 г. по весну 2026 г. Особенностью проведённого исследования является то, что оно выполнено с позиций концепции устойчивого развития. Автор выделил приоритеты макроэкономической политики, проследив их изменение на основе трёх временных интервалов: осень 2025 года, зима 2025-2026 годов и весна 2026 года. При этом были вскрыты источники достижения макроэкономических целей на каждом интервале, а также ограничения и сложности их осуществления. Автор, с одной стороны, уделит внимание трансформации ценностных ориентиров, отнеся к ним наполнение бюджета, сдерживание инфляции, стимулирование экономического роста. С другой стороны, были рассмотрены трудности их достижения, зародившие опасные тренды макроэкономического регулирования, формирующие институциональную философию осторожности, консервирующие режим постоянной самоограниченности и подменяющие задачи реального устойчивого развития сохранением стабильности и сбалансированности. Проведённое исследование позволило оценить экономику как пространство для развития и обозначить первостепенные направления макроэкономического регулирования в текущем году с опорой на расширение производственной и технологической базы за счёт масштабных инвестиций и бюджетного стимула.

JEL codes: E20; E30; E50; E60

Для цитирования: Родина, Г.А. Коррекция макроэкономического регулирования в свете устойчивого развития / Г.А. Родина. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 5. – С.203-216. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.05.2026)

Введение

Год назад мы оценивали на страницах журнала «Теоретическая экономика» перспективы экономического роста в российской экономике в 2025 году [25]. На основе сравнения между прогнозными показателями динамики ВВП Российской Федерации, данными в конце 2024 года, и их коррекцией, сделанной по реальным итогам функционирования отечественной экономики в первом квартале 2025 года, была проведена верификация прогноза относительно восходящего или нисходящего тренда развития российской экономики в прошлом году. Осторожно-оптимистичные оценки начала 2025 года автор пересмотрел в сторону ухудшения динамики ВВП к концу года в связи с исчерпанием той модели, которая была характерна для последних лет и которая сочетала бурный рост оборонно-промышленного комплекса и получение нефтегазовых экспортных доходов на доступных рынках, сумевших противостоять санкционному давлению. Был сделан прогноз о вступлении отечественной экономики в период охлаждения вследствие обострения среднесрочных

проблем.

Официальные макроэкономические результаты по завершившемуся году ещё будут уточняться. Однако первые оценки подтвердили наш прогноз: вторая половина 2025 года выстроилась в соответствии с нашим предвидением годовой давности. По данным Росстата, рост ВВП за 2025 год составил +1% (в 2024 году было 4,9%); это совпало с сентябрьским сценарием Минэкономразвития [17]. Однако по январским (2026 года) данным МВФ, которые тоже совпали с его октябрьскими (2025 года) оценками, наша экономика выросла лишь на 0,6%. При этом в октябре МВФ понизил собственный прогноз с 0,9% (в июле) до 0,6%. Всемирный банк тоже понизил свой прогноз с 1,4% (в июне) до 0,9% в октябре 2025 года [12].

В то же время рост ВВП в 2025 году в мировой экономике составил 3% (в трактовке МВФ на основе анализа 192 стран), в том числе по группе стран «Большой семерки» (G-7) – 1,5%, а по группе тех стран, которые называются «развивающимися» – 4,0%. Тройка лидеров выглядит следующим образом: Индия – 6,6%, Вьетнам – 6,5%, Индонезия – 4,9%. Россия оказалась на 179-м месте в общем рейтинге, продемонстрировав отставание отечественной экономики не только от своих же собственных прошлогодних (2024 года) темпов, но и от международных [26]. Даже если согласиться с однопроцентным приростом ВВП, как нас уверяет Минэкономразвития, это не даст нам возможности перебраться в верхнюю часть мирового рейтинга. Хроническое отставание от среднемировых темпов экономического развития автоматически снижает долю национальной экономики в мировом ВВП. В 1992 году МВФ оценил долю России в мировой экономике примерно в 5 процентов (первоначально оценка равнялась 5,17%; потом она была скорректирована до 4,92%). По итогам 2025 года эта доля составила 3,42%, а к 2030 году доля России в мировом ВВП, по прогнозам, будет равна 3,09%. Т.е. за 1992–2025 годы произошло сокращение почти в полтора раза [6].

Но стоит ли уделять особое внимание темпам роста ВВП? Разве не более ценным маркером экономического благополучия является устойчивость развития? Последняя, строго говоря, допускает любую экономическую динамику: и положительную, и нулевую, и даже отрицательную, если при этом создаётся, поддерживается и преумножается совокупный национальный потенциал, обеспечивающий конкурентоспособность страны во всех сферах в стратегической перспективе. Это, с одной стороны, повышает ответственность органов, занимающихся макроэкономической политикой, не только перед настоящим, но и будущими поколениями; а с другой стороны, актуализирует обеспечение соответствия проводимого макроэкономического курса экономическим реалиям.

Понятие «устойчивое развитие» было введено в широкое употребление почти четыре десятка лет назад: оно было сформулировано в 1987 г. в отчёте Всемирной комиссии ООН по вопросам окружающей среды и развития, известном как Доклад ООН «Наше общее будущее» [18]. Под устойчивым развитием понимается такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность потомков удовлетворять свои собственные потребности.

Целью настоящей статьи является поиск ответа на универсальную иносказательную дилемму: «стакан наполовину пуст или наполовину полон?», т.е. чьи доказательства – оптимистов или пессимистов – выглядят более убедительно относительно возможностей реализуемого социально-экономического курса в рамках сложившейся национальной модели достойно отражать и внешние, и внутренние экономические вызовы, обеспечивая устойчивое развитие. Отправной точкой нашего исследования мы выбрали осень 2025 года, когда были произведены корректировки прогнозов относительно нашей экономической динамики, обусловивших необходимость совершенствования макроэкономического регулирования за последние полгода.

Результаты исследования

Макроэкономические ориентиры осени 2025 года

Полгода назад макроэкономическими приоритетами были:

- наполнение бюджета;
- сдерживание инфляции;

- хотя бы минимальное стимулирование экономического роста.

Финансово-экономическая ситуация в России развивалась в условиях запуска бюджетного процесса, предполагающего решение сдвоенной задачи – обеспечения военных расходов и поддержки силовых структур, наряду с исполнением социальных обязательств перед бюджетниками, льготниками и пенсионерами. Невозможность решения этой задачи в условиях фактически падающих бюджетных доходов (при сомнительной перспективе роста) привело власти к запуску новой налоговой реформы. При этом процессы в глобальной экономике не сулили России каких-либо новых выгод, вынуждая решать насущные вопросы за счёт налогового пресса, при вероятном сохранении жёсткой денежно-кредитной политики.

Динамика мировых цен на нефть осенью 2025 года не соответствовала оптимистичным прогнозам российского правительства в отношении роста нефтегазовых доходов в будущем году. Так, средняя цена нефти Urals в сентябре 2025 г. – 56,82 долл. за баррель [30], в октябре 2025 г. – 53,68 долл. за баррель [14], что на 5,5% ниже сентябрьского уровня и на 17, 1% ниже октября 2024 года. Ноябрь продемонстрировал продолжение этого тренда, опустив цену Urals до 44,87 долл. за баррель [29]. Прогнозы не радовали: ОПЕК+ принимало очередное решение о дополнительном увеличении нефтедобычи. Кроме того, в конце сентября, после двухлетнего перерыва, возобновились поставки нефти из иракского Курдистана на мировой рынок через Турцию.

Российские компании в этих условиях пытались по обыкновению выжать максимум возможных прибылей в изменчивых международных обстоятельствах. На фоне угроз президента США Д. Трампа и ожидавшегося усиления санкционного давления ЕС наблюдался рост морского экспорта российской нефти. За четыре недели, завершившиеся 28 сентября, он составил 3,62 млн б/с, что соответствовало самому высокому показателю с мая 2024 года. При этом за последнюю из этих недель он достиг 26,75 млн баррелей, что превысило показатель за предыдущую неделю (23,69 млн баррелей).

Увеличение российского нефтяного экспорта было связано с Китаем, который стал лояльнее реагировать на сигналы из РФ после визита В. Путина в начале сентября и также убедился в том, что вторичные американские санкции за импорт российской нефти ему не грозят. В то же время, по данным аналитиков, экспорт российской нефти в Индию в сентябре снизился на 16% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, составив 1,61 млн б/с, в октябре снижение продолжилось, остановившись на 1,48 млн б/с. Поставки также снизились по сравнению с августом, когда они составляли 1,72 млн б/с [5]. Тем не менее Россия оставалась основным поставщиком нефти в Индию, занимая около трети её импорта. В этих условиях США продолжали требовать именно от Индии прекращения закупок российской нефти, которое рассматривалось как один из главных факторов для заключения будущего торгового соглашения. Накануне вступления в силу новых американских санкций в декабре, в ноябре был достигнут максимальный за последние месяцы показатель объёма закупок российской нефти со стороны Индии, остающейся её крупнейшим покупателем, - 1,855 млн б/с, но это был ситуационный всплеск (кратковременная возможность «надышаться перед смертью»). При этом после вступления в силу санкций, в декабре, показатель резко сжался до 600-650 тыс. б/с, минимального уровня за последние три года. Из-за новых американских санкций скидки на нефть Urals для Индии с поставкой в декабре выросли до \$5-6 против \$1-2 в августе [36]. Китай, как видно, удачно избегал подобного давления, что позволяло ему спокойнее торговать с Россией в своих интересах.

Кроме того, значительно упали поставки российской нефти в Турцию, на которую также усилилось давление со стороны США. В сентябре они снизились до самого низкого уровня за последние полгода.

Уменьшение российских объёмов поставок, снижение мировых цен на нефть и укрепление рубля сократило нефтегазовые доходы российского бюджета в ноябре на 35% в годовом выражении, составив около 520 млрд рублей [9].

В свою очередь, на фоне подготовки 19-го пакета антироссийских санкций ЕС, Венгрия и Словакия снова публично выступили против отказа от российских энергоресурсов. Главы правительств обеих стран всячески подчёркивали своё желание сохранить статус-кво в отношении российской нефти, несмотря на давление со стороны ЕС. Хотя работа над альтернативными закупками энергоресурсов с их стороны и велась.

Неудивительно, что обнародованные параметры федерального бюджета на 2026 год и корректировка на 2025 содержали ожидаемое увеличение дефицита и снижение прогноза по доходам. Поправки в бюджет 2025 года наглядно свидетельствовали о проблемной ситуации, в которой всё больше увязала российская экономика. Так, согласно этим предложенным поправкам, Минфин ожидаемо повысил прогноз по росту дефицита с 1,7% до 2,6% от ВВП (как известно, изначально прогнозировался дефицит бюджета в размере всего лишь 0,5% ВВП, а до 1,7% показатель был увеличен в июне), а также снизил прогноз по росту доходов, сохранив его по расходам (что и привело к увеличению дефицита, поскольку сокращать военные расходы и социалку не предполагалось) [10].

Ожидалось, что доходы федерального бюджета по итогам 2025 года составят 36,562 трлн рублей (ранее – 38,506 трлн рублей). При этом прогноз по нефтегазовым доходам был незначительно увеличен до 8,654 трлн рублей (ранее – 8,317 трлн рублей), что объясняется уточнением налоговой базы и финансовых показателей проектов, а также обновлённым прогнозом цен на энергоресурсы и объёма их экспорта, а также на курс доллара. Прогноз по ненефтегазовым доходам был заметно понижен до 27,908 трлн рублей (ранее – 30,189 трлн рублей), что в том числе было обусловлено снижением прогноза по поступлению НДС на очень весомые 1,187 трлн рублей. Прогноз по расходам был сохранён на уровне 42,3 трлн рублей.

Ожидаемые доходы федерального бюджета в 2026 году закладывались на уровне 40,283 трлн рублей, что выше актуальной оценки Минфина на 2025 год. При этом ожидалось, что нефтегазовые доходы в 2026 году вырастут до 8,919 трлн рублей, но было неясно, чем обусловлен такой прогноз, поскольку по факту наблюдалось сильное падение этих доходов, а прогнозы мировых цен на нефть осенью 2025 года оставались неблагоприятными для экспортёров. Тем временем ненефтегазовые доходы, согласно бюджетной проектировке, должны были подняться до 31,365 трлн рублей.

Российская валюта осенью 2025 года сохраняла устойчивость и даже немного укрепилась, опустившись ниже 79 рублей за доллар. Этому способствовали, во-первых, переговоры по урегулированию российско-украинского конфликта; во-вторых, рост продаж валютной выручки со стороны экспортёров в связи с приближением пика налоговых выплат, который приходился на конец ноября; в-третьих, представленные параметры будущего федерального бюджета, снизившие ожидания более быстрого уменьшения ключевой ставки ЦБ.

Неудивительно, что инфляция в начале осени снова поднялась выше 8% (на фоне прогнозных 6,8%) [24], что явилось дополнительным аргументом в пользу осторожного подхода ЦБ к денежно-кредитной политике. Однако к концу осени инфляция замедлилась, в то время как ценовые ожидания населения и бизнеса выросли.

Наряду с этим принимались или готовились решения, которые способствовали дальнейшему росту инфляции и/или налогового прессинга. Речь идёт, в частности, о новом росте тарифов на услуги ЖКХ, где наиболее болезненные решения сознательно были отложены на период после думских выборов. В этой связи было решено, что первое повышение произойдёт уже 1 января 2026 года, но будет умеренным (1,7% для всех регионов). А более масштабный характер получит второе повышение, запланированное на октябрь 2026 года, т.е. на период уже после выборов. Прирост тарифов, который в среднем по России составит 11,1%, будет зависеть от региона и самым большим станет в Ставропольском крае (22%), Дагестане (19,7%), Тамбовской (17,5%) и Тюменской области (17,2%). В Москве тарифы вырастут на 15%, в Санкт-Петербурге – на 14,6%, в Московской области – на 12,8% [4].

Также отмечались новые эпизоды давления на самозанятых, ликвидация которых «как класса»

становилась всё более вероятной. Аргументация сенаторов, взявшие на себя соответствующую инициативу, – резкий рост числа «ложных» самозанятых с целью ухода компаний от налогов.

Тем временем правительство пошло на уступки в отношении скандального законодательства о локализации такси, непродуманный и откровенно лоббистский характер которого был слишком очевиден и которое сулило повышение стоимости поездок на 15-30% (особенно в регионах, где активно используются подержанные иномарки). Стало известно, что правительство одобрило законопроект, предлагающий предоставить таксистам (являющимся физическими лицами) право работать на личных автомобилях любого производства, в случае если они находятся в их собственности как минимум полгода, без учёта требований локализации до 1 января 2033 года. Вместе с тем продвигаемый законопроект предполагает, что ежегодно Минтранс будет определять соответствующие квоты для всех российских субъектов, т.е. речь идёт о региональных квотах, а не о полном освобождении от норм закона (согласно законопроекту, предлагается предусмотреть квоту в размере не менее 25% от общего числа машин в региональном реестре) [31].

Что касалось экономического роста, то правительство, похоже, смирилось со стагнацией экономики, именуя её «мягкой управляемой посадкой», официально признанной неизбежным и даже «нормальным» явлением в сохраняющей устойчивость экономике. Несмотря на продекларированную цель (стимулирование экономического роста), макроэкономическая политика на практике руководствовалась иллюзией о невозможности или рискованности быстрого роста. Отсюда рост – хорошо, но только умеренный; инвестиции – хорошо, но только минимальные, без «перегрева»; кредитование – хорошо, но только потребительское и оборотное. В результате формировалась институциональная философия осторожности. Так, в новом макропрогнозе рост ВВП был понижен с ожидавшихся в апреле 2,5% до всего лишь 1%, что фактически может быть названо стагнацией. При этом ожидалось, что в 2026 году рост экономики ускорится до чуть менее скромных лишь 1,3% (ранее – 2,4%) [7]. ОЭСР подтвердила прогноз по росту экономики России в 2025 году на уровне 1% (что соответствовало обновленному прогнозу Минэкономразвития и нижней границе прогноза ЦБ) и в 2026 году – на 0,6% (что заметно ниже ожиданий правительства, полагавшего, что минимальный темп роста останется в 2025 году) [20].

В качестве новых источников ставка делалась на задействование средств населения.

Основным «отягчающим обстоятельством» считалось санкционное давление, особенно в поддержке ВПК, обходных схемах через третьи страны, а также энергетической и финансовой сфере. 19-ый пакет антироссийских санкций ввёл запрет на импорт российского СПГ в ЕС с января 2027 года, на транзакции с участием «Газпромнефти» и «Роснефти», на инвестиции в российские особые экономические зоны (ОЭЗ), а также перестрахование российских самолётов и судов в течение пяти лет после их продажи; новые санкции против российского «теневого флота» (в санкционный список было внесено ещё 118 судов) и против нефтяных компаний и НПЗ в третьих странах (в частности, в Китае); новые ограничения коснулись российских и иностранных банков, платёжной системы «Мир», а также криптовалютных платформ. Кроме того, санкции содержали новые ограничения в отношении российского ВПК и предложения об использовании российских замороженных активов для финансирования нужд Украины.

Таким образом, осенью 2025 года макроэкономическое регулирование сделало ставку на абсолютный приоритет макростабильности в ущерб развитию и бюджетную осторожность как высшую доблесть. Однако в условиях гибридной войны и внешнего давления стратегия постоянной стабилизации становится стратегией медленного сжатия, поскольку устойчивость без расширения производственной и технологической базы – это отсроченная уязвимость [3]. Осеннее (2025 года) макроэкономическое регулирование ярко продемонстрировало особенности бюрократической логики в России, озабоченной подготовкой новых решений, призванных обеспечить пополнение бюджета любой ценой, в условиях приближающейся (а по части оценок, уже наступившей) стагнации экономики. При этом наблюдаемое снижение инфляции считалось краткосрочным процессом,

а прогнозировавшийся будущий её новый рост вызывал сомнения относительно продолжения политики смягчения денежно-кредитной политики, создавая замкнутый круг.

Макроэкономические ориентиры зимы 2025-2026 годов

Зима 2025-2026 годов сохранила осенние макроэкономические приоритеты:

- наполнение бюджета;
- сдерживание инфляции;
- хотя бы минимальное стимулирование экономического роста.

Бюджетные проблемы по-прежнему были связаны с продолжающимся снижением цен на российскую нефть, в то время как нефтегазовый сектор РФ был вынужден столкнуться с новыми угрозами европейских (в рамках 20-го пакета санкций), а возможно и американских санкций, что усиливало давление на федеральный бюджет. Так, средняя цена нефти сорта Urals в декабре 2025 г. составила 39,18 долл. за баррель, проседая в отдельные дни до 33-34 долл. за баррель [15], в январе 2026 года – 40,95 долл. за баррель [33], в феврале 2026 года – 44,59 долл. за баррель [16]. Зимние цены, как видим, были постоянно ниже осенних, снижавшихся с 56,82 до 44,87 долл. за баррель. Со своей стороны, российские компании нарастили экспортные поставки нефти, стремясь компенсировать падение цен ростом объёмов (в числе прочего поставки осуществлялись и в Индию, которая в лице различных своих компаний периодически осуществляла закупки российской нефти, однако не отказалась от тренда на диверсификацию поставщиков нефти, особенно из Саудовской Аравии, что привело к снижению доли России в индийском импорте). Вместе с тем снижался импорт российской нефти и Китаем, в то же время наращивающим поставки из Саудовской Аравии (второй по величине поставщик в Китай после РФ по объёму и первый – по стоимости), Малайзии, реэкспортирующей иранскую и венесуэльскую нефть, Ирака и Бразилии. Причём особенно резко выросли поставки из Бразилии.

Однако обратная ситуация наблюдалась с поставками российского СПГ, в случае которых импорт Китая заметно вырос, что обусловлено его более низкой ценой по сравнению с другими поставщиками. Россия поднялась на второе место в списке крупнейших поставщиков СПГ в Китай, обогнав Австралию и уступив только Катару. Тем не менее данная ситуация расценивалась как временная и не сформировала продолжительного тренда. Следует добавить, что Китай продолжал наращивать импорт российского трубопроводного газа. Тем не менее эти результаты не позволяли компенсировать потерю европейского рынка, бывшего гораздо более маржинальным, а запуск критически важного для российской отрасли газопровода «Сила Сибири-2» постоянно откладывался.

На фоне фактической потери Россией европейского рынка (учитывая перспективу его полного закрытия) отмечался значительный рост экспорта американского СПГ в Европу. Наибольшие объёмы американского СПГ получили Нидерланды, Франция, Испания и Бельгия. Отметим, что эти же страны являлись и в ряде случаев ещё оставались покупателями российского СПГ, но США прямо работали на вытеснение России.

В свете недобора нефтегазовых доходов и падения цен на российскую нефть власти решили ужесточить параметры бюджетного правила. Таким образом, больше нефтяных доходов должно было идти на пополнение Фонда национального благосостояния (ФНБ), сохранность которого оказалась под большим вопросом, и должно быть израсходовано для закрытия бюджетного дефицита. Однако решение по изменению бюджетного правила и бюджетных расходов на сегодняшний день (середина мая) так и не принято и даже не оформлено в виде законопроекта от правительства.

Российская валюта демонстрировала укрепление. Поддержку рублю, по мнению экспертов, оказывало сохранение осторожного подхода ЦБ в смягчении денежно-кредитной политики. При этом ожидания по поводу ослабления рубля не оправдались по причине слабого спроса на валюту (в т.ч. со стороны туристов), а также отсутствия действий правительства, которые могли бы спровоцировать такое ослабление. На этом фоне представители бизнеса и промышленности, сталкивающиеся с издержками от укрепления российской валюты, выражали надежду на её дальнейшее ослабление.

Так, по словам главы РСПП А. Шохина, к концу 2026 года для бизнеса был бы оптимальным курс в диапазоне 90-95 рублей за доллар [35].

На фоне замедления инфляции ЦБ продолжил осторожное смягчение денежно-кредитной политики, снизив за зиму ключевую ставку с 16,5 до 15,5%, сохранив нейтральный сигнал (дальнейшие решения по ключевой ставке будут приниматься в зависимости от устойчивости замедления инфляции и динамики инфляционных ожиданий). В условиях сохранения проинфляционных факторов (в основном со стороны налогов и тарифов ЖКХ) дальнейшая ситуация оставалась неопределённой.

Несмотря на растущие макроэкономические проблемы, российские власти демонстрировали публичное удовлетворение ситуацией в экономике, отмечая достигнутые к концу года успехи, корректно квалифицировав снижение темпов экономического роста как «сознательное решение». Это, однако, расходилось с общественным мнением; так что страна встретила 2026-й год с предновогодним пессимизмом, который продолжался до окончания зимы, практически совпавшим с обострением обстановки на Ближнем Востоке, что подарило России смену нисходящего тренда цен на нефть восходящим.

Таким образом, зима 2025-2026 годов в российской экономике не была связана с какими-либо крупными макроэкономическими решениями и новыми тенденциями. Центробанк, со ссылкой на снижение официальной инфляции и пользуясь поддержкой Кремля, осуществил минимальное сокращение ключевой ставки, что вряд ли могло оказать существенное влияние на функционирование российского бизнеса. В то же время внешнеэкономические связи России продолжали ухудшаться, что в первую очередь проявилось в сокращении цен на российскую нефть и спаде закупок со стороны Китая (рост китайских закупок газа, который никогда не имел сопоставимого с нефтью значения с точки зрения экспортных доходов России, положения принципиально не меняет, а лишь корректирует). На нефтяном рынке началось давно прогнозируемое укрепление позиций Саудовской Аравии, что создало дополнительные вызовы для России.

Макроэкономические ориентиры весны 2026 года

В настоящее время перечень макроэкономических приоритетов выглядит следующим образом:

- сдерживание инфляции;
- ослабление рубля;
- стимулирование экономического роста.

Как видим, из первостепенных макроэкономических проблем ушло наполнение бюджета. Это не случайно: появился новый источник – рост экспорта нефти и газа, да ещё по возросшим ценам в связи с событиями на Ближнем Востоке, включая прогрессирующий развал ОПЕК. Так, средняя цена нефти Urals в марте 2026 г. составила 77 долл. за баррель [8], в апреле 2026 г. – 94,87 долл. за баррель [34]. Взлёт цены обусловлен как укреплением мировых котировок, так и сужением дисконтов на российскую нефть. Даже в случае окончательной деэскалации ближневосточного конфликта восстановление мирового рынка нефти займёт определённое время, что продолжит выступать фактором поддержки высоких цен на ближайшую перспективу; этот период может составить как минимум несколько месяцев. Пока что в ближайшие месяцы ожидается рост российских нефтегазовых доходов. Согласно расчётам аналитиков Reuters, в мае нефтегазовые доходы российского бюджета увеличатся в годовом выражении и могут составить около 650 млрд рублей против 512,7 млрд рублей в мае 2025 года. Однако в связи с низкими ценами в начале года ожидается, что за январь-май 2026 года нефтегазовые доходы России всё же окажутся по-прежнему ниже прошлогоднего уровня и достигнут показателя в 2,94 трлн рублей против 3,16 трлн рублей за аналогичный период 2025 года. Впрочем, если так и будет, то отставание доходов от прошлого года в самом деле заметно сократится.

Однако новые возможности породили новые сложности в виде конкуренции с другими странами-нефтеэкспортёрами и ударов ВСУ по нашей портовой инфраструктуре.

В итоге за последние два месяца, по признанию министра финансов РФ А.Г. Силуанова, объём

приходящих средств сравнился с объёмом недополученных средств; речь идёт о сумме 200 млрд рублей [28]. С учётом увеличения дефицитов региональных бюджетов, проблема роста доходов дополняется необходимостью сокращения расходов.

Другим источником стали привычные «бухгалтерские» методы, т.е. ужесточение налоговой политики: вырос налог на прибыль – с 20% до 25%; вместо двухступенчатой введена пятиступенчатая шкала НДФЛ; повысился НДС – с 20% до 22%; пересмотрен упрощённый режим для ИП; расширен список субъектов, взимающих туристический налог; углублен утильсбор; дороже стало развестись, а в перспективе подорожают пошлины в миграционной сфере и сфере охоты. Некоторые из этих мер были приняты раньше рассматриваемого в статье периода, однако их плоды созрели относительно недавно. Так, за счёт только первых двух мероприятий бюджет в 2025 году получил дополнительно 2,2 трлн рублей [27]. Однако, согласно предложенным поправкам в Налоговый кодекс, в 2026 году дополнительные доходы от корректировки налоговой системы составят лишь 1,538 трлн рублей. Наибольшую часть этой суммы, как указано в финансово-экономическом обосновании к законопроекту по налоговым нововведениям, обеспечат дополнительные доходы в размере 1,187 трлн рублей от повышения НДС [22].

Кроме того, в 2026 году ожидаются дополнительные доходы в размере 200 млрд рублей от снижения порога доходов для налогоплательщиков, применяющих УСН, с 60 млн до 10 млн рублей. Эта мера вызвала противоречивые прогнозы. Власти уверяют, что она коснётся небольшой части малого бизнеса, но представители самого малого бизнеса думают иначе. Официальное объяснение о том, что таким способом власти препятствуют искусственному дроблению бизнеса, имеет право на существование, но не отменяет того факта, что власти последовательно ухудшают налоговую ситуацию для малого бизнеса. О том же свидетельствует постепенный запуск процесса ликвидации режима самозанятости, который некогда воспринимался как отличный и удобный метод легализации бизнеса в области некрупных услуг, и был позитивно встречен в обществе.

Наряду с этим государство намерено дополнительно получить 74,2 млрд рублей от повышения налоговой нагрузки на игорный бизнес, 65,7 млрд рублей за счёт повышения акцизов на табачную, алкогольную, спиртосодержащую продукцию и сахаросодержащие напитки, 50 млрд рублей за счёт введения системы подтверждения проходящих через РФ транзитных товаров. Наконец, ожидаются 4,9 млрд за счёт уточнения ставок акцизов на нефтепродукты и автомобили на фактическую инфляцию, 4,2 млрд за счёт отмены льготы в виде освобождения от налога на прибыль организаций для плательщиков налога на игорный бизнес и 2,4 млрд рублей за счёт прекращения действия налоговых преференций для участников ОЭЗ в Магаданской области [1].

Вместе с тем этот источник пополнения бюджета по сути дискредитирует смысл предыдущей налоговой реформы, которая, во-первых, как официально заявлялось, закладывала неизменные правила на многие годы вперёд (в Послании Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. президент В. Путин поручил правительству модернизировать налоговую систему и зафиксировать её параметры на 6 лет без изменений); а, во-вторых, не смогла справиться с государственными расходными обязательствами. Так, фактически провалилась идея с пополнением бюджета за счёт выросшего налога на прибыль, поскольку бизнес не смог обеспечить рост своих прибылей в текущих условиях.

В 2026 году ожидается увеличение расходов федерального бюджета до 44,069 трлн рублей. Ключевыми статьями, как и ожидалось, останутся оборонное и социальное направления. В 2026 году бюджет остаётся дефицитным на уровне 1,6% от ВВП [32].

Годовая инфляция в начале мая демонстрирует снижение, замедлившись до 5,6% [2]. Аналитики даже констатировали дефляцию на уровне 0,02%, в том числе на продовольственные товары – 0,3%, а на огурцы – 11,6% [13]. С учётом снижения инфляционных ожиданий населения (в основном за счёт обеспеченных слоев), перспективы дальнейшего смягчения денежно-кредитной политики ЦБ, на котором настаивают правительство и отраслевые лоббисты, выглядят оптимистичными. К сожалению, единственным стимулятором экономического роста остаётся снижение ключевой ставки.

Российская валюта остаётся устойчивой, и её официальный курс к маю опустился ниже 75 рублей. В то же время негативным фактором для рубля выступает ранее анонсированное Минфином РФ возобновление валютных операций по бюджетному правилу уже в мае, в рамках которых предполагаются закупки валюты. Тем самым считается, что нынешнее укрепление рубля завершилось, и далее предполагается его ослабление.

Минэкономразвития РФ сообщило о сокращении ВВП России в первом квартале года на 0,3% в годовом выражении, что стало его первым квартальным падением с 2023 года [11]. Несмотря на это, прогноз ЦБ по росту ВВП на 2026 год был сохранён на уровне 0,5-1,5%. По мнению ЦБ, негативная динамика в начале года во многом была обусловлена разовыми факторами, включая календарный, погодные условия и налоговые изменения, в то время как в мае-июне будет на несколько рабочих дней больше, чем в прошлом году.

Основным негативным фактором продолжает считаться санкционное давление западных стран. Так, в ЕС буквально на следующий день после одобрения 20-го пакета, заявили о начале подготовки 21-го пакета антироссийских санкций, который будет направлен на российскую энергетику. Тем временем после выборов в Венгрии России труднее рассчитывать на внутренние противоречия в ЕС, хотя они сохраняются, будучи связанными скорее с бизнес-интересами тех стран, которые прямо или косвенно (через свои компании и их лоббистов) сотрудничают с Россией. Минфин США пригрозил, что не намерен в дальнейшем продлевать временный период ослабления санкций против российской нефти (хотя то же самое заявлялось и в апреле, однако, через несколько дней послабления были продлены по решению американской администрации).

Вторым «отягчающим обстоятельством» (в основном для российского экспорта) остаются атаки ВСУ, направленные на стратегическую энергетическую инфраструктуру. Согласно подсчетам издания Reuters, ожидается, что в апреле российские нефтяные компании сократят производство на 300-400 тыс. б/с, что может стать самым резким падением этого показателя с пандемийного 2020 года и понизить ожидаемые нефтегазовые доходы российского федерального бюджета [21].

Заключение

В результате проведённого исследования мы пришли к выводу, что основная архитектура макроэкономического регулирования всё ещё сохраняет статус несущей конструкции (ставка на сбалансированность и ложно понимаемую устойчивость вместо развития, основанного на масштабных инвестициях и бюджетном стимуле, а не временном мобилизационном импульсе), однако в связи со сложившейся ситуацией происходит некоторая коррекция макроэкономических приоритетов:

- «наполнение бюджета» робко дополняется целью «сокращение расходов»;
- контролирование инфляции, несмотря на смягчение монетарной политики, остаётся актуальным;
- проблемы экономического роста усугубляются.

Мы не столь пессимистичны, как министр экономического развития РФ М.Г. Решетников, считающий, что текущая ситуация сложнее, чем все последние годы [23]. Но с заместителем руководителя Администрации президента РФ М.С. Орешкиным, назвавшим текущую ситуацию в экономике «очень непростой», трудно не согласиться [19].

Тем временем власти относятся к происходящим процессам вполне спокойно, признавая неизбежность замедления экономики (которое при существующих трендах вполне может обернуться и реальным спадом) и полагаясь на нынешние и будущие бюджетные корректировки, сочетаемые с ростом фискального прессинга, регулированием инфляционных процессов при помощи ключевой ставки, а также мягкой девальвацией рубля. Данный экономический курс, имеющий, в сущности, «монетаристский» характер, является естественным и неизбежным в условиях отсутствия реальных стимулов внутреннего роста и улучшения положения РФ на внешних рынках.

Вряд ли такая корректировка макроэкономического регулирования, сохраняющая режим

постоянной самоограниченности, соответствует целям реального устойчивого развития. Возвращаясь к сформулированной во введении дилемме: «стакан наполовину пуст или наполовину полон?», мы можем назвать себя оптимистичными пессимистами, где всё-таки «подлежащим» является «стакан наполовину пуст», а «стакан наполовину полон» остаётся пока только прилагательным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГД одобрила в I чтении изменения в Налоговый кодекс в рамках «бюджетного пакета» // ТАСС: сайт (22 октября 2025 года). - URL: <https://tass.ru/ekonomika/25423319> (дата обращения: 15.05.2026).
2. Годовая инфляция в России замедлилась до 5,6% // Investing.com: сайт (7 мая 2026 года). - URL: <https://ru.investing.com/news/general-news/article-3223384> (дата обращения: 15.05.2026).
3. Дерипаска озвучил, сколько лет потребуется России для восстановления темпов роста экономики до 7–8% // Business-gazeta.ru: сайт (16 февраля 2026 года). - URL: <https://mkam.business-gazeta.ru/news/694973> (дата обращения: 15.05.2026).
4. Дубравин, А. «Людей загоняете в угол»: что говорят в Кремле и Госдуме о взрывном росте тарифов ЖКХ / А. Дубравин. – Текст : электронный // Gazeta.ru: сайт (12 февраля 2026 года). - URL: <https://www.gazeta.ru/social/2026/02/12/22488859.shtml> (дата обращения: 15.05.2026).
5. Импорт Индией российской нефти снизился в сентябре // Красная Весна: сайт (1 октября 2025 года). - URL: <https://rossaprimavera.ru/news/e49fa721> (дата обращения: 15.05.2026).
6. Катасонов, В. 179 место из 192 в рейтинге по ВВП-2025: Министры наверняка выдадут позор за достижение / В. Катасонов. – Текст : электронный // Свободная пресса: сайт (17 января 2026 года). - URL: <https://svpressa.ru/economy/article/498787/> (дата обращения: 15.05.2026).
7. Консервативно-оптимистический прогноз // Коммерсантъ: сайт (24 сентября 2025 года). - URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8060420> (дата обращения: 15.05.2026).
8. Конъюнктура мировых товарных рынков. О среднем уровне цен нефти сорта «Юралс» за март 2026 года // Министерство экономического развития Российской Федерации: сайт (3 апреля 2026 года). - URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d12/konyunktura_mirovyh_tovarnyh_rynkov/o_srednem_urovne_cen_nefti_sorta_yurals_za_mart_2026_goda.html (дата обращения: 15.05.2026).
9. Красовская, Е. Нефтегазовые доходы бюджета РФ в ноябре могут упасть на треть – подсчет Reuters / Е. Красовская. – Текст : электронный // Oilcapital.ru: сайт (24 ноября 2025 года). - URL: <https://oilcapital.ru/news/2025-11-24/neftegazovye-dohody-byudzheta-rf-v-noyabre-mogut-upast-na-tret-podschet-reuters-5511957> (дата обращения: 15.05.2026).
10. Минфин ожидает, что дефицит бюджета РФ в 2025 г. увеличится до 2,6% с 1,7% ВВП // Interfax.ru: сайт (24 сентября 2025 года). - URL: <https://www.interfax.ru/business/1049088> (дата обращения: 15.05.2026).
11. Минэкономразвития сообщило о падении ВВП РФ в первом квартале на 0,3 процента // Vesti.ru: сайт (30 апреля 2026 года). - URL: <https://www.vesti.ru/ns/minekonomrazvitiya-soobshchilo-opadenii-vvp-rf-v-pervom-kvartale-na-03-procenta> (дата обращения: 15.05.2026).
12. Моисев, Д. Почему МВФ ухудшил прогноз по России и улучшил по миру / Д. Моисев, К. Котченко. – Текст : электронный // Ведомости. – 2025. – 15 октября. - URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/10/15/1146868-pochemu-mvf-uhudshil-prognoz-po-rossii> (дата обращения: 15.05.2026).
13. Недельная инфляция в России опустилась ниже нуля впервые с сентября // Profinance.ru: сайт (6 мая 2026 года). - URL: <https://www.profinance.ru/news2/2026/05/06/cj5z-nedelnaya-inflyatsiya-v-rossii-opustilas-nizhe-nulya-vpervye-s-sentyabrya.html> (дата обращения: 15.05.2026).
14. Нефть Urals падает в цене: октябрь 2025 года приносит новые вызовы // InvestFuture: сайт (1 ноября 2025 года). - URL: <https://investfuture.ru/articles/neft-urals-padaet-v-tsene-oktyabr-2025-goda-prinosit-novye-vyzovy-1169433939> (дата обращения: 15.05.2026).
15. О среднем уровне цен нефти сорта «Юралс» за декабрь 2025 года // Минэкономразвития РФ: сайт (13 января 2026 года). - URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d12/konyunktura_mirovyh_tovarnyh_rynkov/o_srednem_urovne_cen_nefti_sorta_yurals_za_dekabr_2025_goda.html (дата обращения: 15.05.2026).
16. О среднем уровне цен нефти сорта «Юралс» за февраль 2025 года // Минэкономразвития

РФ: сайт (5 марта 2026 года). - URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d12/konyunktura_mirovyh_tovarnyh_rynkov/o_srednem_urovne_cen_nefti_sorta_yurals_za_fevral_2026_goda.html (дата обращения: 15.05.2026).

17. О текущей ситуации в российской экономике. Итоги 2025 года // Министерство экономического развития Российской Федерации.ru: сайт (6 февраля 2026 года). - URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/ekonomicheskie_obzory/o_tekushchey_situacii_v_rossiyskoy_ekonomike_itogi_2025_goda.html (дата обращения: 15.05.2026).

18. Организация Объединённых Наций. Генеральная Ассамблея. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» // Un.org: сайт (4 августа 1987 года). - URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 15.05.2026).

19. Орешкин назвал экономическую ситуацию в РФ «очень непростой» // ТАСС: сайт (26 апреля 2026 года). - URL: https://tass.ru/ekonomika/27224961?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (дата обращения: 15.05.2026).

20. ОЭСР сохранила прогноз роста ВВП России на уровне 1% в 2025 году // ТАСС: сайт (23 сентября 2025 года). - URL: <https://tass.ru/ekonomika/25132269> (дата обращения: 15.05.2026).

21. По данным Reuters, Россия в апреле резко сократила добычу нефти // Finam.ru: сайт (21 апреля 2026 года). - URL: <https://www.finam.ru/publications/item/po-dannym-reuters-rossiya-v-aprele-rezko-sokratila-dobychu-nefti-20260421-1629/> (дата обращения: 15.05.2026).

22. Повышение НДС до 22%: Госдума приняла в первом чтении основной налоговый пакет // Retail.ru: сайт (22 октября 2025 года). - URL: <https://www.retail.ru/news/povyshenie-nds-do-22-gosduma-prinyala-v-pervom-chtenii-osnovnoy-nalogovyy-paket-22-oktyabrya-2025-270546/> (дата обращения: 15.05.2026).

23. Резервы исчерпаны, ставки высокие: почему Минэкономразвития считает текущую ситуацию сложнее прошлых лет // Abireg.ru: сайт (17 апреля 2026 года). - URL: <https://abireg.ru/newsitem/113712/> (дата обращения: 15.05.2026).

24. Решетников: инфляция по итогам года может составить около 6,8% // ТАСС: сайт (13 октября 2025 года). - URL: <https://tass.ru/ekonomika/25328951> (дата обращения: 15.05.2026).

25. Родина, Г.А. Призрак общей экономической стагнации: миф или реальность? / Г.А. Родина, М.А. Угрюмова. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2025. – №5. – С.12-23. – URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (дата обращения: 15.05.2026).

26. Россия оказалась на дне в списке стран по экономическому росту // Finobzor.ru: сайт (17 января 2026 года). - URL: <https://finobzor.ru/139944-rossija-okazalas-na-dne-v-spiske-stran-po-jekonomicheskomu-rostu.html> (дата обращения: 15.05.2026).

27. Силуанов оценил прирост поступлений в бюджет от НДС/Л в 2025 году в 400 млрд рублей // Forbes.ru: сайт (30 декабря 2025 года). - URL: <https://www.forbes.ru/finansy/553196-siluanov-ocenil-prirost-postuplenij-v-budzet-ot-ndfl-v-2025-godu-v-400-mlrd-rublej> (дата обращения: 15.05.2026).

28. Силуанов рассказал, сколько Россия заработает из-за подорожания нефти // РБК: сайт (3 мая 2026 года). - URL: <https://www.rbc.ru/finances/03/05/2026/69f72df29a79472728110ee9> (дата обращения: 15.05.2026).

29. Средняя цена на нефть Urals в ноябре снизилась до \$44,87 // Finam.ru: сайт (3 декабря 2025 года). - URL: <https://www.finam.ru/publications/item/srednyaya-tsena-na-neft-urals-v-noyabre-snizilas-do-4487-20251203-1512/> (дата обращения: 15.05.2026).

30. Средняя цена Urals в сентябре для расчета НДПИ - \$56,82/баррель // Interfax.ru: сайт (3 октября 2025 года). - URL: <https://www.interfax.ru/business/1050757> (дата обращения: 15.05.2026).

31. Федеральный закон от 23.05.2025 N 116-ФЗ «О внесении изменений в статьи 9 и 10 Федерального закона «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Консультант

тантПлюс: сайт (23 мая 2025 года). - URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/89362.html> (дата обращения: 15.05.2026).

32. Федеральный закон от 28.11.2025 N 426-ФЗ «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» // КонсультантПлюс: сайт (29 ноября 2025 года). - URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/91685.html> (дата обращения: 15.05.2026).

33. Цена нефти Urals в январе упала на 39,5%, но выросла на 4,5% с декабря // InvestFuture.ru: сайт (4 февраля 2026 года). - URL: <https://investfuture.ru/articles/tsena-nefti-urals-v-yanvare-upala-na-39-5-no-vyroslo-na-4-5-s-dekabrya-1174289472> (дата обращения: 15.05.2026).

34. Цена нефти Urals для расчета НДПИ в апреле превысила 94 долл. США/барр. // Neftegaz.RU: сайт (5 мая 2026 года). - URL: <https://neftgaz.ru/news/finance/923613-tsena-nefti-urals-dlya-rascheta-ndpi-v-aprele-prevysila-94-doll-ssha-barr/> (дата обращения: 15.05.2026).

35. Шохин считает оптимальными для бизнеса к концу 2026г ставку 10-12%, инфляцию 4-5% и курс \$90-95 // Interfax-Russia.ru: сайт (23 декабря 2025 года). - URL: <https://www.interfax-russia.ru/moscow/news/shohin-schitaet-optimalnymi-dlya-biznesa-k-koncu-2026g-stavku-10-12-inflyaciyu-4-5-i-kurs-90-95> (дата обращения: 15.05.2026).

36. Russian Urals discounts have tripled in India since August as US sanctions hit // Reuters.com: website (November 21, 2025). - URL: <https://www.reuters.com/business/energy/russian-urals-discounts-have-tripled-india-since-august-us-sanctions-hit-2025-11-21/> (дата обращения: 15.05.2026).

Correction of macroeconomic regulation in the light of sustainable development

Rodina Galina Alekseevna

Doctor of Economics, Professor

Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: galinarodina@mail.ru

KEYWORDS

macroeconomic regulation, sustainable development, inflation, sanctions, state budget, monetary policy, fiscal policy, gross domestic product

ABSTRACT

This article continues to develop the topic of current problems in the development of the national economy, which was the subject of the previous publication in Theoretical Economics exactly one year ago. At that time, it was concluded that it is necessary to carefully adjust macroeconomic policy depending on the emerging trend and the specific phase of the cycle. This conclusion remains relevant today. This article focuses on analyzing the adjustments to macroeconomic regulation over the past six months, from the fall of 2025 to the spring of 2026. The study is particularly notable for its approach based on the concept of sustainable development. The author identified the priorities of macroeconomic policy by tracing their changes over three-time intervals: autumn 2025, winter 2025-2026, and spring 2026. In doing so, the sources of achieving macroeconomic goals in each interval were revealed, as well as the limitations and challenges in achieving them. On the one hand, the author paid attention to the transformation of value orientations, including budget filling, inflation control, and economic growth stimulation. On the other hand, the article examined the difficulties in achieving these goals, which have led to dangerous trends in macroeconomic regulation, shaping an institutional philosophy of caution, perpetuating a regime of constant self-restraint, and replacing the objectives of real sustainable development with the preservation of stability and balance. The study allowed us to assess the economy as a space for development and identify the primary areas of macroeconomic regulation in the current year, based on expanding the production and technological base through large-scale investments and budget incentives.

Россия — 2026: технотрансформационные перспективы цивилизации

Зотова Елена Серафимовна

Кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: eszotova@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

технотрансформация, искусственный интеллект, цифровая экономика, «живая математика», онлайн-торговля, роботизация, современное образование

АННОТАЦИЯ

Представлен обзор выступлений на секции «Россия — 2026: технотрансформационные перспективы цивилизации» Международной научной конференции «Россия в 2025 году: социум, хозяйство, культура», состоявшейся 4 декабря 2025 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. В материалах секции представлены результаты философско-хозяйственного междисциплинарного анализа трансформации экономики (точнее, более широко — хозяйства) под влиянием развития технологий трансформации и искусственного интеллекта, оказывающих влияние не только на материальное производство, но и на ментальность. В дискуссии уточнялось терминологическое отражение ИИ, поднимались проблемы антропотехнических интеллектуальных систем, а также рассматривались стратегии достижения технологического суверенитета с опорой на развитие цифровых финансовых активов (ЦФА) и валют центральных банков (CBDC). Обсуждались эффекты трансформации для человека и общества, включая вопросы трансформации образования и возможности сохранения когнитивного и эмоционального баланса на основе частичного возвращения к аналоговым практикам. Отдельно рассматривались прикладные аспекты: новая роль ИИ в логистике, электронной коммерции и финансово-банковском секторе, а также роль особых экономических зон. Актуальность тематики обусловлена прежде всего стремительным вторжением ИИ в хозяйственную деятельность, что порождает фундаментальные вызовы, связанные с контролируемостью технологий ИИ (проблема «супервыравнивания»), изменением экономического поведения людей, а также необходимостью рассмотрения хозяйственных трансформаций на основе иных методологических принципов. Особую остроту получают вопросы не только технологического суверенитета, но и перехода к иной, полицентричной финансовой архитектуре и адаптации систем высшего образования к новейшим требованиям «киберэкономики» и «университета 4.0». В докладах вводятся и уточняются новые понятийные категории: «экономический суверенитет пользователя», «антропотехническая интеллектуальная система», а также выявляются воспроизводственные деформации. Новизной характеризуется также и анализ поведенческих эффектов: выявлен феномен «переложения ответственности» в хозяйственных решениях при взаимодействии человека с алгоритмами ИИ.

JEL codes: A13, P17, Y70

Благодарности: Статья подготовлена по результатам научного проекта из числа приоритетных направлений и тем научных исследований экономического факультета в рамках госзадания МГУ имени М.В. Ломоносова.

Для цитирования: Зотова, Е.С. Россия — 2026: технотрансформационные перспективы цивилизации / Е.С. Зотова. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 5. – С.217-223. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.05.2026)

Введение

4 декабря 2025 г. в рамках Международной научной конференции «Россия в 2025 году: социум, хозяйство, культура» (см. [2; 3]), организованной лабораторией философии хозяйства и Научным советом «Центр общественных наук МГУ», на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялось заседание молодежной секции «Россия — 2026: технотрансформационные перспективы цивилизации». (О традиционных «декабрьских» конференциях см. [4; 5].)

Методы

Основные используемые методы соответствуют научной школе философии хозяйства. Это познание и осмысление бытия не только на основе принятых в экономической науке системно-структурного метода, анализа и синтеза, формально-логического моделирования, использования диалектического метода, для изучения реальных феноменов, но и метафизическое (учитывающее трансцендентность и ирреальность, невещественность смыслов), это проникновение в суть явлений, полилектическое видение сложной реальности, обнаружение скрытых логических закономерностей, это феноменологический метод, возвращение к «жизненному миру», аксиологический метод: оценка хозяйственной деятельности человека с позиций этики, красоты и целесообразности, а не только узкоэкономической эффективности, антропологический метод (изучение человека как субъекта творения — творца хозяйства, а не только как «экономического агента»). Так или иначе вышеназванные методы нашли отражение в различных докладах.

Вступительный доклад ведущего секции М.Ю. Павлова

Открывая заседание, д.э.н., доцент М.Ю. Павлов (экономический факультет МГУ) в своем докладе «Технонейроперспективы: искусственный интеллект vs “живая” математика» отметил, что в лаборатории философии хозяйства сейчас ведутся разработки по проблеме «супервыравнивания»: как сделать так, чтобы искусственный интеллект (ИИ) остался под контролем человека? Работа в исследовательской группе над пионерной разработкой основ концепции «живой математики», заметил докладчик, обеспечивает научную новизну высокого уровня: сформулированы 12 фундаментальных принципов математики живых систем (режим реального времени, изменчивость, антиэнтропийность, неопределенность и свобода воли, уникальность и др.). Было отмечено, что создается принципиально новый математический аппарат, предназначенный для описания сложных, нелинейных, творческих процессов в экономике, биологии и социуме, где классическая («мертвая») математика с ее константами и детерминизмом не обладает достаточным прогностическим и аналитическим уровнем. На этой основе дается глубокое философско-методологическое обоснование ограниченности ИИ: ИИ в современном виде является функциональным «протезом», неспособным к подлинному творчеству и преодолению энтропии без опоры на живые системы. Концепция «живой математики», считает М.Ю. Павлов, открывает новые направления для развития систем ИИ. Он призвал всех участников по возможности высказаться по данной проблеме как одному из возможных (и наиболее желательных) векторов развития технонейроцивилизации — опережающему развитию естественного интеллекта, человека, живых систем, «живой» математики (подробнее см. [8; 9]).

К.В. Молчанов о термине «Искусственный интеллект»

В своем докладе на тему «Перемены в социохозяйственной реальности: от системы искусственного интеллекта к антропотехнической интеллектуальной системе» д.ф.н., к.э.н., к.соц.н. К.В. Молчанов (экономический факультет МГУ) обратил особое внимание на значение и перевод термина «artificial intelligence» (AI), который не совсем точно переводится на русский язык как ИИ, в то время как буквальный перевод означает «искусственную разумность». Но здесь возникает проблема в определении слов «разум», «разумность». Докладчик привел ряд интересных примеров, в том числе и то, какое определение дает ИИ школе философии хозяйства, и пришел к заключению, что при правильном применении ИИ можно использовать в качестве базы для выработки и проверки новых методов и алгоритмов, прежде всего с применением диалектики. Таким образом, многие современные ограничения, опасения, что ИИ встанет над человеком, позволит преодолеть формируемая новая антропотехническая интеллектуальная система, подразумевающая развитие мышления и алгоритмического поиска (см. [6; 7]).

Также К.В. Молчанов принял активное участие в секционной дискуссии в качестве опытного наставника, помогая более молодым коллегам точно и емко определять различные термины, чтобы

совершенствовать их научные достижения.

Искусственный интеллект как фактор цифровой экономики

Студенты 1 курса факультета международных экономических отношений В.Д. Анненков и А.Г. Тихомирова (Финансовый университет при Правительстве РФ) в своем докладе обратили внимание на то, что искусственный интеллект становится ключевым фактором цифровой экономики, влияя на мотивацию и структуру экономического поведения граждан. Алгоритмы персонализации ускоряют принятие решений и формируют потребительские предпочтения, что подтверждается исследованиями McKinsey, PwC и данными Банка России. Поведенческие исследования показывают, что ИИ снижает когнитивную нагрузку и вызывает эффект «переложения ответственности», когда рекомендация алгоритма воспринимается как собственный выбор пользователя. Основная проблема заключается в риске снижения экономического суверенитета человека и возможной манипуляции алгоритмами. В качестве решений предлагаются прозрачность алгоритмов, право выбора режимов персонализации и ограничение манипулятивных цифровых практик. Вводится концепция «экономического суверенитета пользователя» и предлагается институт цифрового куратора как механизм аудита ИИ и защиты прав пользователей, заключили докладчики.

Доклад студенток 1 курса факультета международных экономических отношений М.А. Володиной и А.А. Шакировой (Финансовый университет при Правительстве РФ) был посвящен ключевой цели стратегии цифровизации финансового сектора России — созданию современной, безопасной и инклюзивной финансовой экосистемы. В рамках данной стратегии были выделены следующие основные направления:

- 1) развитие регулирования — адаптация правовой базы под новые технологии: цифровые финансовые активы (ЦФА), искусственный интеллект (ИИ) и облачные технологии;
- 2) развитие инфраструктуры — внедрение и масштабирование ключевых платформ: национальных платежных систем (включая «Мир» и СБП), цифровой рубль, Единой биометрической системы (ЕБС) и Цифрового профиля для быстрого обмена данными;
- 3) безопасность и суверенитет — обеспечение киберустойчивости, реализация импортозамещения.

Реализация этих направлений должна быть нацелена на достижение конкретных результатов: рост доступности и качества финансовых услуг, снижение издержек для бизнеса и населения, а также укрепление технологического суверенитета страны.

В выступлении студенток 3 курса факультета международных экономических отношений Д.Д. Артеменко и М.М. Базаровой (Финансовый университет при Правительстве РФ) было представлено исследование структурной деформации глобальной финансовой архитектуры, вызванной политизацией экономики. Была выдвинута гипотеза, что экстерриториальные санкции порождают институциональную дисфункцию традиционных систем (SWIFT, корсчета). Критический рост издержек и регуляторных рисков детерминирует переход от униполярной глобализации к регионализации и фрагментации рынков.

Особое внимание было уделено технологическому суверенитету. Обосновывалось, что внедрение цифровых финансовых активов (ЦФА) и валют центральных банков (CBDC) — это не просто адаптация, а смена парадигмы обмена стоимости. Технологии распределенного реестра позволяют нивелировать роль централизованных посредников, формируя контуры ликвидности, инвариантные к геополитическому давлению.

В заключение было доказано, что независимая инфраструктура является базисом экономического суверенитета. Сделан вывод о необратимости дедолларизации и формирования полицентричной модели, где конкуренция валют смещается в плоскость конкуренции технологических платформ их обращения.

Современный этап развития экономики характеризуется переходом к киберэкономике, считают студентки 1 курса финансового факультета А.В. Беляева и И.В. Клопова (Финансовый университет

при Правительстве РФ), где глубинная трансформация процессов происходит за счет конвергенции технологий искусственного интеллекта, больших данных и нейротехнологий. Ключевыми направлениями трансформации при этом станут внедрение нейроинтерфейсов для безопасной аутентификации и разработка персонализированных финансовых продуктов на основе анализа биоданных и психоэмоционального состояния клиентов, однако реализация этих направлений сопряжена с серьезными вызовами: усилением угроз кибербезопасности, этическими вопросами обработки нейроданных, рисками цифрового неравенства. Успех нейроцифровой трансформации будет определяться опережающим регулированием, инвестициями в человеческий капитал и достижением технологического суверенитета, что в совокупности должно обеспечить создание безопасной и конкурентоспособной финансовой экосистемы в России.

Студентка 1 курса финансового факультета О.С. Болохова (Финансовый университет при Правительстве РФ) выступила с докладом «Посткапитализм: теоретические подходы и хозяйственные эксперименты», в котором было представлено рассуждение о том, что в эпоху инновационных трансформаций и сохранения социально-экономических противоречий в обществе становится актуальной идея посткапитализма: как создать тип воспроизводства, в основе которого находятся человек и знания? В выступлении была рассмотрена одна из перспективных и созвучных с сегодняшними изменениями моделей — ноономика, концепция, предложенная российским экономистом С.Д. Бодруновым.

Доклад студента 2 курса факультета международных экономических отношений А.В. Попова (Финансовый университет при Правительстве РФ) был посвящен особым экономическим зонам (ОЭЗ) и особенностям работы в странах Африки. В нем была отражена актуальность разработки новых методов стимулирования развивающихся экономик, приведены цели, задачи, объект и предмет исследования. Была представлена классификация ОЭЗ в российской и зарубежной практике, общемировые тенденции развития ОЭЗ; указаны страны-лидеры африканского континента по созданию на своей территории особых экономических зон, а также проведен сравнительный анализ практик, используемых в различных африканских странах. В заключение была подчеркнута важность создания ОЭЗ в развивающихся странах с учетом современных экономических реалий, а также указаны рекомендации для России по расширению присутствия в Африке.

Онлайн-торговля, е-коммерция, роботизированная доставка

Говоря об онлайн-торговле, студентки 2 курса факультета международных экономических отношений А.А. Василевская и А.А. Марушкина (Финансовый университет при Правительстве РФ) заметили, что она стала массовой: 71% россиян совершают покупки онлайн; доля e-commerce выросла с 5,2 до 16,2%, что делает Россию одним из мировых лидеров по темпам роста. В докладе были приведены следующие показатели.

«Вклад в экономику: темпы роста e-commerce в РФ в 3 раза ниже, чем в Китае, однако рынок активно расширяется за счет логистики и цифровизации.

Маркетплейсы — ключевой канал МСП: 91% предпринимателей продают через цифровые платформы; основная категория — одежда, товары для дома и электроника.

Выбор площадок: 74% продавцов работают только на одном маркетплейсе; 50% — на Wildberries. Рост числа новых продавцов замедляется из-за высоких комиссий, конкуренции и требований платформ.

Региональная специфика: самый высокий прирост онлайн-покупок наблюдается в регионах, а не в Москве, что расширяет рынок для МСП.

Господдержка МСП: ежегодно выделяется около 70 млрд руб., объем льготного кредитования — 200 млрд руб., но усиливающаяся налоговая нагрузка и бюджетный дефицит ограничивают эффект мер.

Прогноз: рынок продолжит расти в 2026 г.; для устойчивого развития МСП нужны диверсификация каналов продаж, брендинг и повышение цифровой грамотности».

В России, считают студентки 1 курса факультета международных отношений М.Д. Довгаль и А.Д. Козлова (Финансовый университет при Правительстве РФ), роботизированная доставка развивается особенно активно: компании вроде «Яндекса» расширяют сеть дарксторов и увеличивают производство роботов. Такая технология позволяет снизить расходы на курьеров и ускорить доставку, что делает ее привлекательной для бизнеса. Но вместе с преимуществами возникают и ключевые проблемы. Российская городская среда пока плохо подходит для автономных устройств: узкие тротуары, хаотичное движение, климатические условия и снег весьма мешают работе роботов. Немало вопросов вызывает и законодательство: ведь пока не определены правила передвижения роботов, ответственность и требования к безопасности. Социальный аспект тоже важен: роботизация может сократить количество рабочих мест в сфере курьерской доставки.

Несмотря на это, прогнозы остаются оптимистичными: если инфраструктуру адаптировать, а нормы разработать, то роботы могут стать привычной частью городской логистики к 2027 г. и помочь снизить стоимость доставки, сделав ее быстрее и стабильнее.

Говоря об искусственном интеллекте в закупках и логистике, студентки 1 курса факультета международных экономических отношений Д.А. Гладыщук и А.В. Цопа (Финансовый университет при Правительстве РФ), отметили, что современные цепи поставок переживают смену парадигмы: происходит отказ от «метода Excel» в пользу искусственного интеллекта, что позволяет устранить «эффект хлыста» и минимизировать ошибки человеческого фактора. Аналитика больших данных обеспечивает высокую точность прогнозов, снижая логистические затраты на 15% и повышая уровень сервиса на 35%. Российский бизнес демонстрирует высокие темпы адаптации: технологии искусственного интеллекта уже применяют 70% компаний, а в 2026 г. объем рынка вырастет до 500 млрд руб. Переход от автоматизации к интеллектуальным автономным агентам становится стратегическим условием конкурентоспособности.

Влияние цифровизации на человеческую личность

Доклад студенток 1 курса финансового факультета С.А. Кулешовой и У.П. Фурт (Финансовый университет при Правительстве РФ) был посвящен философскому анализу сущности человеческой личности в гипотетическом будущем, где технологии позволят полностью оцифровать мысли и воспоминания. Подлинная личность состоит из того, что невозможно оцифровать: живое переживание, свобода воли, телесность, моральная ответственность и уникальный, незавершенный опыт бытия. Именно поэтому она всегда будет больше и богаче любой своей цифровой копии. «Технологии, способные оцифровать мысли, станут зеркалом, в котором мы яснее увидим и осознаем непреходящую ценность человеческого начала», — таков вывод авторов доклада.

Основная идея доклада студенток 1 курса финансового факультета Д.В. Тятихиной и Е.С. Фоняевой (Финансовый университет при Правительстве РФ): поколение Z, несмотря на цифровое воспитание, активно возвращается к аналоговым форматам (винил, пленка, механика). Это не ностальгия, а осознанный ответ на цифровую перегрузку и изменения в мышлении (нейроцифровизацию). Будущее — в синтезе цифрового и аналогового, а не в их противопоставлении.

Ключевые термины и концепции доклада: постцифровой нарратив — это новый способ рассказывания историй на стыке цифровых и аналоговых медиа; нейроцифровизация — влияние цифровых технологий на когнитивные и эмоциональные процессы человека; тактильный опыт — ценность физического взаимодействия с объектами в эпоху сенсорных экранов; аутентичность — ключевая ценность поколения Z, стремящегося к искренности и уникальности.

В докладе были приведены примеры возвращения «аналогового» (виниловые пластинки, пленочная фотография, механические клавиатуры, ретрогаджеты). Показаны плюсы (ускорение обработки информации, развитие аналитического мышления, новые формы креативности) и минусы (клиповое мышление, цифровая усталость, эмоциональная опосредованность) влияния нейроцифровизации, и сделан вывод: аналоговые практики становятся способом регуляции цифрового влияния на мозг.

Итоговый тезис доклада: возвращение к аналоговым практикам — это стратегия баланса, позволяющая поколению Z сохранить человечность, глубину и эмоциональную связь с миром в условиях тотальной цифровизации.

Выступление студенток 1 курса финансового факультета М.П. Харлампьевой и Д.Э. Клинчаевой (Финансовый университет при Правительстве РФ) было посвящено роли искусственного интеллекта в трансформации цивилизации. Освещены базовые понятия и технологии ИИ (слабый/сильный ИИ, нейронные сети, машинное и глубокое обучение), области применения (медицина, транспорт, финансы, образование, госуправление), этические и социальные риски (безработица от автоматизации, конфиденциальность, необходимость прозрачности решений), а также перспективы (генеративные модели, квантовый ИИ) и вопросы регулирования. Приведен успешный пример внедренческого кейса: с 2024 г. в Минфине России ИИ-агенты (GigaChat, разработки «Яндекса») сократили нагрузку на сотрудников до 70% и обеспечили точность прогноза бюджетных доходов с погрешностью 1,5%.

В современном мире, считает студентка 1 курса магистратуры А.А. Иванникова (Финансовый университет при Правительстве РФ), внедрение инновационных технологий привело к значительному переосмыслению места и роли человека в экономическом развитии стран, в том числе и в России. Вследствие этого актуализировался и вопрос трансформации системы высшего образования с целью развития научно-исследовательского потенциала студентов. Одной из наиболее перспективных стратегий во многих странах сегодня видится формирование модели университета 4.0. Считается, что ее интеграция может способствовать разрешению многих проблем развития национальных систем образования (особенно обеспечить его большую доступность и связь с реальным сектором), что приведет к большему притоку высококвалифицированных кадров в научно-технической и информационной сферах. Однако обращение к данной концепции может спровоцировать десоциализацию образовательного процесса, утрату способности к критическому мышлению, а также возможности индивидуального подхода к каждому обучающемуся.

Роль образования в эпоху нейроцифромании

Соведущая секции к.э.н., доцент А.П. Бувеч (Финансовый университет при Правительстве РФ) обратила особое внимание на значение образования в своем докладе на тему «Роль человека в модели развития в эпоху расцвета нейроцифромании». Работая со студентами, она пришла к выводу, что использование ИИ должно специально регламентироваться и специально обозначаться. Системы ИИ могут не только усиливать возможности человека, но и ослаблять их (если используются при оппортунистическом поведении — для обхода трудностей, которые студенты должны научиться преодолевать). Поэтому человек должен быть готов к трудностям, испытаниям, связанным с использованием ИИ, которые будут способствовать усилению, развитию человеческих качеств. (См. также [1].)

Основные выводы

Подводя итоги работы молодежной секции, ведущий М.Ю. Павлов отметил, что, несмотря на часто высказываемый алармизм в отношении современной молодежи, студенты, аспиранты и молодые ученые продемонстрировали очень хороший уровень как самих докладов, так и умения аргументировать свою позицию в дискуссии, поэтому говорить о сколько-нибудь выраженных отличиях естественного интеллекта молодых исследователей от интеллекта более старших не приходится. В то же время необходимо отметить, что сам уровень конференции и поднимаемых на ней вопросов ориентирован прежде всего на интеллектуальные элиты (как и то, что докладчики представляют, прежде всего, элитарный вуз), соответственно, данные выводы могут не отражать ситуацию по отношению к основной массе молодежи. Российские вузы вполне способны успешно справиться с глобальными вызовами, даже с вызовами, создаваемыми системами генеративного ИИ, поэтому важно, чтобы российское правительство обращало на вузы первоочередное внимание при расставлении приоритетов, выборе стратегических ориентиров, распределении финансирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бувевич А. П. (2025). Киберугрозы как современный вызов безопасности банковского сектора в России // Национальная безопасность / nota bene. № 4. С. 46—55. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.4.74921
2. Зотова Е. С. (2026). Социум в эпоху глобальной нестабильности (обзор Международной научной конференции «Россия в 2025 году: социум, хозяйство, культура») // Вопросы политической экономики. № 2 (46). С. 237—234. DOI: 10.5281/zenodo.20094687
3. Зотова Е. С. (2026). Россия в 2025 г.: социум, хозяйство, культура // Научные исследования экономического факультета МГУ. Электронный журнал. Т. 18. Вып. 1. С. 190—201. DOI: 10.38050/3078-3809-2026-18-1-190-201
4. Зотова Е. С. (2024). Россия в борьбе за Россию: государственность и социум, хозяйство и культура, глобальные конфликты и миротворчество // Российский экономический журнал. № 2. С. 120—128. DOI: 10.522110/0130-9757_2024_2_120
5. Зотова Е. С. (2025). Россия в мире и мир в России: реалии и ожидания // Вопросы политической экономики. № 1. С. 195—202. DOI: 10.5281/zenodo.15073044
6. Молчанов К. В. (2024). Некоторые вопросы понимания правового регулирования и развития того, что в России называют «искусственным интеллектом» // Философия хозяйства. № 3. С. 229—245. DOI: <https://zenodo.org/records/11235610>
7. Молчанов К. В. (2026). Ревитализация изначальной посылки AI: от Artificial Intelligence обратно к вопросу «Может ли машина мыслить?» // Философия хозяйства. № 1. С. 135—145. DOI: 10.5281/zenodo.18723348
8. Павлов М. Ю. (2025). Проблема супервыравнивания и ограниченность искусственного интеллекта: «живая» математика и «черные лебеди» // Философия хозяйства. № 6. С. 83—94. DOI: 10.5281/zenodo.17780492
9. Павлов М. Ю. (2025). Эссе о перспективах искусственного интеллекта, математическом моделировании и «живой» математике // Философия хозяйства. № 3. С. 37—48. DOI: 10.5281/zenodo.15424077